

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА
имени Г. ИБРАГИМОВА

ЛЕКСИКОЛОГИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

В трёх томах

I том

Казань
2022

УДК 811.512.145'373

ББК 81.2Тат-3

Т 23

*Печатается в рамках государственной программы
«Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики
Татарстан и других языков в Республике Татарстан на 2014 – 2022 годы»*

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова АН РТ*

Редколлегия:

М.З. Закиев, А.К. Булатова,
К.М. Миннуллин, О.Р. Хисамов

Научный редактор

доктор филологических наук., профессор **Г.Р. Галиуллина**

Рецензенты:

доктор филологических наук **Л.Г. Хабибуллина**
кандидат филологических наук **Р.Т. Сафаров**

Т 23 Лексикология татарского языка: в трёх томах / Редкол.: М.З. Закиев, А.К. Булатова, К.М. Миннуллин, О.Р. Хисамов; науч. ред. Г.Р. Галиуллина. – Казань: ИЯЛИ, 2022. – Т. I. – 352 с.
ISBN 978-5-93091-462-7
ISBN 978-5-93091-463-4 (т.1)

Данная монография – первый том проекта «Татарская лексикология», реализуемого в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. В данной работе рассматриваются вопросы значения, особенностей употребления и происхождения слов и устойчивых выражений, являющихся основными единицами лексики татарского языка. В монографии отдельно изучаются становление и развитие татарской этимологии, методы этимологического исследования, этимология составных частей слова, корней, основ и аффиксов. Книга адресована языковедам, аспирантам, студентам и широкому кругу читателей, интересующихся татарским литературным языком.

УДК 811.512.145'373

ББК 81.2Тат-3

ISBN 978-5-93091-462-7

ISBN 978-5-93091-463-4 (т.1)

© Институт языка, литературы и искусства АН РТ, 2022

ВВЕДЕНИЕ

Издание многотомных работ, составленных с учётом последних достижений отечественной и мировой науки, содержащих максимально полные сведения об объекте исследования, свидетельствует о богатой истории татарского языкознания, о потенциале накопленного научного и практического материала, о ценном опыте научных исследований.

Подготовкой фундаментальных трудов по татарскому языкознанию, объединяющих деятельность специалистов научных и образовательных центров в области исследования татарского языка, успешно и плодотворно занимается Институт языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан. Результатом этой деятельности последних лет является подготовка и издание таких работ, как трёхтомный труд «Татар лексикологиясе» («Татарская лексикология»), четырёхтомник «Татар әдәби теле тарихы» («История татарского литературного языка»), трёхтомник «Татар грамматикасы» («Татарская грамматика»). Этот список дополняют и такие фундаментальные труды, как «Татар теленең аңлатмалы сүзлеге», «Атлас татарских народных говоров» и др., имеющие огромное значение не только для татарского языкознания, но и для тюркского мира в целом.

Ещё в начале 80-х гг. XX века встал вопрос о создании полных академических изданий по таким отраслям татарского языкознания, как фонетика, грамматика, лексикология и диалектология, а также история литературного языка. Итогом решения данного вопроса стало издание в конце XX века «Татарской грамматики» в трех томах, в 2003 году – сборник «Истории татарского литературного языка (XIII – первая четверть XX вв.)» и др. Кроме того увидели свет и ряд словарей. Однако комплексный труд по лексикологии отсутствовал, хотя было издано достаточно большое количество объемных научных работ, посвящённых изучению различных пластов лексики татарского языка. Следует отметить, что совершенствовались и методы, приёмы её исследования. Все эти факты свидетельствовали о необходимости подготовки комплексного труда по лексикологии.

В 2015–2018 гг. был издан трёхтомник «Татар лексикологиясе» («Татарская лексикология»), составленный с учётом изменений, произошедших в языке, новых тенденций в комплексном изучении лексического материала, последних достижений татарского языкознания. Этот труд объединил результаты деятельности нескольких поколений специалистов научных и образовательных центров, проводивших исследования в об-

ласти лексикологии татарского языка, и преследовал ряд важных целей. Издание включает в себя всестороннее изучение научных и практических фактов, относящихся к лексическому фонду, описание словарного состава современного татарского языка как целостной, упорядоченной системы; содержит результаты исследования единиц, входящих в данную систему, особенности их значений, содержания и формы, смысловые отношения между ними, их типы, раскрывает влияние лингвистических и экстралингвистических факторов на формирование лексической системы. Работа представляет собой комплексный анализ генезиса лексического состава татарского языка, особенностей употребления, а также содержит рассмотрение их видов, этапов формирования, пополнения, развития и изменения. Издание демонстрирует взаимосвязь национальной культуры и словарного состава языка, поскольку его лексический пласт составляет основу национального языка. В нём представлены результаты всестороннего исследования имён собственных, занимающих особое место в лексической системе, и взгляд на них как на единую систему. В «Татар лексикологиясе» даётся обзор тенденций развития татарской лексикографии с древнейших времен до наших дней, углубленный анализ словарей, вобравших в себя лексическое богатство татарского языка.

Таким образом, подготовленный и изданный трёхтомный труд «Татар лексикологиясе» позволяет в целом представить состояние татарской лексикологии и её развитие, обобщить достижения научных школ, работающих в этой области.

Издание разрабатывалось в рамках новых парадигм и стал одним из первых в тюркском языкознании. Научным редактором выступила доктор филологических наук, профессор Г. Р. Галиуллина.

В первом томе основные единицы лексики татарского языка – слова и фразеологические выражения – рассматриваются всесторонне и комплексно: их значения, семантическое развитие и изменения. Тесная связь этих единиц со значением обусловила включение в него и раздела «Этимология».

Второй том проливает свет на историю формирования, изменения и развития лексического состава татарского языка, рассматривает особенности употребления лексики.

Третий том состоит из двух разделов: первый посвящен комплексному изучению татарской ономастики, а второй – татарской лексикографии.

Учитывая то, что в татарском языкознании отсутствуют академические работы на русском языке, посвящённые комплексному исследованию современной лексической системы татарского языка, было принято решение о подготовке и издании работы на русском языке. Научная переработ-

ка русскоязычного текста была выполнена кандидатом филологических наук, доцентом И. А. Садыковой. Редактором выступила доктор филологических наук, профессор Г. Х. Гилазетдинова.

В первом томе «Татарской лексикологии» основным источником описания стал лексико-фразеологический фонд современного татарского языка, который рассматривался в разделах: семасиология, фразеология и этимология. В основе их объединения лежит значение и его реконструкция.

Первая глава тома содержит информацию об объекте изучения татарской лексикологии и её отраслей. Авторами выступают академик М. З. Закиев и доктор филологических наук Г. Р. Галиуллина.

Вторая глава посвящена определению смысловой структуры слова, лексического значения и его видов, описанию лексико-семантической системы татарского языка и связей в ней, изучению многозначности слов, и образованных на её основе омонимов, паронимов, а также синонимов, антонимов. Её авторами стали доктор филологических наук Г. Р. Галиуллина, разработавшая разделы «Слово как универсальная единица языка», «Лексическое значение слова», «Лексико-семантическая система современного татарского языка», «Синонимия в татарском языке»; кандидат филологических наук А. К. Булатова, представившая разделы «Многозначность слова», «Омонимия в татарском языке», «Явление антонимии в татарском языке». Кроме того, на основе материалов доктора филологических наук Р. С. Абдуллиной подготовлен раздел «Явление паронимии в татарском языке».

В третьей главе раскрываются основные семантические, грамматические, структурные и функциональные особенности фразеологизмов татарского языка. Авторы главы – кандидат филологических наук Р. Ф. Фаттахова, кандидат филологических наук А. К. Булатова.

В четвертой главе приводятся сведения об этимологии слов и аффиксов как их составных частей. Глава разработана академиком М. З. Закиевым, кандидатом филологических наук Р. Т. Сафаровым, в ней также использованы материалы исследований доктора филологических наук Р. Г. Ахметьянова. Данная глава частично была доработана.

Разработка и подготовка к изданию тома, посвящённого лексикологии татарского языка, – многогранного труда, результат усилий не одного, а нескольких поколений лингвистов, оставивших свой след в татарском языкознании.

ВВЕДЕНИЕ В ТАТАРСКУЮ ЛЕКСИКОЛОГИЮ

§ 1. Понятие о лексикологии, объект и направления её изучения

Наука лексикология ставит своей целью всестороннее изучение слова. В рамках лексикологии в первую очередь исследуется значение слова, типы лексических значений, словарный состав, происхождение слов, особенности их употребления, способы обогащения и пополнения лексического состава языка.

Словарный состав языка постоянно пополняется и развивается. Изменение фонетической оболочки слова, его строения происходит на протяжении веков, а что касается словарного состава, то он может значительно измениться за два десятилетия. В большинстве случаев это объясняется влиянием на язык общественно-политической, культурной жизни народа, любые преобразования которых, прежде всего, отражаются в составе словаря, определяют направления его дальнейшего развития.

В свою очередь лексический состав национального языка состоит из отдельного набора слов, который обнаруживает себя в любой сфере использования языка. Поэтому наряду с обозначением лексического состава языка термином лексика определяют также словарный состав произведения отдельного писателя или конкретного произведения, словарный состав отдельного говора или диалекта.

Основными задачами лексикологии являются: 1) семантическое описание слов и устойчивых выражений, т. е. изучение внутреннего строения типов значений и их системных отношений; 2) определение лексических и фразеологических единиц и выявление различий между ними; 3) сравнительное описание устойчивых выражений со словами и свободными словосочетаниями; 4) установление основных закономерностей взаимодействия между присущими определённому языку словами, устойчивыми выражениями и другими единицами; 5) изучение истории слов, их происхождения, а также лексического состава языка; 6) обнаружение типов слов и выражений по сферам употребления.

В лингвистике принято разделять лексикологию на несколько видов. В этой связи заметим, что в языкознании наблюдается большое разнообразие в определении её видов, поскольку лексикология является наукой, специфической по объекту, объёму, методам и областям изучения. Останемся на наиболее распространённых и отличающихся друг от друга разделах лексикологии. К ним относятся:

Общая лексикология, изучающая общие закономерности строения, употребления и развития лексического состава.

Частная лексикология, ставящая своей целью изучение вопросов, связанных со словарным составом отдельного языка или родственных языков.

Описательная (синхронная) лексикология, рассматривающая современное состояние словарного состава.

Историческая (диахроническая) лексикология, исследующая словарный состав языка в исторической плоскости, развитие значения слова в связи с историей обозначаемых им реалий, понятий, динамику развития лексического состава в целом или его части. Предметом её изучения является отдельное слово или лексическая система, семантические изменения слова (сужение, расширение, семантический сдвиг), изменения в семантической структуре. Исторические исследования по лексикологии могут быть семасиологическими (исследование изменения значения отдельного слова или группы слов) или ономасиологическими (изучение изменения способов присвоения наименования).

Сравнительная лексикология изучает генетическое родство языков путём сравнения словарного состава различных генетически близких языков с целью выявления общих лексических закономерностей для распознавания структурно-семантического сходства или различия между языками.

Теоретическая лексикология даёт научно-лингвистическое объяснение лексическим понятиям, категориям и единицам, определяет принципы их группировки, методологию лексикологических исследований.

Прикладная лексикология работает в нескольких направлениях, связанных со сферой применения языка, наиболее распространёнными из которых являются составление словарей, изучение теории и практики перевода, исследование проблем лингводидактики (языкознания), решение вопросов, связанных с культурой речи.

Лексический фонд языка изучается с опорой на методы и приёмы общелингвистического исследования. Среди них широкое распространение получил дистрибутивный метод, с помощью которого выявляются границы слова, его морфологическое строение, семантика. С помощью метода субституции делается акцент на значении слова, синонимии. Оппозитивно-компонентный метод позволяет выявить смысловую структуру лексической единицы, семантическую структуру слова, изменение значения, раскрытие смысла определённого контекста. Частотность употребления лексических единиц определяется с помощью статистического метода.

Если основу классической лексикологии составляли учения о формировании и изменении словарного состава языка, о его систематизации с точки зрения происхождения, активного употребления, о парадигмати-

ческих и синтагматических отношениях между единицами языка, то в последние несколько десятилетий активизировалось исследование лексики с применением новых методов. В этих разработках на первый план выдвигались концептуально-смысловые отношения, словарный состав, отражающий познавательную деятельность человека, и, исходя из этого, возможности по-новому осмыслить ресурсы лексико-семантической системы.

В свете сказанного отметим, что в языкознании зародилась наука – когнитивная лексикология, основным направлением которой стало изучения особенностей взаимодействия словарного состава языка и ментального лексикона человека. В современной лингвистической науке когнитивная лексикология развилась из общей лексикологии. Её основное внимание направлено на изучение лексического богатства языка как универсального когнитивного средства, когнитивного инструмента, демонстрирующего накопленные в процессе познания мира знания.

В рамках когнитивной лингвистики сформировалось несколько научных дисциплин, каждая из которых тесно связана с лексикологией. Одной из них стала лингвокультурология, получившая свое развитие и в татарском языкознании. В лингвокультурологии, изучающей взаимосвязь языка и культуры, на первый план выдвигается способность внутреннего потенциала слова отражать особенности национальной культуры. Сущность семантической системы того или иного языка, изучение хранящихся в нем культурных кодов достигается главным образом через процесс раскрытия смысла слова. Этот факт дает возможность лингвокультурологии находиться в тесной связи прежде всего с такими отраслями, как ономаσιология и семасиология. Если связь ономаσιологии и лингвокультурологии раскрывается при изучении системы этнических особенностей, возникающих в процессе именованя предметов действительности, то связь между семасиологией и лингвокультурологией возникает в процессе систематизации и изучения специфики, содержащейся в смысловом содержании культурных концептов.

Лексикология также тесно связана с социолингвистикой, наукой, изучающей отношения и взаимодействие между языком и обществом, его устройство, развитие. В процессе изучения проблем, связанных с коммуникативной деятельностью человека, функцией языка и речи, формами существования языка, языка и культуры, народов и языков мира, языковых ситуаций и промежуточных языков, национальной языковой политики, возможностей влияния общества на развитие языка и др., в качестве основного объекта также берётся слово. Кроме этого, важной задачей лексикологии считается и изучение словарного состава языка с точки зрения лингвистических особенностей различных общественных и территориальных диалектов, сферы их применения в традиционной лингвистике.

Накопленные в лексикологии данные использует в своих целях и психоллингвистика, наука, изучающая психологические и лингвистические стороны речевой деятельности, социальные и психологические стороны использования языка. Точкой пересечения лексикологии и психоллингвистики является формирование и использование смысловой структуры слова в различных типах речевой деятельности.

В тесной связи с лексикологией находится также новая дисциплина в общем языкознании – нейролингвистика – отрасль психологии, стоящая на границе неврологии и языкознания и изучающая изменения механизмов речевой деятельности, которые возникают при локальных поражениях головного мозга. Связь лексикологии с данной наукой обнаруживается при изучении процессов афазии (повреждения отдельных областей мозга, дефектов речи), при которой происходят семантические изменения или утрата связей между словами, их переход из активного словаря в пассивный или в целом сокращение.

Стоит отметить, что в современном татарском языкознании отрасли психоллингвистики и нейролингвистики находятся ещё в стадии формирования.

Как видим, лексикология – сложная и многогранная наука. В современном языкознании существуют широкое и узкое толкования термина лексикология. В широком понимании лексикология представляет собой учение, объектом рассмотрения которого являются и слова, и устойчивые выражения (см. труды В. В. Виноградова, Н. М. Шанского, Д. Н. Шмелёва и др. учёных). В узком понимании объектом лексикологии является только слово, и основное внимание уделяется исследованию лексического состава современного языка. Следует также отметить, что в традиционных трудах принято рассматривать в рамках лексикологии и научные разделы, которые изучают природу слов и устойчивых выражений, их значения, смысловое развитие, закономерности наименования, историческое развитие и особенности употребления слов. Такой подход особенно часто встречается в учебниках по лексикологии как отрасли, изучающей словарный состав отдельного языка.

В современной лингвистике сформировались отдельные отрасли, широко и всесторонне изучающие природу слова и его употребление, что позволило им выйти за рамки лексикологии. К ним относятся лексическая семантика, этимология, лексикография, фразеология, ономастика. Объектом их изучения становится слово и его семантическая природа.

Семасиология (греч. *semasia* – смысл, *logos* – изучение) – наука, изучающая значение слов, их смысловое развитие и изменение. Семасиология ставит целью исследование особенностей отражения во внутренней природе языковых единиц явлений объективной действительности, передачу значения слова через его форму.

Ономастиология (греч. *онума* – имя, *logos* – учение) – раздел науки, изучающий особенности, методы и техники наименования вещей и явлений, принципы отражения явлений объективной действительности в процессе их наименования по отношению ко всем единицам языка. Эта отрасль фокусируется на изучении форм передачи смысла.

Отрасли семасиологии и ономастиологии объединяются в языкознании в рамках лексической семантики – науки, изучающей значение слова.

Этимология (греч. *etymon* – подлинный, *logos* – учение) изучает происхождение и смысловое развитие слова.

Фразеология (греч. *phrasis* – выражение, *logos* – учение) – раздел науки, изучающий устойчивые высказывания.

Лексикография (греч. *lexsikos* – слово, *grapho* – письмо) – раздел науки, изучающий теорию и практику словообразования в языкознании.

Ономастика (греч. *onomastike* – искусство именования) изучает все типы собственных имён, их закономерности возникновения, развития, трансформаций в результате функционирования в языке, а также лингвистические особенности собственных имён. В зависимости от типа собственного имени различают антропонимы, топонимы (гидронимы, оронимы, ойконимы, микротопонимы), зоонимы, космонимы, эргонимы и др. Ономастика живет и развивается в тесной связи с такими науками, как история, этнография, археология, литературоведение, текстология, география, психология.

Таким образом, лексикология является достаточно широкой и многогранной наукой, имеющей свой объект и направления изучения. Возникшие в языкознании новые методы и приёмы исследования открывают возможности всестороннего изучения лексического состава языка.

§ 2. Основные источники изучения лексики татарского языка

Татарская лексикология считается сравнительно поздно сформировавшейся областью среди других разделов татарского языкознания. Систематическое и научное изучение лексики татарского языка началось лишь в 30–40-е годы XX века, хотя отдельные труды, связанные с накоплением и изучением фактического материала, относящегося к различным слоям лексики, охватывали достаточно глубокие периоды. Эти источники помогают увидеть развитие и изменение тюрко-татарской лексики в диахроническом плане, позволяют в целом представить словарный состав татарского языка и этапы формирования и развития изучаемой отрасли науки.

К числу таких источников можно отнести созданные в период Булгарского царства эпосы: «Кыйссаи Йосыф» («Сказание о Йусуфе») (Кол Гали), «Ана вэ угыл» («Мать и дитя»); известные источники золотоордынского периода «Кыйссасел-энбия» («История Пророков») (Насреддин Рабгузи), «Нәһжел-фәрадис» («Открытый путь в рай») (Махмуд ал-Булгари),

«Мэхэббатнамэ» («Мухаббатнаме») (Хорезми), «Хөсрәү вә Ширин» («Хосров и Ширин») (Котб) и др.; относящиеся к периоду Казанского ханства произведения Мухаммадьяра, Умми Камала «Мэжмәгьль-кавагьйд» («Сборник правил») и др.; произведения авторов XVII–XVIII веков: Мавля Коляя, Габдессаляма, Габдерахима Утыз Имани и др.; произведения XIX – начала XX века: Г. Кандаляя, А. Каргалыя, Х. Салихова, Ш. Заки, А. Уразаева-Кормаши, М. Акъегета, З. Бигиева, Р. Фахреддина, Ф. Карими, К. Насыри, Г. Исхаки, Г. Ибрагимова, Ф. Амирхана, Г. Тукая и др.

Кроме того, памятники татарской литературы XX века также являются основным источником изучения лексики татарского языка.

Важную роль во всестороннем изучении словарного богатства языка играют и лексические единицы, используемые в живой речи, диалектах и говорах.

Среди источников большое значение имеют и древние словари. Самым значительным из них является составленный Махмудом Кашгари ещё в XI веке словарь тюркских языков «Диван лугат ат-турк» («Свод тюркских слов»), в котором собраны языковые образцы многочисленных тюркских племён того времени, в том числе богатый фольклорный материал: некоторые песни, пословицы, поговорки, загадки и др. Основу словаря составляют тюркские слова, но для того, чтобы показать их употребление, автор комментирует примеры на арабском языке. Значительная часть приведённых слов и материалов устного народного творчества существует и в современном татарском языке.

На рубеже XIII–XIV веков арабский учёный Ибн Муганна составил словарь «Китаб аль-фарси ва тюрки ва магули». В написанном на арабском языке труде, помимо сведений о фонетике и морфологии тюркских языков, приводятся сотни лексических единиц. Одним из фактов, свидетельствующих о близости словаря к татарскому языку, является то, что большая часть приведённых в нём глаголов активно используется и в современном татарском языке (Ногман, 1969: 9).

Древнейшие элементы тюркского языка содержатся в словаре «Кодекс Куманикус» («Кодекс Куманикуса»). Известный тюрколог В. В. Радлов отмечает близость данного письменного памятника куманского (половецкого) языка начала XIV века (1303 год) к языку татар Поволжья, особенно к мишарскому диалекту (Радлов, 1884).

В 1581 году хаджи Байрам Хаджи Булат создал «Арабско-турецкий словарь», состоящий более чем из 10 тысяч слов. В этой 296-страничной рукописи, сохранившейся только в библиотеке Казанского университета, можно встретить слова, употребляемые в современном татарском языке.

После присоединения в XVI веке Казанского ханства к Русскому государству начался новый этап закрепления лексики татарского языка

благодаря созданию в целях практического использования татарско-русских и русско-татарских разговорников, толкований, выражений и словарей.

К таким словарям следует отнести труд русского ученого П. К. Симо-ни «Памятники древнерусской лексикографии по рукописям XV–XVII веков» (1908), в котором собраны языковые материалы указанного периода, в том числе около 40 татарских слов и толкований, а также составленный неизвестным автором рукописный «Сборник рукописей конца XVII и начала XVIII века». Последняя рукопись включает 15-страничный толковый словарь «Наука языку турецкому», в котором содержатся такие разделы с татарским толкованием русских слов, как «турский», «по-персидски», «по-татарской речи».

Ценным источником для изучения словарного состава татарского языка служит и «Русско-татарско-калмыцкий словарь», составленный П. И. Рычковым в 1740-х годах.

В связи с тем, что в последней четверти XVIII века татарский язык стал преподаваться в русских гимназиях и университетах, издаётся множество русско-татарских словарей. Так, в 1785 году Сагит Хальфин составляет «Татарский словарь в пользу обучающихся при Казанских гимназиях юношества татарскому языку», включавший 23 000 слов.

В 1804 году в Санкт-Петербурге издается 682-страничный русско-татарский словарь Иосифа Гиганова.

В 1822 году в качестве приложения к книге «Жизнь Джингиз хана и Аксак Тимура, все слова, относящиеся к истории», составленного Ибрагимом Хальфиным, выходит в свет татарско-русский и частично русско-татарский словарь, в котором содержалось 1600 слов.

Преподаватель татарского языка в Казанской духовной семинарии А. Троянский составил и издал двухтомный «Словарь татарского языка и некоторых употребляемых в нём слов арабских и персидских, собранный трудами и тщанием учителя татарского языка в Казанской семинарии священника Александра Троянского» (Т. 1, 1833, 629 с.; Т. 2, 1835, 340 с.).

Заслуживает внимания и словарь Салихзяна Кукляшева «Словарь к татарской хрестоматии», изданный в 1859 году в типографии Казанского университета (106 с.).

Доцент Восточного факультета Санкт-Петербургского университета Лазарь Будагов составляет большой «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий», I том которого издаётся в 1869 году в Санкт-Петербурге (820 с.), там же в 1871 году выходит и II том (416 с.).

Преподаватели кряшенских духовных учебных заведений также приступили к составлению кряшенско-русских словарей. Наиболее известный из них составил Н. П. Остроумов. Это был напечатанный в 1876 году в типографии Казанского университета «Первый опыт словаря народно-

татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии», состоявший из 145 страниц. Кроме того, в 1892 году там же был издан труд «Татарско-русский словарь Н. Остроумова» (250 с.).

Во II половине XIX века Каюм Насыри много сил уделял изучению и накоплению лексики татарского языка. Так, в 1878 году выходит в свет «Татарско-русский словарь» объёмом в 120 страниц. В 1892 году – «Полный русско-татарский словарь с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины», который состоял из 263 страниц и содержал 20 тысяч слов.

Ещё одним важным трудом Каюма Насыри является двухтомный толковый словарь «Ләһжәи татари» («Татарские наречия»). Этот труд был напечатан в университетской типографии: I том (226 с.) – в 1895 году, II том (106 с.) – в 1896 году. Это первый толковый словарь татарского языка.

Стоит отметить, что идея создания толкового словаря татарского языка была выдвинута ещё в 1829 году профессором арабского и персидского языков Казанского университета Францем Эрдманом, проект которого получил положительную оценку в совете университета, но из-за отсутствия в то время кадров эта идея не была реализована.

«Краткий татарско-русский словарь» неизвестного автора издавался на татарском языке в период между 1880 и 1891 годами пять раз.

В 1894 году А. А. Воскресенский издаёт «Русско-татарский словарь», состоявший из 374 страниц.

Изданные в начале XX века словари отличаются объёмом и полнотой лексического фонда. В 1913 году С. Рахманкулов и А. Карам выпустили «Полный русско-татарский словарь с указанием ударений и грамматических свойств каждого языка, с включением иноязычных слов, вошедших в употребление в русском языке», содержащий 35 000 лексических единиц. Этот словарь был переработан И. Кулиевым и Т. Мамлиевым и переиздан в 1920 году.

В 20-х годах XX века работу по составлению толкового словаря возглавил Джамал Валиди, выпустивший под названием «Татар теленең тулы сүзлегә» («Полный словарь татарского языка») первый том в 1927 году и первую часть второго тома в 1929 году.

Перечисленные источники служат незаменимым ресурсом в изучении словарного запаса, семантических особенностей татарского языка и являются начальным этапом формирования татарской лексикологии как науки.

С 40-х годов XX века начинают создаваться научно обработанные и систематизированные словари, ставшие основным источником изучения лексического богатства языка. Следует назвать составленные между 1938–1951 годами «Татарско-русский словарь» под редакцией Г. Нугайбека,

Ф. Амирхана, М. Курбанова, С. Файзуллина, Р. Газизова, М. Гимадеева и «Татарско-русский словарь», вышедший в 1966 году в Москве в издательстве «Советская энциклопедия» под редакцией Г. С. Амирова, А. Ш. Асадуллиной, У. Ш. Байчуры, Ш. С. Ханбиковой. Последний позднее был отредактирован Ш. С. Ханбиковой и Л. Т. Махмутовой.

С середины XX века работу по составлению словарей осуществляют учёные Института языка, литературы и истории. Из многотомных словарей следует отметить четырехтомный русско-татарский словарь. Первый том был издан Р. Газизовым, М. Гимадеевым в 1955 году (XII+359 с.), второй том был составлен Р. С. Газизовым, Л. Т. Махмутовой, Э. М. Ахунзяновым, Ф. М. Газизовой и издан в 1956 году (XII + 448 с.), третий том, увидевший свет в 1958 году (X + 483 с.), составили Р. Ф. Шакирова, Э. М. Ахунзянов, Л. Т. Махмутова, Ф. С. Фасеев, четвертый том был подготовлен Э. М. Ахунзяновым, Л. Т. Махмутовой, Р. Н. Шакировой, Ф. С. Фасеевым, Р. Ш. Шакуровым, Г. С. Амировым и издан в 1959 году (стр. VII + 448).

В 1971 году был составлен русско-татарский одностомный словарь, состоявший из 803 страниц и включавший 50 000 слов. В 1984 году в издательстве «Русский язык» вышел в свет русско-татарский словарь под редакцией Ф. А. Ганиева (736 с.). Словарь переиздавался в 1985, 1991, 1997 годах.

В 1988 году вышел в свет содержащий 25 тысяч слов татарско-русский словарь И. А. Абдуллина, Ф. А. Ганиева, М. Г. Мухаммадиева, Р. А. Юналеевой. В 1995 году он был переиздан, а в 2014 году вышло уже шестое издание этого словаря.

Придавая особое значение составлению толковых словарей, Институт языка, литературы и истории издаёт толковый словарь в трёх томах: 1 том – в 1977 году (XVI + 476 с.), 2 том – в 1979 году (728 с.), 3 том – в 1981 году (832 с.). Трёхтомник вышел в свет под редакцией Л. Т. Махмутовой, М. Г. Мухаммадиева, К. С. Сабирова и Ш. С. Ханбиковой.

В 2005 году отдел лексикографии ИЯЛИ обновил «Толковый словарь татарского языка», подготовленный под редакцией Ф. А. Ганиева (гл. ред), К. С. Минибаева, Ф. М. Газизовой, Г. Г. Саберовой, Ф. Ф. Гаффаровой. Этот одностомник представляет собой труд, состоящий из 848 страниц и насчитывающий около 58 000 единиц хранения.

Выход в 2007 году двухтомного татарско-русского словаря стал значительным шагом в развитии татарского языкознания, в частности лексикологии. В редколлегии входили Ш. Н. Асылгареев, Ф. А. Ганиев, М. З. Закиев, К. М. Миннуллин, Д. Б. Рамазанова. Словарь включал 56 тысяч слов, 7 400 фразеологических единиц. Его объем: 1-й том – 725 с., 2-й том – 727 с.

В период 2015–2021 гг. был подготовлен и издан шеститомный «Толковый словарь татарского языка», который является плодом многолетней работы группы лексикографов Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ. Словарь является трудом, в котором наиболее богато представлена лексика современного татарского литературного языка. Он содержит около 70 000 заголовочных слов вместе с составными глаголами и более 10 000 фразеологических выражений. Словник словаря образуют слова, активно употребляемые в различных сферах татарского языка, в том числе научные термины, диалектизмы, встречающиеся во многих говорах и занявшие свое место в художественной литературе, некоторые устаревшие слова. Должное внимание авторами словаря уделено фиксации этнокультурной лексики татар. Новые слова и новые значения слов отражают изменения в различных сферах жизни страны (общественно-политической, научной и культурной) за последние 40 лет.

Словарная статья включает толкование слова, примеры его употребления в речи, фразеологические единицы с начальным заголовочным словом; указывается ударение, приводятся частеречная, стилистическая и этимологическая характеристики. С целью отражения норм языка авторами словаря с соответствующей пометой зафиксированы единицы, свидетельствующие некорректное его употребление. Иллюстративный материал собран из произведений фольклора, художественной, научной, научно-популярной литературы, публицистики, периодики, а также отобран из письменного корпуса татарского языка и национального корпуса татарского языка «Туган тел», включающих татарские тексты различных жанров.

Над созданием всех томов словаря под руководством руководителей проекта А. А. Тимерханова (I–V т.) и Р. Т. Сафарова (VI т.) работали Ф. И. Тагирова, И. И. Сабитова, Ф. Ф. Гаффарова, Г. Г. Саберова, Э. И. Сафина, О. Н. Галимова и др. Многотомник вышел в свет под редакцией Ф. Ф. Гаффаровой (I–IV тт.), Г. Г. Саберовой (I–II тт.), Ф. И. Тагировой (I–VI тт.) и Р. Т. Сафарова (III–VI тт.).

Электронный вариант словаря размещён на платформе TATZET официального сайта Академии наук Республики Татарстан.

В настоящее время важнейшими источниками изучения лексики татарского языка являются электронные словари, Национальный корпус татарского языка «Туган тел» и письменный корпус татарского языка с электронными текстами на татарском языке.

Перечисленные и ещё не названные здесь источники, послужившие основой для последовательного и комплексного изучения словарного состава татарского языка, его развития, особенностей употребления, играют огромную роль в определении современного уровня и направлений развития татарской лексикологии.

СЕМАСИОЛОГИЯ

Слово как универсальная единица языка

§ 3. Общее определение слова

В словарном составе татарского языка, охватывающем в значительной степени богатые и разнородные пласты лексики, находят отражение результаты восприятия мира обществом, этапы развития национальной культуры. Ключевую роль в передаче из поколения в поколение накопленного человеческим обществом опыта, различных понятий, культурных и исторических ценностей играют слова.

Словом называют языковую единицу, получившую в своем содержании известное понятие, отражающее ту или иную сторону реальной действительности, выражающее смысловое единство с помощью общепринятой системы звуков и имеющее определенное отношение к той или иной грамматической категории. Являясь по своей лингвистической природе достаточно сложной, многогранной единицей, слово в определенном положении и во взаимодействии с другими единицами в полной мере отражает информацию о действительности, даёт всестороннюю оценку явлений действительности, связанных с национальным восприятием.

Несмотря на то, что стремление определить сущность слова, выявить основные черты, присущие его природе, началось достаточно давно, до сих пор наблюдается многообразие мнений, связанных с его сущностью. В современном языкознании встречается более семидесяти его определений, основанных на графическом, фонетическом, структурном, грамматическом, лексико-семантическом и других принципах. Почти во всех из них учитывается принадлежность слова к определенной системе и его внутреннее строение, границы и отношения с названными объектами и явлениями.

Согласно лексико-семантическому принципу, в современном языкознании бесспорным признаётся тот факт, что слово является номинативной (лат. *nomination* – название) и когнитивной (лат. *cognition* – познание) единицей, обозначающей предмет, явление, признак, процесс, различные отношения, включающие в себя всякую информацию о реальной действительности в результате познания.

С одной стороны, язык – средство общения, объединяющее знания, с другой, – ментальный информационный круг, определяющий развитие человеческого сознания. В процессе общения в словах, являющихся ос-

новой и наименьшей информационной единицей языка, реализуются возникающие в сознании в результате познания ментальные образы, которые вступают во взаимодействие, влияют на то, как другие воспринимают информацию. Вследствие этого слово, будучи основным средством общения, помогает языку реализовать основные свои функции: коммуникативную, познавательную (когнитивную) и эмоциональную (чувственного выражения).

Из общих особенностей речи следует отметить её способность устанавливать разнообразные отношения между общающимися, быть основным средством воздействия на восприятие мира, выполнять роль кода, шифра в оценке, хранении и передаче информации о национальной культуре из поколения в поколение. Все это свидетельствует о том, что слово является достаточно сложной и описательной единицей во многих сферах.

Слово – в первую очередь основная смысловая единица языка, однако от других языковых единиц оно значительно отличается своей внутренней природой (смыслом) и внешним строением (фонетической оболочкой и грамматическим строем). Слово относится к лексико-семантическому пласту языка, составляет его основу. В образовании слова участвуют смыслообразующие первичные элементы языка – фонема и морфема. Например, слово *ташчы* (каменщик) состоит из 5 фонем: [т][а][ш][ч][ы], и если первые три из них входят в состав корня [т][а][ш], то оставшиеся две образуют словообразовательную морфему, участвующую в изменении значения слова.

В свою очередь слово *ташчы* участвует в образовании языковых единиц более высокого уровня – словосочетаний, предложений, то есть синтаксических конструкций. Например: *ташчы хезмэте* (труд каменщика), *тырыш ташчы* (упорный, настойчивый, прилежный каменщик), *абыем ташчы булып эшли* (мой брат работает каменщиком) и др. Как видно из примеров, в иерархии языковых единиц слово выполняет функцию главного связующего звена в этой цепочке.

По отношению к другим языковым единицам слово имеет как общие, так и отличительные черты. Участвуя в построении языковых единиц, имеющих более высокий уровень значимости, слово объединяет в себе единицы меньшего уровня. Однако есть и существенные особенности, отличающие его от других языковых единиц. Например, в отличие от фонемы, служащей для различения смысла, но не выражающей этого смысла (сравним: *ат-от-ут-ит*), слово является языковой единицей, знаком, имеющим фонетическую оболочку и смысл. От морфемы слово отличается наличием самостоятельности, возможностью свободного звучания в речи (сравним: *ана* (сестра), *матур* (красивый), *аккош* (лебедь); *-чы*;

-*даш*, -*лар*, -*да*). В свою очередь в татарском языке многие слова представляют собой одну морфему, то есть состоят только из корня, и используются в языке как отдельные слова, например: *ак* (белый), *тук* (сытый), *эти* (отец), *китап* (книга), *куз* (глаз) и др.

В отличие от словосочетания, обозначающего предмет, явление, процесс, признак и т. д., в котором отдельные слова находятся в тесной связи, слово представляет собой органическое единство с точки зрения внутренней и внешней структурной оформленности (сравним: *бала* (ребёнок), *күңел* (душа), *көз* (осень), *сары* (жёлтый); *бала күңеле* (душа ребёнка), *сары көз* (жёлтая осень)). Если словосочетание является единицей синтаксической номинации, то слово – единицей лексической номинации. Словосочетание – это мостик, соединяющий между собой слово и предложение.

По своему строению слово отличается многогранностью и сложностью. Прежде всего слово – структурно-семантическая единица, имеющая материальную оболочку и смысл, понятный говорящим на данном языке. Но если бы эти две особенности слова были в центре внимания, то следовало бы рассматривать его отдельно от языковой системы. В этой связи в структурном отношении в слове важно различать фонетический, морфологический, семантический аспекты.

Описывая слово с фонетической или графической стороны, следует помнить, что оно в первую очередь имеет материальную оболочку, состоящую из звуков. На письме это выражается в отдельных буквах (*тәрәзә* (окно), *болыт* (облако), *алдыгы* (передовой)), в речи звуки представлены с помощью транскрипции: [*тәрэзэ*], [*болот*], [*а°лдыгы*]. Фонетическая целостность слова зависит от ударения, которое напрямую влияет на семантическое содержание слова и меняет его, например: *алма* (яблоко) – *áлма* (не бери), *чишмá* (родник) – *чíшмá* (не развязывай) и др.

С морфологической стороны слово, как было сказано выше, состоит из морфем и существует в составе отдельных групп слов. В зависимости от того, к какой из групп оно относится, слово входит в состав различных лексико-семантических групп, например, слова, в которых имя выражает предметность, относящуюся к группе слов (*китап* (книга), *бала* (ребёнок), *күлмáк* (платье)), название веществ (*он* (мука), *тоз* (соль), *май* (масло)), находясь в различных грамматических формах, в процессе общения вступает в различные отношения с другими словами, по-разному называет и оценивает явления действительности. В процессе речи слова могут występывать в различных грамматических формах, например, в речи слово *йорт* (дом) может употребляться не только в формах *йортка* (в дом), *йортның* (у дома), *йорттан* (из дома), *йортым* (мой дом), *йортлар* (дома), но и в других грамматических формах.

С семантической точки зрения слово представляет собой знак языковой системы, обладающий значением и находящийся в прямой связи с понятием. Основным свойством, указывающим на внутреннюю природу, сущность слова, является его семантическая сторона, которая, будучи одним из признаков языковой системы, ставит своей целью установление отношений между словом и реальностью. Однако выдвижение на первый план только семантической особенности не раскрывает полностью природы слова и особенности его связи с другими словами.

Слово объединяет в себе такие два качества, как способность использования в речи и наличие содержания, и эти качества являются основными показателями, определяющими основную сущность слова. Если фонетический, морфологический аспекты слова определяют возможности его выражения в речи, то семантическая сторона определяет отношение слова к содержанию.

Таким образом, по своей общей природе слово – это языковая единица, имеющая внешнюю форму и внутреннюю смысловую структуру, состоящая из меньших, чем сама, фонем и морфем, звуков национального языка, выполняющая функцию обозначения явлений действительности и хранения присущей им различной информации. В зависимости от вида и ситуации общения, слово образует единицы более высокого уровня и с их помощью выступает основным средством передачи мысли.

§ 4. Основные признаки слова

Слово является основной единицей, которая служит для сообщения знаний о предметах, признаках, процессах, явлениях действительности и их свойствах или отношениях между ними. Нами уже было определено, что основной сущностью слова является его способность передавать содержание речи. Именно эта возможность характеризует его как единицу языковой системы и отличает от других единиц языка. Остановимся подробнее на раскрытии основных признаков слова.

В первую очередь, слово – единица, обладающая структурной целостностью, под которой подразумевается наличие фонетического и грамматического единства единицы.

Фонетическая целостность слова – это наличие звуковой оболочки, образованной на основе фонетических особенностей языка, постоянное употребление в этой форме ([ба^ал], [тәрәзә], [қара]), использование в определённой тональности (благозвучии), звучании, принятых в языке, и одноударность.

Обычно слова в татарском языке одноударные, но в отдельных случаях в потоке речи некоторые из них могут терять ударение: *түз генә*

(быстро), *иң матур* (самый красивый), *алды бит* (взял ведь), *барá икән* (оказывается идёт), *табарга тиеш* (должен найти), *шул кирәк* (так и надо). В татарских составных словах наряду с основным ударением может наблюдаться и второе – слабое ударение: *балá-чага* (дети), *тимёр-томыр* (металлолом); *юлбасар* (разбойник, грабитель), *чынбарлык* (действительность, реальность), *карабодай* (гречиха) и др.

Под грамматической целостностью слова подразумевается употребление в речи грамматических форм, выражающих определённый грамматический смысл, например: *тәрәзә, тәрәзәнәң, тәрәзәдә, тәрәзәм, тәрәзәләр* (окно, у окна, в окне, моё окно, окна).

В татарском языке различают синтетические (модальные и соединительные аффиксы) и аналитические типы грамматических форм. В качестве наглядного примера аналитических средств, выражающих грамматический смысл, можно привести современные формы глагола: *бара иде* (шёл), *барган иде* (ходил), *бара торган иде* (шёл) и др. Аналитическая грамматическая форма в данном случае образуется с помощью вспомогательного глагола + *иде*.

Грамматическая форма – это форма слова (словоформа), образованная с помощью морфологического средства. Совокупность грамматических форм указывает на принадлежность слова к той или иной группе слов. Например, ниже представлены слова, в которых аффиксы указывают на группу имён существительных: *баш, башның, башлар, башым*; на группу имён прилагательных: *ак, аксыл, аграк*; на группу глаголов: *бара, баралар, барабыз, барды, барган* и др. В татарском языке также распространено явление перехода от одной группы слов к другой. Например, наблюдается морфологическое обособление (изолированность) и полный переход имён прилагательных в группу имён существительных: *кара (язу карасы)* (чернила), *карт* (старый), *ярлы* (нищий), *бай* (богатый), *ялагай* (подлиза), *сукыр* (слепой), *сукырлар йорты* (дом слепых), *телсез* (немой). Грамматическая сторона таких слов тоже претерпевает изменения, то есть слова приобретают в речи грамматические формы, присущие имени, теряя при этом возможности видоизменения, свойственные их первоначальной природе: *каләмнең карасы беткән* (у пера закончились чернила); *картлар айткән сүз* (сказанное стариками); *байның йорты* (дом богача) и др.

Таким образом, под грамматической целостностью слова в первую очередь понимают систему его отдельных словоформ. В речевом потоке, как известно, используется только одна форма речи (словоформа). Во вторых, структурно все слова имеют особое лексическое значение, то есть в каждом значении отражается часть действительности, например: *өй – торак* (дом – жилище); *түгәрәк – геометрик фигура* (круг – гео-

метрическая фигура). Лексическое значение, являющееся единственным, индивидуальным для каждой лексической единицы, отражает только определённое явление действительности.

В-третьих, слово называет объективную действительность и передаёт их носителям данного языка в рамках лексического значения. Одной из главных особенностей слова является то, что оно выступает единицей наименования.

В-четвертых, в речи слово становится источником разнообразной информации о явлениях действительности.

В-пятых, слово – относительно самостоятельная единица. Не только в контексте других слов, но и в отдельном употреблении, его значение становится понятным носителям языка, например: *чылбыр* (цепь, цепочка), *фарештә* (ангел), *кул* (рука), *яңгыр* (дождь), *тиз* (быстро), *кара* (чёрный), *бару* (идти, ходить), *жырлау* (петь) и др.

Будучи шестым признаком, валентность обозначает способность слова в сочетании с другими словами образовывать словосочетания: *энинең кулмәге* (мамино платье), *йорт төзү* (строить дом), *тиз атлау* (шагать быстро) или предложения: *Энинең кулмәген саклап тотам.* (Храню мамино платье.). *Эшчеләр бик тиз арада йортны төзеп бетерделәр.* (Рабочие за короткое время достроили дом.). *Мин аның, тиз атлап, күршеләргә кереп киткәнен күрдәм.* (Я увидел, как, быстро шагая, он зашел к соседям.). Например, у глагола *сорау* (спрашивать) могут различаться субъект (человек, который спрашивает), предмет (о чём спрашивает), адресат (кого спрашивает). Следовательно, слово *сорау* считается трёхвалентным. И слово *ачулы* (сердиться) считается трёхвалентным, поскольку, будучи прямым субъектом, представляет сердитого человека, косвенным объектом – того, на кого сердиты, и причину – почему сердиты.

Таким образом, слово – это фонетически, грамматически и лексико-семантически сформированная единица языка, которая находит отражение и в графике. Ярким примером сказанному становится распространённый в татарском языке ряд сложносокращённых слов: *коточкыч* (ужасный), *башибаштаклык* (своеволие), *кулъяулык* (носовой платок); сочетаний: *үги ана яфрагы* (лист мать-и-мачехи), *гафу итү* (простить); парных слов: *балачага* (дети), *үрле-кырлы* (как угорелый), *ир-егет* (мужчина); аналитических слов: *егыла язды* (чуть не упал), *жырлап жибәрде* (запел), *туктап калды* (замер). Несмотря на то, что эти слова состоят из нескольких компонентов, они остаются одной лексической единицей (лексемой), так как имеют одно лексическое значение. Между ними нельзя вставить другое слово, не нанося ущерба смысловой целостности словосочетания. Это говорит о том, что слово характеризуется и таким свойством, как непроницаемость.

И хотя многие языковеды признают перечисленные выше признаки слова основными, полностью раскрывающими его природу как единицы, живущей в языковой системе, в лингвистике существует достаточно широкий подход к определению сущностных качеств слова. Н. М. Шанский выделяет следующие из них: 1) фонетическая оформленность; 2) семантическая валентность; 3) непроницаемость; 4) недвуударность; 5) лексико-грамматическая отнесённость; 6) постоянство звучания и значения; 7) возобновляемость; 8) цельность и единооформленность; 9) преобладающее использование в сочетаниях слов; 10) изолированность; 11) номинативность; 12) фразеологичность. Но в качестве наиболее значимых из перечисленных свойств слова выделяют такие признаки, как его фонетическая оформленность, лексико-грамматическая отнесённость и непроницаемость.

Ф. С. Сафиуллина в качестве основных признаков слова указывает на следующие: «Слово может быть сформировано фонетически: закономерность начала слова, окончания слова, специфические сочетания фонем, наличие одного ударения, целостность (добавление звуков внутрь слова невозможно) – эти качества присущи каждому слову. Грамматически слово отличается относительной целостностью и наличием одной формы, иначе говоря, оно относится к той или иной группе слов. В лексическом отношении каждое слово имеет определённое значение. И основная функция, присущая слову, – номинативная» (Сафиуллина, 1999: 7).

При характеристике основных признаков слов следует иметь в виду, что соотношение между звучанием и содержанием традиционно тесно связано с историческим развитием языка. Зачастую суть этой связи объяснить непросто, эта особенность рассматривается в языкознании как идиоматическое качество речи. В языке распространено явление, когда слова, одинаковые по звучанию и грамматическому строю, имеют несколько лексических значений. В качестве примера могут рассматриваться явления многозначности и омонимии. Так, у слова *өй* (дом), кроме значения «жилище», имеются и другие значения: «хозяйство, экономика», «семейная жизнь», «род», «страна, родина», «государство», «народ». У слова *түгәрәк* (круглый) рассматриваются случаи вторичного значения. Круг, кольцо, организация: *музыка әһелләре түгәрәге* (кружок музыкальных деятелей), *драма түгәрәге* (драматический кружок); недостаток со всех сторон: *түгәрәк тормыш* (жизнь в достатке); особая полнота: *түгәрәк сан* (круглое число), *түгәрәк дата* (круглая дата), *түгәрәк яши* (юбилейный год, возраст).

В омонимах *яр* – берег реки и *яр* – возлюбленный, любимый, *яр* (рубль) – форма повелительного наклонения; *тиен* (белка – зверь), *тиен* (копейка, денежная единица) связь смысл – звуковая сторона слова различна.

Между тем, в таком универсальном явлении языка, как синонимия, связь между возможностью передачи в речи и содержанием специфична. Здесь в разных по звучанию словах наблюдается либо сходство смысловых оттенков: *өй, йорт, бина* (дом, жилище, здание); *матур, куркәм, чибәр, ягымлы, бер кашык су белән йотарлык* (красивый, симпатичный, приятный, приветливый, привлекательный), либо их полное совпадение: *су сыеры, гиппотам, бегемот; китапханә, библиотека; шифаханә, хастаханә*, больница.

Таким образом, основные признаки слова по-разному раскрываются в словах, относящихся к разным типам и группам. Одна из основных причин разнообразия взглядов на определение этих качеств заключается в особом положении слова и его природе, которая обнаруживается наиболее полно в сочетании с другими словами.

§ 5. Функции слова

Рассмотренные в предыдущем разделе основные признаки слов являются базой для различения их основных функций. Следует отметить, что слова в лексическом составе татарского языка существенно отличаются по своим смысловым и грамматическим особенностям, и потому в процессе речи могут выполнять и самые разные функции.

Функции слова – это и цель, и возможность употребления лексических единиц в речи. В лингвистике выделяют следующие функции слова: коммуникативная (слово – средство общения, понимания, сообщения); номинативная (слово – средство наименования предмета); эстетическая (слово – средство художественного изображения). Следует заметить, что перечисленные функции тесно взаимосвязаны и дополняют друг друга. В семасиологии же основное внимание уделяется номинативной функции слова, которая выступает в качестве основы при определении его природы.

Из всех перечисленных функций слова самая главная – номинативная (лат. *nominatio* – называние), то есть функция выделения в окружающей действительности признаков, процессов и т. д.

Слово используется для обозначения конкретных предметов: *өстәл* (стол), *каләм* (ручка), *утын* (дрова), *йорт* (дом); абстрактных понятий: *матурлык* (красота), *дуслык* (дружба), *бурыч* (долг), *яшьлек* (молодость); веществ: *май* (масло), *бал* (мёд), *төтен* (дым); природных явлений: *яңгыр* (дождь), *жәл* (ветер), *кар* (снег), *яшен* (молния); признаков предметов: *аксыл* (беловатый), *матур* (красивый), *кыска* (короткий), *кадерле* (дорогой); процессов и состояний: *йәгерү* (бегать), *эшләү* (работать), *уйлау* (думать), *йоклау* (спать) и т. д.

Однако учитывая, что слова в языке имеют различную природу, мы видим, что номинативная функция в разных словах выражается по-разному. Как известно, слово одновременно является основной единицей как лексической, так и грамматической системы. Будучи лексико-грамматическими единицами, слова объединяются в отдельные группы и, в свою очередь, в зависимости от своих лексико-семантических, морфологических и синтаксических признаков, делятся на самостоятельные, вспомогательные (соединительные) и модальные группы.

При характеристике групп слов в лексико-семантическом аспекте в качестве основного показателя устанавливается их общее лексическое значение.

В этом смысле самостоятельные слова имеют реальное лексическое значение, то есть они называют явления действительности, называют предметы, события, признаки, обстоятельства или указывают на них в целом (Хисамова, 2006: 72). Вспомогательные же и модальные слова не называют предметы, признаки и т. д. напрямую, а выражают взаимосвязь между различными явлениями. Семантический подход также позволяет увидеть, что в группе самостоятельных слов отмечается ряд лексических единиц, имеющих разные функции именования.

В связи с этим принято объединять слова, используемые в языке, в номинативные группы, опираясь на следующие параметры: 1) способность слова называть и познавать явления действительности; 2) способность слова передавать семантически значимую информацию; 3) принадлежность слова к той или иной части речи (Современный русский язык, 2001: 193).

В зависимости от того, полностью или частично присутствуют в словах перечисленные выше признаки и в соответствии с выполняемой ими функцией, различают пять номинативных групп: знаменательные слова, местоименные слова, служебные слова, модальные слова и междометия.

Знаменательные слова выполняют номинативную, познавательную функцию, имеют лексическое значение, у них сильна связь с реальной действительностью. В эту группу входят имена существительные, глаголы, имена прилагательные, имена числительные и наречия.

Знаменательные слова имеют обобщённое значение предметности. Например, обобщённым словом *агач* (дерево) называют все многолетние растения, с твёрдым стволом и ветвями, образующими крону; словом *өстәл* (стол) называют все предметы, предназначенные для еды или письма, с плоской поверхностью и ножками; словом *кош* (птица) называют животных, принадлежащих к классу пернатых, тела которых покрыты перьями, передние конечности превращены в крылья, ходящих по земле на двух лапах.

Если рассматривать знаменательные слова как одну полную парадигму, то можно увидеть, что в её основе лежат слова, принадлежащие к группе существительных, обозначающих предметность, а на периферии располагаются слова, входящие в группу глаголов, прилагательных, наречий, числительных, называющих процессы, признаки. Как видим, природа слов, составляющих представление о предметах действительности, не одинакова.

В центре представления о предметах действительности лежат слова, имеющие конкретное значение, напрямую связанные с реальностью. Все явления, предметы, признаки, процессы, ими называемые, можно увидеть, ощутить, почувствовать: *икмәк* (хлеб), *кабестә* (капуста), *яңгыр* (дождь), *сары* (жёлтый), *йоклыи* (спит), *утыра* (сидит) и др. Таким образом, слова, которые дают полное представление об объекте, событии со всеми их признаками, называются словами с конкретным значением.

Названия же абстрактных понятий находятся на периферии этой парадигмы, потому что их отношение к реальности выражается не напрямую, а только через термины конкретных понятий. Например, *картлык* (старость) – поседение волос, морщины на лице и другие проявления признаков старения; *матур* (красивый) – видимые глазом привлекательность, изящество лица, элегантность линий фигуры, гармония; *сагыш* (грусть) – тоска кого-то по чему-то, скучание по чему-то, грусть, депрессия, связанные с ними изменения настроения, эмоциональный дискомфорт.

Они обобщают представления, которые выражают слова с конкретным значением, например: *батырлык* (храбрость), *даһи* (гениальный), *гүзәллек* (красота). Слова, обобщённо называющие явления по одному лишь особенному признаку, называются словами с абстрактным значением.

Абстракция – это выделение существенных и закономерных признаков предметов объективной реальности, но исключение случайных, незначительных особенностей. Считается, что слова с конкретным значением первичны. Именно на их основе возникают слова с абстрактным значением.

Особое место в группе знаменательных слов занимают существительные нарицательные и собственные, составляющие две отдельные большие группы.

Слова, обобщённо называющие однородные предметы, явления, процессы, признаки одного вида, обозначают термином нарицательные.

Нарицательные слова – лингвистические единицы, логически связанные с понятием, имеющие полную семантическую структуру, по-разному обобщающие различные реалии действительности, способные приобретать разные коннотации в процессе речи. Они составляют значительную часть лексического состава татарского языка.

Помимо нарицательных слов, в языке также выделяют и имена собственные, которые относятся к языковым единицам, называющим конкретный предмет или явление, отличающихся от других, схожих с ним предметов или явлений, выделяющихся из группы однородных понятий. Их преимущество перед нарицательными состоит в том, что они связаны с называемым объектом окружающей действительности, несут информацию о нём, не затрагивая понятие. Имена собственные не распространяются на все объекты или явления, а скорее предназначены для наименования конкретного, вполне определённого предмета или явления, выделяющего их из ряда однотипных предметов или явлений, например: среди всех наименований городов именем *Казан* (Казань) называют столицу Республики Татарстан; *Габдулла Тукай* – имя одного из самых известных поэтов татарского народа; *Базарлы Матак* (Базарные Матаки) – название конкретной деревни, расположенной в Алькеевском районе, *Чишмале урамы* (улица Чишмале) – название одной из улиц г. Казани и др.

Следует отметить, что деление лексических единиц на нарицательные и собственные имена характерно только для имён существительных.

Таким образом, знаменательные слова выполняют номинативную функцию. Ещё одним отличительным признаком знаменательных слов является их способность выполнять познавательную (гносеологическую) функцию и функцию накопления информации об окружающей действительности (кумулятивную). И действительно, употребляемые в языке слова, как подтверждает многовековой опыт народа, называют то или иное явление. Кроме того, из поколения в поколение с помощью слов передаются и особенности национального, мировоззренческого самосознания народа. Эти функции слова являются объектом изучения науки *когнитивная семасиология*.

Второе место среди номинативных групп занимают местоимения. В языкознании слова, относящиеся к местоимению, принято рассматривать в более широком плане, позволяющем отнести их к лексико-семантической группе «местоименных слов».

В отличие от других групп слов, лексико-семантическая группа «местоименные слова» – лексико-семантический класс знаменательных слов, принадлежащих к различным частям речи и обладающих «местоименным» типом лексического значения» (*Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, 2000: 294). С расширением понятия «лексико-семантическая группа», по нашему мнению, связано и появление во II части «Грамматики татарского языка» (*Татарская грамматика*, 2002: 308–310) таких подгрупп, как «глагольные местоимения» (теркэгеч алмашлыклары), «союзные местоимения» (кисәкчә алмашлыклары), «местоименные частицы».

Местоименные слова, как и знаменательные, входят в состав грамматически самостоятельных групп слов, выступают частью самостоятельных предложений, составляют основной лексический и грамматический фонд языка. Как отмечает академик В. В. Виноградов, «они образуют смысловую, лексическую и грамматическую основу речи» (Русский язык, 1972: 102). Однако со стороны семантики местоименные слова значительно отличаются от слов с самостоятельным значением. Во-первых, у них ограничены возможности называть и распознавать различные явления действительности, во-вторых, они не передают информацию о явлениях действительности, а лишь указывают в контексте на объект, субъект и т. п., выполняющих информационную функцию. Например, в отрывке *Ниндидер можжиза белән бу авылда сакланьт калган бердәнбер ала каз безнең солдатларда зур кызыксыну тудырды. Барысы да аны бик тиз күрөп алдылар.* (Единственный каким-то чудом уцелевший в этом селе пегий гусь вызвал большой интерес у наших солдат. Все очень быстро его увидели.) (А. Еники) во втором предложении используется местоимение *барысы* (все), заменяющее слово *солдатлар* (солдаты) из первого предложения, и, соответственно, местоимение *аны* (его) заменяет словосочетание *ала каз*. Слова *солдатлар* (кто, они) и *ала каз* (пегий, рябой гусь) (цвет, домашняя птица), в свою очередь, передают информацию о предметах.

Местоименные слова обретают полное лексическое значение только в том случае, когда заменяют в контексте слова с самостоятельным значением, выполняющих номинативную функцию, потому их нельзя назвать полноценными по смыслу. Например, *бу, бөтен, син, анда, монда, нәрсә, кем, ничә* и др. В контексте местоименные слова выполняют дейктическую функцию (греч. *deixis* – указание), их называют также дейктическими словами.

Местоименные слова, как упоминалось выше, выполняют в контексте функцию указания на субъект, участвующий в речи. В этом случае часто используются личные и указательные местоимения: *Әнә агарган сакаллы, көмеш чәчле зур доктор... Ул нинди рәхимле...* (Вот с седой бородой, с серебристыми волосами почтенный доктор... Какой он милосердный...); *Менә бу ике кеше безгә карап тора.* (Вот эти двое смотрят на нас.) (Г. Ибрагимов)

Кроме того, они выполняют функцию указания на речевой объект: *Күлнең бу ягында бер камышлык бар. Халык **моны**ң хақында әллә нинди куркынычлы әкиятләр сөйли. Шуңа күрә бу камышлык мине шикләндерә. Аңа якын килү түгел, хәтта исемен ишетү дә күңелгә бер каушау бирә башлый иде.* (На этой стороне озера есть тростник с топками. Люди рассказывают о нём страшные сказки. Поэтому меня этот тростник пугает.

Не только подходить к этому месту, даже слышать о нём пробуждает неуверенность в душе.) (Г. Ибрагимов)

Также широко распространены случаи, когда местоименные слова выполняет функцию указания на место или время: *Алар ярты чакрым чамасы жирне ачык болын уртасыннан бардылар да ярым караңгы эрэмә арасына килеп керделәр. Юл монда тигез иде, шулай да арба эледән-эле як-якка чайкалды.* (Полверсты они проехали посреди открытого луга и очутились в темной роще. Дорога здесь была ровная, но телега то и дело покачивалась по сторонам.) (Н. Фаттах)

Для этой группы слов также свойственна функция обобщённого представления: *Бу кояш, зәңгәр күк йөзе, чәчәкләр – барысы да сиңа!* (Это солнце, голубое небо, цветы – все тебе!)

В отличие от знаменательных и местоименных слов, служебным словам не свойственны номинативная и познавательная функции, они определяют различные отношения между словами. В «Татарской грамматике» этот тип слова обозначается термином «словосоединительными средствами», и в эту группу входят послелогии, послесложные слова и союзы.

Служебные слова, выражая отношения единства, орудия, сравнения, причины, цели, времени и др., передают различные грамматические значения: *укытучы белән* (сөйләшү) – с учителем (разговаривать); *карандаш белән* (язу) – карандашом (писать); *таң кебек* (нурлы) – как рассвет (лучистый, лучезарный, сияющий); *тау чаклы* (зур) – величиной с гору (большой), *әни һәм мин* (мама и я); *я эссе, я салкын* (либо горячий, либо холодный) и др.

Вспомогательные слова, послелогии и послеложные слова в сочетании с самостоятельными словами, могут быть частью предложения или, не входя в состав предложения, связывать предложения (союзные слова). Этот тип слов называют словами, выполняющими вспомогательную функцию.

Не выполняют номинативных и познавательных функций и модальные слова, однако, в отличие от служебных слов, они обладают лексической целостностью. Эти типы слов выражают модальность, т. е. выражают через говорящего его реальное отношение к содержанию речи (реальности, возможности, необходимости, долженствования, вероятности, намерения и т. д.) и образуют субъективно-стилистическую основу речи. Модальные слова выделяются как лексические средства, участвующие в выражении модальности речи.

По смысловым признакам и синтаксическим функциям Д. Г. Ту-машева делит модальные слова на две группы: 1) модальные слова, объективно выражающие отношение речи к действительности: *бар* (есть), *юк*

(нет), *кирәк* (нужно), *мөмкин* (может быть), *ярый* (ладно); 2) модальные слова, выражающие отношение речи к действительности через субъективную оценку говорящего: *әлбәттә* (конечно), *дәрес* (правда), *чыннан да* (верно), *билгеле* (понятно), *ахры* (вероятно / наверное), *имеш* (вероятно / может быть), *бәлки* (кажется / как будто), *бугай* (наверное), *ичмасам* (хоть / хотя бы) (Тумашева, 1978: 297).

Для придания модальности речи, помимо модальных слов, используются и частицы, выражающие различные значения. Например, значение ограничения: *тик сине генә сагынам* (скачу только по тебе); значение усиления: *үлсәм дә үкенмим* (не буду сожалеть, даже если умру); значение неопределённости: *әллә бар*, *әллә юк* (то ли есть, то ли нет); значение подтверждения: *әйттем бит* (говорил же), *күргәнсең ич* (видел же), *килде ләбаса* (пришёл же) и др. Именно потому что частицы придают словам и предложениям модально-экспрессивные значения, в грамматике их относят к модальным словам (Татарская грамматика, 2002: 12).

Таким образом, слова, участвующие в выражении отношения содержания речи к объективной действительности называют модальными словами, выполняющими модальную функцию.

Среди номинативных групп особое место занимают слова, выражающие чувства, эмоции и желания людей. Их называют словами, выполняющим мотивную функцию. В отличие от слов, имеющих самостоятельное значение, данные слова выражают эмоции только без названия, например, тревога: *Әллә, Ходаем, имтихан башланган да инде?! (Неужели, Боже мой, экзамен уже начался?!)* (Ф. Шафигуллин); ирония: – *Фу, фу, – диде әтисе, – сез әллә мин кайтуга бизәнеп тордыгызмы? Одеколонга манчылгансыз. (Фу, фу, – сказал отец, – вы что, к моему приходу принарядись что ли? Одеколоном облились.)* (М. Амир); упрек: *Аһ, гәһәһәм шомлыгы, бу кучеры бик тын тагын...* (Ах, горе луковое, этот кучер снова такой тихий...) (Г. Тукай) и др.

Междометия связаны с эмоциональным слоем сознания и по-разному реагируют на обстоятельства действительности. Поэтому в некоторых трудах междометия относят в разряд модальных слов. Особенно это касается тех случаев, когда междометия употребляются в качестве вступительного слова: *Әх, булган бит заманалар!* (Эх, были ведь времена!) (Р. Ишморат)

Таким образом, в зависимости от своей семантической природы употребляемые в языке слова выполняют множество различных функций. Разделение слов по этому признаку на номинативные группы представляет иерархическую систему. В центре этой системы находятся знаменательные слова, а другие группы слов составляют периферию, которую, в свою

очередь, следует разделять на ближнюю периферию (местоименные слова) и дальнюю (служебные слова, модальные слова и междометия).

§ 6. Тожество и отдельность слова

Слово является универсальной, в то же время чрезвычайно сложной и спорной единицей языка. При определении основных присущих природе слова особенностей важно обратить внимание на специфику его содержания, отвлеченного от его конкретных употреблений в речи. Для того чтобы обнаружить эту специфику, необходимо особо остановиться на таких понятиях, как язык и речь, определить их границы и понять, каким образом слово может раскрываться в каждом из них.

Согласно определению «Толкового словаря татарского языка», язык – это система слов и грамматических средств, как правило, по-своему отличных у каждого народа, он служат орудием взаимодействия людей и закрепления мыслей, мнений и достижений. Это вариант системы, характерный для определённых групп и профессий (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2019, 5 том: 511). Термину «речь» даётся следующее определение: 1) язык как средство общения, понимания; 2) набор высказываний, предложений для выражения мнений, мыслей отдельного лица; 3) способ, форма использования языка; стиль языка (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2019, 5 том: 172).

В процессе общения язык раскрывается в зависимости от реальной действительности, времени, социального, интеллектуального и психического состояния собеседников. Если язык в целом объективен, абстрактен, формален, неизменен и независимым от времени и пространства, то речь – конкретна, субъективна, актуальна, подвижна и уникальна для каждого отдельного отрезка общения.

Языковые единицы, в том числе слова, в процессе речевой коммуникации объединяются, язык же стремится к сохранению их отдельности. Если язык является общественным явлением, то речь выступает как результат творческой деятельности отдельного индивида.

Одним из первых в языкознании на различие понятий языка и речи обратил внимание швейцарский учёный Фердинанд де Соссюр, указав на присущие им основные признаки: «изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная, имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична» (Соссюр, 1972: 57). В общем языкознании концепция Ф. де Соссюра, несмотря на её резкую критику, служит ос-

новой при определении общих и отличительных черт языка и речи. Это также очевидно из данного выше определения.

Известный учёный, изучавший разговорную речь в татарском языкознании, Ф. С. Сафиуллина, даёт следующее определение понятиям «язык» и «речь»: «Если язык представляет собой совокупность систем, постоянно существующих в сознании человека, то речь реализует языковые формы во временной последовательности. Если язык – это абстракция, возникающая на основе структурных элементов речевого потока, которые мы воспринимаем, слышим и видим, то речь становится зависимой от языка, поскольку явления в речи становятся зависимыми от языковой системы, и говорящий высказывает свое мнение, основываясь именно на этой системе» (Сафиуллина, 1993: 4). Таким образом, языковые средства, используемые вне определённого контекста, мы называем языком, а те, которые используются внутри определённого контекста, – речью.

Языковые средства реализуются в процессе речи, созданной на основе принятых народом правил татарского языка. Представление о словах как языковых единицах (статично-субстанциальное состояние (Баширова, 2010: 55)), их значения, принятые в татарском языке, отражаются в словарях, например, **чыбык** (прут, лоза, провод): 1) тонкая ветка дерева (*тал чыбыгы* – ивовый прут). *Чыбыктан үргән кәрзин* (плетённая из лозы корзина). *Чыбыктан үргән тарантас* (плетённый из прутьев тарантас). *Агач чыбык чакта бөгелә* (Дерево гибается, когда оно гибкое как пруттик). Пословица. 2) Гибкая веревка или нить из металла. *Бакыр* (медный) *чыбык*. *Алюмин* (алюминиевый) *чыбык*, *телеграф чыбыклары* (телеграфные провода). 3) *Чыбык очы* (кончик прута) – об очень далёких родственных отношениях, дальний родственник, седьмая вода на киселе (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 661).

Лексемой (греч. *lexis* – слово) называют слово, обладающее единством конкретных грамматических форм и смысловых вариантов и являющееся основной единицей словарного состава. Будучи лексемой, слово закрепляется в словарях и там же получает своё определение.

Лексема – абстрактная единица языка, которая не предполагает, что слово используется в конкретном речевом потоке, но объединяет его возможности, формы, которые могут быть использованы в языке вообще. Например, в «Толковом словаре татарского языка», помимо номинативного и переносного значений, у слова *башлау* (*начинать*) зафиксирована функция вспомогательного глагола: 1. **Башлау** (*начинать*) гл. 1) приступить к каким-либо занятиям (*көрешү* – начинать). *Сүз башлау* (начать разговор). *Эш башлау* (начинать работу); 2) что-то открыть и начать применять. *Яңа тартма чэй башлау* (открыть новую коробку чая); 3) идти

под руководством, направлять. *Тугры юлга башлау* (Идти верным путём) 2. **Башлап** (начиная) в знач. послелого. *Беренче көннән үк башлап* (Начиная с первых дней). 3. **Башлап** в знач. наречия: прежде всего, в первую очередь. *Башлап чыгыш ясау* (первым начать доклад). 4. В знач. вспомогат. гл. В составных глаголах означает начало той или иной работы (того или иного дела). *Укый башлап* (начать читать). *Китә башлап* (начинать уходить). *Башлый тору* (открывать (концерт, собрание)). *Башлап алу* (начать). *Башлап ату* (начать стрелять). *Башлап бару* (начать ходить). *Башлап бирү* (начать отдавать). *Башлап кую* (иницировать). *Башлап алып китү* (начать уходить). Увлечётся работой, начать работу. *Башлап йөрүче* (ведущий, руководитель, инициатор).

Как видно из примеров, в словаре в дефиницию лексемы «начинать» входят возможные варианты её значений в татарском языке, грамматические формы и варианты употребления в речи.

В речевом потоке слова, кроме общепринятых, зафиксированных в словарях значений и структурных форм, могут употребляться в не принятых в языке или не получивших широкого распространения вариантах. Например, *Мин Марстан, тик марсиан түгел, мин **Жирский**, гади бер бала.* (Р. Гаташ); *...Без **Жирдәш** шул. Кеше булып яшәргә килгән җаннар.* (Р. Файзуллин); *Сагынуларның-сагышларның **яшеле дә, алсуы да...** Һәм-мәсе дә җанымда!* (Р. Файзуллин); *Күк биеклегендә йөргән **яфрак** – Күк иде лә аның мөнбәре. Ята энә **сүнгән яшел йолдыз.** Яфрак – хәзер җирнең мөндәре.* (Б. Рахимова). Большинство слов подобного типа, не закрепляясь в языке, сохраняются только в речи, однако известны случаи, когда некоторые новые слова становились языковыми явлениями.

В качестве примера можно привести такие слова, как *эйдаман* (вожатый), *санак* (компьютер), *илбаиш* (глава государства, президент), вошедшие в татарский язык в конце XX века. Слова, появившиеся в языке относительно недавно, вначале активно употребляются в речи, позже, закрепляясь, принимая возможные грамматические формы, фиксируются в языке.

Специфика слов как языковых единиц заключается в том, что каждое из них, входя в речь, взаимодействуя друг с другом, подвергается различным фонетическим, грамматическим и в определённой степени семантическим изменениям. Среди лингвистов спорным является вопрос о том, сохраняет ли слово в процессе общения свою индивидуальность.

Несмотря на то, что в татарском языкознании до сих пор этот вопрос не поднимался, в общем языкознании, в том числе и в русском, внимание к данной проблеме уделяется с давнего времени.

В частности, в середине XX века в трудах А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, В. В. Виноградова и в каждом исследовании, посвя-

щённом современной русской лексикологии, можно встретить попытки поиска ответа на вопрос, являются ли слова, реализующиеся в процессе речи, вариантами одной и той же лексемы или это разные слова. В этом случае на передний план выходит проблема тождества и отдельности слов. Сохраняется ли целостность слова, т. е. смысловая целостность в статичном состоянии, если парадигма грамматического видообразования в определённой степени ясна, понятна, сохраняется ли в процессе речи одно и то же слово в разных лексико-семантических вариантах, грамматических формах, подвержено ли оно морфонологическим изменениям в речевом потоке при взаимодействии с другими словами?

Основная функция речи – общение. В зависимости от вида и цели общения в процессе общения внутренняя природа (смысл) и внешняя форма слов претерпевают определённые изменения, и тогда могут быть утрачены некоторые из присущих словам существенные признаки.

В частности, могут возникать различные оттенки, зависящие от содержания слова (*алтын балдак* – золотое кольцо, *алтын кеше* – золотой человек, *алтын көз* – золотая осень, *алтын вакыт* – золотое время и др.), позиционные изменения во внешней форме слова (*кара алтын* [қа⁰ра⁰лтын] – чёрное золото; *кара эле* [қара⁰эле] – посмотри-ка).

В татарском языке широко распространено употребление некоторых глаголов в фазисном значении, выполняющих вспомогательную функцию: *укый башлау* (начать читать), *укып бетеру* (закончить читать), *укып яту* (почитывать), *укып чыгу* (прочитать) и др. Из приведённых примеров видно, что у глагола *укый* (читает) сохраняется внутренняя целостность, только меняются оттенки значения, а вот у глаголов, выполняющих вспомогательную функцию из-за частичной или полной утраты своего основного значения, появляются добавочные оттенки. Например, определяющие фазы выполняемой работы: *башлау*, *бетеру*, *яту*, *чыгу*. Однако эти изменения в целом не наносят ущерба смысловой и внешней целостности слова, то есть оно сохраняет свою самостоятельность.

В этом случае речь должна идти в первую очередь о вариантах слова.

В а р и а н т а м и слова называют употребление одного и того же слова в различных фонетических, грамматических формах без ущерба его идентичности, смысловой целостности.

В языкознании противопоставленность и н в а р и а н т а (абстрактная единица языка, предполагающая возможность использования слова в целом) и в а р и а н т а (конкретное употребление языковой единицы в речи) связывают с противопоставленностью языка и речи, которая сводится к их различию. В семасиологии понятие «инвариант» отождествляется

с понятием «лексема» (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 2000: 80–81).

Как правило, в слове различают фонетические, грамматические и лексико-семантические варианты.

Фонетическими вариантами слова называют изменение его внешней формы при сохранении внутренней природы (содержание) (*акрын* – медленно, тихо – *экрэн*; *ата* (отец) – *эти*, *ана* (мать) – *эни*). В фонетике они изучаются как сингармонические пары.

Под *грамматическими вариантами* слова прежде всего понимают словоформу. Словоформа – это употребление слова в той или иной грамматической форме в том или ином контексте при сохранении его содержания, смысловой целостности. Совокупность всех словоформ (лексем) образует парадигму данного слова, например, *китап* – *китаплар*, *китапның*, *китапка*, *китапны*, *китаптан*, *китапта*, *китабым*, *китабың*, *китабы*, *китапларыбыз*, *китапларыгыз*, *китаплары* и др.

В контексте употребления грамматические варианты, то есть словоформы, не нарушают внутренней природы слова, в этом случае наблюдается лишь вариация грамматических форм. В татарском языке активную роль в образовании словоформ играют аффиксы, выражающие отношения, и вспомогательные слова.

В «Татарской грамматике» фиксируется, что в татарском языке «аффиксы, присоединяясь к словам, образуют синтетические формы, то есть синтетический вид словоформ: *авылга* (в деревню), *этинекә* (отца), *кайттым* (приехал) и др. Вспомогательные же слова, употребляясь в сочетании с самостоятельными словами, образуют аналитические формы, то есть аналитический тип словоформы: *авылга таба* (в сторону деревни), *синең өчен* (для тебя), *кеше булып сөйләшү* (разговаривать по-человечески) и др. (Татарская грамматика, 2002: 24).

Грамматические варианты слова используются в первую очередь для выражения грамматического значения в рамках словосочетания, предложения.

Лексико-семантические варианты слова предполагают некоторое изменение его значения без утраты тождества внешней формы.

Лексико-семантическим вариантом слова называют наименьшую двустороннюю единицу лексико-семантической системы, обеспечивающую переход от языковой системы к ее реализации в речи (Общее языкознание, 1972: 418).

Семантическая вариативность слова возникает в рамках одной лексемы, варианты слова, будучи семантически связанными друг с другом, образуют внутри одного слова семантическую парадигму. Дополнитель-

ные значения одного слова, связанные с номинативным значением и денотатом, реализуются только в рамках определённого контекста. Например, лексико-семантические варианты лексемы *нигез* (фундамент, основание, основа, истоки), несмотря на то что сохранили в приведённых ниже контекстах значимые свойства основного значения, тем не менее претерпели некоторые изменения: *ата-баба нигезе* (основание рода), *фәнни нигез* (научная основа), *суз нигезе* (основа слова), *эсэр нигезе* (основа произведения), *дәүләт нигезе* (основа государства), *пирамида нигезе* (основание пирамиды) и др.

Лексико-семантическая вариативность¹ слова в языкознании обусловлена явлением многозначности (полисемии). Вопросы лексико-семантической вариативности в русском языкознании широко освещаются в трудах А. И. Смирницкого, О. С. Ахмановой, Д. Н. Шмелёва, Р. А. Будагова, Ю. Д. Апресяна, Н. М. Шанского, А. А. Уфимцевой, Л. А. Новикова и др. В татарском же языкознании – в монографиях И. Б. Башировой, Д. М. Гаптелганиевой, А. К. Булатовой. Перечисленные учёные отмечают, что лексико-семантическая вариативность слова не наносит ущерба его тождественности. Как было сказано выше, если совокупность всех вариантов образует лексема, то в рамках контекста реализуется только один из её вариантов.

Таким образом, тождественность слова может касаться как его внешней формы, так и внутренней природы. Употребление слова в разных вариантах не наносит ему ущерба, то есть слово представляется как самостоятельная, однородная единица.

Тождество слова сохраняется и тогда, когда внутренняя связность и целостность слова претерпевают некоторое изменение внешней формы, без изменения его внутренней природы, или, наоборот, когда внутренняя природа и внешняя форма остаются неизменными.

Говоря о тождестве слов, следует сказать об омонимах – словах, внешняя формы которых полностью совпадает. Тогда возникает вопрос: «Эти виды слов являются вариантами одного и того же слова или это два разных слова (может быть, трёх и более)?».

Для примера возьмем слово *яр*. В словаре указаны три его самостоятельных значения: *яр* (берег) I. *суш.* граница между водой и сушией; смежный с водою край, полоса земли. **Яр өстендә басып тору** (Стоять на берегу). *Яр II. суш.*

Яр II. ис. Возлюбленный, любимый человек. *Син минем гомерлек ярым.* (Ты любовь всей моей жизни.) *Яр III:* объявлять / объявить,

¹ См. подробнее в разделе «Явление многозначности в татарском языке»: *Баширова И. Б.* Татарский литературный язык. Семасиология. Казань, 2010. С. 32–67, 104–174.

сообщение, объявить громко. *Керу белән яр салды* (Войдя объявил) (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 78). Кроме того, в речи у существительного *яр* встречается омонимия с глагольной формой *яру* (колка) в отдельной грамматической форме, например, *син утын яр* (ты руби дрова).

В татарской поэзии широко распространено использование подобного рода слов рядом в определённых стилистических целях для создания поэтики: *Кара әле, кара: Каен яфрак **яра** (1). Каюм утын **яра** (2), Кулларында – **яра** (3). Бабай, шаулап кара, Чыбык белән **яра** (4). Менә әйбәт чара – Шәрәф шәрран **яра** (5)*. (Р. Миннуллин)

В приведённом примере слово *яра* повторяется пять раз.

Рассмотрим, является ли они вариантами одного и того же слова, то есть сохраняются ли тождественность, или здесь сталкиваются несколько самостоятельных слов? В 1-м, 2-м, 3-м, 4-м случаях используются лексико-семантические варианты глагола *яр*, так как в каждом из них наблюдается сохранение присущей номинативному значению семантики 'разрезать, разделить пополам'.

В четвёртом случае *чыбык белән **яра*** слово *яра* употребляется в переносном значении, свойственном разговорной речи, но, несмотря на значительное отдаление от первоначального смысла, связь с ним не утрачивает. В случае с *Шәрәф шәрран **яра** (5)* слово *яра* входит в состав идиоматического, устойчивого сочетания и вместе со словом *шәрран* означает «кычкыру» (кричать). В этом случае мы можем утверждать, что использовалось самостоятельное отдельное слово (лексема), не совпадающее с предыдущими случаями.

Вопрос может возникнуть и в связи с производными словами. Как известно, существует семантическая связь между словообразовательной основой (мотивирующим словом) и производным словом (мотивированным словом), например, *эш* → *эшче* (работа → рабочий); *төй* → *төйгеч* (мять → пестик); *аш* → *аша* (суп → ешь) и др.

Тем не менее эти слова претерпевают изменения как внешне (присоединяется словообразовательный аффикс), так и внутренне (меняется лексическое значение слова), в результате чего из мотивирующего слова образуется новое самостоятельное слово (*эш* – предмет, *эшче* – субъект; *төй* – процесс, *төйгеч* – предмет; *аш* – предмет, *ашау* – процесс).

Таким образом, в процессе речи слово, будучи языковой единицей, претерпевает различные изменения. Если в результате этих изменений сохраняется связь с основными свойствами, качествами, присущими внутренней и внешней природе слова, то оно сохраняет и свою идентичность, а если эта связь утрачивается, то возникают самостоятельные слова.

Лексическое значение слова

§ 7. Общие сведения о значении слова

В языкознании прослеживается многообразие трактовок в толковании значения слова в виду многоаспектности и сложности самой его природы. И потому выбор определения будет зависеть от того, какой аспект слова будет выдвигаться на передний план. Так, в общем языкознании существует понимание значения слова в функциональном, концептуальном, и собственно лингвистическом (семасиологическом) направлениях.

Функциональный подход к определению значения слова восходит к Л. Витгенштейну. По его мнению, «То, что не может выражаться в знаке, выявляется при его применении. То, что скрывают знаки, показывает их применение» (Витгенштейн, 1959: 39). Эта мысль была также развита в работе «Философские исследования» и привела его автора к выводу, что значение слова выражается не в его связи с предметом, а в его употреблении. Таким образом, слово понимается им как инструмент, и такой подход уводит от изучения языковых единиц в гносеологическом аспекте.

В русском языкознании объяснение значения слова в связи с его употреблением встречается у В. А. Звегинцева: «в плане чисто лингвистическом значение слова определяется его потенциально возможными сочетаниями с другими словами, которые составляют так называемую лексическую валентность слова. Совокупность таких возможных сочетаний слова фактически и обуславливает существование лексического значения как объективно существующего явления или факта системы языка. Соединяя слова в речи, мы выбираем те из существующих и закреплённых за данными словами типов потенциальных сочетаний, которые наибольшим образом соответствуют целям коммуникации (Звегинцев, 1957: 123).

Исследователи значения слова в *концептуальном* (когнитивном) аспекте рассматривают его как часть концепта. В рамках этого направления значение понимается как отражение предмета, явления, процесса в рамках какой-либо материальной оболочки в сознании носителей языка. Большую роль в процессе познания того или иного явления играют особенности восприятия мира представителем определённой нации. Из своеобразного сочетания значений языковых единиц, относящихся к определённой языковой системе, складывается семантическая картина. Семантическая сущность лексических единиц формируется в результате особенностей восприятия мира, сложившихся на основе исторического и культурного прошлого народа. Представители концептуального

направления определяют концепт как продукт когнитивного сознания человека, а смысл – как компонент языкового сознания, участвующего в создании речи. В общем языкознании это направление находит отражение в трудах В. Гумбольдта, Э. Сепира, Б. Л. и др.; в русском языкознании в известных трудах по философии языка: К. С. Аксакова, Н. П. Некрасова, Ф. Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А. А. Потебни, В. Н. Телия, Ю. С. Степанова, А.Д. Арутюновой, Н. И. Толстого, В. А. Масловой, Е. С. Кубряковой и др. в татарском языкознании в трудах Р. Р. Замалетдинова, Г. Р. Галиуллиной и др.

Если рассматривать понятие «значение слова» в лингвистическом, а точнее в семасиологическом аспекте, то мы также наблюдаем многообразие его определений. Например, значение толкуется и как отражение предмета действительности в сознании (О. С. Ахманова), и как отношение (Л. С. Бархударов), и как совокупность лексико-семантических вариантов слова (В. А. Звегинцев) и др. Подобное разнообразие во взглядах на природу значения слова объясняется тем, что в нём интегрированы несколько значений.

Безусловно, при толковании понятия «значение слова» определяющим является его лексическое значение. Однако помимо лексического, в слове различают грамматические и словообразовательные значения. Поэтому термин «значение» употребляют при объяснении содержания, внутренней формы языковых единиц, и рассматривается как противопоставление внешней форме языковых единиц, то есть специфике их выражения в речи.

Таким образом, семасиология изучает внутреннюю природу лексических и грамматических значений языковой единицы.

Являясь основными смысловыми единицами языка, слово, морфема и синтаксема имеют своё значение, но при этом их природа может быть раскрыта только в пределах слова.

По этой причине семасиология направлена на изучение лексического значения слова, в то время как морфология и синтаксис основное свое внимание уделяют его грамматическому значению, а объектом изучения словообразования становится словообразовательное значение.

Лексическое значение слова – это содержание, внутренняя природа / форма слова, отражение в слове того или иного явления действительности (предмет (стол, ложка, стекло), признак (белый, чёрный, жидкий), действие (ходить, читать, смотреть) и др.

Грамматическое значение слова – это обобщённое, отвлечённое языковое значение, присущее ряду слов и словоформ, синтаксическим конструкциям и находящее в языке свое регулярное (стандартное) выражение (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 2000: 116).

Грамматическое значение слова соотносит его с каким-либо грамматическим классом слов (например, слово *ана* (сестра), определяя субъект, относится к классу существительных), определяет его место ряду словоформ (*ана* – *ана-ның*, *ана-га*, *ана-ны* (сестра – сестры сестре); *ана* – *апалар* (сестра – сестры) и др.), его роль в словосочетании или предложении (*апаның китабы*, *ана көлә* – книга сестры, сестра смеется). И если лексическое значение слова индивидуально, что позволяет отличать его от других слов, то его грамматическое значение категориально и характерно для большой группы слов.

Для сравнения рассмотрим слова *тәрәзә* (окно), *перо* (каләм), *чынаяк* (чашка). Перечисленные слова относятся к классу имён существительных, выражают значение именительного падежа, единственного числа, значение предметности (категориальное значение¹), однако каждое из них имеет свое лексическое значение, т. е. неповторимое, индивидуальное.

Например, *тәрәзә* (окно)² – пропускающие свет отверстие или ниша со стеклом в стене строения, в котором живет, работает или находится человек; *каләм* (перо) – инструмент, используемый для письма, черчения, рисования; *чынаяк* (чашка) – фарфоровая или фаянсовая посуда.

Помимо перечисленных значений, в слове различаются словообразовательные значения. Словообразовательными значениями называются обобщённые значения, возникающие между словообразовательной основой и вновь образованным словом. Например, существительные, обозначающие орудие действия, образуются от глагольных основ с помощью аффиксов *-гыч/-геч* (*-кыч/-кеч*): *кис-кеч* (резец), *сөз-геч* (дуршлаг), *төй-геч* (мялка), *сорт-кеч* (тряпка для вытирания). С помощью этих же аффиксов могут образовываться производные имена со значением лица, животного: *бел-геч* (специалист, профессионал), *ерт-кыч* (хищник),

¹ Обычно в слове в качестве базовых значений выступают лексические и грамматические значения, в то же время в языкознании наблюдается выделение категориального значения, объединяющего два эти значения и свойственного группам слов. Одна группа ученых рассматривает этот вид значения в рамках лексического, другие – в рамках грамматического значения. Категориальное значение – это значение, характерное для определённой группы слов. Например, для имени существительного характерно категориальное значение предметности, для глагола – значение действия, процесса, для имени прилагательного – значение признака предмета и т. д. Некоторые ученые (напр., В. С. Юрченко) рассматривают этот вид значения как компонент, имеющий свое место в семантической структуре слова. Об этом подробнее: Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. М.: комКнига, 2005. С. 81.

² Согласно «Толковому словарю татарского языка», в приведённых примерах даны только основные, номинативные значения слова.

корт-кыч (вредитель). В этих примерах словообразовательные значения – значения орудия и субъекта. Словообразовательная основа в большинстве случаев мотивирует обобщённое значение вновь образованного слова. Потому в лингвистике производную основу называют мотивирующим словом, а вновь образованное слово – мотивированным словом (Хисамова, 2006: 32). Между мотивирующим и мотивированным словами существует не только структурная, но и смысловая связь. Отсутствие таковой связи не соответствует закономерностям словообразования. Например, производное слово *тарак* (расчёска) образовано от глагола *тара-* (расчёсывать) с помощью словообразовательного аффикса *-к*, если же разделить это слово на формы *тар* (узкий) и *-ак*, то смысловая связь исчезает.

Другая важная закономерность заключается в том, что основа в составе производного слова должна употребляться в языке в том же значении. Например, слова *илэк* (сито, решето) и *чилэк* (ведро) схожи по звуковому составу, но слово *чилэк* – это корень, который невозможно разделить по составу на *чил-эк*. Аналогичный пример и в случае со словом *илэк*: в татарском языке между корнем *ил* и словом *илэк* нет смысловой связи, слово *илэк* – это производное от глагола *иләү* и означает орудие для производства действия.

В сознании носителей татарского языка различаются первичные и вторичные значения, то есть обычно говорящие на данном языке видят связь между мотивирующим словом и мотивированным словом и легко различают, на основе какой единицы образовано то или иное слово (если эта связь не исчезла окончательно в процессе развития языка): (сравним: *тимерче* (кузнец) – мастер, занимающийся обработкой металла; *авылдаш* (односельчанин) – человек, живущий в одной деревне; *берсүзсез* (безоговорочно) – отсутствие значения, выраженного мотивирующей основой; (*кук*, *яфрак*) *йөзе* – (небо, лист) лицо – внешняя плоскость, поверхность, видимая часть и др.).

В отличие от средств грамматического словообразования, в словообразовательных аффиксах не наблюдается универсальности, их возможности при образовании новых слов ограничены (Ганиев, 2006: 17). Следует отметить, что словообразовательное значение по своей природе несколько ближе к лексическому значению, то есть оно более конкретное, индивидуальное, чем грамматическое, оно выражает значение, характерное для одного типа словообразования. Например, в таких словах, как *илэк* (сито), *көрэк* (лопата), *сәнэк* (вилы), *тарак* (расчёска), выражается значение орудия; в словах *аксак* (хромой), *елак* (плакса), *куркак* (трус), образованных от глаголов с помощью аффикса *-к/-ак*, выражается значение

субъекта. Однако его индивидуальность раскрывается не внутри одного слова, а в рамках одного словообразовательного типа.

В отличие от лексических значений, грамматические и словообразовательные значения всегда выражаются с помощью определённых форм; если грамматическое значение выражается с помощью модальных, соединительных аффиксов или других связывающих средств, то словообразовательное значение выражается с помощью словообразовательных аффиксов.

Как отмечает выдающийся русский языковед академик В. В. Виноградов, полное раскрытие смысловой структуры слова, т. е. не только его вещественного отношения, но и целостного «пучка» его значений, всех его грамматических форм и функций, его экспрессивных и стилистических оттенков, строя его «внутренних» форм возможно лишь на фоне всей лексической системы и в связи с ней (Виноградов, 1977: 26).

Итак, компонентами общего значения слова являются лексические, грамматические, словообразовательные (в производных словах) значения. В то же время лексическое значение, являясь основным значением слова, отличается от грамматического, словообразовательного тем, что оно индивидуализировано, живёт в рамках одного слова, в то время как грамматическое и словообразовательное значения выражают обобщённое, абстрактное значения. Также они существуют как составные части, компоненты лексического значения. Семантическая структура слова складывается исключительно из взаимодействия этих компонентов.

§ 8. Аспекты значения слова

Размышляя о значении слова и его содержании, следует отметить, что возникновение и существование лексического значения зависит от лингвистических и экстралингвистических факторов. Многообразие этих факторов, разнородность выражений в значении слова способствуют изучению лексического значения слова в следующих аспектах:

1) семиологический аспект – содержание лексического значения, связанное с возможностью выражения окружающей действительности;

2) структурно-семантический аспект – лексическое смысловое содержание, связанное с возможностью формирования смыслового строя слова;

3) прагматический аспект – зависимость лексического значения слова от возможностей его употребления.

Для многоаспектного представления природы и содержания лексического значения слова важно рассмотреть его в каждой из этих плоскостей.

Исследование лексического значения слова в семиологическом аспекте (греч. *semeion* – знак) – это изучение того, как через слово отражаются в сознании человека явления объективной действительности. В этом случае слово представляется как символ, знак, то есть единица, заменяющая действительное явление, предмет, процесс, признак и т. д. в процессе мышления, речи. Язык есть знак, структура, состоящая из материальной оболочки (внешней формы) и её внутренней природы – смысла. Знак возникает в сознании в процессе мышления, реализуется с помощью слов, поэтому слово воспринимается как наиболее распространённый, типичный вид языкового знака, поскольку именно с его помощью передаются из поколения в поколение накопленные веками знания языкового коллектива, особенности восприятия мира. Слово, его содержание – это способ накопления информации, её описания, объяснения с национальной точки зрения.

Первичное, номинативное значение слова находится в прямой связи со знаком. Таким образом номинативное значение становится опорой, основой для возникновения других значений. Информация, собранная народом в течение длительного периода времени, полностью аккумулируется в первоначальном значении слова, благодаря чему различные представления, сравнения, отождествления обогащают природу словесного знака, добавляют новые оттенки. Вступая в отношения с другими языковыми знаками, знак начинает приобретать вторичные, переносные значения. Например, номинативное значение слова *камень* – твердая горная порода и её часть (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 523). Этот основной смысл послужил базой для появления значительного количества переносных значений слова *камень*. Среди этих переносных значений наиболее употребительны такие, как ‘жестокый, бессердечный, немилосердный’, ‘твердый, крепкий’.

Возьмём другое слово, сохранившее номинативное значение ещё с древнетюркского языка – слово *тимер* (железо). Свойства, присущие данному металлу, послужили основой для возникновения метафорических значений. В результате семантического развития, абстракции возникли вторичные значения, и в лексеме *тимер* активизировались значения ‘твердый’, ‘крепкий’, ‘сильный’. Новый этап познания окружающей действительности, в частности, постепенное проникновение этого металла в жизнь, привел к тому, что слово *тимер* стало употребляться в составе различных устойчивых словосочетаний, например, во фразеологизмах *тимер йөрәк* (железное сердце), *тимер кул* (железная рука), *тимер холык* (же-

лезный характер) и т. д., которые возникли в результате метафорического переноса, вошли в устойчивое употребление.

Семасиологический способ означивания явлений объективной действительности связан с первичным знакообразованием. Слово как знак является когнитивной единицей языковой системы и выполняет функцию превращения явлений действительности в явления мышления, показывая тем самым источник, результат новых форм, оттенков, возникающих в сознании. Например, если взять слово *жыл* (ветер), то первоначальный смысл этого языкового знака – движение воздушного потока. В знаковой системе татарского языка это слово отражает значительную информацию, накопленную на протяжении веков. В первую очередь татарский народ понимает под словом *жыл* (ветер) влияние, воздействие, действие чего-либо. Например, *бэйрэм жыле* (праздничный ветер) – это первые признаки какого-то события, ситуации. Также в татарском языке используются такие выражения, как *хөррият жыле* (ветер свободы), *тормыш жыле* (ветер жизни), *язмыш жыле* (ветер судьбы), *картлык жыле* (ветер старости), и в них реализуется вторичный смысл этого языкового знака. Различные аспекты информации, лежащие в основе слова *жыл*, ярко отражены и в памятниках татарского народного устного творчества. К примеру, *жыл тидермәү* – очень бережное отношение, *жылга жигелеп, бозга бозаулап йөрү* – слушая всякого / всех подряд, прожигать жизнь, *жиллар исү* – внезапно исчезнуть, *жилдә өлгер, зитә сизгер* – об очень предприимчивом человеке и т. д.

Внутренняя форма языкового знака представлена двумя значениями. Первая из них – денотат (лат. *denotatum* – обозначаемое) обозначаемый предмет. Обычно денотатом слова является предмет, явление, событие, чувство, процесс, различные понятия и т. д. Денотат в широком смысле характеризует предмет, явление одного вида, например, *өстәл* (стол), *тәрәзә* (окно), *урман* (лес) – предметы, *утыра* (сидит), *бара* (идёт), *йоклы* (спит), *укый* (читает) – процесс, *матур* (красивый), *ак* (белый), *боек* (грустный), *язгы* (весенний) – признак. Денотативное значение слова – это номинативный и информативный компоненты значения, абстрагированные от стилистических (эмоциональных, оценочных и экспрессивных), прагматических и других компонентов содержания (Современный русский язык, 2001: 198).

Говоря о денотате слова, следует остановиться и на понятии «референт». Внутри речи лексическое значение слова находится в связи с конкретным объектом, явлением, предметом, процессом реальной действительности. Например, в предложении *Койма буеннан, чуллыларын чылтыратып, узара көлешә-көлешә, кызлар узып бара*. (Вдоль ограды, звеня накосниками и смеясь между собой, проходят девушки.)

(Г. Баширов) значения слов *койма* (ограда), *чулпыларын* (накосниками) называют конкретные предметы, описываемые в данном контексте. Названные этими словами предметы называются референтами (лат. *referentis* – относящийся, сопоставляющий), а значения слов в данном случае называют конкретно-референтным значением. Говорящий в данном случае представляет определённый предмет или явление, например, в контексте *Авылда тагын бер карт кеше бар. Анысы – Гөлҗиһан аби...* (В деревне есть еще одна старушка. Это бабушка Гульджихан...) (И. Гази) это бабушка Гульджихан; в предложении *Койма буенда зәңгәр тышлы дәфтәр ята.* (У забора лежит тетрадь с синей обложкой.) (Г. Сабитов) слово *тетрадь* является примером этому.

Если денотат является общим названием предметного ряда, то референт – это объект внеязыковой действительности.

Класс предметов имеет устойчивую семантическую структуру; в процессе речи наблюдаются различные изменения, вариативные употребления, не затрагивающие содержания речи. Таким образом, денотативный смысл слова в процессе речи не теряет своей актуальности, свойственной первичному смыслу, всегда сохраняет его основные свойства.

Другая сторона лексической смысловой структуры – сигнификат (сигнификативное значение). С и г н и ф и к а т (лат. *significātum* – обозначаемое) – это связь языковой единицы с понятием, т. е. понятийное содержание слова. Под сигнификативным значением понимают общее отражение в сознании человека определённого предмета, явления, признака, процесса. Согласно семиотической теории, сигнификативное значение выражается отношением знака к сигнификату, точнее, к понятию.

При назывании конкретного предмета или абстрактного объекта, слово не обозначает конкретный предмет. В первую очередь то или иное слово создает обобщённое представление о предметах, явлениях. Возьмем, к примеру, слово *урындык* (стул). Оно обозначает не конкретный стул, а сохранённую в нашем сознании совокупность свойств данного предмета; из основных свойств, характерных для всех стульев, выделяется общий признак, который определяет предмет, имеющий поверхность, пригодную для сидения. Внутри различают виды стульев (с опорой для спины, с подлокотниками или без них и т. д.). Даже когда мы называем глагол *йоклау* (спать), подразумевается не кто и при каких условиях спит, а вообще состояние. Наше сознание хранит в себе тот или иной предмет, явление, процесс, признак как обобщающее понятие.

Во внутренней форме большинства слов, употребляемых в языке, можно выделить денотативный и сигнификативный компоненты, однако в ряде слов языка, в частности, в дейктических словах, названные значения

выражены не полностью. Для примера остановимся на именах собственных, в частности, антропонимах. Денотат антропонима – конкретный человек, носящий имя, которое помогает выделить одного из группы людей и назвать его. Этим он отличается от денотата других лексических единиц. Любое названное имя создает представление, связанное с носителем этого имени. Сигнификативная сторона имён также отличается от других типов лексических единиц. Если сигнификативный смысл нарицательных слов раскрывается через понятие, то в имени собственном он связан с конкретным человеком, даёт о нём определённую степень информации о национальности, приблизительном возрасте, поле названного человека.

В семасиологической науке объяснение, связывающее сигнификат с понятием, получило широкое распространение в трудах, написанных в традиционном направлении. В научных трудах и учебниках, посвящённых лексикологии татарского языка, вместо термина «сигнификат» использовался термин «понятие». Поэтому мы считаем необходимым отдельно остановиться на термине «понятие», признав сходство между ними.

Понятием называют единицу мышления, отражающую общие и существенные признаки реального предмета, явления (Сафиуллина, 1999: 12). Когда слово называет конкретный предмет или абстрактный объект, то оно не обозначает конкретный предмет. В первую очередь то или иное слово создает обобщённое представление о предметах, явлениях.

Если вначале в сознании людей отражаются предметы, которые можно видеть и чувствовать, то по мере развития способности мыслить открывается путь к абстракции. В понятиях отражаются не отдельные признаки, относящиеся к тому или иному предмету, а только общие, существенные. Понятия общие для всех народов, но они реализуются в словах, носящих национальный характер. Например, в основе слова *төлке* (лиса) лежит понятие: длиннохвостое хищное животное из семейства псовых. Основные черты, присущие этому животному (хитрость, ловкость, в определённой степени красота), обуславливают появление дополнительных, переносных значений слова. Именно поэтому человека, обладающего этими качествами, называют словом лиса: *Төлке дә инде ул!* (Ну и лиса же он!); *Син төлкеләнмә.* (Ты не хитри.) и т. д.

Понятия, выраженные словами, обычно содержатся в энциклопедических словарях, так как объектом их описания являются предметы, явления и понятия объективной действительности. В зависимости от типа лингвистических словарей описываются семантические, грамматические признаки слова, а в энциклопедических словарях даётся толкование понятия. Возьмём, к примеру, слово *ишен* (молния). В толковом словаре татарского языка представлена следующая информация, связанная с этим словом:

Яшен – сущ. 1) сильная искра, возникшая в результате разряда атмосферного электричества в воздухе, проявляющаяся яркой вспышкой. *Летняя м.*; 2) *перен.* проблеск, лучик, зачаток какого-то чувства (надежды, счастья, таланта, свободы); 3) *о силе.* проворный, ловкий, шустрый. *Яшен суккандай булу (калу)* – растеряться. *Яшен ташы (кебек)* – о человеке вспыльчивом, быстром, подвижном, остроумном. *Яшен тизлеге белән (тизлегендә)* – молниеносно, очень быстро (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 739).

В энциклопедическом словаре даётся следующее толкование молнии и связанных с ней явлений: *молния* – электрический разряд, возникающий между поверхностью земли и облаками, протяженностью в несколько километров, диаметром в несколько десятков сантиметров, длительностью в доли секунды, обычно сливается с небесным телом (Татарский энциклопедический словарь, 2002: 817).

Связь между понятием и словом возникает в результате взаимодействия людей. У каждого отдельного периода есть слова, понятные людям, живущим в это время. Основная функция слова, выражающего понятия – номинативная. Понятие служит для того, чтобы отличать одно явление, предмет от другого. Следует отметить, что не все слова в языке выражают понятие. Эта особенность присуща только самостоятельным словам. Но и среди самостоятельных слов, как уже упоминалось ранее, есть те, которые понятия не означают. К ним относятся имена собственные, местоимения, наречия, звукоподражания.

Таким образом, понятие – это главный, но не единственный признак значения слова. Помимо понятия в значение слова входят экспрессивные элементы, грамматические признаки, контекстуально-стилистическая окраска. Например, понятие *ак* (белый) мы можем выразить с помощью слов *ап-ак* (белоснежный), *ак* (белый), *аксыл* (белёсый). Это же понятие выражают и глаголы *агарту* (выбелить), *аклау* (отбелить). В этот ряд можно включить и слово с абстрактным значением *аклык* (белизна).

Таким образом, денотативное и сигнификативное (понятийное) значения в слове находятся в прямой связи. Денотат называет предмет, а сигнификат объединяет в себе его постоянные или переменные признаки, обобщая их.

Семантическая структура лексического значения характеризует строение значения слова, возможность его внутренней семантики стать основой для создания других значений. В нём сохраняются типичные и характерные черты реальной действительности, которые человек может воспринимать в сознании и давать ему толкование.

При структурно-семантическом исследовании в лексическом значении слова выделяют центр, ядро (обыденное и научное понятие), окружность

ядра (коннотации), периферию (все потенциальные и возможные значения). Семантическая структура большинства слов, используемых в татарском языке, объединяет эти компоненты, на основе которых формируется полная семантическая структура слова. Возьмем, к примеру, слово *йомшак* (мягкий). В основе значения данного слова лежит значение «не твердый, не плотный на ощупь». В окружность ядра входят следующие значения: «искалеченный, изувеченный, уродливый; плохой; бессильный» (*йомшак ишету* (слабый слух), *йомшак сизу* (слабое обоняние)); «слабовольный, подавленный, скромный» (*йомшак кеше* (мягкий человек), *йомшак хольк* (мягкий характер)); «неадекватный, несовершенный, слабый, плохой» (*йомшак эсэр* (слабое произведение), *йомшак доклад* (плохой доклад)) и т. п. Периферию составляют такие редко употребляемые в языке значения, как *йомшак алтын* (мягкое золото / драгоценный мех); йомшак баш (мягкая голова / тупица; дурень, дуралей (*прост.*)).

Прагматический аспект лексического значения слова включает эмоциональную оценку и разнообразные коннотации, обусловленные отношением говорящего к обозначаемому знаком объекту действительности.

Термин прагматика (от греч. *pragma*, род. п. *pragmatos* – дело, действие) – область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых единиц в речи (Языкознание. Большой энциклопедический словарь, 2000: 389). Прагматическая сторона знака актуализирует в процессе общения определённую сторону в зависимости от цели высказывания. В языкознании данный термин считается относительно новым, так как вошёл в активный научный оборот только в 30-е годы XX века как один из разделов семиотики. Тем не менее сегодня это направление считается весьма популярным и достаточно изученным.

Именно в прагматическом аспекте происходит изучение особенностей употребления различных значений слова, зависящих от субъекта и цели речи, возникновения постоянных и нестатичных значений, тактик речи, правил, информации, произносимых и воспринимаемых в речевом потоке, скрытых или переносных значений знаков, используемых в речи, отношении говорящего к сообщаемой информации, способов оценки и т. д.

Все это связано с историческими, культурными, общественными предпосылками, повлиявшими на формирование и развитие татарского языка, так как использование языковых знаков, возможность актуализации того или иного их значения может осуществляться только на основе данных, накопленных в процессе развития языка.

Прагматическая сторона лексического значения, выражающая отношение говорящего к объекту речи, помимо денотативных и сигнификативных значений, включает эмоционально-экспрессивные, коннотативные

значения. Это, в свою очередь, тесно связано как с историко-культурными особенностями развития языка, так и с социальным статусом, психологическим состоянием говорящих.

Говоря о прагматической стороне слова, следует отметить, что основным объективным, принятым в языке свойством знака называют смысл, дополненный или изменённый под влиянием субъективных факторов. В связи с этим на последних этапах развития семасиологии, помимо интереса к статичному состоянию языка (единству денотата и сигнификата), большое внимание стали уделять изучению эмоционально-оценочных возможностей языка, которые могут быть раскрыты только в контексте речи.

Сочетая денотативную и сигнификативную стороны в рамках семантической структуры лексического значения, прагматическая сторона, выбрав один из знаков, имеющих одинаковое смысловое содержание, позволяет этому знаку выразить отношение к называемому явлению, предмету. При наличии прагматического аспекта в структуре лексического значения языковых единиц их главной особенностью является способность выражать эмоциональное содержание. Одним словом, языковые единицы выполняют не только коммуникативную функцию, но и оценочную.

Как правило, прагматический аспект лексического значения проявляется в том случае, когда необходимо передать эмоциональную, экспрессивно-стилистическую окраску слова, его природу. Например, в предложении *Жаһидә кызларны назлап сыйпады: Ярый, үскәнем, ярый, шикәрәм, юыныйм да хәзер килермен, туташ көтөп тормасын, сез китегез.* (А. Исхаки) (Загида девочек ласково погладила: хорошо, милая, хорошо, сладкая моя, умоюсь и сейчас приду, тётя пусть не ждёт, вы идите.) слова *үскәнем* (милая), *шикәрәм* (сладкая моя) выражают теплые чувства к адресатам, в их лексическом значении ярко проявляются положительные эмоции по отношению к собеседникам.

По мнению лингвистов (например, И. А. Стернина), денотативный, сигнификативный и прагматический аспекты лексического значения слова воспринимаются как макрокомпоненты. Каждый из них состоит из более мелких компонентов. Микрокомпонентом прагматического аспекта является коннотативное значение.

Коннотативное значение (лат. *connotatio* – иметь дополнительное значение) – это компонент лексического значения, обладающий эмоционально-экспрессивной, стилистической окраской, оттенками, дополняющий основное, именное, денотативное значение слова.

В современной семасиологической науке вопрос о сущности коннотаций, заложенных в значении слова, является одним из важнейших.

В частности, в трудах В. В. Виноградова, М. А. Кронгауза, В. Н. Телии, И. В. Арнольда, В. И. Шаховского, Э. С. Азнауровой, А. В. Филиппова, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, Л. А. Сергеевой, В. И. Говердовского, В. Н. Манакина, А. Н. Приходько, в татарском языке И. Б. Башировой, Г. Р. Галиуллиной, Н.Ф. Галиевой и др. в сравнительном, описательном и когнитивном аспектах отражаются взаимодействия денотативного и коннотативного значений слова. В исследованиях указанных учёных вызывает споры проблема места коннотативного компонента в структуре лексического значения слова. Например, если одна группа учёных (Э. С. Азнаурова, И. В. Арнольд, В. Н. Телия, В. И. Шаховский и др.) рассматривает коннотативный компонент как составную часть семантической структуры номинативных единиц, то другая (Ю. Д. Апресян, Н. Г. Комлев, Д. Н. Шмелёв и др.), наоборот, выступает против рассмотрения коннотации как составной части значения слова. В татарском языкознании мы встречаем лишь общие представления о коннотативной стороне слова.

Коннотативное значение можно понимать двояко: в узком смысле оно дополняет объективное, первичное значение языковой единицы, являясь базой вторичной номинации в результате различных ассоциативно-образных представлений. В более широком смысле термин «коннотативное значение» понимается как компонент, дополняющий денотативное и грамматическое содержание слова, придающий ему экспрессивность.

Коннотация состоит из оценочных, эмоциональных, экспрессивных, ассоциативно-образных, стилистических элементов.

Слово приобретает коннотативное значение только в том случае, когда передаёт определённые эмоции, переживания. Обычно эмоции делят на положительные и отрицательные. И такие эмоции, как сожаление, гнев, удивление, любовь, неприязнь, презрение, обида, существуют как коннотативный компонент в семантической структуре слова. Например, такие лексические единицы, как *карлыгачым* (ласточка моя), *жымешем* (ягодка моя), *алтыным* (мой золотой), *сандугачым* (соловушка мой), *куз карам* (ненаглядный мой) в речи в переносном значении выступают в качестве синонимов, в которых присутствует такой коннотативный компонент, как любовь и привязанность.

Другим важным элементом коннотативного значения является экспрессивность. Основной предпосылкой для обнаружения этого компонента в слове является либо повышение образности слова, либо подчёркивание, выделение элемента действительности, о котором идёт речь, с помощью другого средства. Например, в процессе речи говорящий использует различные экспрессивные средства с целью подчеркнуть определённые

качества описываемого объекта, субъекта, стремясь тем самым дать точную оценку.

Таковы в татарском языке слово *колга* (шест), используемое для оценки внешних качеств человека, в частности, имеющего высокий рост, и слова *ишәк* (осёл), *куян* (заяц), *этәч* (петух), встречающиеся при описании внутренних качеств личности.

Подтверждением сказанному являются и выражения, используемые для указания на степень удаленности объекта, например: *Каф тавы артында* (очень далеко), *жәһәннәмдә* (в аду, в преисподней, за тридевять земель, у чёрта на куличках), *Агыйделнең аръягында* (там за горизонтом).

Наличие или отсутствие этих элементов в лексическом значении слова напрямую связано с особенностями языковой личности, восприятия человеком мира, окружающей действительности. Точнее говоря, в лексическом значении слова отражаются те знания, которые человек приобретает в результате объективного и субъективного познания мира.

Если объективная сторона этих знаний возникает в результате восприятия физических свойств предметов, явлений, признаков и процессов, то субъективная – выражается в оценке явлений, выделении основных свойств, присущих этим предметам.

Возьмём, к примеру, слово тюрко-татарского происхождения *чүп* (сорняк), внутренняя форма и семантика которого ясна для носителей татарского языка. Его номинативное значение – ненужные, выброшенные отходы, различные мелочи; остатки сырья, материалов, остающиеся при изготовлении различных изделий (*пычкы чүбе* (опилки), *ышкы чүбе* (стружка) и т. п.). В то же время в татарском языке слово *чүп* (сорняк) активно употреблялось и в сочетании с лексемой *үлән* (трава) для обозначения дикорастущей травы, произрастающей на земле, засеянной зерновыми или другими культурами, в результате чего образовалось словосочетание *чүп үләне* (сорняк). В процессе же развития языка вследствие субъективного восприятия человеком мира, различных сравнений и ассоциаций стали возникать и коннотативные значения этого слова. Так, со словом *суз* коннотативным компонентом семантической структуры слова *чүп* становится значение: несущественный, ненужный, бесполезный – *чүп суз*; в сочетании со словом *эш* – значение легкий, нетрудный, несложный, незначительный – *бу эш синең өчен чүп кенә* (эта работа для тебя пустяк).

Устоявшиеся в языке выражения *чүпкә дә санамау* (в грош не ставить), *чүп өстенә чүмәлә* (букв. прибавление к одной работе или трудности другой), *чүпкә чыгу* (букв. выбросить на свалку) и др. возникли в результате того, что языковая личность, объективно воспринимая мир, оценивает его субъективно в силу испытываемых ощущений и впечатлений.

В приведённых примерах совершенно очевидно, что слово *чуп* передаёт отрицательную оценку, которая непосредственно связана с антропоцентрическим фактором.

В представлении носителей татарского языка ощущения, возникшие на базе первичного номинативного значения слова *чуп*, вызывают в сознании человека различные ассоциации, которые появляются в семантике слова как отдельные её компоненты и впоследствии закрепляются, получая широкое распространение.

Следует остановиться на нескольких факторах, связанных с возникновением коннотативного значения в слове.

Во-первых, коннотативный компонент, обнаруживаемый в значении слова, тесно и непосредственно связан со временем и языковыми нормами, стандартами, преобладающими в обществе, общественных группах, культурными и политическими предпосылками. Во-вторых, очень важно наличие достаточного основания в мотивации, понимании и восприятии коннотативного компонента языковым коллективом.

Будучи одним из языковых средств, слова и их значения способны из поколения в поколение передавать менталитет народа, национальные особенности. К тому же информация, заложенная в лексическом значении слов, помогает увидеть изменения в национальных представлениях.

В содержании слова, наряду с его лексическим значением, присутствует и культурный компонент, объединяющий информацию, которая не выходит за рамки лексического значения слова, но в то же время дополняет его.

Рассмотрим особенности денотативной, сигнификативной и коннотативной сторон слова, отражающих национальное своеобразие в познании мира народом, возможности его оценки на примере лексемы тюркского происхождения *буре* (волк). Следует отметить, что среди древнетюркской лексики, используемой в современном татарском языке, особое внимание уделяется специфике употребления слов, связанных с природой, растительным, животным миром, их семантическому и культурному потенциалу. Они считаются единицами, в которых находят отражение развитие и изменение значений, дошедших до наших дней из древних пластов языка. Также в лексике данного типа ярко выражена способность народа по своему оценивать и видеть мир.

Итак, первоначально слово *буре* (волк) означало дикое животное. Все народы наделяли его такими качествами, как хищный, голодный, страшный. Это слово встречалось и в древнетюркском языке, наряду с синонимами *кашгар*, *корт*, и часто использовалось в письменных памятниках. В частности, в словаре М. Кашгари «Диване лөгатет-төрк» *буре* повторяется более

десятка раз и употребляется в основном в своём значении – «дикое животное», а также встречается переносное употребление в значении «злость», «зло», «страшный» (Kaşgarlı Mahmut, 2006, 1 cilt: 36, 106, 136, 336).

Большую роль в расширении сферы употребления слова в языке, манифестация его смысловых возможностей играет метафорический переход. На основе иносказания слово порождает новые ассоциации, которые реализуются в словах через национальное сознание и с национальной точки зрения. Перенос названия, основанный на сходстве и различии между предметами, получил широкое распространение в языке.

По нашему мнению, глубина семантического пласта вправе рассматриваться как один из критериев определения богатства языка.

В языке слово *буре* получает вторую жизнь благодаря метафорическому переносу, в результате которого у него появляются и новые значения. В процессе же вторичной номинации татарская национальная личность использует образы, стереотипы и символы, которые данное слово порождает. Стереотипы и образы, возникшие благодаря слову *буре*, восходят к языческим верованиям тюркских предков. В первую очередь волк – священное животное, тотем тюркских племён. В этом случае это слово содержит положительную коннотацию.

Такое двойное отношение к волку было распространено еще в древнем мире. Во-первых, как уже отмечалось, волк считался священным символом, а во-вторых, являлся символом опасности, поскольку причинял вред человеку и животным.

Эти два духовно-культурных кода слова *буре* сохранились и до наших дней. Например, о том, что в сознании современного татарского человека эти коды закрепились в двух значениях – «*ерткыч жәнлек*» (дикий зверь) и «*усал, явыз кеше*» (злой, злобный человек), свидетельствуют толковые словари современного татарского языка (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 108). О том, что волк являлся священным животным, свидетельствует и фразеологизм *буресе улау* (волчий вой). Следы этого значения сохранились до сих пор. Так, в «Словаре фразеологизмов татарского языка» Н. Исанбета данное устойчивое выражение приведено в значении: «добиться желаемого, обрести богатство, достичь положения, добиться счастья». Учёный замечает, что тюрки хорошо разбирались в охоте на волков и считали хорошей приметой вой волка. Основа этого поверья восходит к легенде, согласно которой спасти тюркским народам от вражеского племени помог вой волков, который показал им путь и спас потомков тюркских народов от смерти (Исанбет, 1989: 209).

Однако сегодня в сознании татар волк чаще воспринимается как символ зла и вражды. Основы этого метафорического образа также уходят

в глубокую древность – родовое общество. Когда охота и домашний скот являлись основным источником средств к существованию, волк, лишая человека пищи, становился врагом. В этом случае актуализируется значение «злой, злобный», и на передний план выступает отрицательная коннотация слова *буре*. Многочисленные примеры этому можно найти и в фольклорных памятниках. В доказательство нашей точки зрения мы приведём фразеологические выражения. В примерах *Буре тиресе ябынган* (волк в овечьей шкуре); *буреләр белән яшәсәң, буречә уларсың* (с волками жить по-волчьи выть); *бурек астында буре балалары асрау* (растить под шапкой волчат); *эчендә буресе улый кебек* (волком выть) понятие «злость» подчёркивается с помощью словосочетаний *буре тиресе* (волчья шкура), *буречә улау* (волком выть), *буре балалары* (волчье потомство), которые также усиливают отрицательное значение.

Кроме того, в устойчивых словосочетаниях волк также символизирует голод и бессилие, поскольку в поисках пищи он часто наведывался в деревни и наводил страх: *буре сырхавы* – волчья болезнь (мучиться от голода); *буре азыгы* – волчья пища (имеется в виду скот в загоне); *буре кебек ач, елан кебек ялангач* – голоден как волк, нагой как змея; *буре авыз* – волчья пасть и т. д.

Семантический потенциал прямого и переносного значений слова *улау* (выть, завывать) в татарском языке также раскрывается в сочетании со словом *волк*. В номинативном значении данное слово определяет звуки, издаваемые собаками и волками. На основе метафорического переноса возникает словосочетание *жил улау* (вой ветра). В этом случае негативная коннотация заметна не столь сильно. Слово *улау* в разговорной речи употребляется при описании протяжного плача, пения противным голосом или отчаянного рёва. И здесь явно ощущается негативное отношение говорящего.

Часто слово *буре*, сохраняя в сознании национальной языковой личности свое отрицательное коннотативное значение, употребляется для передачи различных значений. Анализ устойчивых выражений, имеющих в своём составе слово *буре*, позволяет обнаружить следующие смысловые и национально-культурные особенности:

1. В некоторых вариантах пословиц он признаётся символом преданности: *Буре бурене ашамас* (волк волка не съест); *буре күршесен ашамас* (волк не съест соседа); *буре дә күршесенә тими* (даже волк не трогает своего соседа); *буре дә күршесенә касд кылмас* (и волк не нападёт на своего ближнего).

2. Волк – символ силы: *Буре екса, эт тә туя, кош та туя* (Если волк победит, то и собака сыта, и птица сыта); *буренең көче – теиендә* (Сила

волка в зубах). Его сила также выступает на первый план при описании врождённой трусости человека: *бүредән куркып, урманга бармау* (волков бояться – в лес не ходить); *бүре күргән эт төсле* (увидевший волка смерти подобный); *бүрек ташлап, бүре куркыту* (букв. бросив шапку, от волка не спасёшься; закрыв глаза, беды не отведёшь); *бүрәнә аша бүре куу* (гнать волка через бревно).

3. Во многих устойчивых выражениях волк выступает символом свободы, поскольку живёт в дикой природе: *бүрене никадәр кадерләсәң дә, урманга карый* (сколько волка не корми – всё равно в лес смотрит); *бүре баласын бүреккә салсаң да, урманга карый* (даже если положить волчонок в шапку, в лес смотрит); *бүре малае* (волчонок).

Упомянутые выше коннотативные признаки были характерны для знаменательных слов. Рассмотрим коннотативно-семантические признаки, свойственные дейктическим словам на примере антропонимов. Как было сказано ранее, в антропонимической лексике денотативное и сигнификативное значения связаны с конкретным субъектом. Прежде всего антропоним используется для обозначения определённого лица, что мы называем прямой референцией антропонима, и в речи антропонимические единицы часто выступают вokkaзиональном значении. Коннотативное значение антропонима может проявляться в обоих случаях. В собственной функции проявлению коннотативного компонента способствуют стилистические аффиксы, в первую очередь, уменьшительно-ласкательные, типа *-кай/-кэй*: *Гөлкэй, Илкэй, Саниякэй, Сылукай*; *-ай/-эй, -и*: *Рамазан – Рамай; Гибадетдин – Гибай, Имаметдин – Имамый / Имай* и т. д.; *-уш/-уш*: *Зәйнетдин – Зәйнүш*, и аффиксы принадлежности 1 лица единственного числа *-ым/-ем*: *Галиям, Алмазым, Лилиям* и т. д. Функционирование антропонимов с вышеуказанными аффиксами возможно только в хорошо знакомой социально-культурной среде, ибо такой антропоним всегда соотнесён с конкретно-чувственным представлением о его носителе.

Коннотативное значение еще более ярко проявляет себя приokkaзиональном употреблении имён собственных (во вторичной номинации). В языковой среде, благодаря своей бинарной природе, антропоним может вбирать в себя те семантические признаки, которые свойственны нарицательным словам, то есть стремится обозначать класс предметов, явлений. Имя становится прецедентным в том случае, если оно хорошо известно всем представителям данного национального лингвокультурного пространства, является актуальным в познавательном и эмоциональном аспектах и активно функционирует в роли апеллятива в речи представителей данного лингвокультурного пространства. Например, многим татарам знакомы подобные случаи: *Мамай явы, Хужа Насретдин, Шәжүр карак, Шомбай, Мәжнүн гыйшык*.

Для того, чтобы имя обладало коннотативным содержанием, необходимо наличие контекста, в рамках которого собственное имя семантически расширяется, начинает обладать объёмной внутренней формой и приближается к нарицательным именам. В языковом материале можно найти сотни таких примеров. Например: *Гобдэй белэн Хобдэй булу; Рамазан агай килде; Гали үз эшендэ, Вали үз эшендэ; Бэдигь мэзин куркэсе; Галигэ дуслыктан түгел, Могавиягэ дошманлыктан; Габдулла биясе; Хужа Насретдин ишаге; Тыр-тыр Зариф; Сафура бураны* и многие другие.

Таким образом, в потоке речи слова, наряду с денотативными, сигнификативными значениями, имеют коннотативные значения. Их комплексное употребление создает внутреннюю природу и форму слова, создаёт почву для различных семантических вариантов в речи. Лексическое значение объединяет всевозможные компоненты, которые могут быть выявлены в речи, посредством чего они не только идентифицируют проявления действительности, но и дают точную оценку.

§ 9. Структура лексического значения

Изучение природы слова, его значения показывает, что в формировании лексического значения большую роль играет совокупность лингвистических и экстралингвистических факторов. В лексическом значении отражаются особенности реальной действительности, мышления, языковой системы, и в то же время в нём отражается и эмоционально-психологическая деятельность человека, его отношение к данному явлению действительности (прагматика). В совокупности все эти особенности образуют основу и компонентный состав структуры лексического значения. Тем самым компонентом называют составляющую лексического значения, возникшую под влиянием определённых факторов. В совокупности денотативный, сигнификативный и коннотативный компоненты называются макрокомпонентами, поскольку выполняют основную роль в образовании лексического значения, распадаясь при этом на более мелкие части – микрокомпоненты.

Каждое слово, находясь в тесной взаимосвязи с частью окружающего мира, обозначает его, и таким образом формируется связь с предметами. В. В. Виноградов называет этот аспект лексического значения «предметно-вещественным содержанием». Подобная связь слова с предметом заключается в том, что в лексическом значении отражаются наиболее существенные признаки названных предметов, и они являются основным показателем, отличающим данное слово от других. Эти признаки слова обозначаются в словарях именно как основные. Например, *балта* (топор) – рубящий инструмент с деревянной рукояткой, с плоским

наконечником в форме широкого лезвия; *балтачы* (плотник) – мастер, владеющий топором.

Называемые предметы могут относиться и к нематериальному миру, то есть быть абстрактными: *зэвык* (вкус) – способность давать оценку всему живому, эстетическое чутьё, эстетическое воспитание. Также это могут быть фантастические образы, существующие только в воображении: *убыр* (оборотень) – дух-существо, движущееся в виде огня. В предыдущем разделе эта особенность лексического значения рассматривалась как денотативное значение, которое является одним из основных макрокомпонентов слова.

Как было отмечено, предметно-смысловая связь передаётся не напрямую, а через мышление. Связь слова с понятием, как указано выше, называется сигнификатом, который является одним из важных макрокомпонентов смысловой структуры понятия.

Третьим макрокомпонентом лексического значения является структурное значение, которое указывает на парадигматическое и синтагматическое отношения слова. Структурное значение раскрывается в зависимости от наличия или отсутствия микрокомпонентов лексического значения, возникающих на основе особенностей лексической системы языка.

Как известно, языковая система, в том числе и лексическая, существует в рамках парадигматических и синтагматических отношений, каждое из которых определяет компонентный строй, состав индивидуального лексического значения, присущего отдельному слову. Так, например, в лексическом значении слова *йорт* (дом) выделяется не только компонент «торак» (жилище), но и компонент «кешенең яшәү урыны» (место проживания человека), поскольку именно последний является основным компонентом, отличающим дом от других жилых объектов. В свою очередь синонимы *йорт* (дом), *корылма* (строение), *торак* (жилище), *бина* (помещение), *өй* (дом) также отличаются друг от друга размерами, материалом, употреблением.

Например, понятие *йорт* (дом) означает «сооружение, предназначенное для проживания, размещения различных организаций»; *корылма* (сооружение) имеет значение «постройка, хозяйственные подворные постройки, здание»; *торак* (жилище) – «здание, предназначенное для жизни, проживания»; *бина* (здание) – «большой дом, архитектурное сооружение»; *өй* (дом) – здание, построенное для проживания.

В зависимости от системных парадигматических отношений (в данном случае синонимических), индивидуальное лексическое значение каждого компонента отличается. Представленные синонимы отличаются друг от друга своими возможностями и особенностями функционирования.

Например, сочетания *университет бинасы* (здание университета), *банк бинасы* (здание банка), *театр бинасы* (здание театра) в татарском языке звучат естественно, однако замена слова *бина* на слово *өй* (дом) наносит ущерб лексической смысловой целостности (*университет өе* (дом университета), *банк өе* (дом банка), *театр өе* (дом театра)), и это значит, что сочетаемость слов нарушена.

Слово является ключевым элементом не только лексической, но и грамматической системы, поэтому изменения, возникающие в грамматическом строе и статусе слова, оказывают непосредственное влияние и на лексическое значение. Например, имя существительное в исходном падеже *баштан* (изначально) путём изоляции переходит в наречие и изменяет свое лексическое значение и употребляется в значении 'начиная, сначала'.

Различие в смысловой структуре наблюдается также и у слова *йомгак* (клубок) в случае, когда оно употребляется в сочетаниях *жәп йомгагы* (клубок ниток) и *дәрәскә йомгак* (итог урока).

Лексическое значение слова в определённой степени может меняться и в зависимости от его грамматической формы. Возьмём, к примеру, окончание множественного числа имён существительных и имён числительных, которое, присоединяясь к абстрактным именам, придаёт оттенок конкретности: *батырлыклар* (храбрость), *миһербансызлыклар* (немилосердный, безжалостный) и др. Присоединяясь к числительным, окончание множественного числа указывает на приблизительное соответствие какой-то величине: *сәгать бишләрдә* (часов в пять), *кырык-кырык сизез яшьләр булыр* (будет около сорока-сорока восьми), *меңнәрчә йолдыз* (миллионы звёзд), *йөзләргә кеше* (сотни людей) и др.

Таким образом, в формировании и развитии лексического значения слова определённую роль играет не только контекст «предмет – понятие», но и грамматическая система языка.

Также в организации лексического значения весьма велика роль микрокомпонентов. Значение слов состоит из сем, которые представляют собой минимальный компонент лексического значения. Совокупность сем образует семантическую структуру значения слова. Семы, образующие содержание лексического значения слова, совпадают с основными признаками понятий, отражающих реальную действительность. Иными словами, сема вбирает в себя не только лингвистические признаки, но и внеязыковые явления.

Совокупность сем, обнаруженных в значении слова, называется семема – это и есть содержание слова. В семасиологии выделяют понятия «семема» и «лексема». Под семемой, в первую очередь, понимают план содержания, элементарное значение, которое реализуется

в конкретном случае. В словарях семема представляется как отдельный лексико-семантический вариант. Под лексемой понимается план выражения, это абстрактная единица, представляющая слово в совокупности всех форм и семем. Они в совокупности составляют единую природу слова. Например, если характеризовать слово *күз* (глаз) как лексему, то следует иметь в виду совокупность всех его значений: *күрү органы* (орган зрения), *караш* (взгляд/взор; взгляд, мнение, суждение, соображение, позиция, убеждение, воззрение; отношение), *билгеле бер мөнәсәбәт* (точка зрения / определённое отношение), *кемнең дә булса игътибары* (что-либо внимание), *күзәтүче* (наблюдатель, созерцатель, обозреватель, разведчик), *ризыклардагы кечкенә тишек* (небольшое отверстие в выпечке), *күзәнәк* (клетка, ячейка (сотовая); петля в кружеве; *бот.* глазок (картофеля); поры хлеба), *жәптән гыйбарәт элмәк* (петля состоит из нити), *нәрсәнең дә булса уртасы* (середина чего-то). Если же характеризовать его как семему, то в каждом отдельном случае это слово следует рассматривать в контексте употребления. Например, *Шунда тамсын күз яшемнең иң ачы һәм татлысы!* (Тут же пусть упадёт капля моей слезы, самая горькая и сладкая!) (Г. Тукай); *Әнкәйләрнең нечкә күңелләрен күз карасы кебек саклагыз!* (Берегите нежное сердце матерей как зеницу ока!) (Р. Миннуллин); *Сайлаган жебегез белән ничә күз бәйләргә кирәклеген каян белерсез тагын?* (Откуда еще вы узнаете, сколько петель нужно связать выбранной нитью?) («Сююмбике»).

Семантическая структура слова образуется совокупностью сем, имеющих иерархическую организацию. Среди них могут быть как общие, значимые, так и те, которые отличают одно слово от других. При анализе сем значения слова учитываются специфика всех их разновидностей, особенности их участия в образовании различных значений одного слова и в формировании связей с другими словами. Если рассматривать структуру семемы как иерархическую систему, то можно охарактеризовать её двойко. Во-первых, представить полное описание семемы, то есть анализ сем, которые организуют содержание лексических и грамматических значений. Во-вторых, дать частичное описание, то есть только анализ сем, составляющих лексическое значение семемы.

Если рассматривать слово как целостную семантическую систему, то исследование полного состава семемы считается целесообразным, так как в этом случае достаточно легко представить возникновение парадигматических, синтагматических и эпидигматических отношений в виде целостной картины.

Полный анализ семемы включает следующие типы сем: классема – общекатегориальная сема, которая характеризует принадлежность слова к той

или иной части речи. Например, слова со значением предметности относятся к группе имён существительных, слова со значением действия входят в группу глаголов и т. д. И такие значения, как предметность, процесс, признак, представляются как общие, абстрактные грамматические признаки.

Лексограмма – лексико-грамматическая сема, которая характеризует лексико-грамматические разряды слов: в именах существительных выделяют такие категории, как вещественность, предметность, абстрактность, собирательность, конкретность; качественные или относительные разряды различают в именах прилагательных; в глаголах – аспектуальность, залоговость и др.

Гиперсема, или архисема, обозначает класс объектов: явления природы, человек, цвет, внутренние и внешние качества человека, глаголы движения и т. д.

Гипосема – дифференциальный признак одного предмета, отличающий его от других в той же группе и указывающий на их отличительные качества. Например, слова *каен* (берёза), *усак* (осина), *карлыган* (смородина) входят в предметную классему; их гипосемы входят в гиперсему растение: *каен* – лиственное растение с белой корой (дерево); *усак* – гладкоствольное крупное растение (дерево) с зубчатыми листьями; *карлыган* – кустарниковое растение с кисловатыми плодами.

Помимо упомянутых выше основных сем, внутри лексического значения могут присутствовать и дополнительные семы. В языкознании их называют факультативными, периферическими. В эту группу входят коннотативные, потенциальные и вероятностные семы.

Коннотативные семы выражают дополнительные стилистические значения (эмоциональность, оценочность, экспрессивность). Например, в предложении *Алар матур гына гөрләшеп утыралар*. (Они так мило воркуя сидят.) *гөрләшү* (ворковать) – разговор близких людей между собой (положительная коннотация); в контексте *Әй гәмбә! Шуны да белмисең!* (Эх, гриб! Даже этого не знаешь!) слово *гәмбә* употребляется по отношению к глупому, бестолковому, несообразительному или вялому, бездеятельному человеку (отрицательная коннотация).

Потенциальная сема – компонент значения, раскрываемый в конкретном контексте: в примере *Яраланган канат асларында каурый бала – йөрәк парәсе*. (Под раненым крылом ребёнок – кусочек сердца.) (Б. Рахимова) слово *каурый бала* означает «маленький, грудной ребёнок». В предложении *Бу йорттагы бәхет, үзәра аңлашып яшәү күпләргә билгеле иде*. (Многим было известно, что в этом доме живут счастье и взаимопонимание.) (периодическая печать) в значении слова *йорт* реализуется потенциальная сема ‘семья’.

Следует остановиться на анализе еще одной факультативной семы – вероятностной семы, которая раскрывается на основе окказиональной связи слов в рамках конкретного текста. Подобные типы сем не имеют широкого распространения в языке, но могут раскрываться лишь в отдельных речевых ситуациях.

В качестве примера рассмотрим глагол *ага*, который употребляет в своём творчестве Г. Тукай. Если в примере *Безнең урам аркылы ага суның салкыны*. (Через нашу улицу течёт холодная вода.) значение глагола *ага* (течёт) выделим как гипосему, то в примере *Китмәсен алып тургайны, күктә бер козгын ага*. (Пусть не уносит жаворонка ворон, парящий в небе.) раскрывается вероятностная сема.

Интегральные семы, обнаруживаемые в значении слова, и дифференциальные семы, отличающие значения слова друг от друга, позволяют различать разные слова, при этом представляя общность их сторон, тождество.

Таким образом, семема представляет собой иерархически стройную структуру, состоящую из тесно связанных между собой, дополняющих друг друга сем. Эти семы играют ключевую роль в расширении и переносе значения слова. Если при образовании переносного значения архисема и дифференциальная сема частично теряют свои значения, то у потенциальных сем, напротив, возможности возрастают, они начинают выполнять функцию дифференциальной семы.

§ 10. Функциональная типология лексического значения

В зависимости от того, в каком аспекте рассматривается слово, его лексическое значение изучается по-разному. В языкознании одним из первых к вопросу типологии лексических значений обратился В. В. Виноградов, опубликовавший в 1977 году труд «Основные типы лексических значений слов» (Виноградов, 1977: 162–189). Позднее представленная им классификация была расширена в трудах других учёных, которые внесли дополнения в параметры типологии, в результате чего стали выделять несколько типов лексического значения. Несмотря на разнообразие типов лексического значения, известная устойчивость в определении основных критериях их различения в отечественной науке о языке всё же сохраняется.

В татарском языкознании из числа опубликованных трудов следует назвать работу Ф. С. Сафиуллиной (Сафиуллина, 1999: 15), с которой и начинается выделение типов лексических значений в татарском языкознании. Хотя прямые и переносные, абстрактные и конкретные значения были вычленены ещё ранее в работе Г. Х. Ахатова «Лексикология современного татарского языка» (Әхәтов, 1979; 1985).

Ф. С. Сафиуллина в своём учебнике уделяет особое внимание таким типам лексических значений, как номинативное и сигнальное, прямое и переносное, конкретное и абстрактное значения, даёт оценку их основным особенностям. В качестве второго типа указываются значения, имеющие отношение к мышлению: терминологические и общие, образные и не имеющие образности, эмоциональные и без эмоциональной окраски. В зависимости от различий в связях между лексическими значениями, в структуре языка выделяются синонимичные, антонимичные, молексические и омонимичные, мотивированные и немотивированные лексические значения. Кроме перечисленных, Ф. С. Сафиуллина также выделяет свободные и несвободные, контекстуальные типы значений.

В учебно-методических пособиях Г. Р. Галиуллиной по лексикологии татарского языка (Галиуллина, 2007; 2013: 13) выделяются три типа лексических значений: по способу номинации, по принципу лексической сочетаемости, по степени мотивированности, которые подразделяются на более конкретные подгруппы.

Первые монографические труды, посвящённые семасиологии татарского языка, были разработаны И. Б. Башировой. В частности, в книге «Татарский литературный язык. Семасиология» (Казань, 2010: 20–30) особое место отводится типам лексических значений. Опираясь на классификацию В. В. Виноградова, учёный выделяет три типа значений: номинативный; фразеологически связанный; функционально-синтаксический (Баширова, 2010: 20–21). Кроме того, делая обзор опубликованных в XX веке трудов по отечественному языкознанию, И. Б. Баширова подробно останавливается на признаках слов с конкретным, абстрактным значением.

Опираясь на вышеназванные классификации, а также на достижения современного языкознания, мы выделяем нижеследующие типы лексических значений.

1. Типы лексических значений по способу номинации.

Основанием для разграничения типов лексического значения с точки зрения номинативной функции является связь слова с реальной действительностью, то есть с денотатом. В некоторых работах встречается также выделение этого типа лексического значения как типа денотативного лексического значения. По способу номинации выделяют три типа лексического значения: прямые и переносные, и не имеющие функции номинации сигнальные значения.

Прямым значением слова называют прямое наименование реального предмета, явления, процесса, признака. Это значение находится в непосредственной связи с сигнификатом, его отдельными признаками. Его называют первичным, основным значением, которое имеет

чёткие смысловые границы и в процессе развития, расширении значения слова выполняет основную функцию.

Первичное, основное значение слова является опорой, общепринятой базой для смысловых оттенков и явлений. Например, значение слово *тел* (язык): *умырткалы хайваннар һәм кеше авызындагы тәм тою, тәм сизу һәм чәйнәү-күшәүгә булышу органы* (орган вкуса, обоняния и жевания во рту позвоночных животных и человека) (Татар теленең анлатмалы сүзлеге, 2005: 528) служит базой для остальных четырнадцати значений этого слова.

Переносным называют значение, возникшее на основе различных представлений, сравнений, ассоциаций, на базе которых объединяются различные явления действительности.

Переносное значение связывается с денотатом не напрямую, а через первичное значение. На основе ассоциаций возникает сходство между двумя предметами, явлениями. Подобное сходство позволяет перенести название одного предмета на другой, потому данный вид значения называют вторичным. В зависимости от того, что лежит в основе переноса, выделяются три типа переносных значений: метафора, метонимия, синекдоха¹.

Следует отметить, что определение в слове, входящим в лексический состав современного языка первичного или вторичного значения, считается объективным только в синхронии, поскольку те значения, которые на данном этапе признаются первичными, могут оказаться вторичными в диахронии.

В языке связь с основным, первичным значением может быть со временем утрачена. Так, например, в слове *ай* (луна) существовавшая когда-то смысловая связь между значениями *күк әҗисеме* (небесное тело) и *вакыт берәмлеге* (единица времени) была утрачена; сегодня в татарском языке они существуют как две самостоятельные единицы с закреплёнными за ними первичными значениями.

Такой переход можно наблюдать и на примере современного языка. Есть основание утверждать, что перед таким переходом стоят виды переносного значения, которые, теряя образность, выделяются как метафоры языка. Например, в некоторых случаях у слова *тел* (язык) в единице *сәгатъ теле* (часовая стрелка), у глагола *кой* (лей) в единице *су коям* (воду лью), *яңгыр коя* (дождь льёт) образность, присущая переносному смыслу, утрачивается.

Сигнальным называют значение, которое не называет понятие, а лишь указывает на него (местоимения, имена собственные, вспомогательные слова, звукоподражания, междометия). Природу этого вида слов

¹ Более подробно типы переносных значений рассматриваются в разделе, посвящённом явлению многозначности.

мы рассматривали в разделе «Функции слова», потому здесь ограничимся лишь перечислением.

Таким образом, с точки зрения номинативной функции различаются три типа лексического значения: прямое, переносное и сигнальное. Переносные значения в свою очередь делятся на утратившие и сохранившие в языке образность.

2. Тип лексического значения по отношению к сигнификату.

Основанием для выделения данного типа лексического значения является понятийная соотнесённость, т. е. способность отражать соответствующее понятие.

Хотя эта группа слов имеет назывной характер и выполняет номинативную функцию (поэтому в некоторых трудах эти слова рассматриваются в рамках первого типа), их основным признаком является связь с сигнификатом. По этому признаку различают конкретные и абстрактные, общие (бытовые) и научные (терминологические) значения.

Конкретным называют значение, обозначающее предмет, который можно полностью представить, почувствовать, ощутить. Например, *зур өстэл* (большой стол), *яшел кыяр* (зеленый огурец), *жиңел машина* (легковая машина), *абый бара* (дядя идёт), *яңгыр ява* (дождь идёт).

Абстрактным называют значение, обобщающее понятия по одному какому-то специфическому признаку: *фикерләү* (мыслить, размышлять), *сафлык* (чистота), *аклык* (белизна), *батырлык* (мужество), *жит-мәүчәнлек* (недостаточность, нехватка)¹.

Общим (бытовым) называют значение, которое возникает на основе общих, первичных представлений людей о реальной действительности. Этот тип значений реализуется в словах, которые используются в быту, в них отражается наивная картина мира. Общее значение обогащает понятие за счёт дополнительных оттенков.

Научным (терминологическим) называют значение, возникшее на основе бытового мышления и реализованное в научных понятиях. Это значение соответствует понятиям *сингармонизм*, *квант*, *атом*, *тартым кушымчалары* (аффиксы принадлежности), *инфинитив* и т. д.

И если общие значения фиксируются в толковом словаре языка, то терминологические ещё и в терминологических или энциклопедических словарях. Например, *тоз* (соль) – 1) поваренная соль; белое кристаллическое вещество, используемое для приправы блюд; 2) *хим.* Кристаллическое вещество, образующееся в результате разложения какого-либо металла вместо водорода в кислоте; 3) *перен.* Смысл или мысль, придающие слову остроту содержания.

¹ Подробнее см. в разделе «Функции слова».

Если в приведённом определении первое и третье значения являются общими, то второе – считается научным. И если общее значение каждым говорящим воспринимается субъективно, исходя из контекста, то терминологическое воспринимается объективно.

3. Тип лексического значения по степени мотивированности.

Выделение данного типа значения зависит от того, является ли слово производным или непроизводным. Если одна группа слов в языке выполняет роль производящей основы для других единиц, то другая группа образует производную основу. В языке различают два вида образования слов: семантическое и на основе способов словообразования.

Немотивированным, или первичным, называется значение, которое является базой, основой для образования новых слов. Для пояснения немотивированного значения невозможно обратиться к другому значению. Мотивированным называют вторичное, производное в семантическом или в словообразовательном отношении слово. Например, обратимся к значениям слова *йомгак* (клубок): 1) клубок ниток; 2) результат, итог работы; 3) заключение. В приведённом примере второе и третье значения являются мотивированными по отношению к первому. Особенно заметна связь второго значения с первым. Здесь мы наблюдаем семантическую мотивированность, хотя в языке широко распространена и словообразовательная мотивированность. Например, слово *йомгаклау* (подытоживать / подытожить, обобщать / обобщить, резюмировать, заключать) в плане своего образования считается мотивированным по отношению к слову *йомгак* (результат работы).

В свою очередь в историческом плане слово *йомгак* также является мотивированным. Однако с точки зрения современного татарского языка оно рассматривается как немотивированное, поскольку сегодня трудно установить прямую связь с мотивирующей основой или значением.

4. Тип лексического значения по принципу лексической сочетаемости.

К этому типу относятся и значения, возникающие на основе синтагматических отношений между словами. Выделение лексического значения по данному типу основывается на том, что значение слова проявляет себя в контексте взаимодействия с другими словами. Лексическое значение слова обычно реализуется в контексте, то есть в сочетании с другими словами. И. Б. Баширова, говоря о синтагматических связях и отношениях в татарской лексике, останавливается на понятиях «узкий» и «широкий контексты» и, основываясь на определении О. С. Ахмановой, разъясняет их сущность (Баширова, 2010: 94). Учёный придерживается мнения о том, что синтагматические отношения возникают в широком контексте. Не

ставя перед собой цель рассмотрения особенностей значений в крупных литературных произведениях (в широком контексте), поскольку такой взгляд больше характерен для поэтики, остановимся на анализе значения слова в чисто семасиологическом плане внутри узкого контекста.

С в о б о д н ы м и называют значения, максимально свободно сочетающиеся с другими словами, свободные от конкретного контекста. Например, ряд таких слов, как *күз* (глаз), *баиш* (голова), *урман* (лес), *чәчәк* (цветок), *малай* (мальчик, парень, юноша), *китап* (книга), *чәй* (чай) и т. п., активно используется в языке в качестве слов со свободным сочетанием.

Однако следует помнить, что свобода лексического значения относительно условна, так как возможны границы внутри значений самого слова.

Это зависит от совпадения понятий. Например, слово *аяк* (нога) может сочетаться свободно со значениями таких слов, как *матур* (красивая), *ямьсез* (некрасивая), *төз* (прямая), *юан* (толстая), *зур* (большая), *кечкенә* (маленькая), *авырта* (болит), *сызлы* (ноет) и т. д., но со значениями слов *көлә* (смеётся), *елый* (плачет), *ашый* (ест), *куе* (густой), *сирәк* (редкий) и т. д. сочетаться не может.

Ограничения в синтагматике могут быть обусловлены:

1) возможностями лексической сочетаемости слов друг с другом. Приведённый выше пример наглядно это иллюстрирует;

2) возможностями их семантической сочетаемости. Например, слово *туры* (прямой) в номинативном значении употребляется только со значениями «төз» (прямой), «кыска» (короткий), «якын» (близкий): *туры сызык*, (прямая линия), *туры юл* (прямой путь); в переносном смысле – со значениями «дөрөс» (правильный), «ачыктан-ачык» (очевидный), «намуслы» (честный): *туры кеше* (честный человек), *туры сүз* (честное слово), *туры эш* (правое дело) и т. д.;

3) их синтаксической сочетаемостью. Например, прилагательное *төз* (прямой) в основном сочетается только со словами, входящими в группу имён существительных: *төз гәүдә* (прямое тело), *төз аяк* (прямая нога) и т. д.

Несвободным называют значение, полностью понятное только в окружении других слов, т. е. в контексте. Возможности слова употребляться в контексте зависят от его семантической валентности. Как известно, смысл слов может быть полностью и точно раскрыт только внутри контекста. В. В. Виноградов различает два типа зависимых значений: фразеологически связанные и синтаксически обусловленные (Виноградов, 1977: 186).

Фразеологически связанным называют значение, которое существует только в условиях определённых сочетаний данного слова с весьма ограниченным, устойчивым кругом лексических единиц.

Как отмечает В. В. Виноградов: «Фразеологически связанное значение лишено глубокого и услойчивого понятийного центра. Общее предметно-логическое ядро не выступает в нём так рельефно, как в свободном значении. Оно не вытекает ни из функций составляющих слово значимых частей (если это слово производное), ни из отношений этого слова к реальной действительности. Значение этого рода – «рассеянное»: оно склонно дробиться на ряд оттенков, связанных с отдельными фразеологическими сочетаниями» (Виноградов, 1977: 186). В определённой степени основная причина этого кроется в употреблении слова в переносном смысле. Например, у слова *еру* (*перен. разг.* разевать / разинуть (*рот*)) значение «көлү» (смеяться, посмеяться) проявляется только во фразеологизме *авыз еру* (1) одобрительно: расплываться в улыбке; улыбаться во весь рот; 2) неодобрительно: зубоскалить, ухмыляться (нескромно смеяться, насмехаться, высмеивать)); у глагола *кагу* значение «югалту» (терять / потерять) появляется только в контексте *колак кагу* (1) проморгать, 2) лишиться, лишаться) и т. д. Количество слов, в сочетаниях с которыми реализуются такие значения, образуя фразеологическую группу, может быть от одного до десяти, в зависимости от семантического потенциала и предметно-смысловых связей. Например, *салындыру* (свешивать / свесить, опускать / опустить книзу) (*авыз* (рот), *борын* (нос), *баи* (голову), *каш* (брови)); *ачу* (*карын* (желудок), *корсак* (живот), *тамак* (глотка)); *кот* (душа, дух), *чыгу* (выходить), *очу* (лететь), *ботка төшу* (душа в пятках) и т. д.

Синтаксически обусловленные значения – это значения, реализуемые только в определённой синтаксической позиции. Обычно к этой группе относят значения, которые реализуются в отдельных синтаксических конструкциях в нетипичной для них синтаксической функции. Например, в конструкции *Мин бик шат* (Я очень рад) слово *шат* (рад) выступает в функции сказуемого, хотя относится к группе имён прилагательных и типичной для него является функция определения, а в ряде случаев – обстоятельства.

Названия животных, употреблённые в переносном значении для характеристики человека, в предложении чаще выступают в функции сказуемого, обращения: *Аһ, көчөк! Авызыннан ана сөте кипмәгән, үз этисенә фәлсәфә сата бит...* (Ах, щенок! Молоко на губах не обсохло, а отца своего обманывает) (М. Галяу); *Быел укытучы юклыктан узган елда укытылмаган тарих фәне керә башлады. Укытучы – күркә!* (В этом году из-за отсутствия учителя ввели историю, которую не преподавали с прошлого года. Учитель – индюк!) (М. Магдиев); *Колак янында гына Әркәшә – мин уйнаганны карап тора. Лыч-лыч ипи чэйни, дуңгыз.* (Возле уха Аркаша наблюдает, как я играю. Чавкая, жуёт хлеб, свинья.) (М. Магдиев).

5. Тип лексического значения по характеру выполняемой функции (прагматический аспект).

По характеру выполняемых функций лексические значения делятся на два вида: номинативные и экспрессивно-синонимические. Назначение первых – номинация, называние предметов, явлений, процессов; назначение вторых – экспрессивно-эмоциональная оценка.

Номинативные значения раскрываются в зависимости от свойства выражаемых ими понятий. Они аналогичны первому (номинативному) типу.

Экспрессивно-синонимическими называют значения, в которых в качестве основного значения на передний план выступают коннотативный признак, экспрессивно-оценочный оттенок.

Почти в каждом синонимическом гнезде, помимо названий предметов, мы встречаем слова, выражающие различные чувства. Например, *тузыну* (расшуметься (в гневе), возбуждённо скандалить), *дулау* (*перен.* вспылить, горячиться, взбеситься, безумствовать, неистовствовать, бушевать, буйствовать, буйнить), *пырдымсызлану* (*перен.* горячиться, безобразничать, вести себя бестактно), *чэпчү* (*перен.* вспылить, выходить из себя, горячиться, кипититься), *пыр тузу* (*перен.* вспылить, разразиться гневом; рвать и метать).

Лексические значения перечисленных слов выполняют не только номинативную функцию, но и различную оценку объекта речи говорящим. В значениях слов в данном синонимическом гнезде на первый план выступает оценочная коннотация. Слова с такими значениями существуют в языке самостоятельно и отражены в словарях, хотя воспринимаются в сознании носителей языка по ассоциации с их номинативными синонимами. Например, перечисленные ниже слова с эмоционально-экспрессивной семантикой закреплены в словарях как самостоятельные единицы: *лыгырдау* (*неодобр.* болтать, нести чепуху, молоть чушь), *лыкырдау* (*неперех. прост.* загрязниться (*о дороге после дождя*)), *лыгыр-лыгыр* (*подр.* звукам долгой болтовни); *быгырдау* (бурлить, хлокотать, урчать, бурчать), *быгыр-быгыр* (*подр.* кипению жидкости, бурлению), *быдырдау* (*разг.* бормотать, невнятно говорить), *быдырдык* (*разг.* болтун; говорун), *быдыр-быдыр* (тихо бормотать) (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2005: 100, 348) и т. д. Все представленные слова связаны с семантикой слов *сөйләү* / *сөйләшү* (говорить / разговаривать). Их коннотативное значение выходит на передний план, выполняя свою основную функцию, поскольку носителями татарского языка они воспринимаются в первую очередь как номинативные значения.

6. Существуют также различные типы виртуальных (языковые) и актуальных (речевые, ситуативные, контекстуальные) значений, связанных с языком и речью.

При этом учитываются как основное значение того или иного слова, так и другие значения, образованные на его основе и актуализированные в процессе речи.

7. В зависимости от **принятой в языке нормы** различают **узуальные**, то есть общепринятые, общеупотребительные **типы значений**, и **оказиональные**, то есть индивидуальные, присущие конкретному автору.

Например, в предложении *Дулкыннардай ярсу хисларем, диңгезларда калсам нишларем? Зәңгәр ялкын булды бөтен су – диңгез яндыра бит йөрәгем.* (Подобно волнам бушуют мои чувства, что делать, если останусь в море? Вся вода превратилась в голубое пламя – ведь моё сердце зажигает море.) (Б. Рахимова) индивидуально-авторское употребление *зәңгәр ялкын* (голубое пламя) отличается от принятых в языке употреблений *кызыл*, *сары ялкын* (красное, жёлтое пламя).

Также в примере *Хәрәкәт, тереклек инде бөреләр дөнъясында. Яшел йолдызлар кабына агачлар арасында* (В мире почек начинается движение, жизнь. Среди деревьев зажигаются зелёные звёзды.) (Р. Миннуллин) употребление *яшел йолдыз* (зелёная звезда) занимает особую позицию среди общепринятых в татарском языке употреблений *ак йолдыз* (белая звезда), *сары йолдыз* (жёлтая звезда), *якты йолдыз* (яркая звезда).

Лексико-семантическая система современного татарского языка

§ 11. Лексико-семантическая система как совокупность языковых единиц

Языковые единицы не живут отдельно, напротив, они взаимодействуют друг с другом как целостная система. Прежде чем приступить к изучению особенностей этих языковых единиц в рамках языковой системы, определим понятие «система».

Системой называют совокупность внутренне взаимосвязанных единиц, находящихся в тесном, устойчивом взаимодействии друг с другом. Для того, чтобы система работала, важно соблюдение следующих трёх условий:

- 1) внутренняя организация единиц (иерархия);
- 2) условность единиц;
- 3) взаимозависимость единиц.

Термин *языковая система* используется для выражения набора единиц, которые внутренне взаимосвязаны и имеют устойчивые инвариантные отношения друг с другом. Системные отношения наблюдаются на фонетическом, лексическом, грамматическом уровнях языка, то есть языковые единицы всегда существуют в рамках определённой системы и вступают в различные отношения внутри этой системы.

Семантический пласт языка образует прочную систему, состоящую не из упорядоченных, не связанных друг с другом элементов, а, напротив, из тесных и упорядоченных связей-отношений между единицами. Именно с учётом этих связей специалисты пытаются раскрыть сущность понятия «лексико-семантическая система».

Устойчивые представления о лексической системе в языкознании начинают появляться с середины XX века. В отечественном языкознании особое внимание системным отношениям в лексике уделяется в трудах В. В. Виноградова, Д. Н. Шмелёва, Ю. Д. Апресяна и др. видных учёных. Хотя в татарском языкознании высказывания о языке как целостной системе регулярно появляются со второй половины XX века в трудах по фонетике, грамматике. Однако специальное изучение системных отношений в лексике стало встречаться только в начале XXI века (Баширова, 2006).

Лексико-семантической системой языка называют совокупность лексических единиц, находящихся во взаимосвязи и образующих единое целое. Основным элементом лексико-семантической системы является слово, употребляемое в определённом значении. Как было определено выше, слово называет реальные явления и вещи, и с помощью данного качества слово непосредственно отражает системность реальной жизни. Для формирования лексико-семантической системы это качество является одним из основных признаков. Слово – основное средство выражения действительности, имеющее четкую структуру. С помощью слова образуются формы, единицы, виды значений, способные отражать реальную жизнь. В свою очередь лексическое значение слова (сема) объединяет различные наборы сем. Таким образом, наименьшей единицей лексико-семантической системы является сема.

Лексико-семантическая система языка объединяет в себе два свойства, две системы: во-первых, это содержание, во-вторых, совокупность лексических единиц, способных передавать это содержание.

Важно указать и на отличие лексико-семантической системы от фонетической и грамматической систем языка, так как их границы отчётливо очерчены, а лексико-семантическая система в определённой степени непрозрачна, её границы невозможно чётко определить. Если единицы в составе фонетической, грамматической системы в определённой степени оформились, являются устойчивыми, не поддаются изменениям, то лексико-семантическая система поддается экстралингвистическим воздействиям, отличается динамичностью. Например, изменения, произошедшие в обществе в конце XX века, привели не только к значительному изменению лексико-семантической системы татарского языка, но и к количественному и качественному изменению его состава.

Обращает на себя внимание ещё одна особенность: лексические единицы в составе языковой системы не являются отдельными, замкнутыми, а выступают элементами языковой системы, связанными с другими единицами отношениями сходства, тождества, противоположности. Каждая единица существует в составе определённого семантического поля и, в свою очередь, взаимодействует с единицами в составе других связанных между собой полей. Чтобы определить общие и отличительные черты взаимосвязанных единиц и значений, необходимо их противопоставить, определить контекстуальные позиции слов, только в этом случае можно понять их основные свойства и возможности употребления.

Семантической позицией слова называют условие, при котором многозначное слово может употребляться в определённом значении. Семантически различаются две позиции: сильная позиция – недопустимость неоднозначного понимания смысла слова, другими словами, явное, конкретное: *Мин ашка тоз салдым.* (Я положил соль в еду.) – вполне понятно, что речь идёт о поваренной соли. В контексте *Авылга капчык белән тоз кутерделәр* (В деревню мешками соль привезли) неясно, является ли это поваренная соль или селитра, минерал. В этом случае возникает слабая семантическая позиция, то есть значение не определяется конкретно, в многозначном слове не возникает смысловой дифференциации, не ощущается чёткости в содержании, в этом случае для понимания смысла не хватает и других слов. Ещё один пример: *Югарыда яшип туйдым, жиргә төшәргә кирәк.* (Надоело жить наверху, надо спуститься на землю.) Здесь не совсем ясно, какое значение выражает слово *жир* (земля): открыть глаза на действительность или попытаться спуститься жить на нижние этажи дома.

Ещё одной важной стороной, отличающей лексико-семантическую систему от других систем языка, является пересечение лингвистических и экстралингвистических факторов именно в этой системе. Каждая сторона действительности отражается в единице языка, но в рамках слова или значения невозможно резко противопоставлять содержание и форму, поскольку реальность и отражающее её значение настолько пересекаются друг с другом, что не всегда можно определить их границы, различия, в функции слова отражается результат их тесной связи. Например, в языке для обозначения одного и того же явления действительности могут использоваться разные лексические единицы или разные варианты значения слова. Это может зависеть от национально-культурного фактора, психологических и интеллектуальных особенностей человека, эмоционально-оценочных критериев и т. п. Если мы посмотрим на семантическую оппозицию «большой – маленький», то увидим, что в татарском языке для обозначения этих понятий используются различные языковые единицы:

зур (большой), олы (взрослый), дәү (старший), тау кадәр (громадный, огромный), фил чаклы (размером со слона) – кечкенә (маленький), бәләкәй (маленький, небольшой; крохотный, крошечный; малюсенький; мизерный), нәни (маленький), кечтеки (небольшой), бармак башы кадәр (букв. с мизинец, очень небольшой), чыпчык хәтле (букв. величиной с воробья, очень маленький) и др. В приведённом ниже контексте для выражения одного и того же понятия используются две разные единицы: *Күпмедер юл киткәч, кабина идәннәдә нидер кыштырдаган төсле булды. Карасам, утыргыч астына таба уч төбә кадәр генә соры күләгә шуып үтте. Тычкан!* (Проехав какую-то часть пути, заметил, как что-то метнулось. Смотрю, под сиденьем скользнула серая тень. Мышь!) (Р. Зайдулла)

Таким образом, системные связи между лексико-семантическими единицами зависят от различных факторов и выражаются различными способами. Систематизация слов может быть обусловлена как общими чертами реальных явлений, так и семантической общностью, сходством. На систематизации слов по общности их черт остановимся ниже.

§ 12. Парадигматические отношения в лексико-семантической системе татарского языка

Взаимоотношения между языковыми единицами опираются на два основных принципа: выбора и сочетания.

Выбор нужного слова из группы слов осуществляется на основе сходства и различия слов. Например, слова могут описывать общую и конкретную стороны явлений действительности, иметь противоположное между собой значение или иметь семантическое сходство, объединяться в более крупные группы на основе тематической общности. В каждом из перечисленных случаев подразумеваются парадигматические отношения между словами. В речевом потоке в рамках контекста происходит сочетание слов друг с другом на основе языковых закономерностей, слияние же образует синтагматические отношения.

Греческого происхождения термин *парадигма* (*paradeigma*) означает «пример», «образец». Парадигмой называют: 1) класс лингвистических единиц, противопоставленных друг другу, в то же время объединённых по наличию у них общего признака или вызывающих одинаковые ассоциации, чаще всего – совокупность языковых единиц, связанных парадигматическими отношениями; 2) модель или схема организации такого класса или совокупности (Языкознание, 2000: 366). Хотя встречаются различные толкования понятия «лексическая парадигма», в основном этот термин используют для обозначения набора грамматически однородных слов, имеющих общую семантическую общность. В значении

слов, входящих в одну лексическую парадигму, отражаются не только общие черты, но и отличительные признаки. Отношения между словами, входящими в одну группу, называются парадигматическими отношениями. Если в составе одного слова парадигматические отношения представляются внутри лексико-семантических вариантов, основанных на общей семе, то межсловная парадигма основывается на общем значении.

Парадигматическое отношение является основным показателем при определении системности лексики. Например, такие слова, как *өстәл* (стол), *урындык* (стул), *диван*, *кресло*, *эскәмия* (скамейка), выражают общее понятие и объединяются в группу мебели. Однако каждое из этих слов имеет свои индивидуальные, дифференциальные признаки, отличающие его от других слов, входящих в данную группу. Именно на основе этих различий мы отличаем друг от друга слова, входящие в эту группу. Структура парадигматических отношений возникает на основе различных оппозиций, основанных на общих и отличительных сторонах словесного знака (Васильев, 1993: 39).

Межсловные парадигматические отношения образуются прежде всего между синонимическими, антонимическими рядами, родо-видовыми отношениями (гиперо-гипонимическая парадигма), лексико-тематическими группами (тематическая парадигма), лексико-семантическими группами (парадигмы), ассоциативными рядами (поля).

Используемые в языке слова находятся в тесной связи между собой. В процессе практического использования языка мы постоянно из большой группы слов выбираем нужное, соответствующее речевым рамкам. В сознании говорящих на определённом языке отбор нужного слова и включение его в речевой оборот происходит независимо от сознания, в автоматизированной форме. Подбор слов к конкретному речевому контексту может осуществляться различными способами. Например, выбор необходимого числа слов, в определённой степени характеризующих конкретное понятие, может осуществляться в зависимости от значений, выражающих предмет, признак, процесс, состояние, либо исходя из значений, выражающих различные классы, группы. Когда в речевом потоке возникает потребность выразить то или иное понятие во всей его полноте, мы обращаемся к словам, имеющим общий смысл, и выбираем из них нужное. В этом случае подразумевается *с и н о н и м и я*, являющаяся разновидностью парадигматических отношений. Если же описывать предметы и явления, противопоставляя друг другу, то следует иметь в виду явление *а н т о н и м и и*. Эти два вида образуют парадигматические отношения, однако между словами возможны и другие случаи парадигматических отношений.

Между словами одного вида также существуют парадигматические отношения. При определении явлений действительности, в семантике слова могут отражаться отношения между объектами. Одним из таких отношений является видовая связь между предметами, явлениями, знаками, действиями. В процессе именованя явлений действительности одного рода наблюдается различия в семантике слов: слова могут называть предмет, действие, состояние, признак, состояние и т. д. Существуют также различия между словами, рассматриваемыми внутри названных групп. Например, если одни группы слов называют виды предмета, явления, состояния, признака, действия, то другие обладают способностью к обобщению. Например, слово *сулык* (водоём) является обобщающим для слов *кул* (озеро), *елга* (река), *чишмэ* (родник), *буа* (пруд). Обобщающее слово называется *гипероним* (греч. *hyper* – вершина, *опута* – имя), а входящие в эту группу слова, объединённые гиперонимом, называются *гипонимами* (греч. *hypo* – вниз, *опута* – имя). Например, для таких *гипонимов*, как *ярату* (любовь), *кайгы* (горе), *шатлану* (радоваться), *шатлык* (радость), *уькэ* (обида), слово *чувство* выступает в роли гиперонима. Гипероним *якты* (светлый) объединяют гипонимы *ачык* (яркий), *аяз* (ясный), *кояшлы* (солнечный), *чиста* (чистый), *нурлы* (лучистый), *көлэч* (смеющийся), *балку* (веселый, светящийся, радостный).

Таким образом, отношение между словом, объединяющим в одну группу предмет, явление, признак, действие, состояние и т. п., и словами, входящими в подгруппу внутри этой группы, называется *видовым отношением* (гипер-гипонимической парадигмой). Знание видовых отношений между словами помогает логически правильно выстроить речь.

В языке слова группируются и в отдельные тематические группы (парадигмы). Тематическая парадигма объединяет слова, значения которых имеют общую гиперсему. Слова, употребляемые в языке, существуют в составе различных тематических групп, например, «названия продуктов», «название органов человека», «названия небесных тел» и т. д.

Если взять, например, тематическую группу «глаголы движения», то можно увидеть, что в неё входят следующие глаголы: *хэрэкэт итү* (двигаться), *йөрү* (ходить), *китү* (уходить), *ерагаю* (удаляться), *чыгу* (выходить), *таралу* (распространиться), *килу* (приходить), *китү* (уходить), *керү* (входить), *кайту* (возвращаться), *жыелу* (собираться), *үтү* (проходить), *узу* (обгонять, миновать, опережать), *кичү* (переходить), *чыгу* (выйти), *чабу* (бежать), *сөйрәлу* (тащиться, волочиться), *титаклау* (прихрамывать, ковылять) и т. д. (Татарская грамматика, 2002: 105). Общая для этих глаголов гиперсема – «двигаться», «ходить», описывает движение – в разных направлениях

и качествах. В каждом из приведённых слов, кроме общей семы, содержатся семы, указывающие на основные различия: приближение к точке – *килу, кайту, жыелу*; описание движения – *сөйрәлу, титаклау* и т. д.

Тематические группы могут различаться как по составу, так и по количеству интегральных сем. Если в приведённой выше тематической группе «Глаголы движения» семы, объединяющие слова, выражены достаточно ярко, то в группе «Названия органов человека» содержание такой семы несколько размыто: если в словах *аяк-кул* (руки-ноги) ясно выражена оппозиция (вверх – вниз), то в словах *борын* (нос), *эч* (живот), *муен* (шея) трудно найти общую сему.

Тематические группы могут быть разнообразны и по составу. Например, тематическую группу «Животный мир» можно разделить на более мелкие группы – «Дикие животные» (*аю* (медведь), *буре* (волк), *кабан дуңгызы* (кабан), *төлке* (лиса), *куян* (заяц) и др.) и «Домашние животные» (*сыер* (корова), *сарык* (овца), *кәжә* (коза), *ат* (лошадь) и др.). Те, в свою очередь, могут быть разделены на более мелкие группы. Например, среди домашних животных *эт* (собака), *песи* (кошка) и *ат* (лошадь), *сыер* (корова), *сарык* (овца) отличаются друг от друга функциями и местом, которое они занимают в хозяйстве. То же самое можно сказать и о тематической группе «Растительный мир».

Многозначные слова также могут входить в различные тематические группы. Например, если слово канат (крыло) в прямом значении входит в группу «Животный мир» – «названия органов птиц», то при употреблении в переносном значении входит уже в состав группы «Детали» (*самолёт канаты* (крыло самолета), *тегермән канаты* (крыло мельницы)).

Тематическая группировка позволяет разграничивать слова по различным соотношениям: общее – частное, сходство, пересечение, признак, предмет, функциональное сходство и т. д.

Одной из наиболее объёмных групп, основанных на парадигматических отношениях, является лексико-семантическая группа. Слова, входящие в неё, объединяются в соответствии с основным семантическим компонентом.

С одной стороны, отношения между словами в данной группе строятся аналогично отношениям в гипер-гипонимической и тематической парадигмах, с другой – наблюдаются и существенные различия, присущие только ей.

Во-первых, основной, базовый семантический компонент способен объединять несколько гиперсем. Например, если рассмотреть лексико-семантическую группу «Природа», то основной семантический компонент этой группы однороден, хотя образует две парадигмы, сходные, но более точные в смысловом отношении: «Живая природа», «Неживая природа».

Во-вторых, семный состав слова лексико-семантической парадигмы состоит из общих и отличительных черт. Если общие семы раскрываются в словах *природа*, то дифференциальные – в прямо противоположных словах *живая* и *неживая*.

В-третьих, в составе лексико-семантической группы (парадигмы) могут объединиться несколько парадигм, которые семантически разнородны. Возьмём, к примеру, лексико-семантическую группу «Темперамент человека». Данная группа объединяет следующие парадигмы: 1) синонимическую парадигму слова *кызу* (вспыльчивый, несдержанный): *дуамал* (безумный), *йөрәкле* (страстный, энергичный), *кызу* (вспыльчивый, несдержанный), *холькысыз* (несдержанный, неуравновешенный, неуживчивый, сварливый, скандальный), *елдам* (хваткий), *кыдрач* (задиристый, горячий; драчливый), *килделе-киттеле* (несуразный, взбалмошный, неуравновешенный, придурковатый), *тотнаксыз* (невыдержанный, несдержанный; развязный, нетактичный) и т. д.; 2) антонимическую парадигму слова *житез* (ловкий): *жәһәт – сулпән* (бодрый – вялый), *тиз – әкрән* (быстрый – медленный), *мыштыр – тере* (медлительный – живой, бойкий)¹ и т. д.; 3) типологическую парадигму подвижный человек: *тере* (живой), *тынгысыз* (беспокойный), *уткер* (бойкий, хваткий, расторопный), *жәitez* (ловкий), *булдыклы* (способный, толковый), *елдам* (хваткий), *тиз* (быстрый) и т. д.

Ещё одной группой, рассматриваемой в ряду парадигматических отношений, является группа ассоциативных рядов. Слова этого ряда бывают близки по смыслу, но синонимических отношений между ними не наблюдается. Входящие в эту группу слова объединяются на основе различных представлений, ассоциаций. Отвечая на те или иные вопросы, высказывая мысли, представители определённой национальности опираются на ту связь между словами, которая существует в их языковом сознании и выбирается на основе прочно сложившихся стереотипов. Такие отношения между словами называются ассоциативными отношениями. Этот тип отношений больше связан с культурной жизнью народа и носит национальный характер. Например, *зур авыз – бәләш авыз* (большой рот – растянутый большой рот); *кечкенә авыз – уймак* (маленький рот – с наперсток); *өй – туган авыл* (дом – родная деревня), *туган җир* (родная земля), *гаилә* (семья) и т. д. Ассоциативные отношения позволяют вводить каждое слово в рамки определённого ассоциативного поля. Эти поля подразделяются на общечеловеческие, или универсальные, и индивидуальные. В то

¹ Примеры приведены из следующих словарей: Сафиуллина Ф. С. Синонимнар сузлеге. Казан: Хәтер, 1999; Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост.: А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. Уфа: РИО БашГУ, 2005. Т. 1. С. 2.

время как ассоциации, понятные для носителей языка, устойчивы в общечеловеческом языке, индивидуальные же – возникают в сознании отдельного человека в процессе общения и реализуются в речи. В современном языкознании широко распространено экспериментальное выявление ассоциативных рядов, которые сформированы в рамках определённого языка.

§ 13. Синтагматические отношения в лексико-семантической системе татарского языка

Синтагматическими называют отношения, возникающие между словами в рамках определённого контекста при их непосредственном сочетании друг с другом. В отличие от парадигматических отношений, синтагматические строятся не на объединении слов в группы, а на способности или неспособности этих слов вступать в связь между собой.

Широко распространённый в современном языкознании тезис «смысл может быть полностью раскрыт только в рамках контекста» (Ахманова, 1957; Курилович, 1960; Кацнельсон, 1965; Колшанский, 1980; Гудавичюс, 1985; Крысин, 2007; Фидаева, Юсупов, 2002; Баширова, 2010 и др.) подтолкнул учёных к углубленному изучению синтагматических отношений между словами. Впервые вопрос о противопоставлении синтагматических и парадигматических отношений в языкознании поднял Ф. де Соссюр. Позднее его идеи подхватили представители Казанской лингвистической школы, в частности, И. А. Бодуэн де Куртенэ.

Выбор сохранившихся в памяти слов, особенности их сочетаемостных возможностей составляют основу современной семасиологии. Обычно соединение, сочетание слов друг с другом, полное или частичное раскрытие их лексического значения происходит в рамках одной синтагмы.

Синтагма (греч. *syntagma* – вместе построенное, соединённое) – интонационно-смысловое единство, которое выражает в данном контексте и в данной ситуации одно понятие и может состоять из одного слова, группы слов и целого предложения (Языкознание, 2000: 447). Так, например, слово *йорт* (дом) может образовывать одну синтагму со словами: *зур* (большой), *кечкенэ* (маленький), *биек* (высокий), *табәнак* (низкий), *иске* (старый), *кирпич* (кирпичный), *агач* (деревянный), *жимерек* (разрушенный) и т. д. Последовательно располагаясь в речевой цепи, языковые единицы непосредственно сочетаются с другими элементами одного класса, образуя горизонтальные, линейные отношения.

Между словами различают два вида смысловых связей – семантические и лексические.

Семантическая сочетаемость – это способность слова сочетаться с большой группой слов, имеющих общее значение. Например,

глаголы *бару* (идти), *кайту* (возвращаться), *житү* (достичь), *китү* (уйти), *чабу* (бежать) и т. д. выражают движение, и потому достаточно свободно сочетаются по смыслу со словами, имеющими отношение к человеку: *кеше* (человек), *малай* (мальчик), *ир* (мужчина), *сабий* (младенец), *ана* (сестра, тётя), *эни* (мама), *эби* (бабушка), *укытучы* (учитель) и т. д. Однако со словами, называющими растительный мир, эти глаголы не совместимы, т. е. не могут сочетаться. Нельзя сказать по-татарски *агач бара* (дерево идёт), *үлән китә* (зелень уходит), *чәчәк бара* (цветок идёт) и т. д.

Лексическая сочетаемость – это способность слова сочетаться только с определённым семантически однородным кругом слов. Например, в лексико-тематическую группу слов, определяющих цвет животных, входят слова: *ала* (пегий, пёстрый), *кола* (буланный, саврасый), *туры* (гнедой), *күк* (небесный), *жирән* (рыжий), *көл* (пепельный), *коба* (бледно-бурый) и др. В то же время названия не всех животных имеют возможность сочетаться с этими словами. Так, например, в татарском языке уместно сочетание *туры ат* (гнедая лошадь), но неуместно *туры эт* (гнедая собака). Есть в языке сочетание *жирән сыер* (рыжая корова), но нет *жирән сарык* (рыжая овца), а также *соры бүре* (серый волк) – *соры төлке* (серая лиса), *ала сарык* (пегая овца) – *ала аю* (пегий медведь) и т. д. Также имеют границы лексической сочетаемости нумеративные слова, обозначающие объём, меру: *чеметем* (щепотка), *кашык* (ложка), *уч* (горсть), *тотам* (пучок), *төп* (куст), *йотым* (глоток), *телем* (кусочек), *кочак* (охапка), *саплам* (обхват) и т. д. В частности, в татарском языке принято говорить (*бер*) *чеметем тоз* ((одна) щепотка соли), (*бер*) *саплам жәп* ((один) обхват нитки), (*бер*) *йотым су* ((один) глоток воды), (*бер*) *төп алмагач* ((один) куст яблони), (*бер*) *кочак печән (салам, үлән)* ((одна) охапка сена (соломы, травы)), (*бер*) *телем ипи* ((один) кусочек хлеба), (*бер*) *уч кәнбагыш* ((одна) горсть подсолнечных семян/семечек), (*бер*) *кашык май* ((одна) ложка масла) и т. д. Но эти же слова не могут употребляться в словосочетаниях: (*бер*) *уч жәп* ((одна) горсть ниток), (*бер*) *телем тоз* ((один) кусочек соли), (*бер*) *саплам май* ((один) обхват масла), (*бер*) *йотым кәнбагыш* ((один) глоток подсолнечника), (*бер*) *кашык печән* ((одна) ложка сена). Кроме того, мы знаем, что в татарском языке слово *ак* употребляется со словами: *ак чәчәк* (белый цветок), *ак кар* (белый снег), *ак хыял* (белая мечта). Но с этими же словами не употребляются слова *кара*, *сары*, потому словосочетания *кара кар* (чёрный снег), *сары хыял* (жёлтая мечта) более чем неуместны. Такие примеры можно встретить в каждой лексико-тематической и лексико-семантической группах слов.

Возникший в народном сознании принцип сочетания слов в результате нашёл отражение в языке, образовав целый пласт идиоматических

выражений. Этот пласт составляет лингвокультурологический фонд языка, зачастую создающий сложности в их восприятии для изучающих язык.

Надо заметить, что как в семантической, так и лексической сочетаемости, слова, вступающие в грамматическую связь, имеют семантическое соответствие, в основе которого лежит верное понимание слов, входящих в подобные речевые обороты, даже в случае их выпадения. Повторение в контексте отдельных сем может способствовать восстановлению утраченных элементов, которые могли выпасть в результате построения синтагматических отношений. Таким образом, семантическое соответствие создаёт контекстуальное содержание текста и выполняет функцию нормы в сочетании семем. Возьмём, к примеру, глагол *сибү* (посыпать), имеющее в «Толковом словаре татарского языка» следующие значения: 1) чэчеп тарату (*ашлама сибү*) (рассыпание, разложение; разбрасывание, раскидывание (поливать удобрениями)); 2) нәрсәнедер салу (*ашка борыч сибү*) (что-то класть (посыпать суп перцем)); 3) бирү (*күгәрченнәргә ярма сибү*) (давать (сыпать крупу голубям)); 4) бөркү (*су сибү*) (обрызгивать, окропить (полить водой)); 5) тарату (*хуш ис сибү*) (распространить (побрызгать ароматом духов)); 6) сарыф итү (*акча сибү*) (тратить (сорить деньгами)) и т. д. Во всех случаях предполагается, что работу выполняет кто-то: *эни тавыкларга бодай сипте* (мама кормила кур пшеницей); *Гүзәл гөлләргә су сипте* (Гузель полила цветы водой); *эти бакчага ашлама сипте* (отец полил сад удобрениями) и т. д. Если заменить субъект на объект, то мы получим бессмысленные сочетания слов из-за несоответствия значений: *өстәл гөлләргә су сипте* (стол полил водой цветы); *китап бакчага ашлама сипте* (книга поливала сад удобрениями). Для того чтобы речь была чёткой, понятной, слова в контексте должны семантически соответствовать друг другу. Людям, владеющим татарским языком в совершенстве, нет необходимости запоминать эти сочетания: слова в речи соединяются автоматически.

В то же время можно наблюдать и специфические нарушения этих норм в том случае, когда в рамках поэтических текстов речь может быть насыщена экспрессией, эмоциональным содержанием. Семантические отступления являются формальным показателем переносного значения. В следующих стихотворных строках свойства субъекта переносятся на объект: семы 'предметность', 'неодушевленность' у слов *җил* (ветер), *буран* (буран) вступают в противоречие с семами 'активность', 'выполняя работу' у слов *сызгыра* (свистит), *дулый* (бушует), *төкерде* (плюнул).

*Җил сызгыра,
Үрсәләңә,
Дулый буран.*

*Бөтен жир-күк,
Бөтен урам
Ак-ак буран
Белән тулган... (Ф. Зиятдинова)*
*Эч пошты да, йортка чыккан идем,
Буран тиле күзгә төкерде. (Х. Туфан)*

В то же время, в случае утраты метафорическим или метонимическим значениями образности, переносного значения, семантическое соответствие может быть восстановлено. Например, в качестве языковых метафор используются такие сочетания, как *сәгать йөри* (часы идут), *сәгать сукты* (часы пробили), *сәгать теле* (стрелка часов), *өстэл аягы* (ножка стула), в которых наблюдается семантическое совпадение компонентов, поскольку они утратили свою образность и считаются уже приспособленными к естественному развитию языка.

Синтагматические отношения между словами, их сочетаемостные возможности играют важную роль и в вопросах перевода. Неодинаковы семантическая система разных языков, смысловое тождество лексических единиц, но даже если номинативные значения слов в обоих языках совпадают, тождество между ними может исчезнуть при употреблении в переносном значении. Например, слово *алу* (брать) в прямом значении семантически совпадает с русским глаголом *брать*: брать в долг – *бурычка алу*; брать ручку – *ручканы алу*. Но в переносном значении тождество их значений не обнаруживается: брать верх – *өстен чыгу*; брать на себя смелость – *батырчылык иту*; брать за живое – *нык тәэсир иту*; брать влево – *сулга тоту*; брать своё – *үзенекен иту*; брать курс – *юл тоту*; брать высоту – *кутәрелу* (Фидаева, Юсупов, 2002: 22) и т. д. Только понимание синтагматических связей слов и их сочетательных возможностей в каждом языке может помочь передать смысловую точность и сохранить смысловую целостность.

Таким образом, вертикальные (парадигматические) и горизонтальные (синтагматические) отношения между языковыми единицами обеспечивают существование языка как целостной системы, в которой все они находятся в тесном взаимодействии друг с другом.

Многозначность слова

§ 14. Изучение многозначности слова в языкознании

Вопрос о многозначности слова, то есть полисемии, является одной из актуальных областей исследования общего языкознания. Данную проблему изучали такие известные лингвисты, как М. Г. Арсеньева, Р. А. Будагов, В. В. Виноградов, В. Вундт, В. А. Звегинцев, С. Д. Кацнельсон, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, В. В. Морковкин, Л. А. Новикова,

И. Г. Ольшанский, В. П. Скиба, А. М. Смирницкий, П. А. Соболева, Т. В. Строева, А. П. Хазанович, С. Ульман, А. А. Уфимцева, К. Г. Пауль, К. Эрдманн, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелёв, Г. Шпербер, Л. В. Щерба, и др. В современном языкознании в этом направлении активно работают: Ю. Д. Апресян, А. А. Зализняк, М. В. Никитина, Э. В. Кузнецова, Г. И. Кустова, Е. В. Падучева, С. А. Песина, В. А. Плунгян, Л. С. Пухаева, Е. В. Рахилина, М. А. Стернина и другие.

Вопрос многозначности в тюркологии изучается также в различных аспектах в работах Т. Аликулова, М. Х. Ахтямова, У. М. Батырмурзаевой, С. Р. Биджиевой, М. И. Кидирниязовой, М. М. Миртаджиева, К. М. Мусаева, В. И. Рассадина, Б. И. Татаринцева, А. А. Юлдашева и др.

Лексическая многозначность – сложное и спорное языковое явление. В общем языкознании существует несколько взглядов на полисемию.

1. В языке есть однозначные слова, соответствующие только одному денотату. Сторонники этой точки зрения – видные русские учёные А. А. Потебня и Л. В. Щерба. А в трудах таких известных зарубежных учёных, как Г. Пауль, К. Эрдманн, П. Стерн, полисемия рассматривается как «аномалия, отклонение, нарушение языковых закономерностей».

2. В языке есть только многозначные слова, как предполагают В. В. Морковкин, Н. Д. Шведова и др.

3. Большинство учёных (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, О. С. Ахманова, Д. Н. Шмелев, Р. А. Будагов, Ю. Д. Апресян, Н. М. Шанский, Л. А. Новиков и др. считает, что в языке сосуществуют однозначные и многозначные слова.

В общем языкознании имеется также концепция лексико-грамматической полисемии. В соответствии с ней, помимо семантической многозначности, существует и полисемия лексико-грамматических групп слов (В. А. Абаев, В. М. Жирмунский, С. И. Богданов, М. А. Стернина и др.).

Изучение многозначности в татарском языкознании началось в середине XX века, и этот вопрос нашел отражение в трудах Ш. А. Рамазанова, Ш. С. Ханбиковой, К. С. Сабирова, Г. Х. Ахатова, Ф. С. Сафиуллиной, И. Б. Башировой, Д. М. Гаптелганиевой, А. К. Булатовой и др.

Ш. А. Рамазанов одним из первых среди татарских лингвистов обратил внимание на смысловое развитие слова. Учёный связывал многозначность со способом семантического словообразования. По его мнению, обособление отдельных значений многозначного слова приводит к появлению лексических омонимов (Рамазанов, 1954: 126).

В трудах Ш. С. Ханбиковой полисемия рассматривается как определённая система значений и подзначений, связанных между собой, а также со значениями других слов. Изучая многозначность, Ш. С. Ханбикова

приходит к выводу о том, что основной причиной полисемии является диффузность некоторых значений (Ханбикова, 1997: 50–57).

Ф. А. Ганиев рассматривает многозначность как один из способов развития лексической системы татарского языка. Учёный утверждает, что многозначность в тюркских языках существует очень давно (Ганиев, 1998: 96).

В трудах Г. Ф. Саттарова, посвящённых татарской ономастике, рассматривается многозначность географических наименований. Учёный отмечает, что в результате расширения значений слов, обозначающих многие географические объекты, появляются их новые лексико-семантические варианты, а также в отдельных случаях – слова-омонимы: например, слова *узак* (центр), *баиш* (вершина), *каиш* (бугор, скат) (Саттаров, 1982: 56).

Л. К. Байрамова в монографии «Татарстан: языковая симметрия и асимметрия» появление одного и того же слова в разных лексико-семантических вариантах называет термином парадигматическая асимметрия. Учёный выделяет два вида асимметрии: семасиологическую полисемию и омоносиологическую синонимию. Семасиологической полисемией Л. К. Байрамова называет ряд означаемых при одном означаемом. Также учёный останавливается на многозначности в области словообразования (Байрамова, 2001: 217–218).

В учебниках по татарской лексикологии явление многозначности рассматривается в рамках изучения лексического значения и объясняется в основном в традиционном понимании, широко распространённом в языкознании. В учебнике К. С. Сабирова «Современный татарский литературный язык», изданном в 1965 году, в отношении многозначных слов высказывается следующее мнение: «название предмета даётся исходя из её основных признаков. Если в одном предмете обнаруживаются некоторые признаки, качества, присущие другим предметам, то название этого предмета может быть выражено комплексом одинаковых звуков. Таким образом, одно и то же слово в языке может обозначать название различных предметов или явлений» (Сабиров, 1965: 28).

В изданном в 1975 году учебнике Г. Х. Ахатов подчёркивает, что многозначность связана со свойством слова обобщать предметы (явления). Автор в традиционном плане останавливается на разновидностях полисемии: метафоре, метонимии, синекдохе. В своей классификации учёный опирается на труды О. С. Ахматовой, А. И. Смирницкого, Р. А. Будагова и других русских языковедов (Әхәтов, 1975: 139).

В учебном пособии «Современный татарский литературный язык. Лексикология» Ф. С. Сафиуллина приводит классификацию типов лексических значений. Также большое внимание уделяется переносу значений. «Если бы мы стали называть каждое новое понятие новым словом, слов

стало бы столько, что даже человек не смог бы запомнить все необходимые слова. Поэтому человеческий разум выбрал наиболее экономичный путь – способ употребления одного и того же слова в новых значениях» (Сафиуллина, 1999: 19–20).

В учебном пособии для студентов вузов Г. Р. Галиуллина определяет способность слова иметь два и более значений, при этом отмечая, что «в многозначном слове все значения взаимосвязаны и образуют сложную семантическую структуру слова. Семантические связи внутри многозначного слова составляют систему лексики. Эти виды связей не одинаковы во всех языках, поэтому явление многозначности считается одним из проявлений, указывающих на национальность, самобытность народа» (Галиуллина, 2013: 18).

Во многих трудах известного лингвиста И. Б. Башировой освещаются сложные вопросы семасиологии татарского языка. По мнению исследователя, методологическую основу современной семасиологии составляют лексические значения в речи и в статике. Лингвист выделяет статическое состояние слова как отражение двуплановости отношений предмет \leftrightarrow слово (Баширова, 2006: 24–31).

В ходе изучения проблем развития и изменения современной языковой системы М. Б. Хайруллин, останавливаясь на особенностях многозначности, приходит к следующему выводу: «Основное свойство многозначности – перенос названия одного предмета или явления объективной реальности на другой предмет или явление» (Хайруллин, 2006: 454).

Д. М. Гаптелганиева, изучая в своей монографии явления многозначности и омонимии в лексике, рассматривает полисемию как источник семантических омонимов, подробно и последовательно освещает возникновение контекстуальных значений. Исследователь считает, что «полисемия... является неизбежным следствием диспропорции, существующей между числом знаков речи и огромным количеством понятий, ищущих выражение в языке» (Гаптелганиева, 1999: 70).

Г. И. Бичурина в сравнительном плане рассматривает явление многозначности в фразеологии татарского и русского языков. Исследователь изучает употребление многозначных фразеологических единиц этих языков, а также демонстрирует особенности компонентного состава фразеологизмов на примере фразеосемантических полей (Бичурина, 1998).

В 2018 году вышла монография А. К. Булатовой «Полисемия в современном татарском литературном языке». В этом труде освещается сущность многозначности, её особенности, факторы, обусловившие её возникновение (Булатова, 2018).

Несмотря на то, что в татарском языкознании существуют труды, освещающие явление многозначности лексических единиц, в этой области существует немало нерешённых проблем, в частности, по вопросу терминологии, критериям выделения многозначных слов, возможностям их употребления в языке.

§ 15. Общее определение явления многозначности

События, происходящие в жизни, в обществе, в быту, так или иначе отражаются в языке, таким образом, лексическая система находится в постоянном развитии. Следовательно, из активного словаря слова могут переходить в пассивный, значения употребляемых лексем могут меняться или обретать новое значение.

В лексической системе языка слова делятся на две группы: однозначные (моносемантические) и многозначные (полисемантические). Под однозначностью или моносемией (греч. *monos* – один + *sema* – знак) понимается возможность слова иметь только одно устойчивое лексическое значение, заданное определённым набором звуков. Однозначность характеризуется семантической однородностью. В однозначных словах между вещью, явлением и их наименованиями существует прямое соотношение слово ↔ вещь (явление), то есть слово употребляется в прямом, конкретном значении. Например, *измэче* ‘замесчик, рабочий, замешивающий бетон’: *Исәнмесез, бетончы һәм измэче дуслар.* (Здравствуйте, товарищи бетонщики и замесчики.) (З. Нури)

К моносемантическим словам в основном относятся:

а) имена собственные, которые обозначают конкретный объект в ряду однотипных объектов. Вариативность при этом становится ограниченной (имена и фамилии людей, географические наименования, названия газет, журналов, книг и т. п.): *Габдулла, Вәлиев, Язилә, Теләче, Мишә, Мияубикә* и т. п.;

б) термины, которые, являясь точным наименованием какого-либо понятия в науке, технике, искусстве, стремятся к однозначности. Например: *кертем* (взнос), *климатология*, *сульфат*, *түләмә* (сибирская язва), *зарбәлек* (амортизация), *антисызыкча* (антилинейный), *радиоалгыч* (радиоприёмник), *төрөкөмеш азиды* (азид ртути), *экспроприацияләү* (экспроприация), *изафә* (изафет) и др.;

в) слова, которые обладают узкой предметностью и обычно используются при назывании предметов специального назначения; редко встречаясь в речи, они тем самым сохраняют однозначность: *рәислек* (председательство), *чәчәклек* (цветник, клумба) и др.;

г) неологизмы – не так давно появившиеся в языке новые слова, значения которых либо не успели войти в речь, либо ещё не нашли широкого

применения: *бәрәңгече* (человек, обрабатывающий картофельное поле), *дымүлчәгеч* (влагомер), *күчегеч* (копировальная бумага, копировка; калька), *жәнатар* (болельщик), *кертәмче* (вкладчик), *көярмән* (фанат) и т. п.

Сюда же можно отнести и окказиональные слова, родившиеся на базе татарского языка: *көлкизм* (смешинка), *жирский* (землянин) (Р. Гаташ), *сәясмән* (политик) (Н. Сафина) и др. Этот тип слов, особенно на начальном этапе, имеет одно значение.

В языкознании однозначность противопоставляется многозначности. Однозначные слова со временем могут приобретать дополнительные значения, в то же время может наблюдаться и обратный процесс.

Значение слова можно определить и как отдельную языковую форму, отражающую действительность, и как отношение звукового комплекса к реальности. Многие слова (а также некоторые грамматические формы и синтаксические конструкции) не ограничиваются только одним значением, т. е. они, обозначая несколько различных предметов или явлений, имеют несколько значений. В результате в языке возникает явление многозначности (полисемия).

Под полисемией¹ (греч. *polysemos* – множество знаков) понимается способность иметь словом одновременно несколько значений, т. е. обозначать различные классы предметов, явлений, действий, процессов, признаков, отношений и т. д. (Булатова, 2018: 87). Возьмём, к примеру, слово *йөз* (лицо). По основному, номинативному значению, слово означает переднюю часть головы человека, лицо: *Бу авыр фаҗиганың, бу күренешнең очына чыгу мәгәр хәзрәтнең генә кулыннан килә торган эш кебек белеп, һәркем аның йөзенә карады.* (Разобраться в данном происшествии, в данной катастрофе под силу было только хазрату, и поэтому все смотрели ему в лицо.) (М. Гафури), но помимо номинативного значения, слово имеет и дополнительные значения: 1) Фасад, лицевая сторона какого-либо сооружения: *Бинаның йөзе бәйрәмчә бизәлгән иде.* (Фасад здания был по-праздничному украшен.) (И. Гази); 2) поверхность чего-либо или верхняя сторона чего-либо: *Үлән эченнән узсаң, шунда ук итекларнең йөзләре ялтырап чыга.* (Если пройдешься по траве, сразу заблестят голенища сапогов) (А. Еники); 3) плоскость, поверхность, видимое пространство чего-либо: *Таңда сүнсә, кич кабына / Күк йөзендә йолдызлар.* (Звезды, даже если не горят на заре, вечером снова зажгутся на небе.) (Г. Зайнашева); 4) площадь мелких предметов, поверхность: *Бер чөгендернең яфрак йөзе шулкадәр*

¹ Термин введён в науку французским учёным Мишелем Бреалем. В своем эссе «*Essai de sémantique, science de Meaning*», опубликованном в 1897 году, лингвист говорит о том, что в результате появления новых значений слово расширяется, «размножается».

булгач, бер гектардагы яфракларның йөзе күпмегә җитә. (Если площадь листа свеклы равна этому, то сколько же будет площадь листьев с целого гектара.) (Г. Галеев); 5) характерное для кого-либо или чего-либо качество, сущность: *Казан бөтенләй йөзен үзгәртте.* (Казань изменила свой облик) (Г. Ахунов); 6) честь, репутация, достоинство: *Минем хәзер дус-иш арасына күренерлек йөземне калдырмадыгыз.* (Вы испортили мою репутацию перед друзьями.) (Ф. Амирхан). Между этими значениями сохраняется общность, связь. В каждом случае мы видим активизацию семантики 'передняя часть' или 'лицо', понимаемой из номинативного значения.

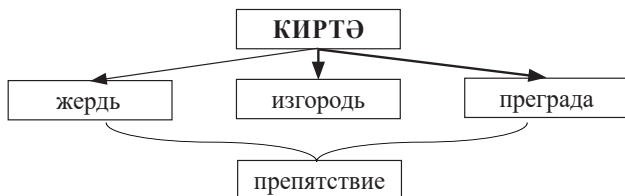
Абсолютное большинство слов в татарском языке многозначные. Одно из значений слова – основное (первичное, номинативное), остальные – дополнительные, связанные с ним (вторичные).

Также в языкознании существует термин «лексико-семантический вариант». Лексико-семантическим вариантом слова называют два или более значений, отличающихся друг от друга предметно-логическим содержанием, сохраняющих при этом целостность слова. Лексико-семантический вариант является двусторонним языковым признаком, реализующим слово в речи. Основное значение слова, называя предметы, явления, напрямую отражает понятие действительности. Например, слово *оя* в номинативном смысле обозначает 'гнездо; место, предназначенное птицами для откладывания яиц, вынашивания потомства или построенное человеком место': *Һәр кош үз оясын үзе корыр.* (Каждая птица своё гнездо вьёт.) (Пословица) Основные значения по сравнению со вторичными значениями парадигматически связаны, а синтагматически свободны, то есть номинативное значение не привязано к контексту. Человек, владеющий языком в совершенстве, называя слово, почти всегда воспринимает его в номинативном значении. Вторичные значения раскрываются в зависимости от контекста. Таким образом, основное значение слова может отличаться в контексте от дополнительных значений. Вторичные значения объясняются исходя из первичных значений. Для примера рассмотрим слово *арка* (спина). Номинативное значение слова – 'задняя часть тела человека, доходящая до пояса; у животных – вся длина хребта от шеи до хвоста': *Арка сөякләрем дә төнө буе сызлады.* (Всю ночь спину ломило.) (Г. Абсалямов) Со временем этим набором звуков стали обозначать тыльную сторону ладони, при этом данное значение может различаться только в контексте (в этом случае достаточно отдельного словосочетания), вне контекста эта лексическая единица воспринимается в основном своем значении: *кул аркасы (Халим иптәшен кул аркасы белән генә бер якка этеп җәибәрде.)* (Халим оттолкнул товарища в сторону только тыльной стороной ладони.) (Г. Губай)

Смысловые возможности новых производных значений многозначного слова могут быть узкими, ограниченными. Производные значения, вступая в отношения с основным номинативным значением другого слова, могут образовывать устойчивые словосочетания. Например, слово *тамак* ‘горло’ в определённом переносном смысле обозначает повседневную пищу, продовольствие, употребляясь с глаголом *ялгау* ‘связывать, приклеивать, сшить или другим путём соединять вещи друг с другом’, образует фразеологизм в значении ‘перекусить, съесть немного, чтобы утолить голод’: *Фатыйма да, Шмит та, өйләренә сугылып, тамак ялгау өчен, берәр сынык икмәк, берничә пешкән бәрәңге алдылар.* (И Фатима и Шмит, забежав домой, взяли по куску хлеба и несколько печёных картофелин, чтобы перекусить.) (А. Расих)

Между компонентами полисемантического слова существует особая семантическая связь, на основании которой можно утверждать, что эти значения принадлежат данному слову. Эта связь определяется тем, что между значениями слов существуют отдельные общие семантические элементы. Возьмем, к примеру, слово *киртә*. Номинативный смысл этого слова – ‘жердь; толстый, не очень длинный ствол дерева, освобожденный от опавших ветвей, шест’: *Кирталәрдән генә корылган койма һәм җил капка аша йорт эче күренеп тора.* (Через забор, состоящий из одних прясел и ворот, можно увидеть сам дом (Ш. Маннур) Вторичное значение слова – ‘изгородь, ограда, загородка дома, сада, поля и т. д.’: *Илгизәр, киртә арасыннан кысыла-кысыла кереп, әтисе янына килде.* (Илгизар, пролезая через отверстие в заборе, прошел к отцу.) (Г. Баширов) Кроме того, это слово также имеет значение ‘укрепление из колючей проволоки для сдерживания движения противника на поле боя’: *Сапёрлар бер тар участокны миналардан арчыйлар, тимерчыбык киртәне кисәләр.* (Сапёры вычищают один участок от мин и разрезают колючую железную проволоку.) (А. Шамов)

Слово *киртә* в переносном смысле означает ‘препятствие, преграда’: *Күршем инде билгеле киртә миңа һәр зитә.* (Сосед мне преграда в каждом деле.) (М. Джалиль), также используется сема ‘конец, предел, окончание чего-либо’: *Яхшылыкның киртәсе юк.* (Нет преград добру.) (М. Галеев). Среди всех лексико-семантических вариантов слова *киртә* можно проследить общее значение – ‘препятствие, барьер’:

Несмотря на позиционную зависимость, лексико-семантические варианты многозначного слова существуют независимо друг от друга, они могут быть близки, но не противоречить друг другу. Знакомясь с новыми, ещё неизвестными предметами, явлениями, мы обращаем внимание на их сходство с другими предметами, явлениями, поэтому их можно назвать одним словом. Это явление носит постоянный характер. Под регулярной многозначностью мы подразумеваем комбинацию семем полисемантической лексической единицы, характерной всем или хотя бы многим словам, входящим в определённый семантический класс. Возьмем, к примеру, такие слова, как *мәктәп* (школа), *университет*, *институт*, *мәдрәсә* (медресе, высшее мусульманское духовное учебное заведение), имеющие общий компонент значения 'учебное заведение', и рассмотрим случаи многозначности на примере слова *мәктәп*, входящего в эту группу. Слово в номинативном значении 'здание, сооружение': *Габделкаюм авыл мәктәбендә өч кыш укыды.* (Габделкаюм учился в деревенской школе три зимы.) (М. Гали); *Ул алты почмаклы зур мәктәп салдырып китте.* (Он построил большую пятистенную школу.) (Г. Ибрагимов). Также слово употребляется в значении 'люди в этом здании': *Бөтен мәктәп жыйылышы кәттә.* (Вся школа ждала этого собрания.) (М. Магдеев).

Подводя итоги, отметим, что в татарском языке существуют как одноклассные, так и многозначные слова, причём полисемантические лексические единицы преобладают.

§ 16. Семантическая структура многозначного слова

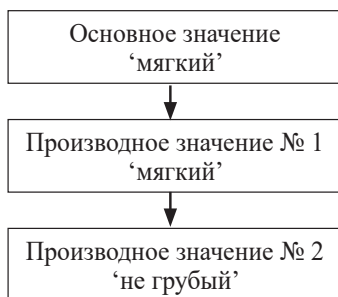
Значения слова, то есть лексико-семантические варианты, составляют его семантическую структуру, под которой понимается смысловое строение слова.

Семантическая структура слова чрезвычайно подвижна: появляются новые значения, исчезают старые, может меняться связь между основным и вторичным значениями. В отдельных случаях вторичное значение слова становится номинативным. Например, слова *башлы* (имеющий голову; с головой, башковитый) и *башсыз* (безголовый; бестолковый). Издревле эти качества определяли человека (животное), у которого была или отсутствовала голова (часть тела). Со временем они стали употребляться в речи в значении 'умный, мудрый, смекалистый' – 'бесстрашный, бестолковый'. Эти лексико-семантические варианты стали их основными значениями: *Бу машинаны уйлап табучы кеше бик башлы булган, ул да синең кебек төрлечә уйлаган.* (Изобретатель данной машины был очень умным человеком, он также, как и ты, мыслил в разных направлениях.) (А. Алиш);

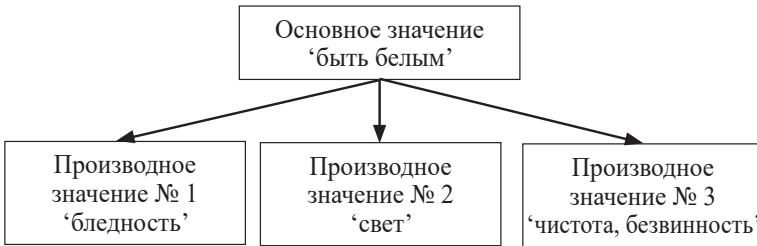
(Ул) бик баишсыз нәрсә, катр китүдән дә курка торган түгел. ((Он) очень отчаянный тип, не боится и тюрьмы.) (Г. Камал)

Слово представляет собой совокупность взаимосвязанных лексико-семантических вариантов, которые сближаются друг с другом семантической связью и образуют отдельное иерархическое единство (топологию). Представим следующие типы семантических структур многозначности:

1. Цепочечный тип многозначности. При таком типе каждый последующий лексико-семантический вариант вытекает из предыдущего, образуя одну семантическую цепочку. Нужно отметить, что цепочечная полисемия в татарском языке встречается не так часто. Например, рассмотрим слово *йомшак*, которое имеет следующие значения: 1) ‘не твердый, не плотный на ощупь’: *Коймалар, өй түбәләре һәммәсе яңа юган йомшак кар белән түшәлгәннәр.* (Заборы, крыши домов – всё покрылось свежевывавшим пушистым снегом.) (Г. Ибрагимов); 2) ‘скромный, сдержанный’: *Госпитальдә эшләү дәверендә аның йомшак холкы шактый ныгып өлгерде.* (Во время работы в госпитале его мягкий характер окреп.) (Г. Абсалямов); 3) ‘не резкий, не грубый по отношению к человеку’: *Көләч йөзе, йомшак сүзе белән керә кешеләрнең эченә.* (Он входит в души людей своим открытым взором и приятными словами.) (М. Гафури).

2. Радиальный тип многозначности. При таком типе все лексико-семантические варианты зависят от прямого значения. Например, слово *аклык*. *Аклык*: 1) ‘быть белым’: *Жир йөзе йомшак аклык белән капланды.* (Поверхность земли покрылась мягкой белизной.) (Г. Ибрагимов); 2) ‘бледность лица и тела’: *бит аклыгы* (белизна лица); 3) ‘свет’: *Еракта таң аклыгы беленеп килә иде.* (Вдали виднелись отблески рассвета.) (И. Гази); 4) ‘благородство, чистота’: *Ул яна, бу дөньяны күрмәк булып аклык белән.* (Он горит, борясь за то, чтоб сделать этот мир чистым, непорочным.) (Ш. Бабич).

3. Радиально-цепочечный (смешанный) тип многозначности. При смешанной полисемии вторичные значения находятся в различных связях по отношению к основному значению. Этот тип многозначности встречается довольно часто. Например, лексема *ырым* – 1) суеверие, обряд: *Биредә төзәлмәс гарип кешеләрне, авыру атларны алып килеп, аларны әфсенләү-өшкерү бик күптәннән бер ырымга әйләнгән иде.* (Здесь давно уже превратилось в поверье то, что привозили, приносили больных людей, лошадей и лечили их различными заклинаниями.) (М. Галяу); 2) предсказание: *Саран ғына, йомыкый ғына бу адәм, яшь булуына карамастан, һәртөрле дини хорафатларга, ырымнарға бик ышанучан кеше иде булса кирәк.* (Несмотря на то, что данный человек был скуп, худошав и молод, он верил в различные религиозные предрассудки и приметы.) (Ф. Хусни); 3) заклинание болезни, колдовство: *Тәгзимәнәң утереп башы сызлый. Имче карчыкны да чакырып карады. Тик өшкерүләр, ырымнар килешмәде.* (У Тагзимы ужасно болит голова. Она и старух-ворожей приглашала. Однако никакие заговоры и нашептывания не принесли результата.) (А. Расих); 4) снадобье, волшебное лекарство: *Син нәрсә, сеңлең урынына үзең миңа киләм дип, үз ырымнарыңны үзең эчеп тулгаклап утырасыңмыни?* (Что ты, выпила свое же зелье: говоришь, что выйдешь за меня вместо сестры?) (Н. Исанбет)

Исходя из сказанного, можно прийти к следующему выводу: в основе всех значений отдельного многозначного слова и тех сочетаний, в состав которых входит данная лексема, лежит основное номинативное значение. Вторичные значения, образованные от основного, сами могут создавать новые лексико-семантические варианты. В свою очередь, производные значения могут отдалиться от основного значения или оборвать звено цепочки, связывающее его с основным значением, или дополнительно значение само может выпасть из языка. В этом случае новый лексико-семантический вариант, выходя из этой семантической системы, образует новую микросистему, то есть появляется два отдельных слова, одно из которых становится омонимом. Например, основное значение прилагательного *исәпсез* – ‘неисчислимое, очень много’: *Болар, меңләгән ел-кылары, яхшы нәсел дөяләре, исәпсез куйлары белән Сары-Арканың киң далаларында күчеп йөриләр.* (Они кочуют по широким степям Сары-Арка со своими бесчисленными лошадьми, породистыми верблюдами, несметными отарами овец.) (Г. Ибрагимов). Второй лексико-семантический вариант слова – ‘неэкономный, неоправданный рост’: *Качакларның исәпсез күбәеп китүләре бушлай ярдам биру гайрәтен бик тиз сүрелдерде.* (Непомерный рост беглых остудил пыл тех, кто предлагал бескорыстную помощь.) (К. Наджми). Когда-то второй лексико-семантический вариант слова начал употребляться в значении ‘беззаботный, непутёвый’ (по отношению к человеку), однако со временем связь между этими вариантами была утрачена, в результате чего появился омоним: *Исәпсез кеше су эчеп тә симерә.* (Беззаботный человек и от воды полнеет.) (Пословица)

§ 17. Изменение лексического значения

Происходящие в обществе изменения служат толчком к появлению новых понятий, названиями которых могут стать уже имеющиеся в языке слова. Слова пополняются новыми оттенками значений, благодаря чему происходит процесс расширения их семантического поля, что становится показателем внутренних возможностей языка, эффективным и экономичным способом количественного и качественного обогащения словарного состава татарского языка.

Постоянные изменения в семантике слов, в свою очередь, могут быть обусловлены множеством предпосылок. Как мы уже отмечали, на развитие многозначности влияют экстралингвистические (внеязыковые) и интралингвистические (связанные с языком) факторы.

Остановливаясь на экстралингвистических факторах, необходимо в первую очередь назвать принцип экономии. Он состоит в том, что каждое вновь возникшее понятие не может быть названо новым сло-

вом, поскольку это может привести к бесконечному увеличению количества слов в языке, которые человек может не успеть запомнить. Возьмём, к примеру, слово *жөй*. В номинативном значении это слово означает ‘шов, место, где кусочки ткани, кожи и т. д. скреплены между собой’: *Һәр чигештә күпме яшиь тамчысы, / Күпме сагыш һәрбер жөендә.* (Сколько слезинок на каждой вышивке, / Сколько тоски на каждом шве.) (М. Джалиль) С течением времени *жөй* приобрело и значение ‘шов, наложенный при хирургических операциях, след, оставшийся после этой операции’: *Күлмәгенең ачык якасы астыннан муенындагы яра жөе күренә иде.* (Из-под распахнутого ворота её платья был виден на шее шов от раны) (Г. Абсаямов). На основе семантического сходства слово *жөй* обозначает и ‘место технической сварки’, например, *эретеп ябыштырылган жөй* (сварной шов). Таким образом, у человека появляется возможность с помощью одного слова называть несколько понятий, и в этом случае словарный состав языка качественно развивается, освобождаясь от семантической неопределённости ввиду того, что между лексико-семантическими вариантами слова *жөй* сохраняется общая сема ‘закреплённое место’.

Вторым экстралингвистическим фактором, влияющим на изменение значений слов, является способность человеческого сознания к обобщению. Известно, что словарный состав даже самых развитых языков не безграничен, и потому понятия значительно превышают количество значений. В свою очередь, человек, обобщая понятия одного вида, начинает называть их одним и тем же словом. Например, прямое значение слова *итәк* – ‘подол, нижний край платья, фартука, пальто и др.’: *Ханым, чүгәләп, күлмәк итәген кайтара төште дә жылы тимер идәнга утырды.* (Дама, завернув подол у платья, опустила и села на тёплый железный пол.) (А. Еники) В ходе исторического развития у слова появились и другие лексико-семантические варианты: 1) юбка, вид одежды: *Ул киенгән газ итәкләр / Жил-давылда ялтырый.* (Газовая юбка на ней сверкает на ветру.) (Н. Исанбет); 2) колени, передняя часть: *Никтер әнине сагынам. Аның итәгенә ятып, озак еглыйсым, дөнъяның мине жәберләве турында йөрәгемдә уяган зардан күз яшем белән бушанасым килә.* (Почему-то скучаю по маме. Я лежу на её коленях и долго плачу, хочется излить все свои обиды на жизнь, хочется облегчить душу.) (Г. Ибрагимов); 3) единица измерения, полный подол платья: *Сиңа менә, бер итәк... кәңфит, прәннек, чикләвек, жимеш... бары да бар.* (Вот тебе полный подол... конфет, пряников, орехов, фруктов... все есть.) (Ф. Бурнаш); 4) край радуги: *Салават күперенең бер итәге иген кырына терәлгән.* (Один край радуги упирается в хлебное поле.) (А. Еники); 5) край луга, опушка леса, и др.: *Урман итәгендә, безнең яткан чокырдан бер ярты километр биредә, кечкенә авыл.* (У окраины

леса, от находящегося в полутора километрах от нас оврага, расположилась небольшая деревня.) (Ф. Карим); 6) подножие горы; предгорье: *Нухаять, соңгы урне менеп, тау итәгендә яткан авыл каршына килеп чыкты Гыйлемхан.* (Наконец, поднявшись выше, он оказался перед деревней, лежащей у подножия горы.) (Р. Мухаммадиев); 7) устье моря, реки, океана: *Фәтхи инеш итәгендә төшеп китте.* (Фатхи спустился к устью ручья.) (Ш. Камал); 8) след: *Авыл халкы, аның (этнең) улавын ишетү белән, таралган итәген тиз генә жыеп ала.* (Жителей деревни, заслышав вой собаки, быстро заметили следы, становились осторожными.) (Ф. Карим)

Слова подвергаются семантическим изменениям и под влиянием социальных факторов. Так, каждая социальная группа имеет свои, уникальные наименования, присущие только её группе. Следовательно, слова становятся многозначными ещё и в виду того, что в этих общественных, культурных, профессиональных группах приобретают отдельные смысловые оттенки. Так, слово *божра* (кольцо) в языке спортсменов употребляется в значении ‘площадка для борьбы’.

Семантические сдвиги – довольно частое и распространённое явление и среди арготической и жаргонной лексики. Например, слова *карга* имеет следующее номинативное значение: ‘грач, птица средней величины отряда врановых’: *Карга килсә, кар китә.* (букв. Прилетели грачи – сошёл снег.) (Пословица) В жаргонной лексике слово *карга* приобретает иное значение: ‘масть в картах, пики’, например, *карга короле* (пиковый король). Номинативное значение слова *койрык* – ‘хвост, удлинённый вырост, выступающий сзади из основной части тела животного’: *Эт тә ашатканда койрык болгар.* (букв. И собака хвостом виляет, когда её кормят.) (Пословица) Однако это же слово широко распространено в молодёжном сленге в значении ‘хвост, не сданный экзамен, зачёт’. Например, *Валинең экономикадан койрыгы бар.* (У Вали остался хвост по экономике.) Основной смысл латинского слова *академия* – ‘высшее государственное учреждение, на которое возложена задача развития науки и искусства’: *Мин аның белән 1968 елның декабрендә Новосибирск янындагы Академия шәһәрчегендә таныштым.* (Я познакомился с ним в Академгородке под Новосибирском в декабре 1968 года.) (Из периодической печати). Однако в воровской речи встречается и дополнительное, коннотативное значение данного слова – ‘тюрьма’.

Помимо перечисленных факторов, следует отметить и психологические, которые также оказывают существенное влияние на изменение лексического значения слова. К ним относятся различные запреты, табу, эвфемизмы, возникающие как следствие испытанного человеком страха, под влиянием религиозной ситуации или морально-этических норм. Со-

ответственно, слова с грубым, негативным коннотативным значением по звучанию и семантическому содержанию заменяются другими единицами с более нейтральным значением. Например, *кандала* – ‘клоп, паразитическое насекомое, питающееся кровью человека’. Татарский народ часто воздерживается от называния насекомого этим словом из страха его размножения, и потому можно часто встретить замену словом *кибэк*, имеющим значение ‘отходы, образующиеся при обмолоте колосовых культур’: *Болай да жыллуч-жыллуч кибэк жылгареп, бер уч бөртек жыябыз*. (И так уж, пропуская отходы через веялку, собираем горсть зерна.) (Н. Ахмадиев); *Йосыф муеныннан кибэк тотты*. (Юсуф на шею клопа поймал.) (Г. Кулахметов)

Говоря об интралингвистических факторах, мы имеем в виду расширение значения слова за счёт калькирования, широко распространённого в условиях двуязычия. К примеру, возьмём слово *тэрэзэ*, имеющее номинативное значение: ‘окно, отверстие со вставленным стеклом для пропуска света в стене сооружения, внутри которого живёт, работает или находится человек’. В результате заимствования из русского языка ассоциативного значения и структурной модели в татарском языке активизировалось значение ‘свободное время, возникшее по какой-то причине во время работы’: *Минем буш дәресем – «тэрэзэм» бар иде*. (У меня «окно» появилось – не было урока.) (Э. Касимов)

К языковым причинам, обусловившим семантические сдвиги, можно отнести многозначность, возникшую в результате взаимодействия литературного языка с диалектами. В литературный язык диалектизмы проникают при отсутствии толкования того или иного понятия. Встречаются диалектизмы, имеющие то же произношение, что литературные слова, но различающиеся по смыслу. Поясним на некоторых примерах. Слово *эсәр* в литературном языке означает ‘произведение, чей-либо творческий труд в какой-либо области’: *Әдәби эсәр укучының күңеленә тәэсир итәргә тиеш* (Литературное произведение должно воздействовать на души читателей) (А. Яхин), в то же время в кузнецком говоре мишарского диалекта *эсәр* означает ‘представление, зрелище; забава’: *Тыңлагыз. Тагын бер эсәр сүлим*. (Послушайте. Еще одну забаву расскажу.) (ТТЗДС, 2009: 88)

Номинативное значение слова *бүлмә* в литературном языке – ‘комната, часть пространства внутри дома, ограниченное стеной или иным способом’: *Мин аш бүлмәсенә кердем*. (Я зашел в столовую.) В мензелинском, каргалинском говорах среднего диалекта это слово встречается и в значении ‘чулан’: *Безнең бүлмә йүз, әнә келәт*. (У нас нет чулана, кладовая вон там.) (мензелинский говор) (ТТЗДС, 2009: 142).

В языкознании существует термин «семантическая деривация». Обычно под деривацией понимают создание одних единиц на базе других, и

потому термин относят больше всего к словообразованию. Под семантической деривацией подразумевается лексическая многозначность, то есть приобретение словом новых значений. Известный русский лексиколог Д. Н. Шмелёв подчёркивает, что в данном случае обязательно наличие сопутствующих отношений (эпидигматических связей) между значениями.

Семантической деривацией (лат. *derivation* – отклонение, переход) называется процесс появления у слова семантически производных значений, семантических коннотаций, то есть процесс расширения семантического объёма слова, приводящий к возникновению семантического синкретизма. Термин был введен в языкознание в 30-х годах XX века польским лингвистом Е. Куриловичем. Семантическая деривация является количественным показателем семантических изменений, то есть новые значения расширяют семантическое поле слова, его значение.

Семантическая деривация может характеризоваться, прежде всего, как речевое явление, поскольку актуализация тех или иных коннотаций зависит от контекста, в котором эта языковая единица используется. В этом случае не существует опасности смешения сем слов, употребляемых в соответствии с собственными законами языка, потому что многозначное слово встречается в отдельном речевом моменте только в своём определённом значении.

Расширение значения может идти в четырех различных направлениях:

1. Использование уже существующих в языке слов в новом значении для обозначения новых понятий, возникающих в связи с изменениями в жизни. Например, слово *ташлама*: 1) смягчение к кому-либо общих требований, частичное прощение его ошибок и т. п.: *Сиңа моннан соң ташлама булмаячак, аны белеп тор.* (Тебе больше не будет уступок, знай это.) (Г. Галиев); 2) работа, выступление, совершённое с частичным выполнением чьего-либо требования или желания: *Хужәларга килгән зарарны профсоюзлардан түләтүне тыя торган закон ... эшчеләргә кайбер ташламалар ясауны аңлата.* (Закон, запрещающий владельцам взыскивать с профсоюзов убытки ... означает предоставление рабочим некоторых льгот.) («Яңа тарих»); 3) предложение, направленное на скорейшее согласие в ценовом вопросе: *Үсеп баручы илләр белән сәүдәдә ташламалар ясау.* (Предложение скидок в торговле с развивающимися странами.) За последние десять-двадцать лет значение слова расширилось, появился вариант значения: ‘льгота, предоставление какой-то льготы как исключение из общих правил’: *Хезмәт ветераны таныклыгы алдым, әмма миңа ташламалар бирүдән баи тарттылар.* (Получил удостоверение ветерана труда, но мне отказали в предоставлении льгот.) («Мәдәни җомга»)

Остановимся на значениях слова *кыйммәт*: 1) высокая стоимость, большая стоимость: *Налогның зыяны һич безгә булмый, аның өчен мин*

товарны кыйммэт сатам. (Ущерб от налога не будет нам возмещён, поэтому я продаю товар дорого.) (М. Гафури); 2) определённое значение, значение чего-либо, важность чего-либо: *Узагачта ботаклар никадәр зуррак булса, узагачның кыйммәте шулкадәр югарырак була.* (Чем крупнее сучки на древесине, тем выше её ценность.) (Г. Абсалямов); 3) ценность, авторитет: *Тукай жәмгыятьтә кешенең авторитеты һәм кыйммәте булуны күрергә теләде* (Тукай хотел видеть в обществе авторитет и ценность человека.) (Г. Халитов); 4) содержание, смысл математических величин: *Кыйммәтләрен үзгәртмичә саклый торган зурлыклар даими зурлыклар дип атала.* (Величины, значения которых сохраняются без изменений, называются постоянными величинами.) («Алгебра»). Наряду с приведёнными выше лексико-семантическими вариантами добавляется значение 'абстрактный труд, затраченный в определённом количестве на производство экономического товара': *Кыйммәт – товар җитештерүчеләрнең әйбәрләшкән иҗтимагый хезмәте ул.* (Стоимость – это общественный труд товаропроизводителей.) («Политэкономика»)

Слова *иптәш* (товарищ) в обычном, традиционном употреблении означает: 'человек, связанный с кем-либо общей профессией, местом работы, дружбой, мировоззрением: *Әгәр иптәшләре иптәш булмаса, Корбангали абзый быел тегүгә, ихтимал, бөтенләй икенче бер малай ияртеп чыгарга мәҗбүр булган булыр иде.* (Если бы товарищи не были товарищами, то Курбангали-абзый в этом году, вероятно, пришлось бы взять с собой другого парня.) (Ф. Хусни) В 20-е годы XX века слово *иптәш* стало употребляться в лексико-семантическом варианте 'член революционной партии, рабочего коллектива': *Иптәш элементар нәрсәне аңламый: татарларны, башка милләтләрне христианлаштыру дәүләтне ныгыту максаты белән эшләнә.* (Товарищ не понимает элементарного: христианизация татар и других национальностей осуществляется с целью укрепления государства.) (Х. Камалов) Эта же сема впоследствии расширилась до значения 'член советского общества, советский гражданин': *Илле тугызынчы елны авылларны бер калхузга берләштереп, читтән китереп яңа җитәкче – иптәш Гатауллинны куйдылар.* (В пятьдесят девятом году объединили деревни в один колхоз и поставили нового руководителя – товарища Гатауллина.) (Р. Батулла) Кроме того, слово начинает употребляться в значении 'муж или жена в семье (по отношению друг к другу)': *Концертка мин иптәшем белән барам.* (На концерт я иду вместе с мужем.)

Номинативное значение слова *күзлек* – 'очки, оптическое устройство, состоящее из двух стечел, надеваемых на глаз при недостатке зрения или для защиты глаза от сильного светового поражения': *Нәфисә бөтен йөзен каплап торган зур күзлеге аша эле бер якка, эле икенче якка карап ала.*

(Нафиса смотрит то в одну, то в другую сторону через большие очки, скрывающие всё лицо.) (Г. Баширов) Связанное отдельными ассоциациями, слово получает лексико-семантический вариант ‘определённое отношение, положительное или отрицательное отношение к кому-либо или чему-либо’: *Бөтен уен шушы метод күзлегеннән торып, жентекләп эшлэнгән* (Вся игра тщательно проработана с точки зрения этого метода.) (М. Джалиль)

2. Для замены заимствованных слов употребляются собственно татарские слова в новых значениях, например, *берлек* – 1) один рубль: *(Ләйсән) йомарланган берлек сузды.* ((Ляйсан) протянула скомканный рубль.) («Азат хатын»); 2) лингв. форма единственного числа: *Сан категориясенә берлек төре һәрвакыт нуль формада була, берлекнең үзенә аерым формативы юк.* (Единственное число категории числа всегда имеет нулевую форму, но отдельного форматива не имеет.) (В. Хангилдин); 3) слово *берлек* употребляется для замещения русских слов *объединение, союз*, при этом оно приобретает значение ‘единство; сплочённость, организованность’: *Шулай ук Рәссамнар берлеге бинасында Габдулла Тукайның 120 һәм Муса Жәлилнең 100 еллыгына багышланган күргәзмә ачылды.* (Также в здании Союза художников открылась выставка, посвящённая 120-летию Габдуллы Тукая и 100-летию Мусы Джалиля.) («Казан утлары»).

3. В некоторых случаях собственно татарские слова приобретают новые лексико-семантические варианты путём калькирования: *текә*: ‘крутой, поднятый над землей под большим углом’: *Ике тау арасындагы текә юлдан атны тыя-тыя төшителәр.* (Придерживая коня, спустились по крутой дороге между двумя склонами.) (А. Еники) Позднее, в результате калькирования с русского языка, это слово стало употребляться и в лексическом варианте ‘обладание властью’: *Бездә законнар, кагыйдәләр көчләләр, «текәләр» агына авышырга бик сәләтле.* (У нас сильны законы, правила, мы очень способны склоняться в сторону «крутизны».) («Безнең гәжит»)

Сюда же можно отнести и значение слова *түбә* (крыша) в значении ‘структура, выполняющая роль защитника, защитника в каких-то криминальных делах’: *Шуңа күрә юлда «түбә» ролен башкарырга тиеш була.* (Поэтому в дороге должен будет выполнять роль «крыши».) («Безнең гәжит»)

4. Семантические изменения, возникающие в слове в результате переносного значения. Оно возникает в результате переноса наименования одного предмета, явления на другой предмет, явление с помощью определённых метонимических, метафорических или иных ассоциативных признаков. Например, слово *бәйрәм* в прямом смысле ‘праздник, день или дни для веселого отдыха’: *Бәйрәм көн шикелле Авианос эчендә: / Ниндидер сөнеч һәркемнең йөзөндә.* (Внутри Авианоса как будто праздник / Какая-то радость на лице каждого.) (Х. Туфан) В результате ассоциаций слово получило также

переносное значение ‘большая радость, торжество, ликование’: *Мәдинәгә тик эш кенә булсын, эш – аның куанычы, шатлыгы, бәйрәме.* (Для Мадины лишь бы была работа – для неё это восторг, радость, праздник.) (М. Хасанов)

При наличии переносного значения сохранение связи между значениями слова обеспечивает и сохранение общего признака с прямым значением. Например, рассмотрим слово *авыз* с прямым значением: ‘рот, (человека, животного, птицы, рыбы) зев, пасть (зверя)’: *Авызың кыек булса, көзгегә үпкәләмә* (Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива.) (Пословица) Это же слово встречается и в следующих переносных значениях: ‘рот (едок)’: *Менә шул фәкыйрь вә шуның өстенә алла ничә авызы булган семья эченә мин ятим бала булып килеп кергәнмен.* (И вот я, бедный сирота, пришел в семью, в которой, кроме меня, было ещё несколько ртов.) (Г. Тукай); ‘горловина, горлышко (бутылки, сосуда)’: *Бал кортлары кереп беткәч, бабай тубалның авызын бәйләп куя.* (После того как все пчёлы залетают, дедушка завязывает горлышко лукошка.) (А. Алиш); ‘устье (печи, оврага, балки), раструб, чело горна, жерло, зев (печи)’: *Нургали тартып бетермәгән тәмәкесен, сүндермичә, мич авызына ыргытты.* (Нургали, не докурив сигарету, бросил её в зев печи.) (А. Еники); ‘место впадения реки, ручья, устье’: *Без пароход йөртеп уйнаган ермак авызында пристань була.* (В устье протоки, по которой мы водили пароход, будет пристань.) (Г. Губай)

В языкознании переносные значения слов подразделяются на два вида: генетически переносные и собственно переносные (Гузев, 1985: 23). Генетически переносные значения употребляются в языке наряду с прямыми значениями, которые не приобретают эмоционально-экспрессивной оценочной окраски, их собственные основные значения по происхождению являются переносными. Например, если значение слова *койрык* ‘хвост, удлинённый вырост, выступающий сзади из основной части тела животного’: *Тиен дә койрыктан уңган: сикерсә – пружинадай булган, йокласа – юрган.* (И у белки хвост что надо: если прыгнет, то пружина, если спит, то одеяло.) (А. Алиш) возникло на базе татарского языка, то значение ‘задняя часть и киль на плавучих установках’ восходит к генетически переносному значению. Например, *Пароходның койрык ягында ышык һәм жылы иде.* (На корме парохода было тихо и тепло.) (А. Еники)

Переносные значения характеризуются образностью, в них присутствует некий оценочный смысл. Возьмем, к примеру, слово *йөрәк* (*сердце*). Слово *йөрәк* означает: ‘анат. сердце, у человека или животного мускулистый, наподобие мешочка, центральный орган, расположенный в грудной полости и обеспечивающий кровообращение’: *Мин сугышка керсәм, дошманымның / Йөрәгенә төзәп атармын.* (Если я вступлю в бой, то буду стрелять в сердце противника.) (Ф. Карим) В переносном значении

употребляются лексико-семантические варианты ‘душа, внутренний мир человека’: *Кемне сөя икән Гөлчирәбез, / Кемдә икән аның йөрәге?* (Кого же любит наша Гульчира, / К кому же принадлежит её сердце?) (Ф. Карим); *Сугыш башланып өлгөрмәде, дошман безнең илебезнең йөрәгенә кулын суза башлады.* (Война ещё не началась, а враг стал протягивать руки к сердцу нашей страны.) (И. Гази)

Анализ слова в диахроническом плане даёт возможность обнаружить, что его значение со временем утрачивается, выпадая из активного употребления. В таком случае мы сталкиваемся с сужением значения.

Например, общетюркское слово *аш* изначально употреблялось в значении ‘еда’: *Кеше кешедән өстен, әмма берәү дә аштан өстен түгел, – дип, фалсәфәгә керешеп китте Гыймади.* (Человек выше человека, но никто не выше еды, – начал философствовать Гимади.) (А. Файзи) Со временем этот лексико-семантический вариант становится пассивным в употреблении. В современном татарском языке слово *аш* приобрело номинативное значение: ‘подаваемое первым жидкое блюдо, суп’: *Сыер итеннән пешкән кәбестә ашынан да ким булмый бу.* (Это будет не менее вкусным, чем щи из говядины.) (Г. Губай)

Как видим, значения слов постоянно меняются, развиваются. Со временем под влиянием экстралингвистических и интралингвистических факторов они могут либо расширяться, либо сужаться. Расширяясь, значения могут и утрачивать семантическую общность, в таком случае происходит распад многозначности, в результате которого образуются омонимичные слова.

§ 18. Метафора и её виды

В развитии языка, в определении различных сторон жизни роль метафоры огромна. В то же время, основанная на метафорическом переходе многозначность достаточно сложное явление.

Метафора (греч. *metaphora* – перенос) означает перенос названия одного предмета на другой на основе сходства цвета, формы, местоположения и т. п. Например, слово *бит* означает переднюю часть головы человека, лицо. Когда же речь идёт о большом пальце – приобретает значение ‘выпуклая сторона кончиков пальца’, представляя собой метафору: *Аннан хәнжәрен кынысыннан тартып чыгарды, чәч пакесе үткерләгән кеше кебек, бармак битләре белән хәнжәренең үткерлеген тикишерергә кереште.* (После вытащил нож из ножен, пальцами проверил остриё ножа, будто заточил бритву.) (Ф. Карим)

В метафоре одновременно соединяются два значения: первое – номинативное, второе является переносным и определяется лишь в контексте. Между этими двумя значениями есть определённое сходство.

Лингвистика различает случаи метафор на основе следующих сходств:

а) сходство предметов по форме. Например, слово *алка* имеет несколько лексико-семантических вариантов: ‘обруч, ободок в форме круга’: *Ул да булмый, Мафруза, чыгып, туры айгырларны өзәңгедән тотып тынычландыра да көмеш тәңкәле каешларны капка башына кагылган алкаларга бәйли.* (Не тут-то было, Мафруза вышла и успокоила лошадей, держа за поводья, и привязала к кольцам ворот.) (Р. Валиев); во втором – серьги: *Менә сиңа бүләк итеп бер алтын алка алып килдем.* (Вот я принёс в подарок тебе серьги.) (Г. Камал); а также ‘круги на воде или других жидкостях’: *Хәлим ишкәк очы чуман жирдәге су алкаларына карап бара.* (Халим смотрит на кольца, образовавшиеся на месте соприкосновения вёсел с водой.) (И. Гази)

Прежде всего, этот тип метафорического перехода характерен для имён существительных с определённой семантикой. В татарском языке широко распространена модель: орган (часть) организма человека (животного) → деталь (часть) какого-либо предмета. Например, *колак*: 1) ‘ухо, наружная, хрящевая часть слухового органа вокруг ушной раковины, наружное ухо’: *Жамали куяннары, колакларыннан тотып берәм-берәм карап, санап, үз капчыгына сала.* (Джамали, держа зайцев за уши, рассматривает каждого, считает и кладёт в свой мешок.) (А. Ахмат); 2) наушники (у шапки): *Шлем колаклары жылдә жылферди.* (Наушники шлема развиваются на ветру.) (Ф. Карим); 3) приспособление, предназначенное для удобства поддержания и подвешивания различных предметов, выступ напоподобие уха: *Әби әллә ничә жиренә ямау салып бетергән кечкенә генә самавыр колагына барып тотына.* (Бабушка идет и хватается за ручки самовара, который залатан в нескольких местах.) (Г. Гали)

Тел: 1) *анат.* язык, у позвоночных в ротовой полости орган, который служит для ощущения вкуса и пережёвывания пищи, а у людей – и органом речи: *Теш дигән койма артында / Тел дигән арыслан йөри.* (За забором, называемым зубы, есть лев, называемый языком.) (Пословица); 2) на часах маятник с длинным стержнем в виде круглой пластины: *Фатих аны (сәгатъне) ачкыч белән борып-тикишереп карады, телен жиберде.* (Фатих проверил часы ключом и запустил маятник.) (Э. Касимов) и др.;

б) по месторасположению предметов: *түбә*: 1) крыша, верхний слой покрытия здания для защиты от снега и дождя: *Монда бик шәп салынган, такта түбә белән ябылган йорт бар.* (Здесь есть дом с очень хорошо выложенной деревянной крышей.) (М. Гафури); 2) черепная коробка: *Карт түбәсе туп-түгәрәк булып пеләшләнеп килгән башын түбән иде.* (Старик опустил свою голову с пролысиной.) (А. Шамов)

Возникшие таким образом метафоры создают регулярную многозначность и строятся по модели: орган (часть тела) человека (животного) →

деталь какого-либо предмета → географический объект (или его часть). Например, *бугаз*: 1) горло, передняя часть шеи: *Буре шунда ук бер атынъ бугазына ябышкан.* (Волк тотчас вцепился в горло одной лошади.) (А. Алиш); 2) пролив, узкая акватория, соединяющая два моря, озера или другие водоёмы: *диңгез бугазы* (пролив моря) и др.

Также достаточно редко встречается комбинация: часть одежды → географический объект. Например: *Сөмбел аңа куркып карады, үзе итәк очларын бөтерде.* (Сюмбель посмотрела на него со страхом и скомкала подол платья.) (З. Кадырова) – *Биек тау итәгендә матур елга ага, елга аръягынан киң җәйләү, болын баишлана.* (У подножья горы протекает красивая река, в стороне от неё начинается широкий луг.) (Р. Багулла);

б) по сходству производимых звуков: *улау*: 1) вой, рев, непрерывные громкие звуки с одинаковым натяжением, обычно звуки, производимые дикими животными: *Төннәрдә бүреләр посёлокка якынрак килеп улыйлар, ә иртән каядыр посалар.* (Ночами волки воют, подойдя близко к поселку, а утром где-то затаиваются.) (Г. Абсалямов); 2) выпускаемый воздушным потоком звук, напоминающий волчий вой: *Җил улый, сызгыра, диңгез һаман дулкынлана, дулый бара иде.* (Ветер воет, свистит, море все волнуется, бушует.) (Ш. Камал); 3) протяжный плач, рёв: *Әтипә капка төбөндә улый калды.* (Апипа осталась реветь возле дома.) (Г. Баширов)

Сызгыру: 1) свистеть, высокий пронзительный звук, производимый движением воздуха через сжатые губы или узкую щель свистка, дудочки и т. д.: *Халил ике бармагын авызына кабып, әче итеп сызгыра.* (Халил, взяв два пальца в рот, громко свистит.) (М. Файзи); 2) звенеть, завывать голосом, похожим на свист: *Колак төбөндә җил сызгыра.* (Ветер свистит прямо под ухом.) (Р. Валиев)

Ыңгырашу: 1) стонать, издавать длинные болезненные звуки от боли или печали: *Рифкать иреннәрен кысып ыңгырашты.* (Рифкать, прикусив губы, простонал.) (Р. Валиев); 2) издавать звуки, подобные скрипу: *Мәчет манарасы, җил чыккан саен, менә-менә авам дип ыңгыраша.* (Минарет мечети скрипит при каждом ветре, будто предостерегает, что может упасть.) (Р. Валиев);

в) внутреннее сходство и ассоциации: *усал*: 1) злой, злобный; сердитый; гневный; суровый, строгий; плохой характер (по отношению к человеку): *Үземнең киленем усал, кызымның биеме усал.* (У меня сноха злая, а у дочки свекровь.) (Пословица); 2) холодный, о сильном, холодном ветре: *Ярыктан кәргән җил усал була.* (Ветер, который проходит сквозь щели, обычно бывает кусачим.) (Пословица)

Большую часть метафор, созданных подобным путём, составляют также комбинации: наименование животных → характер человека. Например, *төлке*: 1) лиса, хищное животное из семейства псовых, меньше собаки:

Бар төлке дэ үз койрыгын мактар. (Каждая лисица хвалит свой хвост.) (Пословица); 2) хитрый, лукавый, ловкий, юркий человек: *Энэ базар капкасына бит: «Хак сэдүдэгэр, алданма, күршең – төлке, көндөшең – бүре!» – дип язылган.* (Вон на воротах рынка написано же: «Правильный торговец не обманывайся, сосед твой – лис, конкурент – волк».) («Безнең гэжит»);

г) сходство рода деятельности, процесса: *карау* 1) смотреть, направление взгляда на кого-либо или на что-либо: *Төштө көзгегэ карау яки яңа аяк киеме кию – тормышка чыгу.* (Смотреть во сне в зеркало или надевать новую обувь – к замужеству.) (Предсказание, толкование); 2) воспитание, забота о ком- или о чем-либо: *Зөлфия авыру энисен карады.* (Зульфия ухаживала за больной матерью.);

д) сходство производимого впечатления: *кайнау*: 1) кипеть, переход в горячее состояние (о жидкости): *Бэрэңге пешеп чыккач, сөт салып, кайнау хэлэнэ житкерэбез.* (После того, как картофель сварился, наливаем молоко и доводим до кипения.) (Г. Ахметзянов); 2) быть в ярости, находиться в порыве, прийти в ярость, в бешенство: *Аның хислэре кайный.* (Его чувства кипят.) В большинстве случаев этот вид перехода имеет эмоционально-экспрессивный характер;

е) сходство по признаку состояния: *бозу*: 1) портить, привести в негодность: *Май ботканы бозмый.* (Кашу маслом не испортишь.) (Пословица); 2) изменение характера в худшую сторону: *Эле генэ сөйлөп туктаган бабай безне кешелэрне бозуда, диннэн яздыруда гаепли.* (Только что закончивший речь старик обвиняет нас в развращении людей, отречении от религии.) (М. Амир);

ж) сходство в динамике движения: *яшен*: 1) молния, сильная искра, вызванная внезапно возникшим частичным блеском в результате разряда атмосферного электричества в воздухе: *Яшен яшьнэп, жир йөзө ялтырап киткэн иде.* (На земле было светло от проблесков молнии.) (Ш. Камал); 2) о ловком, расторопном человеке: *Яшел күлмэк Файрузакэй эштэ нэкь яшен иде.* (Файруза в зелёном платье была в работе как молния.) (М. Джалиль) В этих типах переходов прямой, основной смысл связан с миром животных, а вторичный, переносный – с человеком, с его жизнью. Если слово *паразит* в прямом, номинативном значении обозначает мелкое насекомое, то в переносном – употребляется и в отношении человека подвижного, расторопного: *Кандалалар белэн борчалар үзен үрле-кырлы сикертэлэр бугай.* (Клопы и блохи, наверно, не дают ему покоя.) (Г. Камал); – *Ә бу борчалар? Ни эшлэп йөрилэр? – Кызык күрөп йөрилэр.* (А эти непоседы что здесь делают? – Забавляются.) (Г. Губай);

з) сходство размера: *уймак*: 1) напёрсток, приспособление для ручной работы, надеваемое при шитье на палец для защиты от укола иглой: *Кор-*

бангали абзый, түшенә энәләр кадап, янына кайчысын, акбурын, уймагын алып, илгәэн тиреләр арасына утырды. (Дядя Корбангали, наколов на грудь иглы, положив рядом ножницы, мел, напёрсток, сел между обработанных шкур.) (Ф. Хусни); 2) человек маленького роста: *Минем балам уймак кына әле.* (Мой ребёнок ещё с напёрсток.);

и) сходство признака состояния с признаком процесса: *кору*: 1) увядать, сохнуть: *Тәрәзә төбендәге чәчәкләр корыган иде.* (Цветы на подоконнике высохли.); 2) утрата, потеря возможности существования чего-либо: *Нәсел кору – аяныч күренеш.* (Увядание рода – печальная картина.)

Чуму: 1) окунаться, погружение в воду или какую-либо другую жидкость: *Бу арада хакимлек иткән эссе көннәрдә салкын суга чуму хакында кем генә хыялланмый икән?! (В царящую в эти дни жару кто только не мечтает окунуться в холодную воду?!)* («Ватаным Татарстан»); 2) быть охваченным мыслью, поддаться чувствам: *Эстетик ләззәт алып, китап дөнъясына чуму – ул икенче.* (Погрузиться в мир книги, получая эстетическое наслаждение – это совсем другое.) («Ватаным Татарстан»).

По характеру образования метафоры делятся на следующие группы:

1. Общеупотребительные (номинативные, мёртвые) метафоры. Эти виды метафор утратили образность, их смысл стандартизирован: *Үзе китапның бите буенча борынын йөртә һәм иреннәрен селкетә икән. Яссы идәндә зыр-зыр бөтерелгән шешәнәң авызы әле беребезгә, әле икенчебезгә карады.* (Оказывается, он водит нос по страницам книги и шевелит губами. На плоском полу с шумом вертелась бутылка, горлышко которой смотрело то на одного из нас, то на другого.) («Безнең гәжит»)

2. Общепозитические (образные) метафоры – это слова, которые воспринимаются читателем или говорящим в качестве образов. Например, *Әйтерсең ул аның белән түгел, ә тәрәзә артындагы төпсез төн диңгезе белән сөйләшә иде.* (Как будто он разговаривал не с ней, а с бездонной ночью за окном.) (Р. Валиев); *Күк йөзен яшен камчысы сызып узды.* (Небо пронзила молния.) (М. Магдиев); *Марьям урамда халык ташкыны белән бергә атлады.* (Марьям шагала по улице вместе с толпой народа.) (Г. Баширов); *Язмыш дулкыннары белән бер кавышып, бер аерылып яшәгән дүрт иптәшем дә шул авылның төрле урамнарында, байлыгы-төзеклеге төрлечә булган өйләрдә туып үстеләр.* (Все четверо моих друзей, с которыми мы по воле судьбы то встречались, то расставались, родились и выросли на разных улицах этой деревни, в домах с разным достатком.) (Г. Ибрагимов)

3. Индивидуальные (авторские) метафоры – придуманные автором слова с новым типом переносных значений, ранее не встречавшихся в языке: *Мич көймәсенә тулган ут тольмнарны тагын да шәбрәк ялкынлана башлый.* («Локоны» огня, наполнявшие «лодку» печи, начали гореть

ещё сильнее.) (Ш. Маннур); *Әйтерсең шушы поезддан төшеп калса, ул вакыт арбасыннан төшеп калыр.* (букв. Словно если он сойдёт с этого поезда, то и сойдёт с телеги времени.) (Р. Валиев)

Переход по функции во многом воспринимается как разновидность метафоры. Он основан на том, что два разных денотата, выполняющие одну или сходную функцию, получают одно общее наименование. С течением времени форма, цвет, величина, размер предмета изменяются, но выполняемая ими функция может оставаться прежней. Например, возьмём слово *чүмеч* (ковш). Номинативное значение лексической единицы ‘ковш, ёмкость с ручкой для зачерпывания воды, супа и других жидкостей, обычно небольшого объема (1–3 литра)’: *Фатыйма, агач табак белән чүмеч тотып, казан янына килде.* (Держа деревянную чашу с ковшом, Фатима подошла к казану.) (И. Гази) Также ковшом называют специальное устройство экскаватора, используемое для раскопки или погрузки земли в транспорт: *Әлегәчә археолог көрәге, экскаватор чүмече яки бульдозер калагы актарып чыгарганны «көтеп», жир астында ятканнары да хәйран күптер.* (До сегодняшнего дня, наверное, под землей много чего ждущего своего часа, чтоб их выкопали лопата археолога, ковш экскаватора или отвал бульдозера.) (Р. Фахреддин)

Также переход по функции наблюдается между значениями слова аяк: 1) нога, орган движения человека, птиц и некоторых животных: *Акбүз хужасының күкрәгенә алгы аякларын куйды.* (Акбүз положил передние лапы на грудь хозяина.) (Г. Губай); 2) опора, устройство, фиксирующее различные механизмы на земле, на полу: *Шунда ук күмерне бушатып, трубага су салу да файда итмәгән, самавырның аягы кубып төшкән.* (В то же время не помогли ни вынутый из трубы уголь, ни залитая туда вода, ножка самовара отвалилась.) (А. Файзи).

И если метафора основывается на сходстве цвета, формы, движения, действия, скорости процесса, частоты и т. д., то по функции она опирается на сходство задач: *Өстәлдәге ике тәлинка, юка гына итеп туралган ипи телемнәре һәм ике кашык куелган.* (На столе стоят две тарелки, лежат тонко нарезанные ломтики хлеба и две ложки.) – *Мөшкә кашыгы* (ковш лотка мельницы).

Таким образом, метафора как тип многозначности играет важную роль в обогащении лексической системы татарского языка.

§ 19. Метонимия и её виды

Метонимия как особая разновидность полисемии – явление многоплановое. Метонимия (греч. *metonymia* – переименование) – перенос наименования с одного предмета или явления на другой на основе смежности.

Суть метонимического перехода составляют логические, синтагматические связи отдельных единичных предметов и нетождественных предметов или их признаков в какой-либо области. Например, когда говорят *ике чынаяк эчү* (выпить две чашки) слово *чынаяк* (чашка) означает напиток, который находится в этой посуде.

В метонимии отсутствует общая семантическая составляющая между заменяемыми и заменяющими словами. Это главный признак, отличающий метонимию от метафоры.

Метонимия основывается на следующих переносах:

1) действие и результат действия: *яралану очрагы* ‘ранение’ – *аяк яралану* ‘ранение ноги’;

2) действие и место действия: *Болгар*: 1) государство: *Болгар бөөк дэүләт булган*. (Булгар был великим государством.); 2) изделие из кожи, изготовленное в этой стране: *Аның олтаны – болгар олтаны, кырыеннан киселгән*. (Подошва сделана из булгара, края обрезаны.) (Г. Исхаки);

3) материал и изделие, изготовленное из данного материала: *чуен*: 1) чугун, раствор, состоящий из смеси углерода и железа: *Хәзергесе көндә Сары Хисмәт чуен эретә торган домна мичендә*. (Сегодня Сары Хисмат в домне, где плавят чугун.) (Ш. Маннур); 2) изделие, изготовленное из чугуна: *Газинур, шиек төбөндәге чуеннан су коеп, кулларын юа башлады*. (Газинур, у двери полив водой из чугуна, начал мыть руки.) (Г. Абсалямов)

Бәллүр: 1) хрусталь (материал): *Бер караганда, Съезд сарае һавадан җиңел сыман, икенче караганда, бәллүрдән үтә күренмәле*. (С первого взгляда Дворец съездов кажется легче воздуха, со второго, – прозрачнее хрустала.) (Г. Абсалямов); 2) посуда, сделанная из хрустала: *Өстәлдә эчемлекләр салынган кечкенә-кечкенә графиннар, алма тутырылган алсу-зәңгәр бәллүрләр*. (На столе маленькие графины с напитками и розово-синие хрустальные вазы с яблоками.) (Г. Абсалямов);

4) форма (вместилище) и его содержание: *самовыр*: 1) самовар, сосуд для приготовления чая: *Самавырга чыра салгансың да күмер салмый чыгып киткәнсең, самавырың бөтенләй сүнеп беткән*. (В самовар положил только щепки, угли забыл, он совсем погас.); 2) вода, чай в этой посуде: *Самавырың кайный бит*. (Твой самовар кипит же.) (И. Гази);

5) организация и её местонахождение: *лаборатория*: 1) организация, которая проводит различную исследовательскую деятельность путём выполнения экспериментов: *Рамил Рәхмәтуллин – Оренбург дэүләт университетының фәнни лаборатория мөдире, Гиаматрикс, ягъни ясалма биотире авторы*. (Рамиль Рахматуллин – заведующий научной лабораторией Оренбургского государственного университета, автор Гиаматрикса, или искусственной биологической кожи.) («Безнең гәзит»); 2) отдельное

помещение, кабинет научной организации, проводящей эксперименты: *Ярый, барыйк, – дип, кинэт риза булды Алик һәм, теләр-теләмәс кенә, лабораториягә атлады.* («Ладно, пошли», – вдруг резко согласился Алик и нехотя шагнул в лабораторию.) (В. Исламетдин);

6) организация и люди, которые там работают: *завод: 1) крупная промышленная и ремесленная организация: Безнең урам көндөз чиксез матур, / Әллә инде завод булганга?! / Завод матур, әллә станында / Син сызганып басып торганга?! (Наша улица днём бесконечно красива, / может, от того, что здесь завод?! / Завод красив потому, что за станком / ты стоишь там, засучив рукава?!)* (М. Джалиль); 2) заводские работники: *Завод эшкә кереште.* (Завод начал работу.);

7) отдельная комната и люди, которые там находятся: *аудитория: 1) лекционный зал или большой зал; большая аудитория университета; 2) слушатели лекции, доклада: Алар, үз телләрен, милләтләрен яклап, теләсә нинди аудитория алдында чыгыш ясарга әзер.* (В целях защиты языка и национальности они готовы выступать перед любой аудиторией.) («Сабантуй»);

8) населённый пункт и его жители: *Алда авыл күренде.* (Впереди показалась деревня.) – *Бөтен авыл печәнгә төште.* (Вся деревня вышла на сенокос.) Следует отметить, что все наименования населённых пунктов можно использовать в значении людей, проживающих там: *Арча шәһәре зур түгел. – Бөтен Арча бу хәбәргә шатланды.* (Арск – город небольшой. Весь Арск обрадовался этой новости.)

9) столица и правительство государства: *Мәскәү, Берлин, Вашингтон, Лондон, Париж* и др. Например, *Мәскәү илә Казанда юк, Питербур илә Оренбургда бар; Ташкент илә Уфада юк, Әстерхан илә Самарда бар.* (Табышмак) (Не в Москве и Казани, а в Петербурге и Оренбурге; Не в Ташкенте и Уфе, а в Астрахани и Самаре.) (Загадка) – *Мәскәү үзенең тәкъдимнәрен кертте.* (Москва внесла свои предложения.)

10) отрасль науки и предмет её изучения: *грамматика* (структура языка) – *грамматика* (раздел науки о языке);

11) социальное мероприятие и его участники: *Конференция май аена билгеләнде.* (Конференция запланирована на май.) – *Конференция түбән дәге карарга килде.* (Конференция приняла следующее решение.);

12) автор и созданные им произведения, изобретения, открытия: *Габдулла Тукай – татар халкының бөек шагыйре.* (Габдулла Тукай – великий поэт татарского народа.). – *Мин Тукайны яратам.* (Я люблю Тукая.);

13) работа и инструмент, которым она выполняется: *игәү 1) напильник, инструмент для шлифовки рогов или дерева, инструмент для заточки: яхшы игәү* (хороший напильник); 2) работать с этим инструментом: *агачны игәү* (обрабатывать дерево напильником);

14) имя и состояние абстрактного объекта: *яңалык* 1) новость, что-то новое, чего никогда не было известно: *хезмәтнең яңалыгы* (новизна работы); 2) известие: *Радиодан яңалык әйттеләр.* (По радио сообщили новость.);

15) название птиц и еда, приготовленная из мяса этой птицы: *Каз килсә – яз килә.* (Когда прилетают гуси – наступает весна.) (Пословица); *Тутырылган каз чыгардылар.* (Вынесли фаршированного гуся.)

Метонимия может быть контекстуально свободной, в то же время встречаются примеры семантически, ситуативно и синтаксически связанной метонимии, которые можно разбить на следующие виды:

1) лексическая, номинативная метонимия: *язу кәгазе* (писчая бумага) – *кирәкле кәгазь* (необходимая бумага);

2) конструктивная метонимия, то есть семантический сдвиг, возникающий в результате сокращения (эллипсиса) текста посредством различных синтаксических связей. Этот переход всегда зависит от контекста его использования: *Бер яктан Бетховен, астан Сен-Санс, форточкадан Чайковский ишетелә.* (С одной стороны доносится Бетховен, снизу – Сен-Санс, из форточки – Чайковский.) (М. Магдиев)

Особым типом метонимии выступает *синекдоха* (греч. *synekdoche* – соотнесение), которая означает перенос значения слова от целого к части и, наоборот, от части к целому. Например, в предложении *Аргы якка китеп бара / Чигүле путалылар.* (В далекие края уходят / расшитые пояса.) (Татарская народная песня) словосочетание *чигүле путалылар* означает людей с расшитыми поясами. Обычно синекдоха используется в ситуативной номинации для обозначения объекта по внешнему признаку, который его отличает.

Можно выделить следующие виды синекдох:

1) использование единственного числа вместо множественного: *сыер башы* (голова коровы) и *сыер башы* (поголовье коров). Было бы целесообразнее изучать использование единственного числа вместо множественного числа не как лексико-семантическое явление, а семантико-синтаксическое и стилистическое, поскольку грамматическая категория числа в слове не меняет его лексического значения;

2) использование названия целого вместо части: *Моннан соң кызлар белән, мондагы вак-төяк эш беткәнче дип, әсиләк җыярга киттеләр* (После того, как с девушками закончили все мелкие дела, пошли по ягоды) (М. Гафури); *Урман ягынан мылтык аткан тавышлар ишетелде...* (Со стороны леса раздавалась стрельба...) (Г. Гильманов); *Мин урман кистем.* (Я валил лес.); *Мин китап укыдым.* (Я читал книгу.); *Китап – белем чышмәсе.* (Книга – источник знаний.);

3) использование видового понятия вместо родового (используется название детали вместо полного наименования): *Дәрәжәле авыл картлары, эшнәң начар бетәчәген күреп, тиз генә Кара сакал (мулла) ягыннан төштеләр.* (Знатные деревенские старейшины, видя, что дело может плохо кончиться, быстро спустились со стороны Кара сакал (муллы).) (И. Гази)

В татарском языке часто встречается такой приём, как наименование вместо самого человека какой-то детали его одежды (в данный момент на него надетой или бросившейся в глаза), названия части тела: *Коридорда эшләпә күренде.* (В коридоре показалась шляпа.) (Т. Гиззат); *Ә зәңгәр күзлек, әйтәрсең, тырнак астына энә тыга.* (А синие очки словно вонзают иглу под ноготь.) (М. Магдиев); *Сары баш сөрлеген китте.* (Жёлтая голова споткнулась.) (Р. Валиев); *Ак сакаллар алардан тагын бер мәртәбә сорау алдылар.* (Белые бороды снова их расспросили.) (И. Гази)

В некоторых случаях с помощью синекдохи этого типа можно подчеркнуть, что человек является представителем определённой социальной группы: *Мин поездның Шәмәрдәнгә кермәячәген әйткәч, зәңгәр пижамаларның кәефе китте.* (Когда я сказал, что поезд не поедет через Шемордан, у синих пижам испортилось настроение.) (М. Магдиев); *Ак якалар өчен авыр көннәр башланды.* (Для белых воротничков начались тяжелые дни.) («Ватаным Татарстан»); *Кара беретлар (диңгезчеләр) хезмәттәшләре, полкташлары белән очраша.* (Чёрные береты (моряки) встречаются с однополчанами и сослуживцами.) («Татар-информ»); *Төбәк бүлеге ачылгач, жирле зәңгәр беретларның (десантникларның) мөмкинлекләре тагын да артты.* (Когда открылось региональное отделение, возможности у местных голубых беретов (десантников) повысились.) («Татар-информ»).

При использовании наименования этноса по отношению ко всем представителям определённого народа или носителям языка можно говорить о синекдохе: *Герман безгә каршы сугыш ачкан.* (Германия начала войну против нас.) (В. Нуруллин); *Үзбәкне, казакны солдатка алмыйлар икән.* (Оказывается, узбека, казаха в солдаты не берут.) (Г. Ибрагимов);

4) использование родовое название вместо видового. Например, в татарском языке часто употребляется имя главы семьи (главы группы) для названия семьи или группы людей: *Яңа елны Васыйлларда каршы алырга булдык.* (Новый год решили встретить у Василова.)

В татарском языке также возможно называть человека другими словами, в зависимости от его характера, внешности: *сакаллы сабий* (букв. младенец с бородой); *Әнә, Тиктормасов бар ич әле.* (Вон, есть же тот Неугомонный.) (А. Ахат)

У синекдохи есть и другие признаки, отличающие её от метонимии. В то время как метонимия основана на внешней связи, синекдоха

основана на сходстве внешних и внутренних качеств. Например, *алтын теш* (золотой зуб) (метонимический переход, основанный на внешней связи между материалом и объектом, сделанным из этого материала) и *Аксак килеп китте*. (Хромой приходил.) (синекдоха, основанная на единстве внутреннего состояния с физическими недостатками).

В результате метонимия приводит к возникновению и развитию новых значений в языке, а значит, является средством дальнейшего обогащения лексической семантики татарского языка.

В татарском языке большое количество многозначных лексических единиц. Лексико-семантические варианты слова имеют общие смысловые связи и составляют его семантическую структуру. В то же время эта структура чрезвычайно динамична: в языке постоянно появляются новые значения, а старые перестают употребляться. Образование у слова новых значений зависит от различных экстралингвистических и интралингвистических факторов. Предполагается, что границы языковой полисемии связаны с явлениями моносемии и омонимии, т. е. со временем однозначные лексические единицы могут превратиться в многозначные слова (или, наоборот, некоторые значения многозначного слова могут перестать использоваться в результате их расхождения). Смещения значений многозначного слова могут привести к образованию двух или более омонимичных слов.

В речи слова реализуют лишь один лексико-семантический вариант, и потому смысловой путаницы не возникает, т. е. исходя из контекста, мы понимаем, в каком из значений употребляется слово. В некоторых случаях оттенки значений, возникшие в результате переноса значений, сохраняют свою образность и могут быть использованы в каких-либо стилистических целях. В этом случае мы помним об описательных средствах, названных термином «тропы», широко используемых в литературоведении, стилистике, риторике.

В заключении можно отметить, что многозначность в языке – отличительная черта каждого национального языка. Формирование полисемии зависит от особенностей быта, обычаев и развития народа, носителя этого языка.

Омонимия в татарском языке

§ 20. История изучения омонимов в языкознании

Несмотря на значительное количество трудов, посвященных вопросу изучения омонимии, в современном языкознании существуют три различных точки зрения относительно её природы.

1. Считается, что в языке существуют только этимологические (гетерогенные) омонимы, образованные в результате случайного совпадения комплекса звуков (Ж. Жильерон, Р. И. Меннер, Ж. Опп, В. И. Абаев).

2. Омонимы возникают в результате фонетической конвергентной эволюции различных слов и форм омонимов¹ (включая заимствования) и семантической конвергентной эволюции отдельного слова² (Л. А. Булаховский, Р. А. Будагов, К. Нюроп, С. Ульман).

3. Омонимы образуются в результате процессов словообразования (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Ю. С. Степанов, Ш. Балли и др.).

В татарском языкознании омонимия также является объектом исследования многих учёных. Так, М. Бактиков отмечает, что: «В языке есть слова, внешние формы которых являются единными и совершенно не похожи друг на друга по функциям. Обычно такие слова могут быть именами существительными или глаголами. Например, слово *ат* (лошадь) в одних случаях, выступая в качестве имени существительного, означает лошадь, в других случаях, будучи императивом, выражает требование стрелять». В целях наглядности М. Бактиков приводит в виде таблицы примеры омонимов, входящих в группы имён существительных, императива, деепричастий, прилагательных, числительных (Бактиков, 1931: 64–65).

В своем труде по теории литературы Г. Сагди даёт следующее определение омонимам: «В речи встречается значительное количество слов, одинаковых по своему звуковому составу, но разных по значению. Слова, совпадающие по написанию и звучанию, но различающиеся по значению, называются омонимами (*очсыз* – бескрайний, не имеющий конца, недорогой, дешёвый; *төш* – зуб, спустись сверху вниз, *вакыт* – обед, место, земля и др.)». Учёный отмечает, что правильное и уместное употребление омонимов имеет большое значение для конкретизации мысли (Сагди, 1941: 116).

Ш. А. Рамазанов омонимами называет созвучные слова, делит их на основные и производные виды, останавливается на причинах возникновения явления омонимии (Рамазанов, 1954: 126–127).

В. Н. Хангильдин также определяет омонимы как созвучные слова, «выражающие различные значения, не имеющие связи друг с другом или с неясной связью» и т. д. Учёный пишет: «из-за того, что новый алфавит и его орфография не были должным образом подчинены собственным внутренним закономерностям татарского языка, словарная сокровищница нашего литературного языка сильно запуталась в буквосочетаниях – омографах (то есть словах, в которых звуки и произношения совершенно разные, но они пишутся одинаково)». Автор подчёркивает, что омонимы

¹ Фонетическая конвергентная (лат. *con* – вместе + *vergere* – объединение) эволюция – процесс изменения, возникающий в результате некоторого сходства между различными звуками разных слов (форм).

² Семантическая конвергентная эволюция – процесс изменения, возникающий на основе сходства, связи между значениями отдельного слова.

и омографы мешают пониманию речи, и для устранения этих трудностей необходимо поместить эти слова в контекст (Хангилдин, 1976: 41).

Р. Шакирова делит омонимы на несколько видов (лексические, морфологические) и различает по структуре основные и производные омонимы (*сулау* (мочить, делать мокрым, влажным) – *сулау* (вдыхать) (лексические омонимы); *-ма/-ма* – отрицательная форма глагола *сук+ма* (не ударяй), *-ма/-ма* – имяобразующий аффикс) (Шакирова, 1963: 152–157).

Х. Р. Курбатов в статье «Грамматические омонимы в татарском языке», определяя омонимы как «созвучные слова или созвучные грамматические формы, далёкие друг к другу по смыслу», разделяет их на лексические, лексико-грамматические и грамматические виды и омоформы. Также указывает на двенадцать видов омонимических аффиксов, имеющих разное значение (Курбатов, 1959: 85).

С. М. Ибрагимов называет «синтаксическими омонимами словосочетания, обороты и предложения, имеющие одинаковое синтаксическое строение», делит их на положительные и стилистические омонимы (Ибрагимов, 1970: 210–213).

Г. Ф. Саттаров останавливается на личных именах, которые, хотя и совпадают по произношению, но различаются по смыслу¹. Группа омонимичных имён обогащается вследствие расширения значения одного и того же имени и за счёт лексических единиц, заимствованных из диалектов или других языков. Например, *Тулэк* – мужское имя, происходящее от древнетюркского языка, имеет значение ‘весенний козлёнок’, *тулэк* – ‘долг к оплате’, относящееся по происхождению к двум тюркским языкам или диалектам. Имя *Назил* в значении ‘ангел с небес’ происходит из арабского языка, а *Назил* ‘нежность родины, дорогой’ является сочетанием персидского заимствования *наз* и татарского слова *ил*.

Также учёный отмечает, что изучение омонимов помогает выявлению лексико-грамматических особенностей, уточнению значений личных имён (Саттаров, 1984: 24–31).

Явлению омонимии в учебниках по татарской лексикологии посвящены отдельные разделы. Например, К. Сабиров называет омонимами «слова, одинаковые по написанию, но совершенно разные по смыслу» (Хэзерге..., 1965: 28). Учёный делит созвучные слова на лексические и лексико-морфологические типы, указывая на то, что омонимы чаще всего встречаются в группах имён существительных, глаголов и прилагательных. Кроме того, по формальному признаку К. Сабиров разделяет омонимы на корневые (*яшь* (молодой) – *яшь кеше* (молодой человек) – *куз*

¹ В «Словаре татарских личных имён» Г. Ф. Саттарова (1981) представлено около 10 тысяч имён, из них 10 – омонимичных.

яше (слеза)) и производные (*балык кылчыгы* (ость) – *башак кылчыгы*). По грамматической природе – на полные и частичные. При этом перечисляет пути возникновения явления омонимии (Хэзерге..., 1965: 27–34).

Г. Х. Ахатов определяет омонимы как «слова с одинаковым произношением, но разными значениями», делая акцент на том, что современный татарский язык весьма богат омонимами (*эйләңә* – окружность, *эйләңә* – крутится). Учёный отмечает, что омонимы являются лексическими единицами, определяющими богатство языка, его горизонтальный рост (Әхәтов, 1995: 12–17).

Ф. С. Сафиуллина называет омонимами различные слова, имеющие одинаковый звуковой состав. Например, *кара* (чёрный) – *кара* (смотри, обрати внимание). Учёный, подчёркивая необходимость отличать омонимы от многозначных слов, разделяет их на три группы: слова, выражающие два разных значения (*үпкә* (обида, выражать обиду) – *үпкә* (лёгкие)); слова, выражающие три значения (*кер* (бельё) – *кер* (грязь) – *кер* (войди)); слова, выражающие более трёх значений (*төш* (сон) – *төш* (место) – *төш* (семя) – *төш* (выходи)). Автор также выделяет семь путей образования омонимов (Сафиуллина, 1999: 27–36).

Ф. А. Ганиев образование омонимов рассматривает как условие лексико-семантического способа словообразования (*юлдаш* (спутник) – *юлдаш* (спутник)). Учёный замечает, что «случайные омонимы, не восходящие к одному и тому же источнику, не образуют слова лексико-семантическим способом» (*якут* ‘якут (человек)’ – *якут* ‘драгоценный камень’) (Ганиев, 1999: 96–97).

В. Х. Хаков обращает внимание на стилистическое употребление омонимов, особо подчёркивая, что «созвучные слова (омонимы), отдалённые друг от друга по смыслу, стилистически обогащают язык. Их употребление связано с далёкой историей, в результате многовекового развития омонимы претерпели различные смысловые изменения, некоторые из них устарели и перестали употребляться» (Хаков, 1999: 134).

И. Б. Баширова детально изучает такое явление в татарском языке, как способность выражать два или более не связанных между собой значения. Учёный отмечает, что «инвариант – это средство выражения двух или более значений, имеющих общую основу и не связанных между собой слов-лексем, как языковое явление – омонимичные слова, а как средство языковой выразительности – каламбур. Как сложная микросистема по своей природе, структурному строению и функциональным возможностям она находится в тесном взаимодействии с другими сложными лексико-семантическими категориями, такими как полисемия, синонимия, антонимия» (Баширова, 2010: 227).

М. Б. Хайруллин считает, что процессы глобализации, происходящие в обществе, прежде всего отражаются на лексической системе языка, поэтому учёный делает акцент на необходимости тщательного изучения языковых явлений. В связи с этим отмечается, что омонимы обогащают язык. И в татарском языке их довольно много. Отсутствие какой-либо семантической связи между омонимами указывает на то, что они являются разными словами в семантическом аспекте (Хайруллин, 2000: 99–105).

В статье «Омонимия и классификация омонимов» (2004) Ф. С. Хакимзянов пишет: «Лингвистические понятия омонимия и омоним могут определяться только при наличии какого-либо отношения. Выделение двух или нескольких самостоятельных слов и представление их как омонимы не отвечает научным требованиям». Также исследователь полагает, что омоформы относятся к грамматическому разделу языка и должны изучаться как морфологическое явление (Хакимзянов, 2004: 19).

В пособии для старшеклассников и студентов «Татарский язык. Лексикология: таблицы, схемы, примеры анализа, упражнения, словарь» Г. Р. Галиуллина представляет теоретическую информацию в виде таблиц и схем, упражнений по различным типам омонимов, а также примеры лексико-семантического анализа омонимов (Галиуллина, 2007).

По изучению омонимов в татарском языке защищены несколько кандидатских диссертаций. Так, Б. С. Салимгареева, исследовав систему омонимов татарского языка, защитила кандидатскую диссертацию и в 1982 году опубликовала её материалы в виде монографии. В ней автором подробно рассмотрены лексические, лексико-грамматические, грамматические омонимы, а также особое внимание уделено способам образования омонимов. Как и большинство учёных, Б. С. Салимгареева считает, что значительная часть омонимов образуется семантическим путём, т. е. в результате распада полисемии, и в зависимости от вида перехода слов в разряд омонимов разделяет семантические омонимы на три вида: по функциональному сходству: *ай* (месяц) – *ай* (луна), *иң* (плечо) – *иң* (ширина); по внутреннему сходству: *изү* (мять) – *изү* (эксплуатировать), *биләү* (пеленать) – *биләү* (владеть); по смысловому сходству: *кыр* (поле) – *кыр* (окраина, край чего-либо) (Салимгареева, 1982).

Д. М. Гаптелганиева исследует полисемию, считая её основным источником возникновения семантических омонимов. При этом исследователь определяет пути возникновения лексико-семантических омонимов, а также критерии разграничения явлений омонимии и полисемии (Гаптелганиева, 1999).

В своей кандидатской диссертации Р. Р. Салахова анализирует возможность разнозначного употребления аффиксов, состоящих из одних и тех же звуков (т. е. омонимических аффиксов) (Салахова, 2004).

В татарском языке составлены два словаря омонимов, оба – двуязычные, то есть с переводами на русский язык.

В «Словаре омонимов татарского языка», составленном Ф. С. Сафиуллиной и Л. М. Ризвановой (1997), приведены широко используемые лексические омонимы, а также омофоны, функционирующие в отдельных диалектах и в татарском литературном языке. Сама лексема-омоним в словаре даётся на татарском языке, толкование – на русском. Всего зарегистрировано более тысячи омонимов и омоформ.

В 2004 году был издан «Толковый татарско-русский словарь омонимов татарского языка», составленный Ф. С. Хакимзяновым. Данный словарь содержит лексические омонимы, начинающиеся на буквы «А» – «К», и некоторые омоформы. Кроме того, в словарь вошли различные по происхождению слова: литературные, диалектные, устаревшие. В начале каждой словарной статьи указывается, к какой группе слов относится омоним, даётся его перевод на русский язык и в качестве примера приводится контекст употребления.

Омонимы содержатся во многих словарях. В толковых словарях татарского языка, а также в двуязычных, диалектальных, терминологических и других лексикографических источниках каждый омоним выделяется в отдельную словарную статью и обозначается римскими цифрами.

Как видим, в татарской лингвистике ряд учёных посвятили свои работы вопросам изучения омонимии, высказывали свои взгляды относительно тех или иных её особенностей.

§ 21. Общее определение явления омонимии

Одним из важнейших направлений в языкознании является изучение явления омонимии, под которым понимается семантическое обособление двух или более слов, языковых знаков, имеющих одинаковую материальную оболочку. Явление омонимии в языке наблюдается на разных уровнях: лексическом, словообразовательном, грамматическом.

В данном разделе основное внимание уделено явлению лексической омонимии. Известно, что к лексическим омонимам относят слова из одного грамматического класса, совпадающие по звуковому составу, грамматическим формам, различающиеся лишь по лексическому значению. Например, ...*Балалар туп атсын әйдә, / Уйнасын да шатлансын, / Олылар туп шатлатмасын, – / Олылар туп атмасын!* (...Пусть дети играют в мяч, / Пусть радуются, / Пусть взрослые не взрывают ядра, – / Пусть не бросают снаряды!) (Ш. Галиев). В первом случае ключевое слово имеет значение ‘игрушка’, во втором – ‘оружие, ядро’.

Таким образом, омонимы (греч. *homos* – одинаковый, *опута* – имя) – слова, имеющие одинаковое написание, произношение и грамматическую форму, но различающиеся по смыслу. Например, *Нәни кызчык тәүге тапкыр / Басып килә ап-ак карга. / Гажәпләнеп, шул мизгелдә / Аваз сала ала карга.* (Маленькая девочка впервые встаёт на белый снег. Удивившись, что в этот момент может закричать ворона.) (А. Ситдикова) В первом случае слово *карга* – форма единственного числа направительного падежа от слова *кар* (снег), во втором случае – ‘ворона, птица из семейства врановых’.

Омонимия – довольно сложное лингвистическое явление как по содержанию, так и по употреблению. В зависимости от стилистических целей омонимы могут часто использоваться в речи для построения различных каламбуров. Такая лексика имеет большое лексикографическое значение, так как изучение и систематизация данного языкового явления особенно важно в современную эпоху компьютеризации, при формировании корпуса языка, составлении электронных словарей.

С семантической точки зрения между омонимами нет предметно-смысловых связей, у них нет общих семантических признаков. Например, в выражениях: *Күңел каралыгын бернинди сабын да агарта алмый.* (Никакое мыло не может отбелить черноту души.) (Поговорка); *Балтасы суга төшкән сабын да атар.* (Если у кого-то топор упадёт в воду, он выкинет и рукоять.) (Пословица) – лексемы *сабын* (имя существительное, именительный падеж, единственное число) – *сабын* (имя существительное, винительный падеж, имеет аффикс принадлежности 3 лица, единственного числа) в смысло-понятийном отношении не имеют ничего общего, они совпадают лишь в произношении и написании отдельных грамматических форм.

Существует немало факторов, которые могут послужить причиной возникновения омонимов. В татарском языке омонимы образуются следующими способами:

1) в результате распада многозначности (полисемии): *кыр* (поле): *Урман – колак, кыр – күз.* (букв. Лес – ухо, поле – глаз(а).) (Поговорка) – *кыр* (край, граница чего-либо); *Кырындагын кырык ел эзләгән.* (букв. То, что было рядом, сорок лет искал.) (Пословица)

Лексические омонимы данного типа в зависимости от характера ранее существовавшего значения многозначного слова подразделяются на несколько видов.

Процесс распада многозначности считается чрезвычайно сложным и продолжительным. Требуется время, чтобы смысл слова разветвился и возник омоним. Потеря общего семантического «центра», общего компонента лексического значения является основным признаком образования омони-

мичных слов. На появление омонимов в результате распада многозначного слова также могут повлиять и экстралингвистические факторы. Например, распад семантической структуры слова *каурый* (перо) связан с исчезновением данной реалии. Ср.: *Торна каурыен салган – Аяклары да томшыгы калган.* (Журавль сбросил перья – ноги да клюв остались.) (Пословица); *Сизә булыр, кулындагы каурий / Яктылыкка алып чыгасын.* (Можно заметить, что перо в руках / может вывести в свет.) (З. Насибуллин);

2) в результате омонимизации слов литературного языка и диалектных слов. Например, в литературном языке слово *диңгез* означает ‘море, часть океана, окружённая со всех сторон сушей и горами, возвышенностями, отделёнными друг от друга’: *Диңгез янында кое казымыйлар.* (У моря колодцы не копают.) (Пословица) В мензелинском, бирском, мамадышском, пермском, златоустовском говорах среднего диалекта слово имеет значение ‘основание, фундамент дома, а также отчий дом’: *Салқыннар башланганчы, өйгә диңгез қорасы бар.* (До наступления холодов нужно поднять фундамент.) (мамадышский говор) (ТТЗДС, 2009: 168).

Алка I – ‘кольцо в форме серёжек, обычно украшение’: *Алка, нихәтле кыйммәт булса да, қолак бәясе тормый.* (Серьги, хоть и стоят очень дорого, но не дороже уха.) (Пословица) *Алка II* – в кузнецком и лямбирском говорах мишарского диалекта ‘блюдо из пшеничной муки на кислом тесте, раскатанное в форме кренделя, выпекаемое в масле’: *Алканы келәңгеч майында пешерәләр, уртасы тишек.* (Алка выпекается на подсолнечном масле, с отверстием в середине.) (лямбирский говор) (ТТЗДС, 2009: 39).

Өзү I – ‘разорвать веревку, нить и т. д.; прекратить ход определённо-го процесса’: *Китапханәгә Кәбир әфәнде эшнә өзү теләге белән барган иде.* (В библиотеку Кабир-эфенди ходил с желанием прекратить работу.) (А. Файзи). *Өзү II* – в сергачском говоре мишарского диалекта употребляется в значении ‘плыть’: *Суга төшсә өзә белми ол, бата.* (Если он спустится в воду, то, не умея плавать, утонет.) (ТТЗДС, 2009: 509)

Значительное количество омонимичных слов встречается и в диалектах татарского языка. Они возникают в результате случайного совпадения слов в разных диалектах и говорах. Например:

Чылдыр I – в хвалынском говоре мишарского диалекта – накосник, национальное украшение татарок: *Чылдыр чәчнәң очона куйыла, акчадан йасап.* (Накосник, сделанный из монет, вплетается в волосы.) (ТТЗДС, 2009: 771)

Чылдыр II в пермском, красноуфимском говорах среднего диалекта употребляется в значении ‘старый’: *Инәдән бер генә малай, чылдыр ызбага чықтинде* (От матери родился только один мальчик, который перешёл в старый дом) (пермский говор) (ТТЗДС, 2009: 771).

Қарамал I – в пермском говоре среднего диалекта обозначает чернику.
Қарамал II – в тюменском, тобольском говорах тоболо-иртышского диалекта используется в значении ‘бархат, плюш’: *Қарамал камсулар булган сәдәплею* (Бархатные камзолы были на пуговицах.) (тюменский говор).

Қарамал III – в астраханском говоре среднего диалекта ‘корова, крупный рогатый скот’ (ТТЗДС, 2009: 391).

Өргәү I в пермском говоре среднего диалекта слово употребляется в значении ‘тлеется, дымиться’: *Самавырын куйган, өргәб утыра*. (Самовар поставил, сидит дымится.)

Өргәү II в пермском, бирском, златоустовском, красноуфимском говорах среднего диалекта, в байкибашевском говоре мишарского диалекта означает ‘размножение, прибавление’: *Быйыл берсенен дә өргәмәде каз*. (Нынче ни у кого гусей не прибавилось.) (ТТЗДС, 2009: 512);

3) в результате конверсии (субстантивации): *буяу* ‘красить, окрашивание изделия в иной цвет путём нанесения отдельного специального вещества’: *Алар ишекларне зәңгәргә буяу хакында килештеләр*. (Они договорились покрасить двери в синий цвет.) – *буяу* ‘вещество, используемое для окрашивания предмета в другой цвет’: *Аның тузган чәчен буяганда, Нинди буяу белән буйым дип, / Зәңгәр күзкәйләрен, җанлы итеп, / Ничек кенә буяп куйыйм да, / Ничек тәрсим итим мин аны?* (Когда крашу её растрёпанные волосы, / Какой бы краской покрасить их, / Твои голубые глаза сделать такими душевными, / Как же мне их раскрасить, / Как мне изобразить их?) (Х. Такташ)

Үлчәү – ‘взвешивать, определение величины, размера кого-либо или чего-либо’: *Монда инде үлчәү юк, кем күпме һәм ничек кычкыра ала – кычкыра, кочаклый, үбә һәм тыела алмый елый*. (Здесь уже нет меры, кто сколько и как может кричать – кричит, обнимает, целует и не сдерживает плача.) (И. Салахов); *үлчәү* – ‘весы, устройство для определения размера’: *Галиулла инде арышлы капчыклар арасыннан үзенекен эзләп тапкан. Кутәреп, үлчәү янына алып бара*. ((Галиулла) уже нашел свой мешок с рожью среди остальных мешков. Подняв, несёт к весам.) (И. Гази);

4) в результате фонетических изменений. В татарском языке слова *бар* (иди) (повелительная форма глагола *бару*) и *бар* (предикативное слово, выражающее наличие, существование, присутствие) существовали в древнетюркском языке в форме *бар* и *баар*. В современном языке долгота гласных не сохранилась. Таким образом, слова, входящие в эту пару, начали произноситься одинаково и являются омонимами: *Бармаган җирдә бакыр бар, күрмәгән җирдә көмеш бар, алмаган җирдә алтын бар*. (Медь есть там, где ты не был, серебро в том месте, которое ты не видел, золото там, где нельзя достать.) (Пословица); *Барсаң табып бар, егетне*

танып бар. (букв. Если уж нашла парня, то прежде чем пойти за него, узнай поближе.) (Пословица) Здесь же можно рассматривать и такие слова, как: *ут* (огонь, пламя) – *ут* (трава), *ат* (стреляй) – *ат* (лошадь), *ул* (он (она, оно) местоимение) – *ул* (сын), *туры* (прямой) – *туры* (надёжный);

б) в результате заимствований омонимов из других языков. Например, *фокус* ‘точка пересечения параллельных лучей, отражённых от сферического зеркала или пропущенных через линзу’: *Тәрәздән төшкән иртәнге кояш нурын фокуска жыеп, линзадан ут алып утырган малай Әскәров иде.* (Это был мальчик Аскар, который собирал в фокус утренний солнечный свет, падающий из окна, и получал свет от линз.) (М. Магдиев) – *фокус* ‘обман зрения посредством хитрости, зрелище’: *Карт бик әйбәт фокуслар күрсәтә белә иде.* (Старик очень хорошо показывал фокусы.);

7) в результате созвучия заимствований с собственно татарскими словами. С помощью этимологического анализа установлено, что многие омонимы образовались за счёт заимствований. Фонетическая структура заимствованного слова может адаптироваться к языку. Ассимилированная форма никак не может совпадать по звучанию со словами самого языка, но может совпадать по звучанию с отдельным словом языка-реципиента. Примеры. *Бер кит балык куып килә, / Кит аннан, кит тимәсен. / Китеп китте кит ишкәкне, / Тишеп китте көймәсен.* (Один кит гонится за рыбой, / Уходи от него, пускай не тронет. / Вырвал кит весло, / пробил лодку.) (Мирзагит);

8) морфологический способ, то есть путём аффиксации: *Кычыткан / Әллә кычыткан, / Әллә юк. / Тик кычыткан – кычыткан. / Кычытмаганга чыкмаган, / Ул кычытканга чыккан.* (Крапива / то ли жалила, / то ли нет. / Только крапива очень жалила. / Он вышел не потому, что не жалила, а потому что крапива.) (Мирзагит); *Комсыз, абынып егылса да, бер әйбер учлап алмыйча тормас.* (Алчный, даже если и упадёт, споткнувшись, не сможет не схватить хоть что-то.) (Пословица); *Комсыз гына пыяла ясап булмый.* (Без песка невозможно сделать стекло.) (Пословица); *Баш сау булса, башка бүрек табылыр.* (Была бы голова цела, а шапка найдётся.) (Пословица); *Үз илем – алтын бишек, башка илнең төбе тишек.* (Своя страна – золотая колыбель, дно другой страны худое.) (Пословица);

9) в результате приобретения словом переносного значения: *чиертү* ‘щёлкнуть’: *Мәрьям хәзрәтнең борынына чиерткәндә, Закир санап торды.* (Когда Мәрьям щёлкала муллу по носу, Закир считал.) (Ф. Амирхан) – *чиертү* ‘украсть’: *Дүрт-биш тәңкә чиертә дип торганда гына харап булдым!* (Когда я думал, что вот-вот поживлюсь пятью-шестью монетами, я попался.) (Г. Камал);

10) переход простых словосочетаний во фразеологические обороты. Примеры: *Ярминкәдә күпләп суган саттылар.* (Оптом продавали лук на

ярмарке.) – «*Суган саттык*» – диде *Ислам теләр-теләмәс кенә*. (Провели время, болтая впустую, – неохотно заметил Ислам.) (Н. Фаттах); *Алар, киртәдән чыгып, уңга борылдылар*. (Выйдя из калитки, они повернули направо.); *Салкынның артык катылыгы аларга берәз киртәдән чыгарга да хокук бирә дип уйлыйлар, күрәсең*. (Они, видимо, полагают, что сильные морозы дали им право выйти за рамки.) (Ф. Хусни);

11) в результате омонимизации аббревиатур. Это относится только к аббревиатурам с инициалами, то есть с первыми буквами слов в словосочетании или сокращениями в названии. Например, *КАР* (Көнъяк Африка Республикасы – Южно-Африканская Республика) – *кар* (явым-төшем – снег, осадки), *РАК* (Республика азык-төлек корпорациясе – Республиканская продовольственная корпорация) – *рак* (название заболевания), *АНТ* (Андрей Николаевич Туполев (маркировка самолетов его конструкции)) – *ант* (обещание / клятва), *АТА* (Америка татарлары ассоциациясе – Американская ассоциация татар) – *ата* (отец), *БАС* (балансның актив сальдосы – активное сальдо баланса) – *бас* (повелительное наклонение глагола *басу* – вставай), *БИК* (бердәм икътисади киңлек – единое экономическое пространство) – *бик* (очень), *БИШ* (Берләшкән ипи ширкәте – Объединённое хлебное товарищество) – *биш* (пять) и т. д.

Таким образом, омонимы образуются на основе внутренних закономерностей языка. Омонимия, как и другие присущие языку особенности, – естественное явление.

§ 22. Виды омонимов

Явление омонимии встречается на разных уровнях языка и изучается в разных его плоскостях.

Омонимы могут различаться по способу образования, написанию, значению и произношению.

По способу образования омонимы делятся на следующие виды:

1) корневые омонимы: *яр* (берег) – *яр* (возлюбленный), *килеш* (падеж) – *килеш* (облик), *бал* (мёд) – *бал* (вечер с танцами);

2) производные омонимы: *басма* (ступенька) – *басма* (издание), *ирен* (губы) – *ирен* (своего мужа), *ата* (отец) – *ата* (стреляет).

Омонимы как лексическая категория по своим лексико-сематическим и грамматическим значениям подразделяются на четыре большие группы:

1) лексические омонимы: в эту группу входят слова одной части речи: *ай* (луна) – *ай* (месяц), *табак* (газ) – *табак* (лист);

2) лексико-грамматические омонимы: в эту группу входят слова разных частей речи: *ач* (голодный) – *ач* (открой), *көй* (мелодия) – *көй* (порядок), *чык* (роса) – *чык* (выходи), *төш* (косточка) – *төш* (спускайся);

3) грамматические омонимы: образуются в результате совпадения грамматических форм разных слов. Различают 2 вида:

а) морфологические (*омоморфема* – аффиксы, выполняющие разные функции: *точка* (ручка) – *атка* (на лошадь));

б) синтаксические, омосинтагмы (*омомодель* – предложения или его части, а также обороты, которые имеют одинаковое строение и форму, но различное грамматическое значение: *белгән кеше* (знающий человек) – *кеше белгән* (человек знал). Омомодель наблюдается в синтаксическом строе языка. Предложения или его члены, обороты, которые имеют одинаковое строение и форму, но различные грамматические значения, называются омомоделями, или синтаксическими омонимами. В зависимости от их употребления в речи, делятся на две группы – стилистические омонимы и положительные омонимы. Первые связаны с предложениями или разными его членами. А вторые рассматриваются в их связи с фразеологизмами. Грамматические омонимы относятся к разделу «Грамматика» языка и изучаются в рамках словообразования, морфологии и синтаксиса;

4) фразеологические омонимы¹: *кул сузу* (тянуть руку) – *кул сузу* (воровать, красть); *баштан сыйпау* (гладить по головке) – *баштан сыйпау* (согласиться, принять); *башка бүрек кию* (надеть шапку на голову) – *башка бүрек кию* (авторитет, заслужить признание).

По произношению и написанию выделяют четыре вида омонимов:

1) лексические омонимы: *сыз* (черти) – *сыз* (сматывайся, уходи), *чокыр* (чашка) – *чокыр* (яма);

2) омофоны: *бал авыз* (сладостенa) – *балавыз* (воск), *карт аю* (старый медведь) – *картаю* (стареть), *Газиз* (имя собственное) – *газиз* (дорогой/родной), *Себер* (Сибирь) – *себер* (подметай, подмети);

3) омографы: *бал* (мёд) – *бал* (бал, мероприятие), *тир* (пот) – *тир* (тир);

4) омоформы: *сала* (деревня) – *сала* (кладет), *ага* (дядя) – *ага* (течёт), *хатын* (жена, женщина) – *хатын* (его письмо).

Кроме того, в лексикологии встречается деление омонимов на абсолютные, полные и частичные.

К полным омонимам относятся слова одной части речи, совпадающие во всех грамматических формах (лексические омонимы). Например, *исэн* ‘общее количество чего-либо, количество’ – *исэн* ‘мысль, мнение’.

К частичным омонимам относятся слова одной части речи, совпадающие не во всех грамматических формах (лексико-грамматические омонимы): *сулау* ‘мочить, делать мокрым, влажным’ – *сулау* ‘дышать’.

¹ Подробнее о фразеологических омонимах см. в разделе «Фразеология».

Омонимы, состоящие из одного и того же набора звуков, но различные по происхождению (за счет фонетических изменений, заимствований), в науке называются гетерогеномими. Гомогеномими называются омонимы, образованные в результате распада значений одного и того же слова.

Лексические омонимы считаются полными, когда они совпадают во всех грамматических формах и при склонении или спряжении имеют одинаковые аффиксы. Приведём пример склонения выделенных омонимов в предложении: *Талгат тоткан бер тиен, Мин Талгатъне уртимен: Менә, сиңа ун тиен, Бир син миңа бер тиен.* (Талгат поймал одну белку, Я Талгата поддразниваю: Вот тебе десять копеек, Отдай ты мне эту белку.) (Ш. Галиев)

	ТИЕН 1 ‘животное’		ТИЕН 2 ‘денежная единица’	
	тиенем,	тиеннәрем	тиенем,	тиеннәрем
Основной падеж	тиенем,	тиеннәрем	тиенем,	тиеннәрем
Притяжательный падеж	тиенемнең	тиеннәремнең	тиенемнең	тиеннәремнең
Направительный падеж	тиенемә	тиеннәремә	тиенемә	тиеннәремә
Винительный падеж	тиенемне	тиеннәремне	тиенемне	тиеннәремне
Исходный падеж	тиенемнән	тиеннәремнән	тиенемнән	тиеннәремнән
Местно-временной падеж	тиенемдә	тиеннәремдә	тиенемдә	тиеннәремдә

Лексические омонимы по происхождению делятся на этимологические и семантические омонимы.

Этимологическими омонимами называют слова, возникшие в результате случайного совпадения звуковых сочетаний. Например, *атлау* ‘ходить, движение человека’: *Валитов сикереп торды да, кызу-кызу атлап, урамга чыгып китте.* (Валитов быстро вскочил и, нервно шагая, вышел на улицу.) (Г. Баширов) – *атлау* ‘сбивать, пахтать масло’: *Урак урмак – уйнамак, гәбе атламак – жан чыкмак.* (Жатва – игра (лёгкая работа), а пахтанье равносильно смерти (т. е. самое тяжёлое дело).) (Пословица);

Табак – ‘лист (бумаги, жести, стекла и т. п.): *Николай Анисимович бер табак пыяланы үзе кискәләп бирде.* (Николай Анисимович сам нарезал целый лист стекла.) (А. Расих) – *табак* ‘миска, большая чаша’: *Сафия абыстай тыштан табак белән май алып керде.* (Сафия абыстай принесла из сеней целую чашу масла.) (А. Шамов) и т. д.

Лексические омонимы, образовавшиеся в результате распада полисемии, называются семантическими омонимами: *кабу* I ‘загореться’: *Дөрләп янды таш кибетләр, / Ут капты диварларга. / Бу ялкынның сөрәннәре / Җитте Кызыльярларга.* (Пылали кирпичные магазины, / Огонь перекинулся на каменные стены. / Эта гарь от пламени долетала до Кызыльяра) (Ф. Яруллин); *кабу* II ‘взять в рот для того, чтобы поесть или попить’: *Әби алдына гына карап утыра, аз-азлап кына ашын каба, җавап биргәндә, әледән-әле учы белән авызын сөрткәләп ала.* (Бабушка сидит, глядя перед собой, понемногу берёт в рот суп, а когда отвечает, то протирает ладошкой рот.) (А. Еники)

В татарском языке лексические омонимы встречаются в различных частях речи. Весьма активно употребляются они в группах имён существительных, прилагательных, глаголов. Например, *ял* ‘накопление сил после усталости, состояние покоя после работы’: *Көн – эш өчен, төн – ял өчен.* (букв. День для работы, ночь для отдыха.) (Пословица) – *ял* ‘мзда, вознаграждение, плата (за услуги, работу)’: *Тамак ялына бер малай яллыым да малларымны үзем теләгәнчә көттерәм.* (Найму мальчишку, готового работать за еду, и заставлю пасти свой скот сколько мне нравится.) (М. Гали); *ял* ‘грива, длинные волосы, покрывающие шею некоторых животных’: *Ялыннан тота алмасаң, койрыгыннан тота алмассың.* (Не сможешь поймать за гриву, вряд ли поймаешь за хвост.) (Пословица); *кундыру* ‘разрешить переночевать, впустить переночевать, оставить переночевать’: *Асияне әбиләре кундырды.* (Асию бабушки оставили с ночёвкой.) – *кундыру* ‘дать оплеуху, затрещину’: *Менә шунда яңакка шалт итеп кундырдылар берне.* (И вот тут как дали по щеке оплеуху.) (М. Гафури); *Зур* ‘объёмный, большой’: *Ул бернәрсәгә карамады, зур урамнан сулга, кечкенә тыкрыкка борылды.* (Он ни на что не посмотрел, завернул с большой улицы налево, в маленький переулок.) (Г. Ибрагимов) – *зур* ‘сильный, крепкий’: *Йыгыра чыктым. Эт бик зур өрә.* (Выбежал быстро. Собака сильно лает.) (ГТЗДС, 2009: 139)

Таким образом, лексические омонимы возникают на основе внутренних законов языка, существуют внутри различных групп слов.

В татарском языке значительное место занимают лексико-грамматические омонимы, или *омоформы* (греч. *homos* – одинаковый + *forma* – форма) – слова, совпадающие лишь в одной какой-то грамматической форме. Их также называют лексико-морфологическими омонимами: *Булмады миңа күңел ачу, Күңел ачу урынына артты ачу.* (Не пришлось мне повеселиться, вместо веселья злость вскипела.) (М. Гафури)

Такие омонимические дублиеты различаются не только лексическим, но и грамматическим значением. К омоформам могут относиться слова как одной, так и разных частей речи. Например, *көзге* (осенний) – *көзге*

(зеркало): *Көзге* (сыйфат) *боз көзге* (исем) *калынлыгы булса да ышан, язгы боз ястык калынлыгы булса да ышанма.* (букв. Осенний (имя прилагательное) лёд надёжен, хоть и толщиной с зеркало (имя существительное), весенний лёд обманчив, хоть и толщиной с перину.) (Пословица)

В татарском языке омоформы встречаются достаточно часто и довольно разнообразны по структуре. Например, *Саран кеше – төпсез мичкә шикелле: аны һич тутырып булмый.* (букв. Скупой что бездонная бочка: его никак не заполнить.) (Поговорка); *Мичкә ут керде – өйгә кот керде.* (букв. В печке огонь – в доме душа.) (Пословица); *Ул да булды – кыз кирәк.* (Сын уже есть, нужна дочь.) (Поговорка); *Ялкауга эш кушсан, ул сиңа акыл өйрәтер.* (букв. Если поручишь ленивому дело – он начнёт учить тебя уму-разуму.) (Пословица); *Жиһанда үлми һәрбер ыңгырашкан, Вә юлны тапмый калмый һәр адашкан.* (букв. На свете не умрёт каждый стонущий, да найдёт дорогу каждый сбившийся с пути.) (Г. Тукай); *Адашкан кешегә эт өргән тавыш сандугач сайравыннан да ләззәтләрәк тоела.* (букв. Сбившемуся с пути человеку лай собак покажется слаще пения соловья.) (Пословица) Большинство из них составляют омоформы по типу имя – имя, глагол – глагол.

В татарском языке распространена омонимия глаголов с аффиксами отрицания и существительных с производными аффиксами на *-ма/-мә*: *Йоклаган еланның койрыгына бәсма.* (букв. Не наступай на хвост спящей змеи.) (Пословица); *Агыйделгә басма* салдым, *Каеннан сайлап кына. Яннарына барыр идем, Кош булып сайрап кына.* (букв. Проложил я мост через Волгу, из берёзы выбирая. Пошёл бы я к ней, соловьём заливаясь.) (Песня); *Ә менә татар, аны нихәтле кысма, **изма** – әле дә телен, тарихын онытып бетермәгән.* (А вот татарин, сколько его ни притесняй, ни дави – до сих пор не забыл ни своего языка, ни своей истории.) (А. Каримуллин); *Йөгәнне тискәре **элма**, урынсызга түңкәрелмә.* (букв. Уздечку не вешай с изнанки, не к месту не опрокидывай.) (Пословица); *Зәрия апасы **изма** ташып өлгерә алмый.* (Зария апа не успевает возить раствор.) (Г. Гильманов); *Барда районында Рәшит Ягъфәров истәлегенә дүрт **элма** такта куелды.* (В Бардымском районе установили в память о Рашите Ягфарове четыре памятные доски.) («Безнең гәжит») В приведённых примерах первые в паре слова относятся к группе глаголов в форме повелительного наклонения II лица единственного числа, а вторые – к именам существительным.

Эти слова также относят к разряду омографов, при этом в их разграничении подчёркивается роль ударения. Однако этот тип лексических единиц правильнее будет рассматривать в качестве омоформ, поскольку совпадают они только в форме отрицания. Остановимся на примерах: *Берәүгә **торма** кирәк, берәүгә хөрмә кирәк.* (Одному нужна редька, другому – финик.)

(Пословица); *Мин бит сине чакырып китермәдем, үзең кит, җанны үртәп торма!* (Я же тебя не вызывал, сам уходи, не трави душу!) (Г. Гильманов).

В татарском языке имеются и слова, различающиеся по написанию и значению, но совпадающие по звуковому составу. Они называются о м о ф о н а м и (греч. *homos* – одинаковый + *phone* – звук). Также их называют фонетическими омонимами. Например, в татарском языке *Алсу* (имя человека) и *алсу* (розовый (цвет)) считаются между собой омофонами: *Кешеләргә ышанычым белән / Гашиык булдым гөлгә, каеннарга, / Алсу таңга, тауга, давилларга, / Куккә, җиргә, Бөтен дөньяга... / Яшәү – сиңа, Тормыш – сиңа!..* (Я с верой в людей влюблялся в цветы, в березы, в розовую зарю, в горы, в бури, в небеса, в землю, в весь мир... Жизнь – для тебя, Судьба для тебе!..) (И. Иксанова); *Алсу, булма сенә керү белән, / Өске киemen алып ташлады, / Ватык көзгесенә карый-карай, / Карлы чәчен сүтә башлады...* (Алсу, зайдя в свою комнату, сняла верхнюю одежду, посмотрела в разбитое зеркало и начала расчёсывать волосы.) (Х. Такташ)

Основную часть таких слов составляют омонимы, но иногда эти слова могут совпадать по звучанию с отдельными словами, которые также рассматриваются как омофоны: *Абыллары булганнарга хәтта / Картаю да, Карт аю да кыймый тияргә, / Сөзгә без бар абый дияргә.* (букв. А тем, у кого есть братья, ни старость, ни старый медведь ничего не сделает, у вас есть мы, чтобы назвать нас дядей.) (Ш. Маннапов)

Омофоны в татарском языке могут относиться как к одним частям речи, так и к разным: *Безнең Галим бигрәк «галим», / Белгәннәре күп кенә... / Тискәре яктар дигәндә, / Зур галим безнең Галим.* (Наш Галим весьма учёный, знает очень много, что касается отрицательных качеств, является знатоком наш Галим.) (З. Хуснияр)

Обычно каждое из сходных по звучанию слов имеет самостоятельную функцию, но не имеет смысловой связи между словами.

В татарском языке также встречаются отдельные слова и словосочетания, которые звучат одинаково, но различаются только смыслом и написанием. Их также можно отнести к числу омофонов: *Яхшылыкка эреп китәм, балавыз мин, / Мактап сөйләм изге эшнә – бал авыз мин.* (От доброты я таю – как воск. Восхваляю богоугодные дела – у меня медовые уста.) (Г. Тукай); *Кыш көнә мин һәр иртәдә / Бит юарга кар алдым. / Ә җәй көнә, юлда йөрәп, / Кырда эшләп каралдым.* (Зимой каждое утро я всегда заносил снег для умывания. Летом же, в пути, работая в поле, я почернел.) (Г. Набиуллин); *Бик җылы булгач бүлмә, / Йоклатырга җыена – / Күз алдында – җыен «А». / Аннан күзгә күренә / Бөтен җирдә күр, энә, / Һәм күзгә «Б» эленә; / Шуннан гына беленә: Минем дәрес әзерләүнең / Шундыйрак төше бу – / Абзагызның төше бу.* (Комната очень теплая.

Поэтому меня клонит в сон, перед глазами разные «А». Потом мерещатся, смотри. Перед глазами везде иглы, в каждом глазу виднеются буквы «Б». Вот и отсюда узнаете, как я готовлюсь к урокам – как во сне.) (Г. Рахим).

По способу образования омофоны могут иметь разные модели. Например: *зурат*: *Ни чүмәлә, ни зурат, ни акыллы, ни дурак.* (Ни копна, ни сноп, ни умный, ни дурак.) (Поговорка) – *зур ат*: *Бу бик зур ат.* (Это очень большая лошадь.); *Хужабикәләр теләсә бишбармак пешерә, теләсә токмач кисә.* (Хозяйки если захотят, то приготовят бишбармак, захотят – лапшу). – *Һәр кулда биш бармак.* (На каждой руке пять пальцев.); *Янымнан кит, мәче.* (Отойди от меня, кошка.); *Әй, Апуш – изге балачак – югалмачы, китмәче, мине салкын бу дөньяда кабат ятим итмәче...* (букв. Эй, Апуш – святое детство – не пропадай же, не уходи же, в этом холодном мире не оставляй меня снова сиротой!) (Р. Харис)

В татарском языке могут совпадать в звучании имена нарицательные и собственные. Обычно такие омофоны по своему происхождению восходят к одному слову, однако имеют различное написание (один из компонентов, составляющих омофоны, пишется с заглавной буквы, а другой – со строчной): *Аның исеме – Былтыр!* (Его имя – Былтыр!) («Сабантуй») – *Ул өеннән / былтыр чыгып киткән.* (Он ушел из дома в прошлом году)

Заметим, что омофоны находят широкое применение в языке художественной литературы, особенно в её поэтическом жанре, способствуя тем самым повышению звучности, эмоциональности речи, усилению выразительности.

Омографы (греч. *homos* – одинаковый + *grapho* – пишу) – это слова, имеющие один звуковой состав и сходное написание, но различающиеся произношением и значением. Иначе их называют графическими омонимами.

Омографы встречаются в татарском языке сравнительно реже, чем другие виды омонимов. В зависимости от того, из какой группы слов состоят компоненты, их можно разделить на следующие виды:

1) омографы, появившиеся на базе собственно татарского языка: *Ярый, ярый, кодача*; *Ходай, мәсәлән, шифасын бирсен.* (Ладно, ладно, сваха; ладно; Пусть Бог, например, даст исцеление.) (Ф. Амирхан) – *Алар Әсмаларга кодача килгәннәр иде.* (Они в семью Асьмы приходили сватами) (С. Рафиков); *Бай абый! Бирче хәер! Бик ач торам, – Йөз чытым, бай бер тишек акча ата.* (Богатый дядя! Подай милостыню! Я очень голоден, – морщась, богач кидает рваный рубль.) (Г. Тукай) – *Минем кебекләр, албәттә, Һәркемгә дә эләкми... Хәер, мин дә синнән башка беркемгә дә кирәкми.* (Конечно, такие как я, не каждому достаются..., впрочем, и я никому, кроме тебя, не нужен.) (Р. Миннуллин); *Каракош та кояштан*

ары күтәрелә алмый. (букв. И даже орёл не может подняться выше солнца.) (Пословица); *Син эшләп ары.* (Ты уставай, работая.);

2) омографы, возникшие в татарском языке в результате заимствования из других языков: *Күптән түгел генә Голландиядән мини орган килде.* (Только недавно из Голландии прибыл мини орган.) («Шәһри Казан») – *ТР Президенты Указы нигезендә, Татарстанда коррупциягә каршы даими эшче орган көрәшчәк.* (Согласно Указу Президента РТ, в Татарстане будет создан постоянно действующий антикоррупционный орган.) («Ватаным Татарстан»);

3) омографы, возникшие в результате случайного совпадения заимствованных и собственно татарских слов: *Исемемә арка сөяп, оныкларым уйга талыр.* (Опираясь спиной на моё надгробие, внуки мои погрузятся в раздумья.) (Р. Харис) – *Цилиндр өстә очлаеп тора торган арка белән төгәлләнгән, алары исә бизәлгән кирпечтән эшләнгән «пуга» белән уратылган.* (Цилиндр завершался наверху остроконечной аркой, окруженной «путами» из обожженного кирпича.) («Шәһри Казан»)

§ 23. Разграничение явлений омонимии и полисемии

Одним из важнейших вопросов изучения лексических омонимов в современной лексикологии признается вопрос о разграничении омонимов и многозначных слов. Этот факт подчёркивает и лексикография, поскольку одни и те же лексические единицы, зафиксированные в одних словарях как многозначные, в других источниках закрепляются как омонимы. Но следует помнить, что если омонимия – это случайное совпадение слов, то полисемия – это свойство слов иметь несколько значений, связанных в диахроническом плане.

Критериями разграничения омонимии и полисемии некоторые учёные называют такие объективные факторы, как их словообразовательные и синтаксические особенности. Однако следует помнить: словообразовательные ряды могут говорить не только о разрыве, распаде связей между отдельными значениями слова, но и о вторичных его значениях. Употребление отдельных значений слова в различных синтаксических конструкциях не всегда может свидетельствовать о семантическом распаде.

В современном языкознании выделяется несколько критериев разграничения явлений омонимии и полисемии.

1. Семантический (лексический) принцип предполагает выявление синонимических связей между омонимами и многозначными единицами: если слова со сходным звучанием относятся к одному и тому же синонимическому гнезду, то говорить о явлении омонимии преждевременно. Омонимия имеет место только в случае, когда синонимы различаются. Кроме

того, значения омонимичных слов должны взаимно исключать друг друга, в то время как при многозначности семантика слова составляет единую смысловую структуру, семы которых сохраняют семантическую общность. Например, *чишү* – ‘разматывать / распускать’: *Төннәрне чишү тырышлык та, түземлек тә, ихтыяр көче дә тәрбияли* (Развязывание узелков воспитывает и трудолюбие, и терпение, и силу воли.) (Р. Нуруллин); *чишү* – ‘решать’: *Чөнки ул барыбер сурәт аша мәгънә эзләү булганга, табучы өчен гади мәсьәлә чишү булып кына калмый, һаман да мавыктыргыч кызыклы, поэтик иҗади процесс була.* (Поскольку это все-таки поиск смысла через изображение, то для изобретателя это не только решение простой задачи, но и увлекательный, поэтически творческий процесс.) (Н. Исанбет)

2. Грамматический (морфологический) принцип предполагает поиск словообразовательных различий между многозначными словами и омонимами. Слова, имеющие несколько значений, с помощью одних и тех же аффиксов могут образовывать новые слова. Если словообразовательные модели омонимичных слов не совпадают, это означает полное их отдаление друг от друга. Например, *басу* I – ‘вставать, приходиться / прийти в стоячее положение’; *баскыч* – ‘лестница’ – *басма* – ‘мостик’; *басу* II – ‘производить действие, сильно надавливая’; *басма* – ‘издание книги, журнала и др. трудов’; *басым* – ‘ударение’; *басу* III – ‘давить, захватывать’; *баскак* – ‘человек, проводивший сбор налогов с населения’; *баскын* – ‘грабительские походы против мирных народов и племён’.

3. Лексико-грамматический (смешанный) принцип предполагает комплексный подход, при котором учитываются и значение слов, и сходство их словоформ. При сравнении словоформ, т. е. выявлении деривационных связей, если наблюдается их семантическая общность, то речь идёт о полисемии лексической единицы.

4. Принцип историзма (этимологический принцип) предполагает установку связей в синхронии и диахронии. Между лексико-семантическими вариантами многозначного слова всегда существует связь, мотив. И если какое-то значение слова выходит из употребления, то одно из звеньев может нарушить последовательность утраты исторической мотивации. Предполагается, что если с течением времени связь между значениями слова и утраченным звеном не восстанавливается, то возникает омоним. Например, *ай* ‘название небесного тела’: *Ай белән кош берәр генә була.* (Только луна и солнце бывают одни.) (Поговорка) Люди определяют время, исходя из фаз луны, потом так стали называть и единицу измерения времени. *Көнә ай кебек, ае ел кебек.* (букв. День как месяц, месяц как год.) (Поговорка) Сегодня эти значения не имеют ничего общего между собой, потому их можно считать омонимичными словами.

5. Структурный принцип предполагает учёт контекстуальных связей, когда при анализе выявляются тематические связи слов, типичные модели лексических зависимостей, изучается общая семантика контекста.

Следует отметить, что перечисленные методы не позволяют полностью установить различие между многозначными и омонимичными словами. Для их разграничения необходимо проводить всестороннее сравнение общих и отличительных признаков, по результатам которых можно говорить об омонимии и полисемии.

§ 24. Функционально-стилистические возможности омонимов

В современном татарском языке омонимы употребляются довольно часто, а с развитием языка их число стало только увеличиваться. Известно, что омонимы ограничивают информационную функцию слова, поскольку разные значения выражаются в одной и той же форме. Именно потому в языкознании омонимия признаётся явлением скорее негативным и отрицательным как для речи, так для языка в целом. Действительно, слушатель может испытывать некоторые сложности при различении значений омонимичных слов, особенно при изучении языка как иностранного.

В то же время, за исключением отдельных случаев, использование омонимов в языке практически не вызывает затруднений, и контекст почти всегда способствует выявлению смысловой структуры омонимичных слов, являясь условием их правильного понимания. Поскольку омонимы различаются сферой употребления, могут иметь разную экспрессивную окраску, то и в речи редко используются вместе. Хотя совпадения омонимичных слов возможны, и условием для этого должна быть определённая стилистическая цель (в функциональных стилях языка эти цели различаются). Например, в художественной литературе созвучные слова – весьма специфичное стилистическое средство, на базе которого возникает каламбур (фр. *calambour* – игра слов) – основанная на созвучии игра слов¹. Например: *Бер тауда ун чиишмә, Серенге син чиишмә.* (букв. На этой горе десять родников, Тайны своей ты не раскрывай.) (С. Хаким), где *чиишмә* I – ‘родник, ключ’, *чиишмә* II – ‘не раскрывай (тайну)’; *Бу инешнең ике ярын / Тоташтыра такта басма.* – *Тар басмадан чыккан чакта, / Берук сак бул, читкә басма.* (букв. Два берега этого ручья / Соединяет мостик. – Когда будешь переходить через мостик, / Будь осторожен, не оступись.) (А. Ситдикова); *басма* I – ‘мостки, мостик через ручей’, *басма* II – ‘не вставай, не наступай’.

¹ Четырёхсложное стихотворение, в котором рифма составляется из омонимов, в тюркской классической поэзии представляет отдельный жанр – тоек.

Омонимы и омоформы придают речи выразительность и благозвучие, обогащают её различными стилистическими оттенками. Находясь в тесной связи с содержанием предложения или фразы, омонимы играют существенную роль в создании каламбуров. Так, они помогают раскрыть характер, внешность того или иного персонажа, душевное состояние, внутренние переживания героя. Но чаще всего каламбур создаётся за счёт таких разновидностей омонимии, как омофоны и омографы. Например, *Карбыз белән Мин тату*. – *Рахэт аның Тамен тату*. (букв. Я дружу с арбузом, здорово пробовать его на вкус.) (Г. Набиуллин) – *тату* ‘дружный’, *тату* ‘пробовать (на вкус)’; *Кайчакта күмелеп ай калды*. – *Кемнеңдер күңеле айкалды*. (букв. Иногда луна скрывалась – в то время у кого-то душа переворачивалась) (М. Аглямов); *ай калды* ‘луна осталась’ – *айкалды* ‘переполошилась’.

Омографы используются в литературных произведениях, преимущественно в поэзии, в стилистических целях, то есть с целью игры слов, увеличения силы их воздействия. В качестве примера приведём отрывок из шуточного стихотворения для детей Г. Рахима «Кем дә кем тиз төшенә?» (букв. Кто быстрее сообразит?), где употребляются омографы *карамá* (вяз) – *кара́ма* (не смотри) и *яз инде* (уже весна) – *яз инде* (пиши уж): *Мин әни сүзен тыңлыйм / Һәм эчтән генә уйлыйм /: «Өй түрендә карамá, / Ә син тышка карáма. / Озакламый яз инде, / Ә син монда дәфтәрәң / Өй эшләрең яз инде»*. (букв. Я всегда прислушиваюсь к словам матери, сам думаю про себя: «Перед домом вяз растёт, но ты не смотри на улицу. Скоро уже весна придёт, ты уж пиши домашние задания в тетрадь».)

В речи между омонимичными словами устанавливается только звуковое соответствие, смысловая связь при этом отсутствует, и потому их совместное использование почти всегда создает эффект неожиданности, порождает возможности для игры слов.

Таким образом, омонимы являются результатом исторического развития языка, достаточно часто встречаются в различных стилях, особенно в художественной литературе, публицистике. Созвучные слова, отдаленные друг от друга по смыслу, стилистически обогащают язык.

Явление паронимии в татарском языке

§ 25. История изучения паронимов в языкознании

В общем языкознании существуют разные точки зрения по поводу определения понятия «пароним». Паронимами называют слова, которые употребляются в речи ошибочно по аналогии.

Внимание к словам со схожим звучанием появляется в русском языкознании в связи с трудностями в освоении русского языка представителями других национальностей. И здесь мы встречаемся с разными

определениями паронимов: слова со схожим звучанием, но разным значением (А. Н. Гвоздев); слова со схожим звучанием, относящиеся к одной группе слов (М. М. Покровский); возникновение смысловых связей между словами со сходным звучанием (В. В. Виноградов); ошибочное или специальное (каламбур) употребление в речи слов со сходным звучанием, отдельные морфемы которых совпадают (О. С. Ахманова); единицы, определяемые как семантические варианты одного и того же или близкие синонимы, но по форме более близкие друг к другу, чем некоторые типы (Ю. С. Степанов) и др. (Вишнякова, 1984: 6–15). Изучению похожих по звучанию слов посвящен специальный труд О. В. Вишняковой (Вишнякова, 1984). Согласно определению учёного, паронимы отличаются друг от друга по смыслу или стилистическому употреблению. А паронимазы выражают различные понятия, не имеющие категориальной смысловой общности. Автор считает, что паронимы – лингвистическое явление, а паронимазы – психолингвистическое (Вишнякова, 1984, 30).

Следовательно, в лингвистике сложилось два основных подхода к определению паронимии: 1) слова, сходные по звучанию, ошибочно используемые в речи; 2) однокоренные слова, сходные по звучанию, имеющие разное значение в современном языке.

В татарском языкознании одним из первых положил начало научному изучению паронимических слов К. С. Сабиров, который дал им следующее определение: «пароним – термин, используемый для обозначения понятий, достаточно близких по написанию и произношению, но не идентичных по смыслу» (Сабиров, 1963: 35).

В учебнике татарского языка для студентов вузов и преподавателей средних школ приводится объяснение близким по звучанию словам *тугры* (верный; преданный) – *туры* (прямой, прямолинейный; ровный (о линии)), *гөл* (цветок) – *гел* (всегда), *мең* (тысяча) – *мен* (поднимайся) (Современный татарский литературный язык, 1965: 32–33). В качестве примечания отметим, что, рассматривая слова *тугры* – *туры*, *гөл* – *гел*, *мең* – *мен* в синхронии, с точки зрения литературного языка их нельзя назвать омонимами, однако таковыми их можно считать, если сравнивать литературный язык с диалектами (звучание отдельных лексем местных говоров тем или иным образом отличается от литературного языка).

В. Х. Хаков, хотя и не употребляет термин «пароним», однако называет однокоренными сходные по звучанию слова *ия* (хозяин; владелец, обладатель) – *өй* (дом, изба). Учёный пишет: «в историческом развитии языка меняется и строение некоторых слов, и смысловое содержание, появляются созвучные слова, имеющие разные оттенки в пределах одного значения» (Хаков, 1979: 107–109; Хаков, 1993: 135).

Ф. С. Сафиуллина проводит сингармонические параллели между словами с твёрдыми и мягкими основами, этимологически восходящими к одному корню (Сафиуллина, 1987: 86).

Ф. С. Сафиуллина и М. З. Закиев в учебнике татарского языка отмечают, что «замена увулярного (язычковых) **к** на заднеязычный **қ** также приводит к появлению омографов: *карта* (географическая) – *к* (*қ*)*арта* (толстая кишка)» (Сафиуллина, Закиев, 1994: 36). В то же время слова *кárта* – *қартá*, которые произносятся по-разному, но пишутся одинаково, можно отнести и к омографам. Однако следует помнить, что в татарском языке язычковые и заднеязычные согласные, участвующие в смысловом различении слов, являются двумя фонемами, поэтому их правильнее называть словами со сходным звучанием.

Р. С. Абдуллина, отмечая специфику образования паронимов, усматривает некоторые стилистические особенности и ошибки в употреблении паронимов и паронимазов, указывая, что последние представляют в словаре отдельную группу, отличающуюся от омонимов. В трудах ученого затрагиваются вопросы происхождения паронимов, паронимичность арабо-персидских слов, орфографии и орфоэпии паронимов и паронимазии и др. (Абдуллина, 1997: 3–61).

В 2007 году Л. Р. Сагидуллина и Р. А. Султанова подготовили учебное пособие «Татар теленең паронимнар сүзлеге тәҗрибәсе» (Опыт составления словаря паронимов татарского языка), где приведены 250 пар татарских паронимов с толкованием их значений, переводом на русский язык.

Отсутствие ясности в словах и значениях требует более тщательного освещения в татарском языкознании вопросов разграничения паронимов собственно татарского языка и оказавших большое влияние на его лексику паронимов и паронимазов арабо-персидского происхождения.

§ 26. Общее определение явления паронимии

П а р о н и м и я (греч. *para* – около, рядом, *онута* – имя) – явление, при котором слова (паронимы) частично сходны по звучанию, но полностью или частично различны по значению. Паронимия возникает в результате сознательного сближения слов в речи или их непродуманного смешения друг с другом (последнее приводит к ошибочному употреблению в речи).

Паронимы – слова, близкие по звучанию; они относятся к одной и той же части речи, но выражают разные значения: *мәхәббәт* (любовь) – *мәһәбәт* (величественный), *охишау* (походить, быть похожим) – *ошау* (нравиться), *экономия* – *экономика*, *диктант* – *диктат*, *адресант* – *адресат* и др. Их характерной особенностью является не только схожесть пар слов по звучанию, но и этимологическая общность основ или корневых морфем.

Любое общее значение, обнаруживаемое между двумя словами, не позволяет отнести слова со сходным звучанием к разряду паронимов. Смысловая общность может быть двойкой: 1) смысловая общность в той или иной речевой ситуации, 2) категориальная смысловая общность. Между некоторыми схожими по звучанию словами может быть и ситуативная смысловая общность, при отсутствии категориальной смысловой общности. Например, «*Гәүһәр ташы – йөзек кашым*» – *Йөзегеңнең ташы нинди? Якутмы, алла фирүзәме?* (Драгоценный камень – печатка в кольце. С каким камнем твой перстень? Яхонтом или бирюзой?) – *Йөзегеңнең кашы төшкән.* (У перстня выпал камень.)

В этих примерах слова *таш* (камень) и *каш* (драгоценный камень – печатка в кольце) – синонимы только в том случае, если речь идет о куске камня или металла, который крепится к кольцу, перстню. Однако только этот ситуативный смысл не дает основания определять эти слова как «однокоренные». Между паронимами существует не только ситуативная связь – их объединяет основное категориальное значение, поскольку они являются однокоренными. При определении смысловой специфики паронимов принимается во внимание вариативный и метафорический (перенос значения) смыслы.

Даже если между некоторыми паронимами и нет ситуативной общности, между ними должна быть категориальная общность. Иначе говоря, это паронимы, отличающиеся друг от друга ситуативным значением. Например, в современном татарском литературном языке паронимы *тибрәтү* – *тирбәтү*, *тибрәнү* – *тирбәнү* иногда означают одно и то же ‘колебать, колыхать, качать / покачивать’: *бишек тирбәтү* – *бишек тибрәтү* (покачивать люльку); *сөялдем сөяңнәргә*, *тибрәлдем имәннәрдә*; / *сөялдем сөяңнәргә*, *тибрәлдем имәннәрдә...* (я прислонился к липам, я покачивался на дубах.) (Песня) Однако между словами *тибрәтү* – *тирбәтү*, *тибрәнү* – *тирбәнү* есть смысловое различие. При наличии смысловых различий эти слова не могут вступать в грамматическую связь с одними и теми же словами. Например, в сочетании *каләм тибрәтә* (букв. ‘шевелит пером’) в значении ‘занимается написанием стихов’ заменить слово *тибрәтә* на *тирбәтә* невозможно. В стихотворных строках «*Йомшак кына жьылы жьилләр исте, / Тибрәндерең матур инешине...*» (Ласково дули теплые ветра, / укачивая красивый ручеек...) (М. Джалиль) слово *тибрәндерең* невозможно заменить паронимичной парой: ассоциации, вызванные выражением *инеш тирбәнү* (колебание ручья), породили бы не совсем приятные впечатления, а скорее, наоборот, удивление, шок, поскольку размах колебаний, передаваемых в слове *тирбәнү* (качаться), намного выше. Таким образом, в современном татарском литературном

языке в паронимичной паре слов *тибрәнү* – *тирбәнү* имеется общность категориального значения, а вот общность ситуативного значения не всегда сохраняется. Эта особенность позволяет использовать однокоренные слова-паронимы в стилистических целях.

С другой стороны, глаголы, образованные от одного слова *тибрэл*-, *тирбэл*-, *тибрән*-, *тирбән*-, создают стилистические паронимы и вызывают проблему правильного выбора (валентности) слов, входящих в грамматическую связь с данным словом.

Любые сходные по звучанию два слова не могут рассматриваться как паронимы, так как слова, выполняющие в стихах функцию рифмы, почти всегда имеют сходное звучание.

Среди паронимических слов довольно много синонимов. Например, к ним относятся слова *күрсәтмә* – *күргәзмә* (наглядное пособие – выставка), *туры* – *тугры* (прямой, прямолинейный; ровный (о линии); перен. верный, правильный; точный и простой – верный, преданный, правильный, честный), *ошау* – *охшау* (нравиться – походить, быть похожим (подобным) кому-чему). Что касается, например, значения слова *күрсәтмә* ‘служащий для наглядности (наглядное пособие)’, то оно имеет то же значение, что и слово *күргәзмә* ‘выставка (наглядное пособие)’. Оба эти слова были образованы в результате присоединения именного словообразовательного аффикса к корню *күр*- в понудительном залоге.

Аффикс понудительного залога (*-сәт*) используется в образовании форм литературного языка, в то время как аффикс (*-гәз*) признаётся формой, характерной для разговорной речи. В результате в толковом словаре появляются оба варианта, только слова *күргәзмәле*, *күргәзмәлек* закрепляются с пометой *разговорное* по отношению к литературным – *күрсәтмәле*, *күргәзмәлек* (Татар теленең анлатмалы сүзлеге, 2017: 609, 615). Однако слово *күрсәтмә*, помимо вышеуказанного значения, употребляется и в значении ‘совет, разъяснение того, как действовать’ (там же: 615). А слово *күргәзмә*, помимо перечисленных, выражает также и значения: 1) совокупность произведений творчества, искусства, исторических или архаичных предметов, собранных по определённом принципу и доступных для публичного ознакомления; 2) помещение, в котором выставлены такие предметы (там же: 609).

Паронимы, имеющие словообразовательную соотнесенность друг с другом, семантически подразделяются на следующие виды:

1. Паронимы, имеющие лексические различия и способные заменять друг друга в отдельных ситуациях. Например, паронимы *игелек* (великодушие) и *изгелек* (святость) являются близкими по значению. В отдельных ситуациях они вполне взаимозаменяемы: *Игелекклелеге ташып тора / Уйчан күзләр, куе кашлардан.* (Доброта твоя разливается / Из вдумчивых глаз,

густых бровей.) (Р. Файзуллин); *Изгелегең миңа шифа булды, / Шиңгән чәчәк кебек сулганда.* (Твоя доброта исцелила меня / Когда я зачах как увядший цветок.) (К. Булатова). Однако каждое из этих слов, образованных от слова *эдгү*, имеющее семы 'хороший', 'добрый', 'милосердный' в древнетюркском языке (ДТС, 1969: 162), обрело своё значение и стало развиваться по-своему. Вероятно, из-за разницы в значении между ними возникла фонетическая дифференциация. *Изгелек* – 1) доброта, доброжелательность, добродетельность, великодушие; 2) *перен.* блаженство, наслаждение; покой, спокойствие; 3) *перен.* польза, выгода. Слово *изгелек* имеет ряд значений: 'признаки святости', 'доброе дело; дело, выполненное от чистого сердца; благодеяние', 'высокая нравственность, добродетель, великодушие', 'высокая нравственность, искренность, чистосердечность' и '*перен.* неприкасаемость, святость, священность' (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2016: 443, 487).

2. Паронимичные пары, имеющие общее категориальное значение, но различающиеся стилистически.

Э.В. Севортыян пишет о том, что в тюркских языках слово *ага* имело значение 'старший мужчина, дядя, родной брат отца, старший сын отца и представитель высшего сословия' (ЭСТЯ, 1974: 70). В современном татарском литературном языке слово *ага* употребляется при официальном обращении к старшему мужчине. Из истории тюркского языка известно, что это слово означало 'хранитель (казначей) денег государственных учреждений, хозяин, господин' (Баскаков, 1989: 65). Этот оттенок официальности в значении слова, по-видимому, сохранился и в современном татарском литературном языке. В азербайджанском языке слово *ага* также используется при обращении в официальном тоне (например, к профессору) (Балаян, Шабанов, 1982: 91). Слово *агай* в современном татарском языке часто встречается в просторечии, аффикс *-ай*, по-видимому, способствует созданию стилистической дифференциации: особо уважаемый, официальный *ага* становится *агай*, которого так можно назвать, признавая его своим.

3. Паронимичные пары, имеющие различия в лексических значениях только в определённом стиле. Например, в разговорном стиле современного татарского языка слова *жыр* (песня) и *жыру* (песня) имеют одно значение: *Бар жырымны илгә багышладым...* (Все свои песни я посвятил своей стране...) (М. Джалиль). *Жырлар идем, жырлар идем, / Жыруларым өч кенә...* (Пел бы песни, пел бы песни, / Да песен только три...) (Народная песня) В толковом словаре татарского языка слово *жыру* также даётся с пометой «*иске тат.*» (старотатарское) и имеет то же значение, что и слово *жыр* (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 1981: 802).

Однако в научном стиле, являющемся одной из функциональных разновидностей литературного языка, словом *жыру* называют поэтическое

эпическое произведение, двустипшие: *Әсәрнең исеме турында берничә сүз. Һ. Атласов, Г. Рәхим һәм Г. Газизны «Илаһи йыру» исеме астында бастырганнар, ягъни тиңдәшсез, гүзәл, изге... әсәр. Ә йыру сүзен жыру дип биру дөресрәк булыр иде. Элегрәк кайбер якларда, бигрәк тә олы буын вәкилләре, борынгы шигъри эпик әсәрне яки озын жырларны шул исем белән атаганнар. Жыру сүзе бәетләргә карата бездә соңрак та кулланьлып килде.* (Несколько слов о названии произведения. Г. Атласов, Г. Рәхим и Г. Газиз опубликовали его под названием «Божественное песнь», т. е. бесподобное, прекрасное, святое... произведение. А слово йыру правильнее было бы назвать словом жыру. Ранее, особенно представители старшего поколения, в некоторых регионах этим именем называли древнейшее поэтическое эпическое произведение или длинную песню. Слово жыру употреблялось по отношению к двустипшиям и позже.) (Урманчиев, 1974: 216).

Различие в лексических значениях паронимов *аңлы – әңле* становится очевидным в просторечии. В толковом словаре татарского языка зафиксировано только слово *аңлы* (сознательный, разумный), имеющее следующие значения: 1) мыслить, размышлять, имеющий мыслительные способности; умный, сообразительный; 2) глубоко мыслящий, рассудительный; 3) сознательный, разумно мыслящий; 4) политически сознательный, передовой, прогрессивный Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2015: 206).

В современном татарском языке имеется и слово *әңле*. Э. В. Севортыан указывает, что корень *әң* восходит к корню *аң* (ЭСТЯ, 1974: 152–155). В просторечии *әңле* означает «действовать в свою пользу». Как в приводимом анекдоте: *Берәү, үз савытын күршеләрендә күрәп: «Бу минем савыт бит, ник кертмәдең?» – дигәч, тегесе: «Әңле кеше икәнсең, алып та чык, керттеп тә бир сиңа!» – дигән ди.* (Как-то сосед, увидев у соседа свою посуду, воскликнул: «Это же моя посуда, почему ты её не вернул?» На что тот ответил: «Какой ты умный, и забери у тебя, и верни тебе!»)

Итак, для образования паронимических пар должны выполняться одновременно три условия: по своему звуковому составу слова должны являться максимально близкими друг другу; обозначать различные по значению предметы и явления; должна существовать вероятность ошибочного использования одного слова вместо другого.

§ 27. Пути возникновения паронимов

Паронимы образуются двумя основными способами: 1) в результате фонетических изменений, 2) в результате морфологических изменений.

1. К паронимам, образованным на основе фонетических изменений, относятся те, которые возникли:

а) в результате сингармонических параллелей: *ярашу* (соответствовать) – *ярәшү* (просватывать, обручать) и т. п.;

б) на основе чередования гласных: *ачылану* (приобретать горечь) – *ачулану* (злиться) и т. д.;

в) в результате сокращения гласных: *изгелек* (святость) – *игелек* (благоденствие), *карындаш* (рожденный одной матерью) – *кардәш* (родственник) и т. д.;

г) на основе метатезы: *тибрәнү* (колебаться) – *тирбәнү* (качаться) и т. д.;

д) на основе исторического чередования согласных: *янгын* (пожар) – *ялкын* (пламя) и т. д.

2. К паронимам, образованным на основе морфологических изменений, относятся те, которые возникли:

а) в результате присоединения словообразовательных аффиксов: *сөйләм* (речь) – *сөйләк* (короткий устный рассказ), *ярдәмче* (помощник) – *ярдәмчел* (отзывчивый) и т. д.;

б) на основе влияния словообразовательных функций глагольного залога: *аклану* (оправдываться) – *аклашу* (сговариваться), *сугу* (ругать) – *сугену* (ругаться), *күрү* (видеть) – *курешу* (встречаться) и т. д.;

в) в результате присоединения различных стилистических аффиксов: *ага* (ага, дядя) – *агай* (мужик, мужичок), *ана* (старшая сестра) – *анай* (деточка) и т. п.;

г) в результате присоединения аффиксов, которые исторически были формообразующими, но в современном языке являются словообразовательными: *үсеи* (рост) – *үсенте* (росток), *күрсәтмә* (наглядное пособие) – *күргәзмә* (выставка) и т. д.;

д) одна пара которых образована в результате присоединения словообразовательного аффикса, другая – видового аффикса: *тагып* (нацепив) – *тагыл* (прицепившись), *талган* (уставший) – *талгын* (неторопливый) и т. п.;

е) паронимы, образованные от корня, прекратившего своё самостоятельное существование в современном татарском литературном языке: *пычак* (нож) – *пычкы* (пила), *касмәк* (нагар) – *каймак* (сливки) и т. д.;

ж) на основе различий между чередующимися звуками в словообразовательных аффиксах: *яньчел* (мнись) – *ямышәй* (сплющивайся), *пычак* (нож) – *почкак* (подбивка) и т. д.

Что касается морфологической природы, то различают:

а) паронимы, относящиеся к одной и той же части речи: *жыр* (песня) – *жыру* (песнь) – *жырау* (сказитель), *ашау* (есть) – *ашлау* (удобрять) и т. д.;

б) паронимы, относящиеся к разным частям речи: (имя существительное) *тыш* (оболочка) – (глагол) *ташы* (таскай) и т. д.

Разграничение паронимов восходит к этимологии. В этом отношении паронимы можно разделить на три группы: 1) слова, паронимичность которых в современном татарском литературном языке очевидна; 2) слова, которые употребляются в современном татарском литературном языке, однако паронимичность их можно установить только посредством этимологического анализа; 3) слова, будучи паронимами в историческом прошлом, утратили значение паронима в современном литературном языке.

Рассмотрим подробнее эти группы.

1. Слова, паронимичность которых в современном татарском литературном языке очевидна. Возьмем для примера паронимичные слова *тугры* – *туры*. В древнетюркском словаре зафиксировано слово *тогру*, означающее «прямой, стройный»; «правильный, справедливый» (ДТС, 1969: 571). До начала XX века слово *тугры* в татарском литературном языке означало «прямой», «правильный, справедливый». Например, «*Бәдбәхет! Тугры сөйлә, сине утерәбез!*» – *диде*. («Негодяй! Скажи прямо, не то мы тебя убьём! – сказал он.») («Мәжмугыл хикәят»); *Атаңыздан башка берәүдән дә (бик якын кешеgez булса да) һичнәрсә сорамаңыз, чөнки кем тугры килде аннан эйбер сорамак кызларның күңеле бозылуга сәбәп улыр*. (Ни у кого, кроме отца (даже у самого близкого человека) ничего не спрашивайте, так как просящих у кого попало девушек портится настроение.) (Р. Фәхредин) В процессе развития языка от слова *тогру* < *тугры* произошло слово *туры*.

В современном татарском литературном языке неверно рассматривать слово *тугры* как синоним слова *туры*. Поскольку они различаются по смыслу, между ними возникли семантические различия (*тугры* – верный, преданный; надёжный (верная жена), *туры* – прямой (прямая линия)).

Слова *сөйләм* – *сөйләк* (речь – короткий устный рассказ) имеют одинаковый корень. Слово *сөйләм* означает «язык как средство общения; высказывание или слово для выражения мнения; стиль». Слово того же корня *сөйләк* означает: один из жанров прозы в народном творчестве; повествование о событиях, в которых участвовал рассказчик; о событиях, которые он видел или слышал; о событиях относительно недавнего времени» (Литературоведческий словарь, 1990: 176).

2. Слова, употребляемые в современном татарском литературном языке, паронимичность которых может быть определена только посредством этимологического анализа. Так, между словами *авыл* – *авыз* имеется этимологическая связь. Слово *авыл* (село) тоже восходит к древнему *агыл* и означало «место, предназначенное для сбора скота на открытом воздухе». Исторические чередования согласных в словах явились следствием конверсии глаголов в имена существительные: *агыл* (плыть,

течь) – *авыл* (деревня), *агыз* (лить) – *авыз* (рот): *агыз* – орган для вливания внутрь, *агыл* – место, где течёт.

Рассмотрим в качестве примера следующие паронимы: *таш*- – *тыш* – *тиш*. Слово *тыш* (пространство или место вне помещения; двор, улица, подворье) в древнетюркском языке имело форму *таш*- (глагол) (Серебренников, 1980: 26). В словаре М. Кашгари имя существительное *таш* зафиксировано в значении «снаружи», «внешняя сторона», в современном татарском литературном языке глагол *таш*- выражает значение глагола *ташы* (выноси) (ДТС, 1969: 540).

Следовательно, корень глагола *ташу* в современном татарском литературном языке образовано от имени существительного в результате чередования *ш* ~ *ч*, и, связанные одним корнем, они создают паронимическую пару. Наблюдается семантическая общность и между словами *тыш* и *тиш*- (продырявить; сделать дыру; отверстие). В развитии тюркских языков известны переходы: *а* ~ *ы*, *а* ~ *э*, *э* ~ *э*, *ы* ~ *э*. Уже в древнеуйгурских памятниках письменности, в словаре М. Кашгари глагол *теш*- зафиксирован в значении «продырявить; сделать дыру; отверстие», имя существительное *тешук* имело значение «дырка» (ДТС, 1969: 555).

3. Слова, будучи паронимами в историческом прошлом, утратили значение паронима в современном литературном языке. Этимологический анализ позволяет выявить образованные от одного корня паронимические гнезда. Однако было бы ошибочным считать, что с развитием языка число паронимов только увеличивалось. Как известно, в процессе развития языка появлялись новые слова, а некоторые из них устаревали или выходили из употребления. Так, известно, что некоторые варианты паронимов, обнаруживаемые в ходе этимологического анализа, уже не используются в современном татарском литературном языке. Например, некоторые пары паронимического гнезда *шыр* – *сыз*, *чыр* – *яз* остались в далеком прошлом. И даже сегодня с точки зрения современного языка паронимичность слов *шыр*- – *сыр*- – *сыз*- – *чыр*- – *яз* также не вполне ясна. В результате присоединения аффикса *-ны* к корню *шыр*- образовано слово *шырны* (спичка). С помощью этого же аффикса в татарском языке образованы и слова *курны* (отава – трава, выросшая после косовицы; ростки, побеги вокруг пня спиленного дерева), *кырны* (белуга (рыба)), *керпе* (ёж), *чулпы* (этногр. накосник; диал. шумовка, дуршлаг из прутьев) (Ганиев, 1974: 141). Слово *шырны* в татарском языке имеет значения: «гвоздь из твердого дерева, древесная стружка» (Татар теленең анлатмалы сүзлеге, 2021: 530). Это указывает на то, что семантика слова *спичка* связано с деревом и свойством воспламеняться.

Исследование паронимов восходит к исторической лингвистике. В этом отношении особое внимание привлекает историческая фонетика.

В результате исторических чередований звуков в современном татарском литературном языке появились орфоэпические варианты. Например, *мен-гезү // менгерү* (поднимать), *дурчмак // дучмак* (мучное блюдо), *кидер // кигер // кигез* (одень), *шуңар // шуңа* (ему) и т. д. Например, слова *жуялу – югалу* (теряться) считаются однокоренными и многозначными. Слово *жуялу* можно встретить в литературных произведениях начала XX века, в частности, в произведениях Ф. Амирхана: *Бу сүзегез белән сез минем иң бәхетле уздырган төшемне жуялтасыз бит...* (Этими словами вы ведь лишаете меня самых счастливых снов...) (Ф. Амирхан); *Минем зиһенемдә кызыл ком белән түшәлеп тора торган юллар хәзер каядыр киткәннәр, жуялганнар, анлар урынында әрекмәннәр, кычытканнар үсеп утыра торган бер ямьсез буталчыклык калган иде.* (В моей душе дороги, вымощенные красным песком, сейчас куда-то исчезли, пропали, а на их месте теперь заросшие лопухами и крапивой неухоженные места.) (Ф. Амирхан) Несмотря на то, что слово *жуялу* в современном татарском литературном языке не употребляется, поскольку устарело, слова *жую* и *югалу* сохранились. Они различаются валентностью. Например, слова *жую* и *югалту* способны одинаково сочетаться с объектом в винительном падеже: *акылын жую* (лишиться разума), *эйберне жую* (потерять вещь); *акылын югалту* (сойти с ума, лишиться рассудка), *эйберне югалту* (потерять вещь). Однако для выражения субъектных и безличных отношений слово *жую* не употребляется. Для выражения действительного залога используется слово *югалу*: *Ул каядыр китеп югалды.* (Он куда-то ушёл и пропал.)

В процессе развития языка нередки случаи возникновения реальных лексических различий между вариантами, образованными в результате исторических чередований. Если рассматривать образование паронимов в диахронии, то тут наблюдается явление расширения объёма содержания слова в сочетании с фонетическими чередованиями. В строчках знаменитого стихотворения Дэрдменда «Кораб» («Корабль») «*Төн вә көндөз Ул йөрәдер...*» (Днём и ночью он бороздит моря) слово *йөрәдер* (ходит) означает «плывёт, бороздит водную гладь», т. е. произошло расширение значения слова. И для того, чтобы не возникло путаницы между словами, они были формально фонетически дифференцированы.

В результате фонетических чередований появились и следующие паронимические пары: *иш* (пара, ровня, чета) – *ил* (страна, родина), *яшь* (молодой, юный) – *ел* (год), *бикә* (госпожа, барыня; богатая дама) – *бичә* (жена, замужняя женщина), *касмак* (поскрёбки, оскрёбки, нагар) – *каймак* (метана, сливки), *күр* (видеть; смотреть) – *күз* (глаз), *сыр* (нарезка, нарез, резьба) – *сыз* (чертить) и т. д. Некоторые из них отличаются лишь стилистическим использованием или смысловыми оттенками. Так, например,

в ряду стилистических пар *угылы – улы* (его сын), *олуг – олы* (великий, величественный), *ыруг – ыру* (племя, род) первые относятся к высокому стилю и потому произносятся по-старинному, с предельно чётким проговариванием всех звуков, а вторые – к общеупотребительным словам.

В современном татарском языке немало слов, заимствованных из других языков, и прежде всего арабо-персидских заимствований, вошедших уже будучи в паронимических парах. Например, таковыми являются арабо-персидские заимствования: *нәшер* (распространение) – *нашир* (распространяющий), *галым* (знающий) – *гыйлем* (знание), *хөкем* (суждение) – *хаким* (судья), *гарыз* (прошение) – *гариза* (заявление) и т. п.

Встречаются также паронимы, образованные на базе татарского языка путём фонетико-семантических изменений. Рассмотрим, к примеру, слово высокого стиля *гакыл* (разум), которое в начале XX века было в широком употреблении: *Картның шулкадәр гакыллы сүзенә исем китте.* (Таким разумным словам старика я был изрядно удивлён.) (Г. Исхаки); *Инде аңарга ышанмасаң, хужабыздан сора, ул – гакыл чиймәсе, ул бу сүзенә гаҗәпкә калыр.* (Если же ты не веришь ему, то спроси нашего хозяина, он – источник разума, он будет поражён твоим словом.) (Ф. Амирхан); *Тукта инде, гакыллы бул. Мә, алай булса, үз читегемне бирәм.* (Подожди уж, будь разумным. На, в таком случае, возьми, отдаю свои сапоги.) (Г. Исхаки) Однако в начале XX века, в ходе формирования национального литературного языка, стал преобладать фонетически изменённый вариант *акыл* (ум), присущий разговорному стилю, что привело в конечном итоге к их различению в сфере употребления. Но для выражения уважения к умному человеку, в татарском языке торжественно и интеллигентно употребляют слово *гакыл*. В разговорной речи, при описании бытовых ситуаций употребляется слово *акыл*. *Шулкадәр акыллы планым да эшкә ярамады бит!* (Настолько умный мой план ведь так и не сработал!) (Ф. Амирхан); *Тирә-якта асыллыгы, сыдулыгы белән генә түгел, әҗиңел, әҗитез, килешле һәм акыллы уйнавы белән минем Алмачуарга тиңдәш булырлык колын күренми дә, ишетелми дә.* (В округе не видно и не слышно ни об одном жеребёнке, подобного моему Алмачуару не только по благородности, красоте, но и лёгкости, ловкости и умной игре.) (Г. Ибрагимов)

Претерпевшее фонетическое изменение на базе татарского языка заимствование может передать новой лексеме, образованной уже в татарском языке, и своё реальное значение. Например, от слова *хәзер* образовалось слово *әзер*, значения которого: 1. приготовленный, в готовности, 2. то, что находится перед глазами, кто был там, 3. в настоящее время, нынче, теперь, сейчас, это самое время (Арабско-персидско..., 1993: 644).

В современном татарском литературном языке слово *хэзер* сохранило только третье значение: *Инде хэзер бик популярлашып барган, киләчәге өметле булган бу драматург белән танышырга, аралашырга теләүчеләр шактый иде.* (Уже сейчас было много желающих познакомиться и пообщаться с драматургом, пользующимся огромной популярностью и подающим большие надежды.) (Ф. Байрамова); *Актау артына эленеп кенә калган кояшның нурлары сүлтән хэзер, яктыртмый да, жылытмый да.* (Солнечные лучи, только что повисшие за Актау, теперь приглушены, не освещают и не греют.) (Х. Сарьян)

Значение «то, что находится перед глазами, кто был там» употреблялось в историческом прошлом языка. Сегодня в татарском литературном языке это значение архаичное. Первоначальное значение, то есть «приготовленный, в готовности», выражалось словом *хэзер*: *Корал хэзер иттеләр, кичәдән иртәнгәчә сөрделәр.* (Орудие в готовности, заряжали с вечера до утра.) (К. Насыри). Например, у Г. Исхаки слова *эзерләну* и *хэзерләну* имеют одинаковое значение: *«Йа Раббым! Бәхетемне ким кылма!» – дидем дә, батыраеп, күрешергә чыгарга эзерләндем... Андагы үләннәр дә бик матураеп, үсәргә хэзерләнеп торалар.* («О Господи! Не лишай меня счастья!» – сказал я и, осмелев, приготовился к выходу... И травы там прекрасны, готовы прорасти.)

Позже произошел распад слова *хэзер* на две отдельные лексемы. Значение «приготовленный, в готовности» в татарском языке стало выражаться словом *эзер* с изменённым звуком, тем самым оно приобрело и это дополнительное значение: *Кайта – ашарына эзер, китә – хатыны хэстәрләп озатып кала. Тагы ни кирәк ир уртасы кеше өчен?* (Возвращается – еда готова, уходит – жена заботливо его провожает. Что ещё нужно для мужчины средних лет?) (Ф. Байрамова); *Рәдиф тә, мин дә ул чакта борыннарыбызга кызлар исе кергән, кызлар дигәндә жәһәннәмнең аргы ягына барып чыгарга эзер торган егетләр идек инде.* (И Радиф, и я были в то время юношами, впервые услышавшими запах девушек, и когда речь заходила о них, мы готовы были идти на край света.) (В. Нуруллин)

Войдя в татарский язык, некоторые заимствованные слова не только передали смысл другой лексеме, претерпевшей фонетические изменения, но и расширили его реальное лексическое значение.

В современном татарском языке есть арабизм *зиярәт*, означающий «увидеться, здороваться, поздороваться, посетить с целью справиться о здоровье»: *Анда аның авторы, яңа ачылган мәдрәсәгә барып чыгып, шул зиярәте турында язган иде.* (Там его автор, посетив вновь открывшееся медресе, написал об этом визите.) («Татарстан яшьләре»); *Соңыннан халык, тәкбир әйтә-әйтә, бинаны зиярәт итәргә китте.* (После этого жи-

тели, повторяя *такбир* (возвеличивание (*бога*)), отправились осмотреть здание.) («Азатлык», 1999, 26/8)

В татарском языке слово *зиярэт* расширило своё значение: от слова было образовано новая лексема *зират* со значением «кладбище»: *Зиярэт кылырга хэтта Калмаган зиратлары...* (Чтобы посетить святые места, даже кладбищ не осталось.) (Р. Гариф); *Япония башкаласы Токио шәһәр зиратында күмелгән авылдашыбыз Нәжметдин...* (Наш односельчанин Назметдин похоронен на городском кладбище в Токио, столице Японии...) («Нур»)

В настоящее время русские и европейские заимствования занимают определённое место в словарной сокровищнице татарского языка, среди которых довольно часто встречаются близкие по звучанию слова.

Сходные по звучанию слова широко освещены в теоретических трудах по русскому языку (Гвоздев, 1955; Вишнякова, 1984 и т. п.), значительная часть которых была зафиксирована в словарях (Колесников, 1994), из них можно почерпнуть немало информации и о том, как они проникли в татарский язык.

§ 28. Функционально-стилистические особенности употребления паронимов в речи. Явление паронимии

Сфера употребления паронимов не ограничена. Они появляются в речи носителей языка в результате неуместного употребления слов со сходным звучанием из-за непонимания их значений, сильного влияния диалектных особенностей, не всегда ясного представления этимологии этих слов. Наблюдаются случаи смешения в словах. Например: *эзлексез* (непоследовательный) – *өзлексез* (непрерывный), *юну* (тесать) – *юйну* (мыться), *туры* (прямой) – *тугры* (верный), *изгелек* (святость) – *игелек* (доброта, добродетельность), *ахиый* (походить) – *оый* (нравиться) и т. д.

В связи с тем, что устаревшие слова, особенно арабо-персидские заимствования, стали вновь употребляться, то в последние годы количество слов со сходным звучанием увеличилось: *мэгърур* (гордый) – *мэгъмур* (дансыз), *гыйбрэт* (назидание) – *гыйбарэт* (состоит из...), *мәрхүм* (покойный) – *махрүм* (обездоленный), *шәрғый* (шариатский) – *шәркый* (точный), *бәрәкәт* (изобилие) – *бәраәт* (невиновность) и т. п. Поскольку между паронимами существует смысловая общность, стилистические ошибки в целом не наносят серьезного логического вреда общению. Однако отклонение от литературной нормы свидетельствует о недостаточном уровне культуры речи, как, например, в предложении со стилистической ошибкой: *Еракта түгел баганага кадакланган юл күрсәтүче күзгә чалынды*. (Недалеко оказался прибитый к столбу дорожный указатель.)

Употребление сочетания *юл күрсәтүче* уместно только по отношению к человеку, а указательный знак вдоль дороги называют *юл күрсәткече*.

Паронимы широко используются и как средство описания. Чаще всего они встречаются в произведениях народного творчества и поэзии, где широко употребляются для построения внутренней и внешней рифмы.

Использование паронимов в стилистических целях называется паронимазией. Паронимазия, паронимасия или анноминация (греч. *para* – около, возле и *onomazo* – называю) – стилистический приём, построенный на специфическом соседстве двух слов, то есть паронимов, имеющих сходное звучание или частично совпадающих по морфемному составу.

Паронимазия увеличивает образность речи. Например, *Ит ашасаң тешкә керә, ашамасаң, төшкә керә*. (Поешь мяса – забьётся в зубы, не поешь – во сне пригрезится.) (Пословица); *Кыңгыр салып коңгыр шлемнарны*. (Надев набекрень коричневые шлемы.) (Ш. Маннур); *Чулман өсләрендә Чулпан яна, офыкта*. (букв. Над Камой горит Венера, на горизонте.) (Ф. Сафин)

Между паронимасами нет смысловой общности. Найти смысловую близость с мнимыми ассоциациями также непросто, поскольку паронимазы – это слова, выражающие разные понятия и не имеющие этимологической общности.

Согласно источникам основного лексического состава языка, в синхроническом плане паронимазы можно разделить на следующие типы:

1) паронимазы собственно татарского языка (*эстәү* (искать, выискивать; просить; просить милостыню; желать, пожелать кому, что) – *өстәү* (добавлять, начислять);

2) паронимазы между русскими и европейскими заимствованиями (*шифр* – *шифр*);

3) паронимазы между арабо-персидскими заимствованиями (*гыйбарә* (изречение) – *гыйбарәт* (состоит из ...) – *гыйбрәт* (поучение) – *гыйбри* (древнееврейский); *мәгърифәт* (просвещение) – *мәгъфирәт* (миловать);

4) межъязыковые паронимазы: *азан* (у мусульман: приглашение к богослужению) (араб.) – *азат* (свободный, вольный) (перс.) – *азот* (европейское заимствование) – *озат* (собственно татарское слово, проводи) и др.

Как известно, человек познает окружающий мир, сравнивая знакомые ему вещи с уже знакомыми. Так, при первой встрече он воспринимает собеседника как знакомого, к которому переходят те же чувства симпатии или антипатии, что он испытывает к своим знакомым. Однако подобные сравнения и сопоставления могут приводить к ошибкам. Аналогичная ситуация складывается и при изучении языков, когда учащийся воспринимает незнакомое ему слово, исходя из собственных знаний

о слове, внешне сходном с ним. Такие «психологические контакты» напоминают ошибки в области паронимазии.

Паронимазы собственно татарского языка можно разделить на следующие виды: 1. Паронимазы, возникшие в результате смешения, которое возможно под влиянием следующих фонетических закономерностей, присущих татарскому языку:

1) ассимиляции: *кызса* (если накалится) – *кысса* (если сожмет), *сүзсез* (без слов) – *сүссез* (без волокна) (не следует смешивать с сочетанием глухих согласных); *ун каен* (десять берез) – *уң каен* (правая береза), *балан көе* (мелодия калины) – *балаң көе* (мелодия твоего ребёнка) (возможно смешение с нёбными согласными) и т. д.;

2) сужения и расширения гласных: *бизер* (отвыкнет, остынет) – *бизэр* (украстит); *төзер* (построит дом) – *төзэр* (нацелит); *авар* (упадет) – глагол, *авыр* (трудно) – имя прилагательное; *сыяр* (поместится, уместится) – глагол, *сыер* (корова) – имя существительное и т. д.;

3) редукция, например, часто путают *юына* (моется) и *юна* (строга-ет). Так, начало стихотворения С. Рамиева: *Сызыла, сызыла, сызыла күңелем, / Сызыла бертуктамыйча, / Сызыла айлар, сызыла еллар, / Сызыла төн йокламыйча...* (Чертится, чертится моя душа / Чертится непрерывно / Чертятся месяцы, чертятся годы / Чертятся бессонные ночи.) – вошло в привычку писать как: «*Сызла, сызла, сызла, күңелем, / Сызла бертуктамыйча, / Сызла айлар, сызла еллар, / Сызла төн йокламыйча*». (Страдай, страдай моя душа / Страдай непрерывно / Страдай месяцами, страдай годами, / Страдай ночами без сна.). В этом случае, наряду с сокращением гласного, к смешению двух слов привела и недостаточная проработка специфики арабской графики (отсутствие в арабском алфавите букв **ы**, **е**);

4) влияние диалектов. Например, в мишарском диалекте ввиду особенности губной артикуляции возможно смешение слов, поэтому представители этого диалекта могут не различать слова *өзлексез* (непрерывно) и *эзлексез* (непоследовательно, нелогично). Кроме того, подобное смешение часто встречается и под влиянием монофтонгизации дифтонгоидов. В средних диалектах наблюдается произнесение гласного **и** вместо **э**: *эре – ире* (крупный), *энэ – инэ* (игла) и т. д. Такие случаи могут создавать паронимазы, в результате чего в сознании слушателей, не владеющих татарским языком, может возникнуть смысловая путаница. Так, предложение «*Ире булган икән бу*» можно понять двояко: 1. Оказывается, этот человек был её мужем. 2. Оказывается, вещь была крупной.

2. Пути возникновения межъязыковых паронимазов:

1) паронимы, различающиеся произношением гласных звуков. Наблюдаются следующие случаи:

а) парономазы, различающиеся двояким прочтением буквы **а (а)**: *бал, тара, бар*; б) парономазы, различающиеся двояким прочтением буквы **ы (ы)**: *сыр* – тюркско-татарское слово: *күлмәк сыры* (украшение, узор платья) и сыр (заимствованное слово): *ашыйсы килгәнем – сыр* (я хотел бы поесть сыр); в) парономазы, различающиеся двумя вариантами прочтения буквы **о (о)**: татарское слово *тол* (*тол хатын* (вдова) и европейские заимствования *тол* (взрывчатка).

2) парономазы, различающиеся произношением согласных звуков:

а) тюрко-татарские слова и русско-европейские заимствования, различающиеся двояким прочтением буквы **к (к)**: *канау* – тюрко-татарское слово (*борын канау* – кровить (о носе) и заимствованное имя существительное *канау* (канава); *бак* – форма повелительного наклонения тюрко-татарского происхождения (смотри) и заимствование *бак* в значении ‘сосуд для воды’;

б) Парономазы, различающиеся двумя типами прочтения буквы **т (т)**: *тир* – тюрко-татарское слово (пот) (*Тир буленеп чыгу организмга бик файдалы, диләр.* – Говорят, что выделение пота благотворно влияет на организм.) и *тир* – европейское заимствование (*Тирда атарга өйрәндем.* – Научился стрелять в тире.) Эти парономазы обнаруживают различие в окончаниях в рамках парадигмы словоизменения: *тирга барган* (ходил в тир) – *тиргә баткан* (вспотел).

В художественной речи парономазы выполняют следующие стилистические функции:

1) в поэзии используются для построения внутренней и внешней рифмы: *Синдә мәллә чал тарихның гәүһәр таишы, / Матурлык һәм батырлыкның йөзек каишы.* (В тебе ли драгоценность древней истории / оправа, камень красоты и мужества.) (С. Поварисов);

2) встречаются в виде игры слов (каламбура): *Исәннәрнең кадерен бел, үлгәннәрнең каберен бел.* (Дорожи живыми, помни о мёртвых.) (Пословица);

3) в речи созданию неологических паронимастических пар способствует желание придать речи юмористический оттенок, блеснуть остроумием, проявить находчивость: *Бала уйный балалайка, / Бабай уйный – / Бабалайка!* (Ребенок играет на балалайке, / Дедушка играет – / на бабалайке!) (Ш. Галиев);

4) в публицистике парономазы или образованные на их базе новые слова в рифму используется в качестве названия газетно-журнальных рубрик: «Игезәк-тигезәк» («Идел»), «Жавап-савап» (Ответ-воздаяние) («Мәдәни жомга») и т. п.;

5) новые фразы, образованные наподобие какого-либо слова, выступают средством демонстрации смекалки и остроумия и таким образом

привлекают внимание слушателя: *Хорейлы* (хорей – двусложный стихотворный размер) *юл сиңа, яшь иптәш*. (Молодой товарищ, вот тебе строка с хореем.) (Ф. Шафигуллин);

б) в произведениях художественной литературы для того, чтобы показать, что персонажи – обычные рабочие, обычные люди, не понимающие иноязычных слов, используются паронимазы: *Кузәнә тавык тизгәге сылап, сугышка бармады. Дизинтир ул, кабахәт!* (Намазав на глаза куриный помёт, он не пошёл на войну. Дизинтир он, подлец!) (Р. Батулла)

Таким образом, паронимазы занимают видное место в лексической сокровищнице нашего языка. И для того, чтобы их не смешивать, необходимо обращаться к широкому контексту (этимологии слова, произношению, написанию, морфологическим и стилистическим особенностям).

В заключение хочется заметить, даже если на первый взгляд покажется, что проблем с различением паронимазов в татарском языке нет, однако следует помнить о возможном смешении слов в синхронии и диахронии или в сопоставлении диалектов с литературными нормами.

Поскольку паронимы этимологически восходят к одному корню и основаны на расширении значения и смысловом переносе, являются результатом многозначности и конверсии, а паронимазы сходны с омонимами, то ошибки, допущенные в двух этих явлениях, по-разному влияют на коммуникацию. В результате отсутствия между паронимами смысловой и этимологической близости в силу её утраты (что возможно), возникают и стилистические ошибки в сфере их употребления, которые наносят логический ущерб взаимопониманию.

Синонимия в татарском языке

§ 29. История изучения синонимов в языкознании

В научных трудах по языкознанию накоплен достаточно богатый материал, посвящённый изучению синонимии. В них рассматриваются вопросы, определяющие сущность данного явления, критерии выделения синонимов, особенности их образования и употребления в различных языках. В силу того, что явление синонимии встречается на разных уровнях языка, в трактовке его сущности также наблюдаются разночтения. Как известно, синонимии можно встретить не только на лексическом, но и грамматическом и словообразовательном уровнях, однако не везде она имеет одинаковую природу.

В языкознании существует два различных направления, определяющих сущность явления синонимии. Представители первого направления (А. Б. Шапиро, А. Н. Гвоздев, Л. Н. Саркисова, П. С. Александров и др.) называют синонимы единицами, сходными по значению, но

различающимися оттенками значений, представители второго (В. В. Виноградов, Е. М. Галкина-Федорук, Л. А. Булаховский, Н. М. Шанский, Д. Э. Розенталь и др.) делают основной акцент на семантическом тождестве. И если первые отрицают семантическую тождественность, т. е. свойство синонимичных слов полностью и свободно заменять друг друга, то вторые ставят её в основу синонимии.

Один из авторов лингвистической теории «Смысл ↔ Текст» известный учёный Ю. Д. Апресян указывает главным недостатком этого направления отсутствие точных методов сравнения значений синонимов (Апресян, 1995: 4).

Несмотря на наличие в языкознании различных определений и критериев, объединяющим моментом большинства исследований в этой области является признание лексико-семантического тождества слов, при этом большинством учёных подчёркивается наличие различий в семантических оттенках и стилистическом употреблении слов-синонимов.

В языкознании наблюдается различие мнений и в определении отдельных моментов, касающихся основных признаков синонимов. Например, Р. С. Гинзбург указывает, что слова-синонимы сходны в денотативном значении, но различаются стилистическим компонентом (Гинзбург, 1978: 22); другая группа учёных рассматривает в качестве синонимов слова, выражающие одно и то же понятие, способные равноценно заменить друг друга, не причиняя вреда предметно-логическому содержанию (П. С. Александров, Т. И. Арбекова и др.); В. А. Звегинцев, предлагая синхронный подход к объяснению значения слова, определяет синонимы через тождество сочетаемости у разных слов на данном этапе развития языка (Звегинцев, 1963: 31); И. В. Арнольд указывает, что синонимы принадлежат к одной части речи, близки или тождественны по предметно-логическому значению хотя бы в одном из своих лексико-семантических вариантов и что для них можно указать контексты, в которых они взаимозаменяемы (Арнольд, 2002: 180).

Немало споров среди лингвистов вызывает и проблема выделения абсолютных синонимов. Большинство определяет их как один вид синонимов, но ряд учёных (Р. С. Гинзбург (1966), В. Г. Вильюман (1980) и др.), учитывая их семантическое и функциональное тождество, считают, что абсолютных синонимов нет.

Вопросы синонимии в тюркских языках рассматриваются в трудах Н. А. Баскакова, Н. З. Гаджиевой, Л. С. Левитской, Б. А. Серебренникова, А. А. Юлдашева и др. В татарском языкознании синонимия считается достаточно изученной.

Богатство синонимического ряда татарского языка отражено в произведении К. Насыри «Кабуснам» и его словарях. Так, при составлении

словаря «Ләһжәи татари» («Татарские наречия») учёный акцентировал внимание на синонимическом приёме толкования слов татарского языка и заимствований.

В 1933 году в журнале «Мәгариф» («Образование») была опубликована статья Х. Салима «Бездә синонимнар һәм алар өстендә эшләү» («Наши синонимы и работа над ними»), которая явилась первым трудом, посвящённым изучению синонимов татарского языка. Замечая, что данная группа единиц в татарском языке недостаточно исследована, а определения, существующие в русском языке, требуют некоторого уточнения, автор предлагает собственное определение синонимов и выделяет их специфические черты.

В 1940 году вышли в свет две статьи В.Н. Хангильдина, посвящённые экспрессивно-стилистическим особенностям синонимов, их происхождению. Автор приводит достаточно подробные сведения как о смысловой стороне синонимов, так и о словах-доминантах. Именно эти статьи в дальнейшем послужили толчком к началу исследований синонимов в татарском языке.

В конце 40-х годов XX века вопрос о синонимах стал подниматься в трудах известного писателя, ученого Ш. А. Рамазанова. В опубликованной в 1954 году работе «Татар теле буенча очерклар» («Очерки по татарскому языку») достаточно полно освещаются различные аспекты татарской лексикологии, в том числе вопросы синонимии. Учёный даёт следующее определение синонимичным словам: «синонимы в целом это слова, выражающие одно и то же понятие, но имеющие различное звучание». По мнению Ш. А. Рамазанова, появление синонимов в татарском языке было обусловлено рядом причин, в том числе взаимодействием лексики книжного стиля с народно-разговорной и диалектной лексикой.

Следует отметить и опубликованный в 1956 году труд Х. Р. Курбатова «Татар теленең синтаксис һәм стилистика мәсьәләләре» («Вопросы синтаксиса и стилистики татарского языка»), в котором особое внимание уделяется стилистической функции синонимов.

В области исследования синонимии татарского языка особое место занимает деятельность Ш. С. Ханбиковой. Опубликованные в период с 1950 по 1980-е годы труды учёного, а также диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук «Татар телендә синонимнар» («Синонимы в татарском языке») по праву считаются фундаментальными разработками в области синонимии в татарском языкознании. Ш. С. Ханбикова является и автором первого словаря синонимов, а её труд «Синонимия в татарском языке и словари», изданный в 1989 году, до сих пор принято считать результатом наиболее полного освещения вопросов синонимии татарского языка.

Ф. С. Сафиуллина обогатила изучение синонимов новыми научными достижениями, которые нашли отражение в её учебниках по лексикологии татарского языка. Кроме того, в 1999 году в соавторстве с Ш. С. Ханбиковой учёным издаётся «Синонимнар сүзлеге» («Словарь синонимов»), где было собрано около 4500 синонимических гнезд, используемых в современном татарском языке. В словаре слова-доминанты представлены в переводе на русский язык, в конце есть указатель слов.

В трудах Г. Ф. Саттарова обстоятельно изучены вопросы синонимии ономастических единиц татарского языка.

В 2009 году вышла в свет монография Г. К. Закировой «Синонимы в тюрко-татарских письменных памятниках периода Золотой Орды». Труд отличается своей научной и практической значимостью. В данной работе подробно и последовательно излагаются вопросы изучения синонимов в современной тюркологии и татарском языкознании, теоретические сведения по данному вопросу, проблемы исторической лексикологии, формирования и развития синонимического фонда татарского языка.

Значительная часть опубликованного в 2010 году научного труда И. Б. Башировой «Татар әдәби теле. Семасиология» («Татарский литературный язык. Семасиология») посвящена синонимам. Автор останавливается на проблемах синонимии, наблюдаемой в различных лексических пластах татарского языка, степени их изученности. Учёный даёт глубокий анализ проблем, связанных с особенностями употребления синонимов, сходством их значений, семантических связей в синонимическом ряду на материале различных групп лексики татарского языка.

Вышедший в свет в 2015 году I том «Татар лексикологиясе» («Лексикология татарского языка») представляет собой научное исследование, в котором объединены результаты изучения синонимов в татарском языкознании, достижения общей лингвистики в этой области.

Кроме перечисленных трудов, в современном татарском языкознании есть работы, в которых, наряду с изучением лексики, стилистики, поэтики, грамматики, наблюдается интерес и к синонимам.

§ 30. Общее определение явления синонимии

Синонимия – тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений (Языкознание, 2000: 446). Синонимия является лексико-семантическим единством, объединяющим интегральную и дифференциальную семы. Всесторонне отражая особенности объективных явлений действительности в языке, лингвистическая природа синонимии определяется близостью, сходством языковых единиц между собой. Хотя явление синонимии наблюдает-

ся в различных пластах языка (например, между словами, морфемами, синтаксическими конструкциями, словосочетаниями и предложениями), обычно термин часто используется в связи с лексической синонимией.

Лексическая синонимия и семантически, и функционально является наиболее распространённым явлением в языке.

Семантическая сущность лексической синонимии построена на полном смысловом тождестве лексических единиц (*тел белеме* (языкознание) – *лингвистика*), тождестве отдельных значений (*өмет* (надежда) – *ышаныч* (вера)), тождестве отдельных сем (*чишимэ* (родник, ключ) – *чыганак* (источник)). С функциональной точки зрения основная сущность синонимии заключается в способности языковых единиц заменять друг друга, вносить уточнения.

Синонимические единицы используются для того, чтобы избежать повторения слов в рамках одного контекста, соблюсти стилистическое единообразие. Например, *Башына килгән бөтен уй-хыялы сибелде, таралды, фикер жеп очы кулыннан ычкынды*. (Все мысли и мечты, что приходили ему в голову, спутались, разбежались, нить мысли ускользнула.) (М. Хабибуллин); *Бу серләр аны кайчак шатландыра, сөендерә, канатландыра, ә кайчак куркыта иде*. (Эти тайны его иногда веселили, радовали, окрыляли, а иногда пугали.) (Г. Абсалямов). Основными признаками, характеризующими явление лексической синонимии, являются уточнение оттенков значения и стилистические функции. Именно на их основе устанавливается своеобразная связь между сходными по смыслу словами.

Синонимами (греч. *synonymos* – одноимённый) называют слова, сходные оттенками значений или совпадающие по смыслу. Между синонимичными словами существуют парадигматические отношения.

Для слов в синонимической парадигме общим, объединяющим их признаком является тождество, сходство, а дифференциальная особенность проявляется в их различии по звучанию или написанию и функционально-стилистическом различии.

Синонимическую парадигму традиционно называют также термином синонимический ряд (гнездо). Слова, входящие в состав синонимической парадигмы, в процессе исторического развития языка оказываются семантически тесно связанными друг с другом, смысловая общность слов этого типа зачастую понимается независимо от контекста. Например, *ожмах – жәннәт* (рай); *бабай – дәү эти – карт әтә* (дедушка); *барлыкка килү – яралу – дөньяга килү – туу* (родиться, зародиться) и др.

Действительно, синонимы, имея семантическую общность, различаются только смысловыми оттенками, стилистическим оформлением, объёмом экспрессии. Лексические синонимы относятся к одной и той же части речи,

называют одно понятие по-разному, но отличаются друг от друга смысловыми оттенками или стилистической окраской: *искиткеч* (удивительный), *шаккаткыч* (поразительный, ошеломляющий), *гажэп* (изумительный, необычный, дивный, поразительный), *хэйран калырлык* (изумительный), *таң калмалы* (потрясающий), *уш китмәле* (умопомрачительный).

В составе синонимической парадигмы выделяется слово с наиболее общим значением – доминанта. Доминанта (лат. *dominans* – основной, доминирующий) – слово, объединяющее все слова синонимического гнезда, выражающее общее понятие и являющееся словом, продуктивно употребляемым в языке, стилистически нейтральным. Например, в синонимическом ряду: *кодрәт* (сила, мощь), *куәт* (сила, мощь, могущество, здоровье), *көч* (сила, мощь, могущество), *дәрман* (сила, мощь), *хәл* (состояние), *жәгәр* (сила, энергия), *гайрәт* (мощь, грозная сила) только слово *көч* объединяет в себе смыслы всех слов синонимического ряда, свободно используется в различных стилистических пластах языка, имеет нейтральное значение, в языке продуктивно, активно употребляется. В зависимости от размера синонимической парадигмы, доминантной может быть одно или два слова.

Лексическая синонимия – область, связанная с явлением многозначности в языке. Известно, что подавляющее большинство слов, входящих в состав синонимической парадигмы, являются многозначными. Однако следует помнить, что отдельные значения многозначного слова могут существовать в составе различных синонимических парадигм и эти парадигмы могут пересекаться не во всех случаях. Для примера возьмём слово *түгәрәк*. В «Толковом словаре татарского языка» зафиксированы следующие его значения: **1.** 1) поверхность, границы которой имеют форму круга; 2) строение, вещь в форме круга; 3) *перен.* Тесно связанная между собой группа людей, среда; 4) организация людей, занимающихся определённым видом деятельности; 5) окрестная, окружающая обстановка, среда. **2.** прил. 1) в форме круга или близкого к нему; 2) округлый, толстый; 3) *перен.* во всех отношениях полный, обеспеченный и т. д. (Татар теленең аңлатмалы сүзлеге, 2019: 838). Почти во всех приведённых примерах есть своя синонимическая парадигма, каждая из которых, в свою очередь, имеет самостоятельную группу, построенную на семантическом сходстве: значение синонимов *түгәрәк* (в значении 1.3) – круг, группа; *түгәрәк* (в значении 2.3) – полный, обеспеченный во всех отношениях и т. д. сопоставляется с доминантой.

Явление синонимии связано и с антонимией. В некоторых случаях синонимы вместо того, чтобы заменить друг друга, начинают выражать противоположные отношения: использованные в стихотворных строках *Безнең гомер уен түгел, бәйрәм түгел, / Ёнич кайгысыз кеше булса, адам*

түгел. (Наша жизнь не игра, не праздник, / Человек без печали – не человек.) (Г. Тукай) слова *кеше* и *адам* хотя и входят в одну синонимическую парадигму, однако в целях создания образа, экспрессии в рамках данного контекста выражают противоположный смысл.

Таким образом, лексическая синонимия образует лексико-семантическую систему, построенную на парадигматических отношениях между словами.

§ 31. Виды синонимов

Используемые в языке синонимы делятся на две группы. В первую группу входят языковые синонимы, которые обладают смысловым сходством, по-разному описывают одно и то же понятие, входят в состав синонимической парадигмы, фиксируются в словарях в качестве синонимов, независимо от контекста их смысловое сходство известно носителям татарского языка.

Вторую группу составляют контекстуальные синонимы (окациональные, авторские синонимы). Отличительные признаки контекстуальных синонимов следующие: 1) зависят непосредственно от контекста; 2) их семантика имеет индивидуальный характер; 3) ограничены в употреблении; 4) не представлены в словарях как отдельные лексические единицы; 5) передача точного смысла вызывает затруднения при переводе на другой язык. Обычно контекстуальные синонимы имеют экспрессивную окраску, так как их основная функция – не называть реально существующие явления, а давать им оценку, характеризовать их. Например, слова, выделенные в приведённом ниже контексте, обозначают разновидности болезни – *холера*, *хандра* – и вместе с введённым в этот ряд словом *идеализм* образуют синонимический ряд: *Эсселәр да безне сукмадылар. / Суыклар да тимәде безгә. / Холера да шылды. Хандрасы да. / «Идеализм» дигәннез да.* (И жара обошла нас стороной. / И холера ускользнула. И хандра. / И ваш «Идеализм».) (Х. Туфан)

Контекстуальные синонимы служат для создания образности и мелодики речи в литературных произведениях и в большинстве случаев имеют переносное значение. Возникновение контекстуальных синонимов связано с индивидуальным осмыслением говорящим, автором содержания высказывания, в соответствии с требованиями стиля или по другим причинам. Например, *Әгъләм абыйны юлында теш кайраган кешеләр булган икән. Дошманнары юктан вәсвәсә чыгаручылары табылды* (Оказалось, что на пути Аглыма-абый были люди, которые точили на него зуб. Нашлись те, кто усомнился в том, что у него нет врагов.) (Т. Галиуллин)

Часто употребляемое в одном контексте имя собственное и его наименование, пришедшее ему на смену, являются синонимами: *Менә шул*

вакытта Чулпанның гомер юлында Наил пәйда булды. Очраклы рәвештә генә каршыга чыккан бу чибәр, акыллы, итагатьле егет аны шундук әсир итте (Именно тогда в жизни Чулпана появился **Наиль**. Этот красивый, умный, послушный **юноша**, случайно оказавшийся на её пути, сразу же пленил её.) (Г. Гильманов)

Подавляющее большинство используемых в языке синонимов составляют языковые синонимы. Отличительных (дифференциальных) признаков языковых синонимов может быть несколько:

1) содержание (*агару* (белеть) – *чал керү* (появилась седина), *чал төшү* (поседеть));

2) стилевая принадлежность (*ду килү* (галдеть, шуметь; поднять суматоху), *дуамаллану* (безумствовать, сумасбродничать), *женләну* (беситься, буйствовать, прийти в бешенство, в ярость; взбелениться), *тилерү* (оглупеть, поглупеть, помешаться), *котырыну* (безумствовать, неистествовать) – свойственно разговорной речи);

3) эмоционально-экспрессивная окраска (ирония, ласка, гнев, неодобрение, неприязнь): *ду килү* (галдеть, шуметь; поднять суматоху) – *кираген бирү* (использовать, потребовать (что-л.) до полного удовлетворения), *тетмәсен тетү* (задать трёпку (кому)), *арт сабагын укыту* (сильно ругать, отшлёпать, проучить)).

Кроме того, языковые синонимы отличаются друг от друга как по структуре, так и по степени активности употребления в речи. Например, наряду со словами с синтетическим строением в синонимической парадигме присутствуют и аналитические структуры: *күндәм* (безотказный, послушный; уступчивый; сговорчивый; покорный) – *күнүчән* (сговорчивый), *карусыз* (не возражающий, послушный, безотказный), *карышмаучан* (человек, который не упрямится, не противится), *каршылыксыз* (беспрекословный; безоговорочный; без возражения), *тыңлаучы* (слушатель), *тыңлаучан* (послушный, дисциплинированный), *буйсынучан* (безропотный, покорный, послушный), *иккә килүчән* (податливый, поддающийся уговорам), *итагатьле* (послушный, покорный, безропотно повинующийся), *сүз кайтара белми торган* (безответный человек, не умеющий возражать), *тыңчан* (склонный подслушивать, подслушивающий), *баиш тартмый торган* (не умеющий отказывать). Слова *карышмаучан*, *тыңлаучы*, *тыңчан* входят в пассивный словарь языка.

Анализ структуры синонимической парадигмы в татарском языке позволяет обнаружить и другое явление. Так, обычно в татарском языке к синонимам относятся слова с разными корнями, однако подавляющее их большинство объединяются вокруг одного корня (основы). Подтверждая сказанное, приведём пример синонимической парадигмы, объединённой

доминантой *искиткеч* (изумительный, удивительный, дивный), в которую входят следующие синонимы: *искитәрлек* (удивительный), *искитәрдәй* (чудесный), *искитмәле* (великолепный), *гажәп* (изумительный, дивный, поразительный), *гажәеп* (изумительный, чудный, чудесный, замечательный, поразительный; разительный; небывалый, невиданный), *шаккаткыч* (поразительный, удивительный, изумительный, ошеломляющий), *шаккатарлык* (поразительный, удивительный), *шаккатырдай* (шокирующий), *шаккатмалы* (изумительный, ошеломляющий), *хәйран калырлык* (восхитительный, изумительный; изумительно, восхитительно), *хәйран калырдай* (изумлять / изумить, поражать / поразить, удивлять / удивить), *хәйран калмалы*, *сокландыргыч* (изумительный, дивный, восхитительный, очаровательный, чарующий; предик. сл. прелесть, загляденье), *соклангыч* (восхитительный, дивный, очаровательный, прелестный), *сокланырлык* (достойный восхищения (восторга)), *таң калырлык* (чудо, что-либо небывалое), *таң калмалы* (изумительный), *таң калырдай*, *һуш китмәле* (поразительный, удивительный, потрясающий, дивный, ошеломляющий), *һуш китәрлек* (поразительный, удивительный, потрясающий, дивный, ошеломляющий), *һуш жибәрмәле* (ошеломляющий, изумляющий, сводящий с ума) (Ханбикова, 1999: 46). В синонимической парадигме шесть основных единиц (*искитәрлек*, *гажәп*, *шаккаткыч*, *хәйран калырлык*, *сокландыргыч*, *таң калырлык*) выполняют функцию ядра, на основе которого словообразовательные и грамматические средства языка приводят к количественному росту синонимической парадигмы. Приведённые примеры отличаются друг от друга очень тонкими, порой едва уловимыми оттенками значений.

Таким образом, существенную роль в увеличении синонимического богатства языка играют не только лексический состав татарского языка, но и его грамматические средства.

Одна из самых распространённых функций языковых синонимов – эвфемистическая. Э в ф е м и з м а м и (греч. *euphemismos* – хорошо говорю) называют единицы, используемые вместо слов и выражений, не соответствующих этическим и нравственным канонам речи. Обычно эвфемизмы входят в синонимический ряд. Например, вместо слова *тазару* (стать толстым, тучным, упитанным) употребляют слова *түгәрәкләнү* (округлиться), *тулышу* (поправляться), вместо слова *үлү* (умереть) – *мәңгелек йокыга талу* (заснуть вечным сном), *күзләрен йому* (закрывать глаза), *китү* (уходить) и др. с целью соблюдения речевого этикета.

В зависимости от индивидуальных особенностей значений в языкознании выделяются такие виды синонимов, как идеографические, эмоционально-экспрессивные, стилистические, абсолютные.

Идеографическими называют синонимы, отличающиеся оттенками значений. Идеографические синонимы составляют в языке подавляющее большинство и используются для четкого, ясного изложения мысли. Например, *Ә минеке?! Ә минеке ерак, / Ерак әле моннан шулкадәр;/ Бу төшләргә килеп җитә алмый / Ни бер сәлам, ни хат, ни хәбәр!* (А мой? / А мой далеко, / Так далёк ещё отсюда; / До этих мест не могут долететь / Ни привет, ни письмо, ни сообщение!) (Х. Туфан)

Синонимы этого вида в большинстве случаев не могут заменять друг друга, поскольку недифференцированное использование синонимов, имеющих тончайшие смысловые оттенки, не только не способствует точному пониманию мысли, но могут привести и к совершенно иному её толкованию.

Смысловые различия идеографических синонимов выражаются в следующем:

1) разграничивают предметы или явления, отличающиеся друг от друга (*мендәр* (подушка), *күпчек* (маленькая подушка), *түшик* (перина, матрац, тюфяк), *ястык* (перина) – все эти предметы, служащие для сна, различаются по размеру;

2) определяют интенсивность проявления признака, качества, их большую или меньшую степень: *кычкыру* (кричать), *акыру* (орать), *бакыру* (горланить), *улау* (выгть, реветь);

3) раскрывают различные признаки предмета или явления. В этом случае акцент делается на какой-то одной стороне признака, например, *чибәр*, *матур йөз* (красивое, симпатичное лицо); *сылу*, *зифа гәүдә* (стройная, статная фигура);

4) называют признак, закреплённый за отдельным предметом, явлением: *эссе* (көн) (жаркий (день)), *кайнар* (су) (горячая (вода)), *кызган* (тимер) (раскалённое (железо)).

Стилистическими называют синонимы, используемые в разных стилях речи. Например, в синонимической парадигме *йоклау* (спать) – *йокыга талу* (уснуть), *черем иту* (подремать, вздремнуть), *йокыда изрәу* (сладко задремать), *йокы симертү* (спать много, долго), *йокы бусу* (спать много, долго), *йокы сүтү* (спать много, долго)) лексические единицы *йокы симертү*, *йокы бусу*, *йокы сүтү* даются в словарях с пометой «прост.», т. е. отличаются сниженным стилем и употребляются в разговорной речи.

В приведённых ниже стихотворных строках выделенные слова относятся к разным стилям речи: в литературном языке чаще употребляется слово *дарман* (сила, мощь, энергия), в разговорной речи – *җегәр* (сила, энергия):

Суынмадык:
 Бездә әле **дарман**,
 Бездә әле **жәгәр** жәитәрлек;
 Әле тагын берәр ярты гасыр
 «Эһ» тә итми гомер итәрлек! (Х. Туфан).

Эмоционально-экспрессивными называются синонимы, выражающие различное отношение к действительности. Например, в предложении *Ул, нишләргә белмичә ашкынып, ярсып, упкынга ташлангандай, ниндидер башсыз тәвәккәллек белән, ике сакчыны як-якка этеп жибәрәп, урамга атылды.* (Не зная, что делать, он, оттолкнув двух охранников, с какой-то отчаянной решимостью бросился как в пропасть, на улицу.) (Г. Баширов) синонимы отличаются различной степенью экспрессии: *ашкынып* (страстно, воодушевленно, очень увлеченно), *ярсып* (бурно, с возбуждением), *упкынга ташлангандай* (в омут головой); в предложении *Таш өстендә таш калмады, агач затыннан агач калмады, куаклар калмады – һәммәсе янды, көйде, кара күмергә әйләнде.* (И не осталось камня на камне, деревьев и кустов: все сторело, обуглилось, превратилось в чёрный уголь.) (Г. Баширов) синонимы *янды* (сторело), *көйде* (обуглилось), *кара күмергә әйләнде* (обуглилось, превратилось в чёрный уголь) также выражают разную степень интенсивности признака.

Абсолютными называются синонимы, обозначающие одно понятие и полностью совпадающие по смыслу: *тел белеме* (языкознание) – *тел гыйлеме* (языковедение), *лингвистика* (языкознание); *бегемот – гиппопотам, су сыеры, су айгыры* и т. п. В данной группе синонимов нет смысловой дифференциации, они называют одно понятие, потому их также называют полными синонимами. Например, приведённые в предложении слова *Аллаһы Тәгалә, Ходай* считаются абсолютными синонимами и означают *Всевышний, Бог: Сиңа, балакаем, Аллаһы Тәгалә барысын да биргән, Ходай синнән берни дә кызганмаган.* (Тебе, сынок, Аллах дал всё, от тебя Бог ничего не пожалел.) (М. Хабибуллин)

Ш. С. Ханбикова указывает на следующие отличительные признаки абсолютных синонимов: 1) семантическая тождественность; 2) стилистическая нейтральность; 3) синхроничность, то есть слова, относящиеся к разным эпохам, употребляющиеся в речи разных социальных слоев, не могут быть абсолютными синонимами (Ханбикова, 1980: 113).

Синонимов данного вида в языке не так много, и при их определении необходимо учитывать, что предмет и явление могут иметь несколько разных наименований. Абсолютные синонимы в татарском языке относятся преимущественно к различным генетическим пластам.

§ 32. Происхождение синонимов и их функционально-стилистическая роль

Возникновение синонимов – процесс непрерывный, который происходит, во-первых, за счёт внутренних ресурсов в соответствии с закономерностями языка, во-вторых, в результате взаимодействия с другими языками.

В соответствии с собственными закономерностями синонимы образуются:

1) в результате расширения и распада значения слова, то есть появление двух или более значений у одного многозначного слова приводит к процессу синонимизации этих значений с другими словами: *баш* (голова; ум, разум, сообразительность, смекалка) – *төп* (основной, главный), *иң әһәмиятле* (самый важный, имеющий значение, существенный, значительный, знаменательный), *беренче дәрәжәле* (первоклассный, первостепенный), *югары* (высокий); *катлам* (пласт, слой) – *төркем* (группа), *катлау* (слой);

2) в результате изменений звукового состава в основе слова или грамматических форм: *тугры* (верный, преданный; честный) – *туры* (правдивый, справедливый, честный) – *турылыклы* (честный, справедливый) (фонетический путь);

3) путём присоединения к основному слову синонимичных слов или присоединения аффиксов, выполняющих те же функции: *ут-күз* (пожар), *бала-чага* (ребята, ребятня, детишки, детвора), *булдыклы* (дельный, деловой, толковый, предприимчивый) – *булган* (толковый), *эшлекле* (деловой, деловитый, предприимчивый) – *эшчән* (работающий, трудолюбивый; деловой, деловитый, деятельный) и т. д. (морфологический путь);

4) в результате вхождения в один синонимический ряд лексики различной стилистической принадлежности и эмоционально-экспрессивной окраски: *туплау* (собирать, группировать) – *жыю* (собирать), *берләштерү* (объединять / объединить, соединять / соединить; сплотить), *укмаштыру* (*пренебр.* сплавивать; группировать), *тарту* (*разг.* стягивать / стянуть); *әкрән* (тихо, осторожно) – *авыр* (неуклюжий, нерасторопный), *мыштырдык* (медлительный, *прост.* копуша), *мыштыр* (медлительный, неторопливый; неповоротливый; *прост.* неповоротливый), *сүлтән* (вялый, медлительный; анемичный (человек, его действия), ленивый; равнодушный), *мыштым* (медлительный, неторопливый, спокойный), *авыр кузгалучан* (тяжёлый на подъём);

5) в результате проникновения в литературный язык слов, употребляемых только в отдельных диалектах. Например: *нәни*, *кеченә*, *баләкәй* в значении «маленький, малый, небольшой, крохотный, крошечный, малюсенький; мизерный»; *начар*, *алама* в значении «плохой, нехороший,

скверный, неважный, дурной, худой, дрянной»; *беренче, тәүге* в значении «первый, первоначальный; в первый раз»; *бәс – сыкы* в значении «изморозь, туман с изморозью, иней»;

б) в результате вхождения в один синонимический ряд табуированных слов и эвфемизмов, их заменяющих: *симерү – тазару, түгәрәкләнү, юаная* (поправиться); *рак – яман шеш* (злокачественное образование), *теге авыру* (та болезнь); *туберкулёз – чахотка, тбс* и т. д.

Одним из самых распространённых явлений в языке – появление в нём синонимов в результате заимствований из других языков. И татарский язык не стал исключением: достаточно давно и широко в язык проникают близкие по смыслу слова из других языков и образуют синонимические пары или синонимические ряды.

Из других языков слова стали проникать уже с древних времён, образуя синонимы. Влияние исламской культуры на татарскую не могло не отразиться и на формировании синонимического богатства татарского языка, и в первую очередь благодаря арабским и персидским заимствованиям.

Синонимический ряд представленных ниже пар слов отражает национальную культуру и не воспринимается носителями языка как единицы другой культуры: *Тәңре – Хак Тәгалә* (Бог, Аллах – Всевышний), *Алла – Ходай* (Бог, Всевышний); *иптәш* (товарищ) – *дус* (друг), *ахирәт* (приятельница, подруга), *дус-ши* (друзья-приятели), *эшнә* (приятель, кореш, друг; дружок, знакомый); *мәхәббәт* (любовь) – *ярату* (любить), *сәю* (любовь), *гыйшык* (любовь), *дәрт* (страсть, задор, вдохновение, энтузиазм); *ватан* (родина, отечество, отчизна) – *туган ил* (родина, родная сторона); *гыйлем* (наука) – *белем* (знания); *фәкыйрь* (бедный, убогий, нищий) – *ярлы* (нищий), *хәерче* (нищий; *уничиж.* попрошайка, побирушка).

Позднее в татарский язык стали проникать и обогащать его синонимическую систему заимствования из русского и европейских языков. Например: *буразна* (борозда) – *ызан* (межа, борозда); *бәйләнеш* (связь, взаимосвязь) – *мөнәсәбәт* (отношение, контакт); *ара* (время) – *аралык* (промежуток), *бушык* (пустота, интервал, дистанция), *ераклык* (дальность, расстояние); *копия – күчәрмә* (копия, дубликат) и т. п.

Синонимия наблюдается не только среди отдельных слов, но и в устойчивых выражениях, например, таких как *баш тарту – ваз кичү, кире кагу, кире кайту* в значении «отказ, отрицание, возврат» и т. д. Этот вопрос весьма подробно излагает в своём труде «Идиомы татарского языка» Г. Х. Ахунзянов (Ахунжанов, 1972). По степени синонимичности автор делит идиомы на следующие виды¹:

¹ Подробнее об этом см. в разделе «Фразеология».

1) семантические синонимы, то есть идиомы, компоненты которых различны по составу, а логические значения одинаковы или близки и отличаются друг от друга оттенками значений: *кыл да кыймылдатмау* (палец о палец не ударить) – *бер эш тә эшләмәу* (ничего не делать), *аркылы ятканны буйга алып салмау* (решительно ничего не делать (сделать));

2) стилистические синонимы: *энәдән дөя ясау – чебеннән фил ясау* (из мухи делать слова); *энә төрттер урын юк – алма төшәр урын юк* (яблоку негде упасть);

3) семантико-стилистические синонимы, то есть идиомы, компоненты которых различны по составу, а значения одинаковы или близки и отличаются друг от друга как семантическими, так и стилистическими оттенками: *түбәннән күтәрелү* (выйти из низов) – *сәнәктән көрәк булу* (из грязи, да в князи); *баш вату – ми черетү* (ломать голову); *эттән алып эткә салу* (обругать на чём свет стоит; ругать (срамить) самыми последними словами) – *пыр туздыру* (*перен.* разнести в пух и прах; рвать и метать);

4) абсолютные синонимы, то есть одинаковые по смыслу и стилистической окраске: *иләк белән су ташу* (носить воду решетом) – *комнан бау ишу* (переливать из пустого в порожнее; толочь воду в ступе); *ике куян артыннан куу* (бегать за двумя зайцами) – *ике көймә койрыгын тоту* (*букв.* держаться за кормовую часть двух лодок); *баштан сыйпамаслар* (по головке не погладят) – *рәхмәт әйтмәсләр* (спасибо не скажут) и т. п.

Синонимы – уникальное богатство языка. Чем шире синонимический ряд, тем больше возможностей точнее и выразительнее передать мысль: использование синонимов привносит разнообразие в речь и позволяет избежать повторов. Главная задача синонимов – сделать речь выразительной, доступной, максимально точно передать тончайшие оттенки смысла, назвать сходные, но отличающиеся друг от друга явления действительности. Например, в предложении *Ак күбәләккә охшаганга күрә дә аңардан чәчәкләр дөнъясына хас табигый садәлек, назлы-нәфис сөйкемлелек аңкып тора иде.* (Видимо, оттого, что она была подобна белой бабочке, от неё исходили природная скромность, нежное и утончённое очарование, присущее миру цветов.) (А. Еники) слова *садәлек* (скромность) и *сөйкемлелек* (очарование) используются для того, чтобы через тонкие смысловые оттенки раскрыть черты, характерные человеку.

В контексте часто используется приём семантической градации, когда каждый последующий синоним, как бы нанизываясь на предыдущий, усиливает его значение. Например: *Әлма бу юлы түзде, тешләремне кыстым, ләкин тавыш-зауга куптармадым, талашмадым, эрләшмәдем.* (Но на этот раз я стерпел, стиснул зубы, но шума не поднимал, не ссорился, не ругался.) (Ф. Латифи)

*Сау бул инде, хуш, бәхил бул,
И минем торган жирем.* (Г. Тукай)

Как указывает Р. С. Абдуллина, в этих стихотворных строках синонимы прощания расположены в том порядке, в котором они усиливают эмоциональное воздействие: сначала широко употребительное *сау бул* (до свидания), потом прощальное слово, произносимое с добрыми пожеланиями при расставании *хуш* (будь(те) здоров(ы), всего хорошего (доброе, наилучшего), затем выражение *бәхил бул* (прощай), произносимое при прощании навсегда или извиняясь (Абдуллина, 2012: 378).

Подводя итоги, отметим, что синонимы, будучи ярким средством экспрессивности языка, являются основным показателем точности и стройности речи, выразителем семантических оттенков.

Явление антонимии в татарском языке

§ 33. История изучения антонимов в языкознании

Отдельные аспекты антонимии подробно изучены в общем языкознании, русистике, тюркологии. Во второй половине XX века антонимы исследуются такими учёными, как В. В. Виноградов, А. А. Уфимцева, В. Н. Комиссаров, О. С. Ахманова, Л. Ю. Лесников, В. Н. Клюева, Т. Н. Лукина, А. А. Киреев, Э. И. Родичева, Л. А. Введенская, Л. А. Новиков, М. Р. Львов, Я. И. Гельблу, Н. Л. Камацкайте, Т. И. Арбекова, Р. З. Гинзбург, В. М. Завьялова, Ш. Балли и др.

Вопросам антонимии значительное внимание уделяется и в трудах тюркологов, в частности, в башкирском языкознании – М. Ахтямова, узбекском – С. Усманова, Б. О. Исабекова, Р. Шукурова, каракалпакском – Е. Бердимуратова, казахском – Ж. Мусина, азербайджанском – С. А. Джаффарова, К. А. Талыбова, крымских татар – А. Меметова, киргизском – Б. И. Усубалиева, туркменском Б. Байджанова и др.

В общем языкознании существует два взгляда на явление антонимии. Согласно первому взгляду, антонимами могут называться только слова с разными корнями (Л. А. Булаховский). Согласно второму, в один ряд с разнокорневыми можно поставить и слова, имеющие один корень, т. е. однокорневые (А. А. Реформатский, Н. М. Шанский).

Одним из первых в татарском языкознании на языковое явление антонимии обращает внимание К. Насыри. В своей книге «Энмүзәж» («Грамматика татарского языка») учёный высказывает мысль о том, что «Из двух глаголов, являющихся синонимичными или антонимичными, также образуются парные словосочетания», и приводит в пример такие глаголы, как *ачалак-жумалак* (открывать – закрывать), *алыш-биреш* (брать – отдавать)

и др. Кроме того, учёный также относит к антонимам отрицательные формы глагола (грамматические формы отрицания): *барыр – бармас* (пойдет – не пойдет), *житәр – житмәс* (хватит – не хватит) и т. п. (Насыри, 1975: 187).

Во второй половине XX века были написаны первые труды по антонимической системе татарского языка. В учебнике «Современный татарский литературный язык» представлен анализ различных аспектов антонимов. Так, в нем выделяются шесть видов антонимов: а) антонимы, выражающие деятельность, характер и состояние человека: *яшьлек – картлык* (молодость – старость), *эичән – ялкау* (трудолюбивый – лентяй) и т. п.; б) антонимы, передающие явления природы: *болытлы – аяз* (облачно – ясно), *эрегән – каткан* (растаял – замерз), *тау – чокыр* (гора – ров) и т. д.; в) слова, связанные с понятием времени: *кыш – жәй* (зима – лето), *иртә – кич* (утро – вечер) и т. п.; г) антонимы, связанные с понятием места: *ерак – якын* (далеко – близко), *киң – тар* (широкий – узкий), *озын – кыска* (длинный – короткий) и т. д.; д) антонимы, связанные с чувствами, переживаниями человека: *көлү – елау* (смеяться – плакать), *шатлык – кайгы* (радость – горе), *мәхәббәт – нәфрәт* (любовь – ненависть) и т. п.; е) антонимы, обозначающие качества, особенности людей и вещей: *яхшы – начар* (хороший – плохой), *пычрак – чиста* (грязный – чистый), *ак – кара* (белый – чёрный) и т. п. (Современный татарский литературный язык, 1965: 38–41).

В 1977 году в журнале «Совет мәктәбе» («Советская школа») была опубликована статья Г. Х. Ахатова «Антонимы в татарском языке». Одним из первых учёным была предложена лексико-семантическая классификация антонимов татарского языка, в которой основное внимание было уделено их структурным особенностям, в частности, выделены следующие группы слов: основные (*яз – көз* (весна – осень), *кыш – жәй* (зима – лето) и др.), производные (*караңгы – якты* (темный – светлый), *тыныч – хәвәфле* (спокойный – тревожный), *кыйммәт – очсыз* (дорогой – дешевый) и т. д.) и парные слова, выражающие антонимические отношения (*барыр – бармас* (пойдет – не пойдет) и т. д.) (Әхәтов, 1977: 32–33).

Ш. С. Ханбикова посвящает антонимическим значениям в татарском языке отдельную статью, в которой подробно рассматривает явление энантиосемии. Учёный выделяет два подвида данного явления, которые выражают противоположность: 1) в одном слове (*дару* (лекарство), *йомшак* (мягкий), *дан* (слава) и др.); 2) в одном значении (*калдыру* (оставлять), *киту* (уходить) и др.) (Ханбикова, 1982: 3–6).

В учебнике по лексикологии Ф. С. Сафиуллиной систематизируются и обобщаются сведения об антонимах (*тәче – ачы* (пресный, не кислый – кислый), *салкын – жылы* (холодный – теплый), *ерак – якын* (далёкий – близкий) и др.). Учёный утверждает, что антонимы выступают основой

для образования парных слов (*юк-бар* (всякий хлам, сор, пустяковина), *азмы-күпме* (более или менее, несколько, некоторое количество), *кайтаткылә* (все время уходя и возвращаясь и др.)), и выделяет по смыслу пять разновидностей антонимов. Кроме того, языковед раскрывает функциональную роль антонимов при образовании в речи таких стилистических фигур, как оксюморон, антитеза и катахреза (Сафиуллина, 1999: 51–56).

В трудах М. Б. Хайруллина приводятся общие сведения о лексических антонимах, раскрывается их роль в обогащении словарного состава татарского языка и его функциональных стилей. Выделяя лексические и грамматические антонимы, учёный указывает на три их разновидности: корневые антонимы (*үлем – яшәү* (смерть – жизнь), *ут – су* (огонь – вода) и др.), производные антонимы (*ямьле – ямьсез* (красивый – некрасивый), *аркылыга – буйга* (поперек – вдоль) и т. д.), парные антонимы (*чиле-пешле* (недопечённый, недоваренный, сырой) и др.) (Хайруллин, 2000: 105–108).

Х. Р. Курбатов в ходе изучения лингвистической стилистики и поэтики татарского языка отдельно останавливается на стилистическом употреблении антонимов и обращает внимание на оксюмороны, непосредственно связанные с явлением антонимии. Также исследователь акцентирует внимание на значимость противопоставления в создании антитезы (Курбатов, 2002: 87–89).

Изучая татарскую семасиологию в монографическом плане, И. Б. Баширова подробно анализирует возможности двух слов выражать противоположное, контрастное значение и рассматривает явление антонимии в целом. Учёный подчёркивает, что «Будучи понятием, основанным на противопоставлении слов в языке, как языковое явление – антоним, речевое – антитеза, по своей природе, структурному строению и функциональным возможностям представляет собой сложную микросистему, которая находится в отношениях с такими лексико-семантическими категориям языка, как многозначность – полисемия, омонимия, энантиосемия и синонимия» (Баширова, 2010: 232–264).

Исследованию явления антонимии были посвящены и две кандидатские диссертации. Л. Г. Хабибов одним из первых систематизировал явление антонимии, предложил общетеоретическую основу для изучения антонимов в татарском языке. Признавая тот факт, что понятие антонимии является целостной лексико-семантической системой языка, учёный отдельно останавливается на типах противопоставления и их отражении в языке, ставит вопрос о связи антонимии с полисемией, синонимией, и энантиосемией как способа выражения антонимичного значения. Важной частью диссертации стало приложение, в котором представлены материалы и критерии составления словарей антонимов (Хабибов, 1984).

В своей научной работе «Антонимы в татарском языке» Р. М. Закирова предлагает принципы и критерии классификации антонимов. Автор считает, что антонимы татарского языка можно классифицировать по четырём признакам: лексико-грамматическому (то есть по тому, к какой группе слов они относятся), семантическому (противопоставление по лексическим значениям, энантиосемия, фразеологические антонимы), структурному (корневые, суффиксальные, смешанные), и синтаксико-стилистическому принципу (контекстуальный, оксюморон, катахреза, антитеза). Автор подробно изучает морфологическую классификацию антонимов, исследует слова противоположного значения, входящие в группы имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий (Закирова, 2002).

В трудах М. З. Закиева, Ф. А. Ганиева, Д. Г. Тумашевой, А. М. Ахунзянова, Р. А. Юсупова, Г. Ф. Сагтарова, Ф. Г. Гариповой, Л. М. Ризвановой, Д. Б. Рамазановой и др. приводятся сведения о структуре, грамматических и стилистических особенностях антонимов, их использовании в фольклоре, системе имен собственных.

В настоящее время издано четыре словаря антонимов татарского языка. Ф. С. Сафиуллина совместно с Л. М. Ризвановой в 1997 году опубликовали «Словарь татарско-русских антонимов» (Сафиуллина, 1997). В татарском языкознании это первый словарь, в котором зафиксировано около 1000 пар антонимов. Также Л. М. Ризванова и Ф. С. Сафиуллиной в 2003 году издали словарь «Татарско-русские, русско-татарские антонимы». В 2005 году увидел свет «Словарь антонимов» Ф. С. Сафиуллиной. В данном словаре приводятся примеры антонимов, взятые из текстов современной татарской художественной литературы и фольклора, в редких случаях источником антонимов служит татарский разговорный язык (Сафиуллина, 2005). В 2018 году был издан словарь Л. Г. Хабибова «Антонимы татарского языка», во вводной части которого учёный приводит информацию об антонимах, их разновидностях, отдельно разъясняются значения слов-антонимов в словарном корпусе, данные толкования дополняются иллюстративным материалом. Кроме того, в приложении приводятся примеры использования выражений, основанных на антонимах, оксюморон и катахреза, а также выделяются слова, для которых характерно явление энантиосемии.

Вопрос антонимии является весьма дискуссионным для многих языковедов, однако в этом направлении ещё необходимо провести специальное исследование с учётом современного состояния языка, что особенно важно для составления полного словаря антонимов татарского языка.

§ 34. Общее определение явления антонимии

Антонимами (греч. *anti* – против, *онута* – имя) называются слова, имеющие противоположное значение. Например, *Алны, артны, уңны, сулны белмиçә утын кисә.* (Пилит дрова, без оглядки (букв. не смотря ни вперед, ни назад), сломя голову (не ведая где вправо, а где влево.) (Г. Тукай); *Язгы көн киендерә, көзге көн сөендерә.* (букв. Осенний день одевает, весенний – радуется) (Пословица); *Галим белгәнән әйтер, ахмак әңиçгәнән әйтер.* (букв. Умный скажет, что узнал, а глупец скажет, что победил.) (Пословица)

Раздел лингвистики, изучающий антонимы, называется антонимия или антонимика.

Происхождение антонимов, их развитие связано прежде всего с объективными противоположностями между явлениями действительности, реалиями окружающего мира. Противоположность сама по себе абсолютное понятие, однако её выражение в языке, то есть передача языковыми средствами противоположного значения, является всегда условным.

Антонимами могут быть только слова, которые имеют логические связи. Например, в предложении *Кайгылы чагымда килмәде. / Авыр булды, түздәм. / Шатлыклы чагымда килмәде. / ...Арабызны өздәм.* (В горестное время не пришел. / Тяжело было, терпел. / В радостное время не пришел. / ...Я разорвал все отношения.) (Р. Файзуллин) между антонимами *кайгылы* – *шатлыклы* (горестно – радостно) существует логическая связь по признаку.

Кроме того, между антонимичными словами должна быть общность семантических и грамматических значений, именно потому не все слова могут иметь антонимичные пары. Например, нет антонимов у конкретных имен существительных, числительных, некоторых местоимений: *өстәл* (стол), *дивар* (стена), *икешәр* (по два), *уналты* (шестнадцать), *ничә* (сколько), *үзе* (сам) и т. д.

Способность вступать в антонимические отношения характерна прежде всего для слов, выражающих какой-либо признак: *озын* – *кыска* (длинный – короткий), *киң* – *тар* (широкий – узкий), *зур* – *кечкенә* (большой – маленький), *яхшы* – *яман* (хороший – плохой), *куп* – *аз* (много – мало), *туры* – *кыек* (прямой – кривой), *күмәк* – *ялгыз* (коллективный – единоличный), *куе* – *сыек* (густой – жидкий), *батыр* – *куркак* (храбрый – трусливый) и т. п.

С точки зрения значений антонимы выражают контрастные представления, связанные со временем, с оценкой, местом, объемом, природными явлениями. Например, можно выделить следующие:

1. Антонимы, описывающие качества, признаки предметов, процессов, явлений: *Эшләве авыр булса, ашавы әңиçел.* (букв. Если работать

тяжко, то кушать всегда легче. Работай до поту, так и поешь в охоту.) (Пословица); *Үзең юаши кебек, үзең усал.* / *Чакырасың гүя кыяр-кыймас...* (Сама вроде бы как скромна, в то же время и бойка / Зовешь меня несмело.) (Г. Афзал); *Ачы дәреслек татлы ялганнан яхишырак.* (Лучше горькая правда, чем сладкая ложь.) (Пословица);

2. Антонимы, обозначающие понятие времени: *Кич ятсам да, иртә торсам да,* / *Әллә нәрсә житми шикелле.* (Вечером ли ложусь, утром ли встаю, / Как будто бы чего-то не хватает.) (М. Джалиль); *Жәйге эшләпә эңилләтә, кышыкы эшләпә тирләтә.* (букв. Летняя шляпа освежает, Зимняя шляпа пот прошибает.) (Пословица); *Юк, соң да түгел, иртә дә...* (Нет, ни поздно, ни рано...) (А. Давыдов);

3. Антонимы, определяющие длину, размер, расположение: *Юан сузылганчы, нечкә өзелер.* (Пока толстый будет тянуться, тонкий порвется.) (Пословица); *Яшел урман булып еракта / Күксел урман сузыла һәр якка...*; *Ул ерак та кебек, якын да...* (Вдали зелёным лесом / Синевой лес тянется в каждую сторону...; Он как будто и далеко, и близко.) (М. Нугман); *Аз сөйлә, күп тыңла.* (букв. Мало говори, много слушаю.) (Пословица);

4. Антонимы, связанные с природными явлениями: *Казан – төтен. Йолдызлары тере – / Күктә дә бар алар, әңирдә дә...* (Казань – дымка. Её звезды живые – / Они и в небе, и на земле...) (С. Гараева); *Кояшың батып, калыкмас аең,* / *Очып сайрамас күңел тургаең.* (Не взойдет луна, когда солнце закатится / Не взлетит с песней твой жаворонок.) (Ф. Яхин); *Сай елга шалтырап ага, тирән – тавышсыз.* (букв. Неглубокая река течёт звонко, глубокая – бесшумно.) (Пословица);

5. Антонимы, противопоставляющие процессы: *Ни аласы, ни сатасы бар соң? / Авыз ачсаң – үпкә күренә!* (Что же можно купить, что можно продать? / Открываешь рот – легкие видно!) (Ф. Яхин); *Олыларда курку, борчылу, / Үгетләп тә кара, тиргәп тә,* – / *Үч иткәндәй, яшен вакытында / Бала-чага жыела тирәккә.* (У взрослых страх и тревога, / Хоть и уговаривай, хоть бранись, – / Как назло, во время грозы / дети собираются у тополя.) (С. Хаким); *Чыгасы чыкмый, кердәсе кермәс.* (букв. Выходящий не выйдет, входящий не войдёт.) (Пословица);

6. Антонимы, обозначающие общие понятия: *Илең өчен янып яшәве дә, / Үлүе дә мең кат савалпы.* (Жить за родину, отдаваясь душою, и умереть за родину – тысячу раз сочтется.) (Х. Хуснуллин); *Жирдә шатлык, әңирдә кайгы, / Жирдә тынычлык, сугыш.* (На Земле радость, на земле горе, / На Земле мир, война.) (М. Гимазетдинов); *Бәхет тәрәзәдән карый, кайгы ишектән керә.* (Счастье в окно заглядывает, горе входит через дверь.) (Пословица);

7. Антонимы, обозначающие понятие места: *Тикишерде күк аннан астны, өстен / Язу өстәленең.* (Как бы все проверил и над, и под письменным столом.) (С. Хаким); *Уң күзең күргәнне сул күзең күрмәсен.* (Пусть не увидит левый глаз то, что видит правый глаз.) (Пословица)

В татарском языке могут устанавливаться антонимические отношения между двумя словами: *бүген – иртәгә* (сегодня – завтра), *кич – иртә* (вечер – утро), *бару – кайту* (уйти – вернуться) и т. д., между словом и словосочетанием: *кар – ләйсән яңгыр* (снег – грибной дождь), *биру – мәхрүм итү* (дать – отнять / лишить чего-л.), *жәяү – машинага утырып бару* (пешком – ехать в машине) и т. д., между словом и фразеологизмом: *үлү – дөньяга килү* (умереть – появиться на свет), *дәшмәү – сүз әйтү* (молчать / промолчать – произнести слово, говорить) и т. д., между фразеологизмом и фразеологизмом: *аркылы төшү – көеннән тору* (возражать / перечить – угождать), *ачык йөз – караңгы чырай* (приветливость – не приветливость), *аяк чалу – юл ачу* (ставить палки в колеса – дать зеленый свет) и др.

В татарском языке бытует особо много фразеологических единиц с противоположным значением. Структурно эти фразеологические единицы делятся на две группы:

1) антонимические фразеологические единицы с различной структурой (особой внутренней формой, структурой образов): *Син, Газиз, чынлап сөйләшкәндә авызыңны ерма әле.* (Ты, Газиз, не ухмыляйся, когда говоришь с сэрёзно.) (Ф. Амирхан); *Хатын-кыз балавыз сыкмый гына яши алмыйдыр инде.* (Наверное, женщины уже не могут жить без слёз.) (Б. Камалов); *Ләкин шомә гимназист буй бирергә һич тә теләми иде.* (Однако бойкий гимназист не желал сдаваться.) (Ф. Хусни); *Тик бер өмет, дуслар, сезнең сафта / Табар соңгы көрәш теләгем, / Яраланган, ләкин тар коллыкка / Баш имәгән керсез йөрәгем.* (Но одна надежда, друзья, в вашем строю / найдёт последнее моё желание, / хоть и раненое, но не склонившееся перед рабством / моё чистое сердце.) (М. Джалиль); *Бүген генә эч катып көлдем исә, / Иртәгә күземне кайнар яшь кисә.* (Если сегодня я смеюсь до колик в животе, / то завтра буду заливаться горькими слезами.) (Ф. Яхин);

2) антонимичные фразеологические единицы с общей структурой (внутренняя форма, образная структура общие, но лексический и грамматический состав частично различные): *Чөнки шушы язга чыгар алдыннан гына Сәгъди абзыйның бер ир баласы дөньяга килгәнгә, мин, әни зһтә чагында, һәрвакыт шул баланы юатып, тирбәтеп утыра идем.* (Потому что только этой весной у Сагди-абзья появился на свет мальчик, и я, когда мама была на работе, всегда его утешал и баюкал.) (Г. Тукай) – *Ике ел шулай өстерәлде, көзгә пычракларның берсендә дөньядан үттә.* (Так тащился два года, как в один из грязных осенних дней он ушёл из жизни.)

(Г. Ибрагимов); *Аерылып китсәм дә синнән гомеремнең таңында мин...* (И если я и расстанусь с тобой, я буду на заре твоей жизни...) (Г. Тукай) – *Гомернең дә көзе бардыр бит дип / Уйламый да, уйламый да идек без.* (Не думали мы, не думали, что у жизни есть своя осень) (Х. Туфан); *Таңыш кешене шуннан соң күргәлсәм дә, ул, берни дәшмичә, минем яннан борынын күккә чөеп уза торган булды.* (После этого, когда я видел своего знакомого, он молча проходи мимо меня задрвав нос.) (А. Расих) – *Байтак вакыт борынын салындырып йөргәннән соң, ул, ниһаять, яңадан терелеп китте.* (После того, как он долго ходил, повесив нос, вдруг выздоровел.) (Г. Абсалямов)

Антонимы встречаются практически во всех группах слов. Например, антонимы распространены среди имён существительных: *авыл – кала* (деревня – город), *караңгылык – яктылык* (тьма – свет), *ата – ана* (отец – мать), *гыйлемлек – наданлык* (знание – невежество) и т. д.; среди имён прилагательных: *матур – ямьсез* (красивый – некрасивый / безобразный), *ачы – татлы* (кислый – сладкий), *усал – юаш* (злой – скромный / безропотный), *зур – кечкенә* (большой – маленький) и т. д.; среди глаголов: *ачу – ябу* (открыть – закрыть), *эшләү – тик тору* (работать – бездельничать) и др.; среди наречий: *аз – күп* (мало – много), *акрын – тиз* (медленно – быстро), *яхшы – начар* (хорошо – плохо) и т. д.; среди местоимений: *бу – ул* (этот – тот), *анда – монда* (там – здесь), *һәркайда – һичкайда* (езде – нигде) и т. д.; среди числительных: *бер – мең* (один – тысяча).

В татарском языке антонимия наиболее распространена среди прилагательных, глаголов и наречий. Следует отметить, что слова, входящие в антонимичные пары, должны относиться только к одной части речи, случаи, когда компоненты принадлежат к разным частям речи, в татарском языке не встречаются. Например, в пословице *Йокының эсиде сәгатте – дару!* / *Шуннан артканы – агу.* (букв. Семь часов сна – лекарство! Больше – уже яд.) антонимы *дару – агу* существительные; в пословице *Иске хәтер, яңа үпкә.* (букв. Старая память, новая обида.) слова *иске* и *яңа* оба прилагательные.

По своему лексическому составу антонимические пары могут состоять из тюрко-татарских по происхождению слов: *Акрын барган тиз эшиткән.* (Медленно идущий быстро доходит.) (Пословица) и из заимствований: *Без фронтта, ә сез тирән тылда,* / *Һәм байрактар безнең югары.* (Мы на фронте, а вы в глубоком тылу, / И знамёна наши высоко.) (А. Камал); *Бөтен нәрсәм булды инде,* / *Калмады ла бер тиен!* / *Иң шатлыклы гимндыр бу!* / *Иң сагынды реквием.* (Всё у меня уже было, / Не осталось ни копейки! / Это самый радостный гимн! / Самый грустный реквием.) (Н. Измайлова).

С грамматической точки зрения слова-антонимы обычно являются однородными членами. Они могут быть связаны между собой с помощью союзов или интонации: *Яфрак язын яшел, / Көзен сары һаман. / Укыган – белемле, / Укымаган – надан.* (Листья весной зелёные, / Осенью жёлтые. / Образованный – грамотный, / необразованный – невежа. (Г. Рахим); *Кояш белән болыт гел янәшә – / Бер-берсенә дошман булса да.* (Солнце и тучи всегда рядом – / даже если друг другу враги.) (Ф. Яхин); *Менә кабын карачы – / Үзе тәмле һәм ... ачы.* (Вот попробуй – / Сам на вкус сладкий ... и горький. (В. Хайруллина).

Антонимы располагаются на стыке лексической парадигмы, поэтому среди них встречаются слова, выражающие разную степень признака. Например, *Күршең бай булса да, жигәрәң тай булсын.* (Несмотря на зажиточного соседа, имей упряжного жеребёнка.) (Пословица); *Хәлле кеше – хәленчә, барлы кеше – барынча.* (Богатому – как хочется, состоятельному – по возможности.) (Пословица); *Ярлы беләгенә ышаныр.* (Бедняк надеется только на свои руки.) (Пословица); *Сукранам мин, кар арасыннан карый да ай көлә, / Мин фәкыйрь миһнәттә – гүя чарлагыннан бай көлә!* (Сетую я, а надо мною насмехается луна, Как над мытарствами нищих смеется бай, смотря из верхнего окна.) (Г. Тукай) и т. д. Эта противопоставленность обусловлена нарастанием того или иного признака, состояния, то есть градацией. Таким образом, семантическая градация характерна только для антонимов с определённой семантической структурой: *яшь – урта яшьтәге – карт* (молодой – среднего возраста – старый), *зур – бәләкәй* (большой – маленький), *олы – кечкенә* (старший – младший) и т. д.

Отдельные антонимические пары не имеют признаков градуальности: *көн – төн* (день – ночь), *ир-ат – хатын-кыз* (мужчина – женщина), *аст – өст* (низ – верх), *яшәү – үлү* (жить – умирать) и т. д.

Возникшие в процессе речи окказиональные слова также могут стать антонимами: *Ишетәсеңме икән, югалтышкан / Казлар кебек кыйгылдашканын – Жаннар бергә сарылсын әле, Шатлыкташлар, кайгыдашларым.* (Слышишь ли ты, как потерявшие друг друга лебеди перекликаются – Пусть души тех вместе переплетутся, Кто был со мной в радости, кто был со мной в горести.) (Х. Аюп); *Бала-чага чага башлар беркөн, / Олы-чага тагар гомум җәпкә...* (Детвора начнёт однажды «жалить», Взрослые их направят в правильное русло.) (М. Аглямов); *Хыялстанда да / Жирдәге күк / Юллар бик күп! / Ерак барасы... / Ләкин беләсең: / Барыбер кире Жиргә кайтасы.* (В мире грёз хоча и на Земле очень много дорог, далеко идти, однако знаешь, всё же хочется на Землю спуститься) (Р. Гаташ); *Ельйым, / ишәфкатә сорыйм – / антиминем миннән көлгән була.* (Я плачу, прошу сострадания я, но противоположность моя всё смеется надо мной.) (А. Рашит)

Особое место в татарском языке занимают эвфемистические антонимы. Они смягчают противопоставление, освобождают речь от неприличных, вульгарных слов. Ярким примером этого является вместо слова *ялган* (ложь) использование выражений *дәрес түгел* (неправильно), *алай түгел* (не так), вместо слова *яман* – *яхшы түгел* (дурной / скверный – нехорошо), *явыз* – *мәрхәмәтсез* (злой – бессердечный), *суык* – *жылы түгел* (холодно – не жарко), *ямьсез* – *матур түгел* (некрасивый – не симпатичный) и т. д.

Если два или более близких в семантическом отношении слова образуют противопоставление, то они организуются антонимические ряды, иначе их называют вторичными антонимическими блоками.

Тематическую общность и противоположность в некоторых случаях можно достичь словообразовательным и грамматическим путём: *ак* – *аграк* (белый – беловатый), *кара* – *карак* (чёрный – чернее), *аклык* – *каралык* (белизна – чернота), *агару* – *каралту* (белеть – чернеть) и т. д.

В отдельных случаях антонимические блоки образуют одну тематическую парадигму:

шатландыру – *көендерү* (радовать – печалить / огорчать): *Кешеләрне шатландыру өчен юмарт булу гына житми, нечкә завяклы булу да кирәк.* (Чтобы радовать людей, недостаточно быть щедрым, нужно обладать утонченным вкусом.) (Р. Мирхайдаров); *Бу хәбәр мине бик көендерде* (Эта новость меня очень опечалила);

мактау – *хурлау* (хвалить / льстить – унижать): *Куз алдында мактама, / Куз артында хурлама.* (В глаза – не льсти, / За глаза – не хули) (Пословица);

хуплау – *шелтәләү* (одобрять – порицать): *Дөнья эшен өйделәр. / Атланьрга соңардым. / Житез Пегас атына. / Шуңадыр бер хуплау да / Тапмадым ижәтымда.* (Завалили житейскими делами, / Опоздал запрятнуть. / На ловкого коня Пегаса. / Поэтому ни одного одобрения / не нашёл в своем творчестве.) (Ф. Давлетбаев); *Ананың бу сүзләрендә Фәһимә берәз шелтәләү дә, үпкә дә, үз язмышына ачыну да сиземләде.* (В этих словах матери Фагима почувствовала отчасти и упрёк, обиду, и гнев на свою судьбу.) (Д. Каюмова)

Антонимы также активно используются при составлении имён собственных: *Акбай* – *Карабай*, *Акбикә* – *Карабикә*, *Акбатыр* – *Карабатыр*, *Акморза* – *Караморза*, *Ак диңгез* – *Кара диңгез*, *Акмулла* – *Карамулла* и т. д.

В языке достаточно часто встречаются антонимы, употребляемые только в отдельных диалектах и говорах: *йавык* тип *көчкән*. (Он перевелся в более близкую школу.) (ТТЗДС, 2009: 224) – *алыс* ‘далекий’: *Безгә кала бик алыс, илле чакрым.* (До нас очень далеко, пятьдесят вёрст.) (ТТЗДС, 2009: 42).

Алдым-салдым (букв. взял – положил) – в тюменском говоре тоболо-иртышского диалекта – пища, одежда, доставляемые со стороны жениха на свадьбе и т. п.: *Суратып килсэ, кийэу алдым-салымын бирэте, үслэре йарашып бирэтелэр.* (Если жених приходит просить руки своей избранницы, то принести дары, которые потом разделятся между гостями.) (ТТЗДС, 2009: 39).

Из приведённых выше наблюдений можно сделать вывод, что антонимия – достаточно сложное и спорное языковое явление, возникновение, развитие которого связано с объективными противоположностями между явлениями действительности, реалиями окружающего нас мира.

§ 35. Виды антонимов

В общем языкознании существует ряд принципов и критерий классификации антонимов.

По способу выражения различных понятий, другими словами по семантической классификации, антонимы подразделяются на следующие виды:

– комплиментарные (контрадикторные, дополнительные, противоречащие) антонимы, обозначающие противопоставленность слов, дополняющие друг друга: отрицание одного из них приводит к появлению другого: *Ялган түгел – чын: Коела, айланэ туфракка / Гайбэте, ялган, чыны.* (Не ложь – правда: опадает, превращается в пыль / Молва, ложь, правда.) (Н. Гамбар); *Юмарт түгел – саран: Юмарт белэн саран бер елгдан су эчмэс.* (букв. Не щедрый – скупой: Щедрый и скупой не станут пить воду из одной реки.) (Пословица); *Исэн түгел – үлгэн: Исэн дуслар ярдам сорый, / Ярдам итеп жаның корый. / Үлгэн дуслар кадерлерэк.* (букв. Не жив – мёртв: живые друзья просят о помощи, / Душа стораёт помогая им / Мертвые друзья дороже) (Г. Афзал)

– контрарные корреляты – антонимы, выражающие полярные противоположности, которым присуща внутренняя градация: *Буйга озын – акылга кыска.* (букв. Рост длинный – ум короткий.) (Пословица); *Ярый, монсы инде үткэн-беткэн, / Турысы бар сузнец, кыегы...* (букв. Ладно, это уже в прошлом, / Есть прямо сказанные слова, есть иносказания.) (Л. Шагирзян); *Житез узен бетерер, акрын эшен бетерер.* (Ловкий погубит себя, нерасторопный погубит свою работу.) (Пословица);

– конверсивы (векторные антонимы) – антонимы, выражающие противоположную направленность состояний и процессов: *Алдың ефэк, саттың ефэк.* (букв. Купил шёлк, продал шёлк.) (Пословица); *Нэрсенэ моның исең китэ: Берэу откан, Меңнэр оттырган.* (К чему тут удивляться: один выиграл, сотни проиграла.) (Г. Саде); *Ул укытучыга имтихан*

бирә. – *Укытучы аннан имтихан ала.* (Он сдаёт экзамен учителю. – Учитель принимает у него экзамен.)

По количеству единиц, принимающих участие в антонимии, антонимы делятся на две группы:

а) внутрисловная антонимия (энантиосемия): *Чыгару* ‘напечатать, опубликовать’: *Татарстан дәүләт нәшрияты жырлар жыйнагын чыгарды.* (Государственное издательство Татарстана напечатало сборник песен.) (М. Джалиль); ‘снятие с работы (с места), увольнение, освобождение’: *Мин хезмәтчеләремнең яртысын чыгарам ... бер дә ситсыны соратучы юк.* (Половину своих слуг я разгоняю ... желающих купить ситца нет.) (Г. Тукай)

б) межсловная антонимия: *Ялган сөйләп яшәгәнче, рас сөйләп үләрсең.* (Лучше умереть от правды, чем жить во лжи.) (Пословица); *Каз кычкыра... / Мескен ала казым, / Әллә оча, әллә куна ул... Каз кычкыра...* (Кричит гусь... Мой пятнистый гусь, То ли летит он, то ли на земле... Гусь мой кричит...) (Х. Аюп); *Гомер буе кемдер кора, төзәтә, Кемдер корганнарны сүтә дөнъяда.* (Кто-то всю жизнь возводит, восстанавливает, а кто-то мире сносит возведённое.) (Д. Гарифуллин); *Каенлыкта яңа дуслар белән / Иске жырлар жырлап утырдык.* (Мы сидели в берёзовой роще с новыми друзьями / и пели старые песни.) (С. Гараева)

С точки зрения возможностей употребления в речи антонимы подразделяются на языковые (постоянные, узуальные) и контекстуальные (речевые, окказиональные). И если языковые антонимы противопоставлены по значению в самой системе языка, то окказиональные антонимы вне контекста таковыми не являются.

Языковые антонимы воспринимаются антонимами и вне контекста, и каждый носитель языка безошибочно определяют их как слова, выражающие противоположные значения: *Атлы тәртә төзәтер, атсыз киртә төзәтер.* (букв. Имеющий коня чинит оглоблю, не имеющий коня чинит забор.) (Пословица); *Ачның хәлен тук белмәс.* (Сытый голодного не понимает.) (Пословица); *Мин еллардан гомер дигән / Бер челтәр үрәп барам. Матур һәм ямьсез үрелгән / Төшләрен күрәп барам.* (Я вяжу одно кружево из судьбы. Вяжется по-разному: местами красиво, местами безобразно.) (Г. Рахим); *Үз үтермәс, ят ярлыкмас.* (Свой не убьёт, чужой не простит.) (Пословица)

Контекстуальные антонимы, напротив, вне контекста, ситуации не являются антонимами, поскольку с противоположным значением в системе языка они не закреплены: *Агыйделдән көймә килә / Чит-ците буйлап кына. / Ак йөзләрем сары булды / Гел сине уйлап кына.* (По Волге плывёт лодка, плывёт вдоль берега. Белое моё лицо пожелтело / Думаю

только о тебе.) (Татарская народная песня); *Очырмакчы булсам былбыл кукрәгемнән, / Әллә ничек мыр-мыр итеп, мәче чыга.* (Если хотел бы освободить соловья с груди, как-то выходит лишь кот с мурлыканием.) (Г. Тукай); *Шәфәк сүнде – хәзер караңгылык, / Каплап алды барлык нәр-сәне.* (Погасла заря – теперь темнота, / все за собой поглотила.) (Н. Думави); *Чабаталы чакта югалмады, / Татарстанлы чакта югалмас!* (Когда были с лаптями не потерялся, когда стали Татарстаном точно не потеряется.) (Х. Туфан); *Тузар илнең җәнҗалы бетмәс. / Узар илнең дарманы кит-мәс.* (У разрушающейся страны всегда будут происходить бунты, у развивающейся страны силы не иссякнут) (Пословица); *Рус шәһәрен ярсый ялаганда, / Күзләремә Казан күренә.* (букв. Когда я яростно защищаю русские города, / перед глазами стоит Казань.) (Г. Кутуй); *Чынбарлыкка алсу күзлек аша / Юанганбыз карап – чыдарлык! / Ал пыяла күпме алдый ала? / Алсу ялган – кара чынбарлык!* (Реальность через розовые очки, себя тешим – что можно так жить. Но сколько же может врать розовое стекло, розовая ложь – чёрная реальность.) (Л. Шагирзян)

В ряде случаев языковые антонимы помогают раскрыть содержание контекстуальных антонимов: *Вақыт белән Якуп яраша бервақыт: Вақыт алга чаба, Якуп артка чаба.* (Как-то соревнуются время и Якуп: Время вперёд бежит, Якуп бежит назад.) (Б. Рахмат); *Жанымдагы язгы аҗаган, / Күңелдә көзгә күкрәү. / Көзгә моң һәм яз ярсуы / Очрашудан бу тетрәү.* (В душе моей весенняя зарница, / а настроение как осенний гром. / Эта дрожь от встречи осенней тоски и яростной весны.) (Н. Сафина)

По структуре различают следующие виды антонимов:

1) собственно лексические (корневые) антонимы, в которых противоположность выражается семантически. Большинство лексических антонимов разнокоренные слова, с формальной стороны они открыто выражают противоположные значения: *Акрын арымас, кызу бармас.* (Медлительный не устанет, вспыльчивый – встанет.) (Пословица); *Күзләре ачык, / Ябык карашың – / Ничек син мине / Сайлый алгансың!* (букв. Глаза открыты, взгляд опущен – как же ты смог меня выбрать!) (Н. Измайлова); *Таш ялгыш тияр, чулмәк дорес ватылып.* (Камень заденет по ошибке, горшок разобьётся по правде.) (Пословица);

2) производные антонимы, которые возникают в результате образования новых слов с помощью аффиксов или префиксов согласно словообразовательным моделям татарского языка. Различают следующие виды производных антонимов:

а) аффиксальные (грамматические) антонимы, в них противоположность выражают не корни слов, а аффиксы. В татарском языке большинство производных антонимов образуются с помощью следующих аффиксов:

-лы/ле, -сыз/-сез: *Иле бәхетсез чагында / Ир бәхетле буламы?* (Когда в стране несчастье, разве может быть счастлив человек.) (А. Баянов); *Бәхәс-ярыйш тынар: хаклы, хаксыз, / Гаепле һәм гаепсезләр булмас.* (Утихомиряются все споры и соревнования: не будет ни правых и ни неправых, не виновных ни виноватых.) (А. Баянов); *Жимешсез агачка балта чабалар, жимешле агачка таш аталар.* (Деревья без плодов рубят топором, деревья с плодами закидывают камнями.) (Пословица)

-дар/-дар, -сез/-сыз: *Теле бер минут / Тормаганга тик / Йөрткәннәр аны / Телдәр түти дип.* (Так как она не умолкала ни на минуту, её прозвали говорливой тетей.) (А. Исхак); *Шундый аңлатырға тырыша бичара телсез үзенең гаепсезлеген, шундый тырыша.* (Бедный немой так старается оправдать себя.) (Ф. Хусни);

-чән/-чан: *Син өченче ел шундый сүзчән, хәрәкәтчән идең.* (Ты в позапрошлом году был так словоохотлив и подвижен.) (Ф. Амирхан);

-сыз/-сез: *Бу килен сүзсез, талашсыз булып чыкты, кара эшкә гажәп батыр иде.* (Это сноха оказалась очень молчалива и не скандальна, и на удивление очень трудолюбива.) (Г. Ибрагимов);

-гә/-га, -ка/-кә: *Уңга киткән – уңар, / Сулга киткән – туңар.* (Кто пойдёт направо – удача его ждёт, кто пойдёт налево – тот продрогнет.) (Пословица); *Бия эштә тирли, колын бушка тирли.* (Кобылица потеет когда работает, жеребенок потеет просто так.) (Пословица);

-да/-дә, -та/-тә: *Сүрелә дан жыры, / Еракта, якында / Тибрәлә жән жыры / Былбыллар хакында...* (Меркнет песня славы. Вдали и близко слышится песня души о соловьях.) (И. Юзеев);

-лык/-лек: *Барыс елы – байлык, куян елы – кытлык.* (Год барса – богатство, год кролика – неурожай.) (Пословица)

Кроме аффиксальных антонимов, в татарском языке существуют антонимы, образованные с помощью префиксов. В основном это формы, заимствованные из арабо-персидского и русского языков:

бәд-/бад-: *Юлга фатихасын алган көннән / Менде жәрдән өскә, яктыга...* / *Чақырсам да, кире кайту кая, / Догаң нәрсә аңа, бәддогаң.* (Как только получил благословение выйти в путь, поднялся к свету. Даже если буду звать обратно, не надумает возвратиться, что ему твоё благословение, что твоё проклятие.) (Р. Гаташ)

на-/нә-: *лаек – нәлаек* (достойный – недостойный);

анти-: *фашизм – антифашизм;*

гипо-/гипер-: *гиповитаминоз – гипervитаминоз;*

макро-/микро-: *макросистема – микросистема;*

а-: *симметрия – асимметрия;*

контр-: *революция – контрреволюция* и т. п.

Особо нужно отметить аффикс *-ма/-ма*, образующий отрицательную форму глагола. Грамматическая форма этого вида присоединяется к основе, выражая неисполненность процесса: *кайт – кайтма* (вернись – не возвращайся), *бар – барма* (иди – не ходи), *сук – сукма* (ударь – не ударяй). Данная грамматическая форма не рассматривается как антонимическая категория, поскольку явление антонимии – семантическая категория, а форма отсутствия – грамматическая;

б) сложные антонимы, под которыми подразумеваются единицы, состоящие из двух самостоятельных морфем с полными лексическими значениями, или слова, одно из которых является полнозначным, а другое – неполнозначным. Они в свою очередь могут быть разделены на три вида:

1) собственно сложные антонимы: *Хэтта кояш чыгышына / каршы аккан бит вакыт – / Көнчыгыштан көнбатышка / ага иде ләбаса!*.. (Время ведь оказалось течет напротив восходу солнца, течет от востока к западу.) (Р. Харис); *Без бит жирдә күбәүләр / Көнъякта да төньякта. / Диңгезләр. Таулар аркылы / Дуслык юллары ята.* (Нас ведь на земле очень много. И на юге и на севере, через моря и горы, есть дороги для друзей.) (Н. Даули); *Икейөзле булуга караганда, / Беркатлы булу яхшырак.* (Лучше быть наивным, чем двуличным.) (Р. Батулла);

2) парные антонимы. Как уже было сказано выше, в татарском языке антонимы являются основой для образования парных слов: *Ләкин Олы Кыяның Мәргән белән алыш-биреш итү уе тормышка аша алмады.* (Однако планам обмена Олы Кыяка с Мергеном не суждено было сбыться.) (И. Хузин); *Олысы-кечесе рәхәтләнеп уйнады, биеде, җырлады, карга боткасыннан авыз итте.* (И стар, и млад вдоволь повеселились, танцевали, пели, отведали кашу, приготовленную специально для проведения обряда Карга боткасы.) («Сабантуй»)

3) составные антонимы: *Нихәл итмәк, шагыйрь дустым, / Улың – кала малае! / Хәер, авыл малае да / Бер чамадыр, мөгаен.* (Л. Лерон); (Друг-поэт, / Что же поделать. Твой сын уже – парень городской, / впрочем, это можно сказать и о деревенском.) *Үз вакытың җиткәч, Соңга алмый / Килә белү – үзе егетлек. / ...Үз вакытың җиткәч, тыныч кына / Китә белү дә бит егетлек...* (Когда придёт время, не опаздывая, прийти – это само мужество. Когда придёт время умение спокойно уходить – это тоже мужество.) (И. Гилязов); *Көзләр җитсә, кыр казлары / Жылы якка кузгалалар. / Йорт казлары карап кала, / Каңғыл-каңғыл сызланалар.* (Когда наступает осень, дикие гуси начинают свой путь в теплые страны, а домашние гуси остаются печальные смотреть.) (И. Гилязов)

Таким образом, антонимы, подразделяются на отдельные виды исходя из семантического, лексико-грамматического, структурного,

синтаксического соотношений, и каждый из них обладает присущей ему семантикой и строением.

§ 36. Антонимия и другие языковые явления

Антонимия находится в тесной взаимосвязи с такими лексико-семантическими категориями, как синонимия, полисемия, омонимия. В первую очередь следует подчеркнуть её связь с синонимией. Одна лексическая единица одновременно может вступать в антонимические и синонимические отношения с другими единицами. Это явление называется также термином «антонимия синонимического ряда».

У антонимических пар может быть свой синонимический ряд. Например, одно синонимическое гнездо может быть антонимом другого синонимического ряда:

башта (сначала, сперва, вначале; в первую очередь) – *соңыннан* (после, впоследствии, потом): *Башта узен зур тоткан, соңыннан хур булган.* (Сначала важничал, потом – опозорился.) (Пословица);

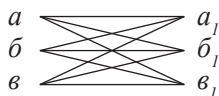
алдан (сперва) – *ахырда, соңыннан* (после, потом): *Алдан килгән урын өчен, соңыннан килгән тамак өчен.* (Кто раньше пришёл – ради места, кто позже – ради угощения.) (Поговорка);

әүвәл (раньше, прежде, в прежнее время) – *аннан* (затем; потом, после; после этого (того)): *Әүвәл мунча, аннан алыча.* (букв. Сначала баня, после алыча.) (Пословица);

элек (сначала, раньше) – *азактан* (после, потом, впоследствии; напоследок): *Элек эҗигелеп эшләсәң, соңыннан авыры кала.* (Если сначала работать впрягаясь, то напоследок остается самое тяжелое.) (Пословица); *Төн үтөп, күңелле / Көн тугач, азактан / Берсе дә булмаган / Шикелле тоела.* (Как только ночь проходит и рождается радостный день / потом кажется, что ничего и не произошло.) (М. Джалиль);

элгәре (предварительно; заранее) – *азак* (затем, потом, в конце): *Күкәй салмас тавык көн элгәре кытаклый.* (Курица, которая не несет яйца, куда-чет заранее.) (Пословица) – *Тәүдә мәгәрәдә яшәгән ул, азак йортлар салган.* (До этого жил он в пещере на горе, потом строил дома.) («Безнен гэжит»)

Между словами, входящими в два синонимических ряда и являющимися между собой антонимами, может устанавливаться радиальная и прямая связь.

(Введенская, 1969: 107)

а, б, в – первый синонимический ряд, *а₁, б₁, в₁* – второй синонимический ряд.

акрын *тиз*
салмак *шәп*

Например, **Акрын** (медленно) – **тиз** (быстро): *Акрын барган – тиз жжиткән.* (Тише едешь – дальше будешь.) (Пословица)

Салмак (плавный) – **шәп** (быстрый): *(Сүзләре салмак аның – койган кеби кургаи белән!* (Слова его плавные – будто свинцом залиты.) (Г. Тукай). – **Бик шәп аккан чиймәнең башы якын була, имеш.** (Говорят, у быстро текущего ручья исток близок.) (Пословица)).

При радиальной связи антонимы можно свободно заменять их антонимическими парами: *зур, олы* (большой) – *кечкенә, бәләкәй* (маленький)

зур *кечкенә*
олы *бәләкәй*

Например, можно сказать и **Зур нәрсәне кечкенә белән үлчиләр.** – **Олы нәрсәне бәләкәй белән үлчиләр.** (Большое измеряется малым.) (Пословица)

При прямой связи слова, входящие в синонимический ряд, являются отдельными антонимами:

Әдәпле (вежливый, учтивый, обходительный, деликатный, любезный, тактичный) – **әдәтсез** (невоспитанный, бестактный, невежливый): **Әдәпле кеше – солтан, әдәтсезнең бите олтан.** (Воспитанный человек – султан, у невоспитанного – лицо бестыжее.) (Пословица);

Ягымлы (приятный, симпатичный; привлекательный, миловидный, обаятельный) – **ягымсыз** (неприятный, непривлекательный, несимпатичный): **Ягымлы сүзгә берәү дә ачуланмый.** (букв. Никто не сердится приятно слову.) (Пословица) – **Соң кычкырган этәчнең тавышы ягымсыз.** (Голос припозднившего петуха неприятен.) (Пословица)

Антонимы такого ряда нельзя заменить парами:

Зиннәтле (роскошный, украшенный; нарядный) – **фәкыйрь** (бедный, нищий, малоимущий, нуждающийся): **Бай түрәләр күк, ай эчендә зиннәтле коттедж өйдереп куяр идем.** (Подобно богатым чиновникам я построил бы роскошный коттедж за месяц.) (Ф. Давлетбаев) – **Аларның торыр жирләре бик тә фәкыйрь икән.** (Их место проживания было очень бедным.) («Сабантуй»);

Кыйммәтле (дорогой, дорогостоящий, ценный) – **арзанлы** (дешёвый, недорогой): **Сатмас егет илен алтын-көмешләргә, / Әгәр югалтмаса вәжданын; / Алтынны ул чүпкә санар, / Иң кыйммәтле күрер ватанын.** (Не продаст юноша свою родину за золото и серебро, / если не потеряет свою

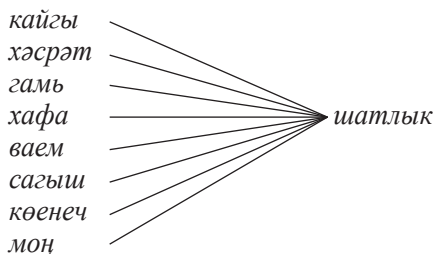
совесть; / золото для него мусор, / самое дорогое – Родина.) (А. Алиш) – *Телевизордан татарчага тәржемә ителгән Мексика, Бразилия сериалларын карыйбыз бит әле, Мәскәү каналлары төшергән бетмәс-төкәнмәс арзанлы сериалларны да.* (Смотрим по телевизору мексиканские, бразильские сериалы, переведенные на татарский язык, бесконечные дешевые сериалы, снятые московскими каналами.) («Шәһри Казан»);

Бай (богатый, состоятельный, зажиточный) – *фәкыйрь* (бедный, неимущий, малоимущий, нуждающийся): *Шулай да туйдыралар дөньяда фәкыйрь илә байны.* (И всё же кормит мир бедного и богатого.) (Н. Думави);

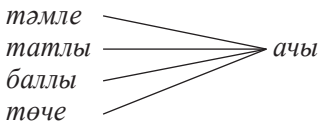
күркәм (красивый, симпатичный) – *мескен* (бедный, несчастный; горемычный): *Кыз байлыгы – күркәм холык.* (Богатство девушки – благо нравность.) (Пословица) – *Гакыл башлык булган көннән алып, / Көн-төн елый мескен йөрәгем, / Һәр көн ызгыш, һәр көн йөрәгем / Гакыл-башлык бирә кирәген...* (С того дня, как разум мой одержал победу, / день и ночь плачет моё бедное сердце, / каждый день в борьбе, каждый день сердце / уступает моему разуму.) (Х. Такташ).

В татарском языке синонимические антонимы, входящие в прямые связи, встречаются достаточно часто.

В некоторых случаях всем словам, входящим в подобный синонимический ряд, может соответствовать один общий антоним. Так, например, в следующий синонимический ряд входят такие слова, имеющие один общий антоним *шатлык* (радость, удовольствие; восторг): *кайгы* (горе; печаль; скорбь), *хәсрәт* (горе, печаль, скорбь), *гамь* (печаль, грусть, тоска); *хафа* (тревога, беспокойство, волнение), *ваем* (забота; беспокойство, хлопоты), *сагыш* (уст. дума; тоска, грусть, кручина, печаль); *көенеч* (горе, печаль, скорбь; тоска, грусть, кручина); *моң* (тоска, грусть, уныние).

Или другой пример синонимического ряда, также имеющего один антоним *ачы* (кислый, горький): *тәмле* (вкусный); *татлы* (сладкий, сладостный); *баллы* (медовый, сладкий), *төче* (слащавый, приторный).

В большинстве случаев выбор того или иного синонима из ряда зависит от контекста: *Күркәм* кием – *тән зиннәте*, *күркәм* холык – *жәң зиннәте*. (Благородная одежда – украшение тела, благородный характер – украшение души.) (Пословица)

В синонимических парах из нескольких антонимов один из них является доминантой, которая представляет собой слово с нейтральным значением, непосредственно выражающим противоположность, например:

Саулык (здоровье) – *авыру* (болезнь): *Бар уем кичен-көндезен сезнең хакта, милләтем; / Саулыгың – минем саулык, авыруың – минем авыруым.* (Все мои мысли и вечером, и днём о тебе – мой народ. / Твое здоровье – мое здоровье, твоя болезнь – моя болезнь.) (Г. Тукай);

Сәламәтлек (здоровье) – *сырхаулык* (болезненное состояние; недомогание; болезнь): *Сәламәтлек – үзе бер бәхет.* (Здоровье – это и есть счастье.) (Пословица) – *Бу сырхаулык белән аңлатылса да, моңа бәйле имеш-мимеш тарала башлады инде.* (Хотя объяснялось это болезнью, но начали распространяться связанные с этим слухи.) («Безнен гәжит»);

Исәнлек (здоровье, благополучие, целость, невредимость, сохранность) – *хасталык* (болезнь): *Иң мөһиме – исәнлек булсын* (Главное – пусть будет здоровье.) («Шәһри Казан») – *Әгәр хасталык, яки картлык сәбәплә кашык тотта алмаса, мескенне ашатсын.* (Если не сможет держать ложку по причине болезни или старости, пусть, бедняжку кормит.) (Р. Аляутдинов);

Тазалык (здоровье, физическая сила) – *чирлелек* (болезненность, хворость): *Байлыкның башы – тазалык.* (Начало богатства в здоровье.) (Пословица) – *Кешелеккә тоташ чирлелек, гомуми дистрофия яный.* (Человечеству грозит всеохватывающая болезнь, всеобщая дистрофия.) («Ватаным Татарстан»);

Сихәтлек (здоровье) – *сихәтсезлек* (недомогание, нездоровье, болезнь): *Намаз укучы кешедән нур бөркелә, ул аңа үзенә сихәтлек, жәңына дәва бирә.* (От молящегося исходит свет, который дарует ему душевное исцеление) (Р. Аляутдинов) – *Сихәтсезлегем аркасында менә шушында торып калдым бугай.* (Видимо, из-за своего недомогания я застрял здесь.) (Ф. Хусни)

В этих синонимических рядах доминантой является антонимическая пара *саулык* (здоровье) – *авыру* (болезнь).

Таким образом, в татарском языке часто встречаются две или более семантически антонимические пары, каждое слово в которой имеет свои

синонимы, образующие таким образом синонимический (вертикальный) и антонимический (горизонтальный) ряды.

Соотношение между антонимией и полисемией выражается в соотношении, взаимодействии и других свойствах системы лексических единиц. Остановимся на них. Одно слово, в разных значениях, может составлять отдельные антонимические пары:

Салу (класть) – 1) ‘размещёние чего-либо внутрь чего-либо посредством опускания, укладывания, затыкания, выливания, высыпания и т. п.’¹: *Хаят карточкаларны китап эченә салды.* (Хаят вложила карточки в книгу.) (Ф. Амирхан) – антоним *алу*: *Ул өстәл тартмасыннан китабын алды.* (Он достал из ящика стола книгу.); 2) ‘погрузка, разгрузка’: *Гази чанага салам салды.* (Гази положил сено на салазки.) (М. Хасанов) – *Пароход тикмәгә генә туктамагандыр, бушатасы я төйисе нәрсәсе бардыр.* (Наверное, пароход не зря остановился, видимо, ему есть что разгрузить или погрузить.) (И. Гази); 3) ‘кабызып жибөрү, төртү’ (завести, зажечь): *Утын, су ташып, мунча миченә ут салдык.* (Принесли дров, воды и разожгли огонь в печи бани.) (Э. Касимов) – антоним *сүндерү* (тушить, потушить, гасить, погасить): *Е. Лылов итәгенә капкан утны башлангыч чорда ук сүндерү омтылышы да ясаган иде.* (Е. Лылов вначале было попытался потушить подол, охваченный огнём.) («Безнең гәжит»); 4) ‘разлить в посуду, подать’: *Әнисе аш салып бирде.* (Мать суп налила.) (М. Гали) – антоним *түгү* (вылить): *Су түгү ифрат күп көч таләп итә иде.* (Выливание воды требовало огромных усилий.) (И. Хузин); 5) ‘строить сооружение, соорудить’ – антоним *жәимерү* (ломать, разрушать), *сүтү* (разобрать): *Ир өй салган – хатын жәимергән, хатын өй салган – шайтан да жәимерә алмаган.* (букв. Мужчина построил дом – женщина разрушила, женщина построила дом – и шайтан не смог его разрушить.) (Пословица)

Возможность многозначного слова входить в различные антонимические отношения связана с тем, что оно одновременно входит в состав различных лексико-семантических парадигм. В некоторых случаях слово, меняя свое значение, может либо заменять антоним, либо не вступать в другие антонимические отношения.

Все значения многозначного слова или только отдельные лексико-семантические его варианты могут вступать в антонимическую связь

¹ Далее в тексте значения лексических единиц были взяты из следующих словарей: «Толкового словаря татарского языка» (в 3 томах / Редкол.: Л. Т. Махмутова, М. Г. Мухаммадиева, К. С. Сабиров и др. Казань: Татар. кит. изд-во., 1977–1981); «Толковый словарь татарского языка» (Редкол.: Ф. А. Ганиев, К. С. Миннебаев, Ф. М. Газизова и др. Казань: Дом Печати, 2005, с. 848) и «Толковый словарь татарского языка» (в 6 томах. Казань: ТАИФ, 2015–2021).

с другими лексическими единицами. Например, *Сарык булсаң, буре да ашый*. (Если будешь овцой, то и волк съест.) (Пословица) Слово *сарык* определяет человека тихого, глупого, а слово *буре* – злобного. Эти слова в данном контексте составляют антонимическую пару.

Также лексико-семантический вариант полисемантического слова может иметь несколько антонимов, что чаще свойственно для прилагательных и глаголов: *сүтү* (распарывать) – *тегү* (шить); *сүтү* (распускать) – *үрү* (заплетать); *сүтү* (разматывать) – *чорнау* (наматывать); *сүтү* (разобрать) – *салу*, *яңадан ясау* (строить, соорудить заново).

Явление антонимии тесно связано с омонимией. Омонимы, исходя из своего лексического значения, могут образовывать антонимические пары с другими словами. Остановимся на отдельных примерах:

I. *ач* (голодный) – *тук* (сытый): *Теләнченең капчыгы тук, кузе ач*. (У попрошайки мешок сытый, а глаза голодные.) (Пословица)

II. *ач* (открой) – *яп* (закрой): *Ишек ачтым, / Кар, кер, / Сөйләшеп утырык бер. / – Я сөйләрсең моң-зар, / Кеше түгел бит мин, кар – / Давылга әйләнермен... / Ишегең яп, / Кермим*. (букв. Открыл я дверь, входи, снег, / Посидим, поговорим. / – Ну расскажи грусть-печаль, / Не человек же, а снег – Превращусь в бурю... / Закрой дверь, / Не войду.) (Р. Харис)

I. *кала* (город) – *сала* (деревня): *Кала хәлен беләсең килсә, салага бар*. (букв. Если хочешь знать, как устроен город, иди в деревню.) (Пословица)

II. *кала* (остаётся) – *бара* (идёт): *Ул өйдә кала*. (Он остаётся дома.) – *Ул өйдән бара*. (Он идёт из дома.)

I. *салу* (строить) – *җимерелү* (разрушаться): *Сала белеп салганнар шул, / Селкенергә уйламый да; / Ничә гасыр тора инде / Мисырдагы пирамида... / Без корганы... җимерелде / Җибәрелгән гаепләрдән*. (Умели же строить, / Даже не думает шевельнуться; / Сколько веков стоит / пирамида в Египте... / То, что мы построили...разрушилось; Разрушилось от проступков.) (И. Гилязов)

II. *салу* (снять) – *кию* (надеть): *Жиргә яттык та без, җирдән тордык, / Кәләнүшине салып, шлем кидек*. (Мы легли на землю, и встали с земли, / Сняв тюбетейку, надели шлем.) (Г. Афзал)

Таким образом, рассмотрение взаимодействия антонимии с полисемией, синонимией и омонимией помогает глубже проникнуть в сущность данных языковых явлений, показать проявление системных отношений в лексике татарского языка.

§ 37. Энантиосемия в татарском языке

В татарском языке одно и то же слово может употребляться в речи в противоположном значении. Подобное явление называется

энантиосемия (греч. *enantios* – противоположный, *sema* – знак) и понимается под ней способность слова выражать антонимичное значение в пределах одной и той же лексической единицы. В языкознании это явление также называется «внутрисловная антонимия»¹. Как известно, энантиосемия представляет собой синтез полисемии и антонимии.

Например, слово *белдекле* (знающий) употребляется в отношении человека, имеющего глубокие знания, много повидавшего: *Аларның берсе генә китсә дә, эш тукталачак, чөнки иң белдекле, иң тырышлар – шулар*. (Даже если хотя кто-то из них уйдет, то дело может остановиться, потому что это самые знающие, самые старательные. («Безнең гәжит»)) Но в то же время данное слово в переносном значении употребляется и по отношению к невежественному человеку, стремящемуся казаться умным: *Каран кына жибәр инде үзен, – диде баягы «белдекле» хатын*. (Только взгляни-ка, – сказала та женщина «всезнайка».) (Г. Гильманов) В вышеприведённых примерах одно и то же слово употребляется в противоположных значениях.

Если взять слово *тану* (признание), то его первичное значение – ‘понимание того, что снова встретил когда-то знакомого человека’: *кешене тану* (узнать человека); кроме того, у слова также есть и другое значение: ‘поладить, помириться, принять’: *гаепне тану* (признать вину).

В своём проявлении энантиосемия близка к антонимии, но при антонимии противопоставляются слова, тогда как при энантиосемии противопоставляются значения одного и того же слова. Например, *зәһәр* (яд, отравка) – 1) ‘злой, суровый, ядовитый’: *Туры сүз башта зәһәр булса да, соңы ишкәр; ялган сүз башта ишкәр булса да, соңы зәһәр*. (Если вначале правдивое слово – отравка, зато потом оно становится сладким как сахар; если вначале ложное слово подобно сахару, зато потом как отравка.) (Пословица); 2) отлично, очень хорошо, задорно, ловко: *Курше квартал командасы, аерата бер-ике малай бик житез, бик зәһәр уйный иде*. (Команда из соседнего квартала, особенно пара мальчишек, играла очень ловко и задорно.) (Э. Касимов)

В зависимости от особенностей применения энантиосемии подразделяют на два типа.

1. Номинативная энантиосемия, то есть противоположный результат, обобщение одного и того же процесса. Слово употребляется по отношению к двум разным объектам, и потому у него возникает два противоположных значения. Этот вид энантиосемии чаще всего встречается в глагольных формах.

Противоположность между значениями слова может быть определена только в контексте, например, *таралу* (распространиться) – ‘переходя от че-

¹ Например, Л. А. Новиков рассматривает это явление как «внутрисуставную антонимию» (Новиков 1973: 182).

ловека к человеку, становясь известным многим, разлетаться’: *Бу жырлар радио дулкыннары аша һәм озын тимерчыбыклар буйлап ерак илләргә таралды.* (Эти песни разлетелись в дальние страны по радиоволнам и длинным проводам.) (К. Наджми); *таралу* (распространиться) – ‘некое негативное явление, распространение болезни на других, заражение’: *Наркомания таралу – аяныч күренеш.* (Распространение наркомании – печальное явление.)

Чыгу – ‘уйти куда-нибудь, оставить это место’: *Баручыларның атлары, корсактан бата-бата, юлдан чыктылар* (Кони идущих, увязая по самое брюхо, сошли с дороги.) (И. Гази); *чыгу* – ‘выйти откуда-нибудь’: *Озын буйлы украинец, итек үкчәләрен бер-берсенә бәреп, строй алдына чыкты.* (Высокий украинец, ударив друг об друга каблуками сапог, вышел перед строем.) (К. Наджми)

Алу – ‘устроить на работу кого-либо, принять’: *Аны «Яшь ленинчы»ның ул вакыттагы редакторы Хәким Бәдри эшкә ала.* (Его принимает на работу тогдашний редактор «Молодого ленинца» Хаким Бадри.) («Сабантуй»); *алу* – ‘уволить с работы, освободить от должности’: *Ә күп очракта бу кешене эштән генә алалар.* (А в большинстве случаев этого человека просто увольняют.) («Безнең гәжит»)

Килу – ‘с какой-либо целью куда-либо пойти, приехать’: *Ул, эш эзләп, Казанга килде.* (В поисках работы он приехал в Казань.); *килу* – ‘прибытие откуда-либо с какой-либо целью’: *Разия Әлмәткә Казаннан килде.* (Рамзия приехала в Альметьевск из Казани.)

Появление этого вида энантиосемии также связано с явлениям табу и эвфемией, например, *баю* – ‘уход небесных светил за горизонт, исчезновение из поля зрения на горизонте, закатиться (о небесных телах)’: *Буген, кояш баю белән, Рамазан ае керә.* (Сегодня, с заходом солнца, наступает месяц Рамадан.) («Дин вә Мәгыйшәт» = «Религия и жизнь»). Поскольку в татарском языке слово *үлү* (умирать) является табуированным, то оно заменяется словом *баю*, который выступает эвфемизмом для данного слова: *Минем тормышым баеп бара.* (Наступает закат моей жизни.) (Г. Гали)

2. Эмоционально-оценочная энантиосемия. Она предполагает наличие в семантической структуре слова противоположных эмоциональных и оценочных компонентов.

Например, в одном контексте значение слова *герой* может иметь положительную коннотацию, другом, наоборот, отрицательную: *герой* ‘проявил подвиг’: *Аларга каршы сугышкан Г. Жуков бу сугышта да герой булды.* (Г. Жуков стал героем и в этой войне.) («Безнең гәжит»); *герой* ‘забияка, драчун, задира; человек, который любит петушиться; трусливый’: *Качып китәрлек булгач, син бигрәк герой икәнсең, – диде Сания.* (Сбежать собрался, какой же ты герой, оказывается – сказала Сания.) (М. Амир)

В большинстве случаев такие слова заключаются в скобки, а в речи выделяются интонацией. Границы этого вида энантиосемии установить невозможно.

В речи коннотативная сема значения слова может выходить на передний план: *егет* – ‘молодой человек, переходящий от юности к зрелости’: *Малай чак белән егет чиген сизми дә калдык.* (По молодости даже не заметили, как повзрослели.) (А. Гилязов); *егет* – ‘жизнерадостный, ловкий, энергичный старик’: *Бабай, син «егет» икәнсең әле.* (Старик, оказывается, ты ещё бодрый «юноша».) («Шәһри Казан»)

Чибәр – о красивом, привлекательном человеке: *Хатын-кыз ямьсез булалмый, / Хатын-кыз чибәр була! / Шуны күрмәгән ир-ат ул, / Әлбәттә, жүләр була.* (Женщина не может быть некрасивой, / Женщина бывает красивой! А мужчина, не увидевший этого, / конечно, бывает глупым.) (Р. Миннуллин); *чибәр* – в переносном значении говорится по отношению к некрасивому человеку: *Чибәрлеккә бик чибәр, күрсәң гайрәтең чигәр.* (Такая красавица, что в окно глянет – конь прынет.) (Пословица)

Следует отметить, что энантиосемия может иметь место между различными лексико-семантическими вариантами слова или же в одном из его значений, например, *ис* (запах) ‘свойство предметов, веществ, воспринимаемое обонянием’: *Аннан килгән тәмле ис Арслан бүлмәсенә дә бәрәп керде.* (Затем этот приятный аромат, исходящий от неё, ворвался и в комнату Арслана.) («Сабантуй»); *Чөнки көзән халкының ачуын китерергә ярамаганлыгын, юкса аннан коточкыч начар ис таралуын яхшы белә иде.* (Ибо он знал, что нельзя вызывать гнев хорька, иначе от него распространится ужасный неприятный запах.) («Сабантуй») В этом случае, в одном значении слова *ис* (запах) возникают две разные противоположности.

Рассмотрим ещё несколько примеров:

бору (повернуть, поворачивать): 1. ‘Уменьшить звук, приводя в движение подавляющее шум устройство какого-либо прибора’; *бору*: напротив, ‘увеличивать, усиливать’. Сравним: *Радионың тавышын бор, бигрәк кычкыра.* – *Радионың тавышын бор, берни ишетелми.* (Убавь звук радио, уж больно сильно кричит. – Прибавь звук радио, ничего не слышно.)

дару (лекарство): ‘жидкое или порошкообразное вещество, применяемое для устранения или уменьшения боли’: *Юкәнең чәчәге – бал, кабыгы – юкә, череге – дару.* (Цветок липы – мёд, кора – лыко, труха – лекарство.) (Пословица); *дару*: ‘яд для уничтожения насекомых’: *Алар өйләренә таракан даруы сибеп чыктылар.* (Они разбросали по дому яд для тараканов.) Между этими двумя лексико-семантическими вариантами слова *дару* лежит противоречие.

Бәясез (не имеющий цены; дешёвый, малоценный): ‘очень дешёвый, низкая цена’: – *Купме тора? – дип сорый Әбүзәр абзый аучыдан. – Миллион! – ди теге. Ул елларда акчаның бәясез чагы булса да, Әбүзәр абзый уйлый-уйлый да кыйбатсынып [киекне] алмый китә.* (Сколько стоит? – спрашивает Абузар абый охотника. – Миллион! – говорит тот. Несмотря на то, что деньги в те годы обесценились, Абузар абый задумался и ушел, посчитав, что [за дичь] дорого, ушёл.) (Г. Абсалямов); *бәясез* (бесценный): ‘очень дорогой, не имеющий цены’: *Ул жыйган, туплаган халкыбыз жәүһәрләре, фольклоры – миллиәтебезнең бәясез байлыгы.* (Собранные им сокровища нашего народа, фольклор – бесценное богатство нашей нации.) («Безнең гәжит»)

Во многих случаях энантиосемия принимает иронический оттенок: *белгеч* (специалист): ‘Человек, имеющий специальную профессиональную подготовку, образование, опыт работы в какой-либо области, отрасли’: *Профессор Әбүзәр Тагиров Казанда йөрәк авырулары буенча иң зур белгечләрдән санала.* (Профессор Абузар Тагиров является одним из крупнейших в Казани специалистов по сердечным заболеваниям.) (Г. Абсалямов)

Кроме того, слово *белгеч* употребляется и по отношению к невежественному, неопытному, склонного умничать, умствовать, мудрствовать, морализировать: *Әкудан тизрәк котылырга теләгән «белгеч» кибеттән ары башка жиргә кирәкми шул.* (А «специалист», желающий побыстрее избавиться от учёбы, кроме магазина не нужен нигде.) («Безнең гәжит») Значение слова *белгеч* в этих примерах различается в разных контекстах, в зависимости от ситуации, и используется с целью насмешки.

Обобщая сказанное, отметим, что в татарском языке отдельные слова, употребляясь в речи в противоположном значении, образуют явление энантиосемии.

§ 38. Функционально-стилистическая роль антонимов

Антонимы широко используются в устном народном творчестве и в художественной литературе. Например, *Кенәри үзе читлектә, күңеле иректә* (Канарейка хотя и в клетка, душа её на свободе.) (Поговорка); *Иң элек уйла, аннан соң эшлә.* (Прежде думай, только потом делай.) (Пословица); *Галим белгәнән әйтер, ахмак жиңгәнән әйтер.* (Умный скажет о чем знает, глупый о том, что победил.) (Пословица); *Утта янмый, суда батмый.* (В огне не горит, в воде не тонет.) (Загадка); *Аттан биек, эттән төбәнәк.* (Выше лошади, ниже собаки.) (Загадка); *Шахтёр, лампаң тотып, бусагада / Син ничәмә тапкыр күрендең; / Жир астында йөрөп исән кайттың, / Жир өстендә йөрөп күмелдең.* (Шахтёр, держа в руках лампу, / Сколько раз ты мне встречался, / Ты вернулся невредим, работая

под землей, / над землей же ты был погреблен.) (Ш. Галиев); **Ите сиңа, сөяге миңа.** (Мясо – тебе, кости – мне.) (Поговорка).

Антонимы очень часто встречаются в афоризмах, особенно в авторских: **Яшьлегем кызык, картлыгым – мыҗык.** *Мин үзем юан булсам да, күңелем нечкә.* (Молодость моя интересна, старость – ворчлива / Хотя и сам я полный, душа моя тонка.) (Л. Лерон); **Ир кеше тәрәзә уя, хатынкыз пәрдә кора.** *Ялкау байдан ярлы туар. Ак йортта таң атканда – Кремльда караңгы төшә.* (Мужчина вырубает окно, женщина занавешивает его. От ленивого богатого рождается бедняк. Когда в Белом доме встает заря, в Кремле опускается ночь.) (К. Каримов); **Сезгә мин кирәк чакта, мин – бар, миңа кирәк чакта, сез – юк.** (Когда я нужен вам, то я всегда рядом, когда же я нуждаюсь в вас – вас всегда нет.) (А. Гаффар); **Карак ул уңнан да, сулдан да карак дип укыла.** *Угрылар тәгәрмәч кебек: эресе – акрын, вагы тиз әйләнә.* (Слово карак (вор) и справа и слева читается одинаково. Воры – они как колеса – чем крупнее, тем движутся медленнее, чем мельче – тем быстрее.) (Х. Бадиги)

Антонимичные слова, отражающие противоположные друг другу явления, ситуации, события или процессы, как важные стилистические средства, активно участвуют в построении различных стилистических фигур, тропов.

Оборот поэтической речи, основанный на резком контрасте понятий, положений, образов, состояний называется **антитезой** (греч. *antithesis* – противоположность). Антитеза играет важную роль в логическом усилении мысли, помогает выразить её ярче и эмоциональнее. Создавая в произведении контрастный фон, она, усиливает впечатление от противопоставления, помогает оказать воздействие на читателя. Например, **Без сугышта юлбарыстан көчлөбез, / Без тынычта аттан артык эшлибез.** (Мы в бою сильнее тигра, / В тылу же мы вкалываем больше лошади.) (Г. Тукай); **Жырла эйдә! – / Дошман кара көяр, / Чит илдәге дуслар / Елмаер.** (Давай спой! – / Пусть враг почернеет от зависти, / друзья на чужбине / улыбнутся.) (Х. Туфан); **Суга төште – сүнмәде / Утка керде – көймәде.** (Вошёл в воду – не погас / Вошёл в огонь – не сгорел.) (Х. Такташ); **Яткач урын алама, торгач – киём алама.** (Ляжешь – старая постель, встанешь – изношенная одежда.) (Пословица); **Шаша, таша елгалар – / Тотып торалар ярлар: / Берсе – текә, берсе – сөзәк... / Берсе акыл, берсе – йөрәк.** (Бушуют, разливаются реки – / Держат их берега: / Один – крутой, другой – пологий... / Один – разум, другое – сердце.) (Н. Сафина); **Тугры баласын пәйгамбәр / Итәргә эзер тора. / Ә инде угры баладан / Үзең нәрсә сора?..** (Готова превратить / В пророка честное дитя. / А что просить для себя от разбойного дитя?..) (Р. Ахметзянов)

Степень воздействия антитезы зависит от конкретного контекста, данной контекст называется х и а з м (греч. *chiasmós* – буква греческого алфавита, *хи* обозначает – расположенный крестом): *Кыз бала яка камый, / Камый да тагын сүтә.* (Девочка воротник наматывает, / Наматывает и снова разматывает.) (А. Баян)

При расположении хиазма обе части предложения оказываются противоположными по содержанию, структуре и интонации: *Якты барга белән караңгылык.* (Невежество можно разглядеть только там, где есть просветление.) (Пословица)

Отдельным стилистическим средством являются и антонимические повторы: *Улы түгел, улы түгел бу! / Бу егет бүтән, бүтән, / Арыслан кебек – өлкән бу, / Генерал кебек күркәм.* (Не сын это, не сын! / Этот парень другой, другой, / Подобно льву – взрослый, / Красавец подобно генералу.) (Х. Туфан)

В названиях многих татарских литературных произведений применены антонимы: «*Яшәү белән үлем арасында*» (Между жизнь и смертью) (Н. Даули), «*Ут һәм су*» (Огонь и вода) (А. Баянов) и др.

В речи в ряде случаев антонимичные слова, вступая во взаимодействие и становятся единым словосочетанием, создают такое явление, как оксюморон (греч. *оxуmорон* – «умная глупость», остроумная бессмыслица).

Оксюмороны образуются на основе противопоставления двух понятий с противоположным значением, которые, сочетаясь между собой, в определённых условиях образуют новую единицу, приобретают новый дополнительный смысл: *сакаллы сабий* (молодой старик), *күзле сукыр* (зрячий слепой), *чын ялган* (правдивая ложь), *надан галим* (неграмотный учёный), *бай хәерче* (бедный богач), *камыр батыр* (богатырь из теста), *коры диңгез* (сухое море).

Для оксюморонов характерна эмоциональная экспрессивность, при совместном использовании в них двух противоположных компонентов их основные значения уходят на второй план и возникает новый оценочный оттенок: *Без – мәңгелек, / Чиклелек – жанлы үлек.* (Мы – вечность, / Ограничения – живой труп.) (Х. Такташ); *Ямьсез, авыр, көзге җилле, яңгырлы, елак тынлык иде бу.* (Это была безобразная, тяжелая, осенняя ветреная, дождливая, плаксивая тишина.) (А. Расих); *Их, син, Сях дустым, нәни гигант!* (Эх, ты, друг Сях, маленький гигант!) (Зулфат); *Кагылма каенга – / кагылма / кадерле кайгыма.* (Не касайся ты берёзы, не касайся / моей дорогой печали.) (Р. Гагауллин); *Мәңгеләктән татлы ялган даулап, / Меңәрләгән мизгел – гомер уза.* (Сражаясь с вечностью за сладкую ложь, / Проходит жизнь как тысячи мгновений.) (Ф. Муслимова); *Гәрбер*

тантаналы фаҗига – мескен бәет. (Каждая торжественная драма – жалкое подобие баита.) (А. Гаффар)

Следует упомянуть и такое явление как *катахреза* (греч. *katachresis* – злоупотребление, чрезмерное увлечение) также построенное на противопоставлении. Под катахрезой понимается соединение слов с противоположным значением без учета совместимости их лексических значений, в результате чего возникают бессмысленные, странные сочетания. Например, *кызыл кара* (красные чернила), *зәңгәр кара* (голубые чернила), *кара аккош* (чёрный лебедь), *утсыз яну* (гореть без света), *сусыз юу* (мыть без воды); *төтенсез ут* (дым без огня), *ачкычсыз йозак* (замок без ключа), *дәвасыз сырхау* (неизлечимое заболевание), *йөксез авырлык* (пустые сложности). *Утсыз төтен булмый.* (Нет дыма без огня.) (Поговорка); *Пычаксыз суйдың, җилсез киптердең.* (Резать без ножа, сушить без ветра.) (Пословица); *Куңелләрдә утсыз ялкын дөрли, / Шатлык оча, җиргә сыймыйча.* (В душе бушует пламя без огня, / радость летит, переполняя чувства на земле.) (Н. Ахмадиев); *Тик салкын җылы бу – / Әбиләр чуагы. / Язмышым соңарып, / Кызганып елмайды.* (Только это холодное тепло – / Бабье лето. / Судьба моя с сожалением улыбнулась.) (Н. Измайлова).

В контексте слова в антонимичных парах могут употребляться в противоположном их основному значению смысле, часто в ироничном. Такой приём, основанный на контрасте и иронии, имеет название *антифразис* (греч. *antiphrasis* – употребление слова в противоположном значении). Обычно в разговорной речи часто говорят: *Ай-һай башлы икәнсең син* (Ай-яй, какой умный) по отношению к человеку недалекого ума, а по отношению к злому, сердитому говорят: *Син шундый яхшы* (Ты такой хороший).

В целом в достижении точности, художественной выразительности, изящности речи весьма важную роль играют антонимы, которые расширяют возможности использования языка с целью точного выражения содержания. Обладая разнообразными стилистическими чертами и выполняя особую роль в обогащении лексико-семантической системы языка, они помогают с изображением внутренних противоречий между природным состоянием предметов и явлений.

СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

§ 39. История изучения фразеологии в языкознании

Язык сохраняет культурно-исторические ценности своего народа, раскрывает факты, связанные с современностью, поскольку его лексический и фразеологический составы обладают способностью отражать историю, географию, общественно-политическое устройство, условия жизни, быт народа со всеми его признаками и особенностями.

Играя в науке роль культурного транслятора языка, фразеологические выражения до сих пор вызывают неподдельный интерес исследователей.

На развитие фразеологии большое влияние оказали идеи французского лингвиста Ш. Балли (1865–1947) (Балли, 1955). В отечественном языкознании же фразеология как самостоятельный раздел языковедения сформировалась лишь в 40-е годы XX века. Но первые теоретические сведения о русской фразеологии мы находим в трудах А. А. Потебни (1894, 1976, 1999), И. И. Срезневского (1873), Ф. Ф. Фортунатова (1898).

В 50-е годы в работах В. В. Виноградова уточняются основные понятия, касающиеся фразеологии, определяются задачи изучения, указываются направления (1947, 1954, 1959, 1972). В дальнейшем фразеологизмы, как структурные единицы языка, освещаются в работах А. И. Смирницкого (1952, 1954, 1956), О. С. Ахмановой (1957). Кроме того, вопросы, связанные с систематизацией фразеологизмов, определением их состава, производно-структурными особенностями, семантикой, лексикографическим описанием, исследованием в лингвокультурологическом аспекте, со сравнительным изучением других языков, находят отражение в трудах учёных: В. Л. Архангельский (1960, 1964, 1968, 1969, 1978), Н. Н. Амосова (1951), В. П. Жуков (1978, 1986), А. В. Кунин (1970), Н. М. Шанский (1957, 1969), В. М. Мокиенко (1986, 1989, 1990), В. Н. Телия (1986, 1996) и др.

Параллельно с научными разработками мировых филологов ведется изучение фразеологизмов и в тюркских языках. Так, основы узбекской фразеологии заложены Ш. У. Рахматуллаевым (1966), М. С. Рузыкуловой (1966); азербайджанскими и туркменскими учёными подвергнуты анализу фразеологические единицы как стилевое средство отдельных писателей (Мамедов, 1964; Кязимов, 1966); казахскими языковедами исследованы грамматическая структура и семантическое значение фразеологических единиц (Ахмеджанова, 1988) и дана их характеристика в стилистическом

аспекте (Джакибеков, 1956; Кожухметова, 1967); изучению башкирских фразеологизмов посвящена монография Дж. Г. Киекбаева (1966).

В то же время и в татарском языкознании ведутся исследования в этом направлении. Впервые толкование понятия «фразеология» даёт К. Насыри в «Әнмүэж» («Грамматика татарского языка») (1895). Автор определяет эти выражения как слова (калимә) со скрытым (отвлечённым) значением, оторванным от основных значений.

Большой вклад в изучение татарского устного народного творчества вносит Х. Бадиги. В сборнике «Борынгылар әйткән сүзләр» (1912), дважды переизданном (в 1919 и 1952 годах), им собран значительный материал. В разделе «Фольклор һәм халык әдәбиятын жыю өчен кулланма», составленной Г. Х. Алпаровым книги «Әлифба тәртибе, имла кагыйдәләре, атамалар мәсьәләсе. Халык әдәбиятын жыю турында инструкцияләр жыентыгы» (1926), приведено множество фразеологических выражений, широко распространённых в татарском языке, иносказаний (кинаяләр), а также перечислены остроумные ответы, проклятия и благопожелания (алкышлар) (Народный комиссариат просвещения ТАССР, 1926).

Следовательно, признание фразеологии в качестве отдельной отрасли языкознания относится к началу XX века. С этого времени фразеологические единицы рассматриваются как самостоятельные единицы языкознания и стилистики. Уже в 50-е годы исследование фразеологических единиц приобретает все более широкий размах, что в конечном итоге приводит к становлению фразеологии как самостоятельной отрасли языкознания. В центре внимания учёных того времени оказывается изучение особенностей фразеологических единиц и вопросы их систематизации. В частности, в трудах таких учёных, как Ш. А. Рамазанов (1954), Г. Х. Ахатов (1954, 1975), Л. Заляй, Н. Б. Бурганова, Л. Г. Махмутова (1957), Г. Х. Ахунзянов (1972), Р. А. Юсупов (1980, 2000, 2007), С. Ш. Поварисов (1982), В. Х. Хаков (1999), Ф. С. Сафиуллина (1979, 1999, 2001), Х. Ш. Махмутов (1999, 2008) всесторонне исследуется татарская фразеология. Языковедами даётся определение понятиям «фразеологизм» и «фразеология», разъясняется отличие фразеологизмов от слов и простых словосочетаний; рассматриваются вопросы их происхождения, сбора, классификации; объясняется стилистическое использование фразеологических выражений, описываются их семантические, грамматические и лексикографические особенности, раскрывается их этимология, говорится о проблемах перевода на другие языки.

В своей кандидатской диссертации «Фразеологические выражения татарского языка» Г. Х. Ахатов определяет место фразеологии в науке, впервые рассматривает фразеологические выражения как особую катего-

рию, отделив их от пословиц, поговорок и загадок. По своим структурно-семантическим признакам фразеологические высказывания учёный подразделяет на идиомы, фразеологические обороты (штампы и единицы) и фразеологические термины-названия (Әхәтов, 1954).

Значительный вклад в теорию фразеологической науки вносит монография Г. Х. Ахунзянова «Татар теле идиомалары (Идиомы татарского языка)» (Ахунжанов, 1972). По-новому подойдя к вопросам определения идиомы и терминологии в этой области, автор, в частности, указывает, что термин «фразеология» как название не совсем удачен. Наиболее предпочтительным, как он считает, должен стать термин «идиоматика». При этом учёный внимательно изучает особенности образования идиом. Он также останавливается на явлении, называемом «переносное значение», приводя на этот счёт мнения различных лингвистов.

Ценность работы Г. Х. Ахунзянова заключается ещё и в том, что в ней идиомы систематизируются в соответствии с различными аспектами. Так, анализируя количество слов, входящих в состав идиом, автор выделяет идиомы с двумя, тремя и более компонентами. В то же время компоненты с точки зрения их основных (то есть лексических) значений также могут быть не однородны: идиомы могут состоять только из слов с независимым значением, из нескольких слов с независимым значением, из одного или нескольких вспомогательных слов, или только из вспомогательных слов.

Кроме того, исследователь считает, с точки зрения смыслового строения идиомы можно разделить на два типа: обобщённо-переносной и аналитически-смысловой типы. А в зависимости от единства внутренней формы и содержания компонентов, степени утраты ими внутренней формы идиомы делятся на два типа: единства и сочетания (Ахунжанов, 1972: 14–15).

Опираясь на ряд принципов систематизации идиом, Г. Х. Ахунзянов отмечает существование в татарском языке 13 типов идиом. По мнению учёного, в эти типы входят: поговорки: *ай күрде, кояш алды* (только его и видели), *әйттем исә кайттым* (делайте по-своему, как хотите, моё дело сторонаи др.); пословицы как афористические идиомы: *үзе юкның күзе юк* (чего не видел, того не видел), *кешенеке кештәктә* (чужое горе стороной); переходные между поговоркой и пословицей, идиомы в форме «глагол-глагол»: *күтәрел алу* (выступить в поддержку), *ярылып яту* (как на ладони), *коелып төшү* (остаться в замешательстве, его обуял страх); аналитические идиомы: *ак он* (белая мука), *ак өй* (горница, светёлка), *ак икмәк* (белый хлеб); идиомы в форме «самостоятельное + вспомогательное слово»: *күңел өчен* (для души), *әйтмә дә* (и не говори), *баиш чаклы* (величиной с голову) идиомы, состоящие из вспомогательных слов: *иллә дә мәгәр* (но если (что)), *әмма ләкин* (однако); лексико-грамматические

идиомы: *чана шуу* (кататься на санках); кинетические идиомы: *кул кысу* (пожимать руки), *аяк чалу* (подставлять ножку); терминологические идиомы: *үги ана яфрагы* (мать-и-мачеха), *сару кайнату* (действовать на нервы); крылатые выражения: *Халык – зур ул, көчле ул, дәртле ул, моңлы ул, әдип ул, шагыйрь ул*. (Народ – велик, могуч, он страстен, душевен, он писатель, он поэт.) (Г. Тукай); безобразные идиомы: *куласты* (под рукой), *аяк асты* (под ногами). Как видим, понятие «идиома» рассматривается здесь в более широком смысле, чем понятие «фразеология».

Кроме того, в своём труде исследователь пытается также выявить семантические, морфологические и синтаксические особенности идиом.

Как видим, исследование Г. Х. Ахунзянова вносит значительный вклад в процесс формирования татарской идиоматики, в том числе и фразеологии, и способствует развитию её теоретических основ.

Большое количество трудов, вышедших в последние годы (конец XX – начало XXI веков), подтверждает наметившийся интерес к изучению фразеологии. И этот интерес обусловлен рядом объективных причин.

Во-первых, в условиях широко распространённого национально-русского двуязычия появляется настоятельная потребность исследовать пути зарождения и развития общего фразеологического фонда в двух языках, способы образования новых фразеологических выражений на примере средств одного языка, в том числе положительные и отрицательные стороны этого процесса. Сравнительное изучение устойчивых словосочетаний в двух или нескольких языках позволяет выявить соотношение, общие и специфические черты фразеологизмов в разных языках. Эти исследования необходимы как для развития культуры речи двуязычных людей, так и для решения проблем перевода с одного языка на другой.

Во-вторых, в 70-е годы XX века в западном, а затем и в русском языкознании в результате глубокого интереса к проблеме взаимосвязи языка и культуры возникает новая отрасль – лингвокультурология. Объектом её изучения становятся языковые единицы и явления, выполняющие роль трансляторов культуры. Предмет изучения лингвокультурологии характеризуется своей обширностью, где особое место занимают фразеологические выражения, отражающие культурно-исторические, общественно-политические, природно-географические, бытовые и др. признаки нации. Совокупность концептов, изучаемых на основе языковых единиц, отражающих эти языковые явления, даёт информацию о национально-психологическом характере отдельной нации, то есть менталитете.

В татарском языкознании начало исследований в этом направлении было положено докторской диссертацией Р. Р. Замалетдинова «Национальная языковая картина татарского наследия» (2004), которая получила

в последнее время широкое освещёние. Изучению татарской национальной языковой картины мира посвящены монографии Э. М. Зигангирова (2005), Э. Н. Гилязовой (2006), А. Ш. Василовой (2006), Л. Р. Гариповой (2007), Ф. Х. Хасановой (2008), Р. Р. Закировой (2008) и др. Сравнительные исследования различных языков представлены в монографиях Г. А. Багаутдиновой (2007), Г. А. Биктагировой (2007) и др.

Кроме того, для систематизации и изучения видов фразеологических выражений и их особенностей важным является издание фразеологических словарей на татарском языке. Так, в 1957 году вышел в свет «Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемнәре (Фразеология, пословицы и поговорки татарского языка)» Л. Заляя, Н. Б. Бургановой, Л. Г. Махмутовой; в 1959 году был издан «Русча-татарча фразеологик сүзлек (Русско-татарский фразеологический словарь)» Н. Б. Бургановой, Л. Г. Махмутовой; в 1982 году – «Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлеге (Словарь фразеологических выражений татарского языка)» Г. Х. Ахатова; в 1991 году – «Учебно-тематический русско-татарский фразеологический словарь» Л. К. Байрамовой; в 2001 году – «Татар теленең фразеологик сүзлеге (Татарско-русский фразеологический словарь)» Ф. С. Сафиуллиной. Но до сих пор одним из самых полных считается двухтомный словарь Н. Исанбета «Татар теленең фразеологик сүзлеге (Фразеологический словарь татарского языка)», изданный в 1989–1990 годы.

Безусловно, исследование фразеологии татарского языка не ограничивается только упомянутыми монографиями и учебниками. Постоянно публикуются отдельные статьи, защищаются диссертации, в которых рассматривается связь татарской фразеологии с другими разделами языкознания, в частности, со словообразованием, лексикологией, морфологией, синтаксисом, историей языка. Всё это свидетельствует о том, что фразеология, сформировавшись как отдельная область, заняла прочные позиции в языкознании.

В опубликованном в 2015 году 1 томе монографического труда «Лексикология татарского языка» сделана попытка сбора и систематизации полученных знаний в области фразеологии, а также сделаны многоаспектный анализ фразеологизмов и сформулированы конкретные выводы, которые послужат в дальнейшем основой для исследований в данной области.

Однако необходимо указать, что, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не определено понятие «фразеологизм», не решен вопрос о типе, объёме и составе фразеологизмов. Среди учёных есть и те, кто относит к фразеологизмам входящие в состав языка краткие выражения, которые легко воспроизводятся и часто используются (например, крылатые слова, пословицы и поговорки, термины, афоризмы и т. д.). И потому актуальной становится проблема решения вопроса

с терминологией, определения точного состава татарских фразеологизмов, указания их категориальных признаков. Все эти вопросы, в свою очередь, требуют новой, более точной формулировки понятия «фразеология».

Следует заметить, что в перечисленных трудах типология татарских фразеологизмов основывается на классификации, предложенной В. В. Виноградовым (Виноградов, 1947), согласно которой в зависимости от степени связности компонентов выделяются три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания. Адекватное научное исследование языковых единиц включает в себя, прежде всего, изучение и систематизацию этих единиц, группировку их на основе различных принципов. Особенно важно построить тематическую, функционально-смысловую классификацию.

§ 40. Общие сведения о фразеологической системе

Термин фразеология (греч. *phrasis* – выражение, фраза, поговорка, сращение, *logos* – изучение) имеет два значения: 1) совокупность устойчивых словосочетаний языка; 2) раздел лингвистики, изучающий устойчивые словосочетания.

Фразеологические выражения занимают особое место в словарном составе татарского языка. Для их обозначения используются различные термины: фразеологическое выражение (фразеологик эйтелмә, фразеологик берәмлек), устойчивое выражение (тотрыклы берәмлек), фразеологизм, устойчивое высказывание (тотрыклы эйтелмә), устойчивые словосочетания (тотрыклы сүзтезмә), идиома, поговорка. Встречаются и образные определения – сокровища языка, его жемчужины, его выразительные средства.

Известно, что фразеологическое высказывание может выступать синонимом отдельного слова. Например: *алтын куллы* – оста (золотые руки – мастер), *карт төлке* – тәҗрибәле (старая лиса – опытный), *керфегеннән гөл тама* – матур (краса ненаглядная – красивый(ая)), *мами авыз* – юаш (голова садовая – разиня, растяпа, *булдыксыз* (бездарный), *ике яклы пәке (пычак)* – ялагай (и нашим и вашим – льстец, подхалим, подлиза, лизоблюд), *тамырына балта чабу* – бетерү (подрубить под корень – уничтожить, погубить), *теңкәгә тию* – аптырату (трепать нервы – надоедать, донимать, докучать), *түбәсе куккә тию* – шатлану (быть на седьмом небе – радоваться, обрадоваться, порадоваться), *кот очу* – курку (душа ушла в пятки, страх напал, чувство трусости, страх, трусость), *күян йөрәк* – куркак (труслив как заяц, заячья душа – трусливый, боязливый, пугливый) и др.

Правда, переносные значения некоторых из них невозможно выразить одним словом, их можно передать только с помощью словосочетания или предложения. Например, *бер канат сыну* (подрубить крылья) – *якын*,

кадерле кешеңне югалту (потеря близкого, дорогого человека), *куз күрер* (поживём – увидим, видно будет) – *вакыты эжиткәч, нишләргә икәне билгеле булыр* (когда придёт время, будет понятно, что делать), *куз йорту* (пробежать глазами) – *өстән-өстән карап чыгу* (окинуть взором).

Что касается формы фразеологических выражений, то она подобна форме словосочетаний или предложений: состоит из двух или более слов. Как отмечает Г. Х. Ахатов, «во фразеологическом выражении форма в значительной степени отстает от содержания, а содержание опирается на внутреннюю форму. Следовательно, формальная сторона является основным критерием различения фразеологических высказываний от слов и смысловой стороны словосочетаний. Таким образом, фразеологическое высказывание – это категория, лежащая между словом и фразой» (Әхәтов, 1982: 4).

В общем языкознании в определении понятия «фразеологическое выражение» и степени самостоятельности его компонентов выделяют два направления. Сторонники одного из них рассматривают фразеологизмы как совокупность слов, полностью утративших лексические и грамматические признаки. С их точки зрения, фразеологизм – это выражение, близкое к словосочетанию только генетически, и его можно разложить только в историческом плане (Молотков, 1977: 26).

Представители второго направления считают, что фразеологические высказывания состоят из отдельных, но взаимосвязанных слов, подчиняющихся грамматическим нормам языка. Так, Г. Х. Ахатов определяет их как «группу тесно взаимосвязанных слов, выражающих по смыслу одно понятие» (Әхәтов, 1979: 48). В. Х. Хаков называет подобные высказывания семантически и синтаксически неразрывным устойчивым словосочетанием, выражающим один общий смысл (Хаков, 1999: 154).

На основании анализа различных точек зрения можно справедливо утверждать, что компоненты фразеологизма сохраняют свои «словарные» свойства. Значит, наряду со словами, в языке существуют особые конструкции, близкие им по смыслу и синтаксическим функциям, имеющие переносное значение и структурно напоминающие словосочетания и предложения. Как видим, в языкознании наблюдается разнообразие мнений относительно двойственной природы фразеологизмов, и потому иногда бывает крайне сложно определить границы фразеологических выражений, отличить их от слов и свободных словосочетаний, особенно от других видов устойчивых сочетаний.

Так какие же единицы имеют право называться термином «фразеологическое высказывание»? Какие признаки им присущи? Чтобы найти ответы на эти вопросы, необходимо прежде рассмотреть их отличие от слов и свободных словосочетаний.

Фразеологическое выражение и слово.

Будучи специфическими единицами языка, фразеологизмы, подобно словам, выражают определённые понятия и потому подлежат изучению.

Будучи семантическими эквивалентами слов, фразеологические высказывания находятся в отношениях с определённой группой слов и выполняют в предложении особую синтаксическую функцию.

Например, в предложениях *Ул баласын уйлап ут йота*. (Он болеет душой, думая о ребёнке.) и *Ул баласын уйлап борчыла*. (Он переживает, думая о ребёнке.) в качестве сказуемого выступают устойчивое выражение *ут йота* (горевать, кручиниться) и глагол *борчыла* (беспокоиться, горевать, тревожиться), которые совпадают семантически. Эта особенность отличает слово и фразеологическое высказывание от свободных словосочетаний.

Слово и фразеологизм не тождественны, во-первых, по своему материальному составу. Слова состоят из морфем. Например, словесная форма *тамашачыларыбызга* (зрителям), распадается на морфемы: *тамаша*, *-чы*, *-лар*, *-ыбыз*, *-га*. Фразеологические высказывания состоят из отдельных слов. Например, фразеологизм *биш былтыр* (много воды утекло; во времена оно) в переносном значении имеет смысл *бик күптән* (очень давно) и образован в результате семантического объединения слов *биш* (пять) и *былтыр* (в минувшем году, в прошлом году, в прошлый год).

Во-вторых, в отличие от слов, компоненты фразеологических выражений могут подвергаться различным изменениям без ущерба для их основного смысла. Подобные проявления встречаются в основном в произведениях художественной литературы и в публицистике в соответствии с требованиями стиля. Например, смысл фразеологизма *арага шайтан керде* (между нами кошка пробежала) не меняется в случае, если поменять местами его компоненты: *шайтан керде арага*, *шайтан арага керде* или *керде шайтан арага* и др.

В-третьих, компоненты фразеологического высказывания могут разделяться друг от друга словами: *Тагын бер көн мәңгелеккә китте* (щё один день ушел навсегда), *хәтеренә, кешем, салып куй!* (сохрани в памяти, мой человек!) (М. Аглямов)

Морфемы таким изменениям не поддаются, так как это приводит к разрушению слов.

И слова, и фразеологизмы как лексические единицы выполняют в первую очередь номинативную функцию. Также специфическим свойством обеих единиц является присущая им способность давать оценку лицам, предметам, явлениям и событиям. Правда, эта особенность чаще всего проявляется во фразеологических выражениях и дополняется раз-

личными эмоционально-экспрессивными, стилистическими оттенками. Например, единицы *чибәр* (красивая) и *бер бите ай, бер бите көн* (краса ненаглядная, писаная красавица) определяют красоту лица человека, а единицы *саран* (скряга, скупой, прижимистый, жадный) и *бер шырпыны бишкә ярып кабызу* (брать измором, настойчиво добиваться чего-либо) называют одно отрицательное качество человека, но во втором случае это качество звучит интенсивнее и приобретает негативный эмоциональный оттенок. Большинство фразеологических выражений способно заключать в себе несколько смысловых оттенков. Например, когда кого-то характеризуют *утта янмый, суда батмый* (в огне не горит, в воде не тонет), то имеют в виду человека, который сочетает в себе такие качества, как остроумие, мужество, решительность, выносливость. Наиболее важными критериями, отличающими слова и фразеологические выражения, являются образность и экспрессивность последних.

Фразеологическое выражение и свободное словосочетание.

Фразеологические выражения близки свободным словосочетаниям тем, что состоят как минимум из двух слов и эти слова соотносятся с синтаксическими нормами языка. Различия определяются следующими лексико-семантическими, стилистическими и грамматическими особенностями:

1) фразеологические выражения имеют переносное значение, а свободные словосочетания употребляются только в прямом смысле. Например, во всех перечисленных предложениях: *Сүзгә карап бая биргән* (давший оценку, делающий выводы) *кешеләрне җәнем сөймә*. (Ненавижу людей, делающих выводы по словам.) (Ш. Галиев); *Әгәр яман ният белән булса, ул йодрыгын иснәтер иде*. (букв. Дал бы понюхать кулак, наказал бы.) (М. Карим) – (Если бы у него были плохие намерения, он бы уже проявил агрессию); *Ләкин инде соң: үзе заводта, хатыны кием тегү фабрикасында, балалары мәктәптә, кыскасы – койрык бозга каткан*. (букв. Хвост примёрз ко льду.) (Г. Ахунов) – (Но уже было поздно: сам на заводе, жена на швейной фабрике, дети в школе, короче, хвост примёрз ко льду.); *Яңа вахтаның килеп җитә алмаячагы көн кебек ачык иде* (было ясно, как день). (Что новая вахта не приедет, было ясно как день.) (Г. Ахунов); *Мин элеккеге башлыкларның берсен дә сөттән ак, судан пакь* (букв. белее молока, чище воды, невинный, аки агнец) *итеп күрсәтергә теләмим*. (Ни одного предыдущего руководителя я не хочу показать как невинного агнца.) (Из периодической печати), сочетания *бая биргән, җәнем сөймә, йодрыгын иснәтер иде, койрык бозга каткан, көн кебек ачык иде, сөттән ак, судан пакь* имеют переносное значение и являются фразеологическими выражениями.

Некоторые словосочетания могут употребляться в одном случае как фразеологические выражения, а в другом – в прямом смысле. Например,

в предложениях: *Оешма житәкчеләре идән астына* (в подпол / на нелегальное положение) *күчкәннар иде*. (Руководители организации уже перешли на нелегальное положение.) (К. Наджми) и *Идән астыннан* (из подпола) *салкын керә*. (Из подпола веет холодом.), словосочетание *идән асты* в первом случае имеет переносное значение, то есть означает тайную деятельность, нелегальное движение и является фразеологическим выражением, а во втором предложении оно используется в прямом значении и является свободным словосочетанием;

2) фразеологические выражения не воссоздаются в процессе речи, а входят в речь в готовом виде, произвольные же словосочетания образуются в процессе речи в соответствии с грамматическими законами языка без каких-либо ограничений;

3) состав фразеологических выражений постоянен, что ограничивает добавление в состав новых слов без ущерба для смысловой целостности. Исключение одного из компонентов, либо замена его другим словом осуществляется в строгих рамках, даже в случае изменения. А слова в произвольных словосочетаниях можно исключить без каких-либо препятствий, добавить к ним другое слово, вместо одного слова использовать другое. Например, *боз киптерү (тик яту)* (букв. сушить лёд (бездельничать) – *кер киптерү* (сушить бельё); *борчак ату* (ялганлау) (букв. стрелять горохом (обманывать) – *туп ату* (стрелять из лука); *кан эчү (изү)* (пить кровь (угнетать)) – *су эчү* (пить воду); *кәкре кабыргалы* (тиз үпкәләүчән) (букв. с кривыми рёбрами (обидчивый)) – *кәкре аяклы* (с кривыми ногами); *бавырга төшү* (аптырату) (изматывать душу (донимать)) – *коега төшү* (спуститься в колодец); *акыл жыю (белем алу)* (набираться ума (учиться)) – *гәмбә жыю* (собирать грибы). Первые словосочетания имеют одинаковое значение, их нельзя разложить, вторые – употребляются в прямом смысле, их можно разложить, использовать в различных комбинациях;

4) смысл фразеологического выражения не равен простой сумме его компонентов, а смысл свободных словосочетаний равен сумме значений отдельных его компонентов;

5) семантическая целостность фразеологического высказывания выражается и в том, что его можно заменить одним словом. Например, *тамырына балта чабу – бетерү* (подрубить под корень – уничтожить), *теңкәгә тию – аптырату* (трепать нервы – донимать), *түбәсе күккә тию – шатлану* (быть на седьмом небе), *кот очу – курку* (букв. душа улетаела – испугаться), *куян йөрәк – куркак* (заяче сердце – трус) и др. Свободным словосочетаниям такая целостность не свойственна;

6) фразеологизмам присуща образность, то есть они служат для описания эмоционально-эстетических переживаний людей. Например, во фра-

зеологизмах *эч яну* (букв. гореть изнутри – сильно переживать), *йөрәк әрнү* (сердце ноет – сильно переживать), *жәң телгәләну* (душа раздирается на части – терзаться, изводиться (о сердце)), *ут йоту* (букв. глотать огонь – переживать), *узәк өзелү* (сердце (душа) рвётся на части) перед нами возникает не сам процесс, а лишь абстрагированное от него выражение чувств тревоги и печали. А в таких выражениях, как *эч авырта* (болит живот), *йөрәк тибә* (сердце стучит), *кием телгәләнә* (одежда рвётся (на полосы)), *ут яна* (свет горит), *бау өзелә* (верёвка рвётся) сообщается о реальных событиях;

7) в составе фразеологического сочетания какое-либо слово, полностью или частично утратив свое значение, подчиняется ограниченному фразеологическому значению. Например, слово *жиде* (семь), приобретает значение «много», участвует при возникновении фразеологической единицы *жиде юл чаты* (перекрёсток семи дорог, перепутье, перекрёсток, на семи ветрах);

8) наличие в составе фразеологизмов слов, не употребляемых в современном языке самостоятельно, а также слов непонятных, архаизированных, диалектных – обычное явление. Например, *гөрбәт чигү* (скитаться на чужбине); *сәмсере коелу* (совершенно растеряться); *киләп сарып йөрү* (снова, слоняться без дела); *трай тибү* (бить баклуши); *акылга сапкан* (слаб умом); *паты бер тиен* (копейка за пуд, грош цена (кому-то)); *тугыз мурдан үткән* (прошедший через сорок смертей, через огонь и воду); *акча бездә бер букча* (денег куры не клюют); *анда жыләк кызыл чикмән кебек* (букв. там ягод – словно красный чекмень, очень много ягод); *азан әйтми камәт төшермиләр* (ставить телегу впереди лошади); *бортак авыз* (букв. запасливый рот, язык как помело); *адраеп йөрү* (букв. ходить ругаясь, петушиться); *азау тиешен ашаган* (на этом деле собаку съел); *аздакы көянтәсе* (букв. ведьмино коромысло, злая ведьма); *алакайган күз* (с глазами на выкате); *алаюк чагында* (в другое время); *алыш-бирешкә бик кысмыр* (зимой снега не выпросишь) и др. Свободные же словосочетания образуются в основном из слов, активно употребляемых в языке;

9) фразеологизмы в разных языках, выражая одно и то же значение, часто не совпадают по составу. Например, *дөнья тоткасы* (пуп земли), *беткән баш беткән* (двум смертям не бывать), *биш былтыр* (много воды утекло), *йөзгә бер тулмаган* (винтиков не хватает), *әлифне таяк дип тә белми* (ни аза не знает), *жир тишегендә* (у черта на куличках) и др.

Следовательно, при переводе фразеологического выражения с языка источника необходимо подобрать в переводимом языке параллели, т. е. эквиваленты, соответствующие контексту. В некоторых случаях целесообразно применять калькирование: ломать голову – *баш вату*, задирать нос – *борын күтәрү*, махнуть рукой – *кул селтәү*, брать с потолка –

тушәмнән алу, палец о палец не ударить – *бармакка бармак сукмау*. Свободные словосочетания легко переводятся с одного языка на другой.

§ 41. Определение границ фразеологических выражений

Одной из центральных проблем, как в теории фразеологии, так и в практике составления фразеологических словарей, является вопрос определения критериев, позволяющих выделять фразеологические выражения в качестве отдельных единиц языка. И поскольку в языкознании до сих пор эти критерии не сформулированы достаточно чётко, в научной литературе наблюдаются попытки включения в состав фразеологизмов пословиц, поговорок, загадок, составных терминов, крылатых выражений, афоризмов, метафор, простых сравнений.

Что касается русского языкознания, то в нём обозначены два направления в решении рассматриваемой проблемы. Сторонники первого (А. И. Молотков, В. П. Жуков, Б. Л. Ларин, С. И. Ожegov, Л. Г. Руднев и др.) допускают включение в состав фразеологических выражений только семантически сложных единиц, эквивалентных отдельному слову с переносным значением. Лексически неразличимые, свободные от переносного значения слова (например, пословицы, поговорки, большинство цитат, все сложные термины) исключаются из области фразеологии.

Представители другого направления (А. А. Реформатский, Н. М. Шанский, А. И. Ефимов, В. Л. Архангельский, Л. И. Ройзензон, С. Г. Гаврин, Е. И. Диброва) считают правильным включать в состав фразеологизмов пословицы и поговорки, цитаты, крылатые выражения, сложные термины наряду с базовыми фразеологическими единицами.

В татарском языкознании этот вопрос решается также неоднозначно. Например, Г. Х. Ахунзянов включает в состав фразеологизмов идиомы, поговорки, пословицы, переходные между поговорками и пословицами виды, словообразовательные термины, крылатые выражения (Ахунжанов, 1972: 16–35). Такие выражения, как *халыклар дуслыгы* (дружба народов), *коллектив хужшалык* (коллективное хозяйство), *хезмэт көне* (трудовой день), *Югары Совет* (Верховный Совет), *министрлар кабинеты* (кабинет министров), *Көнъяк Америка* (Южная Америка), *Төнъяк Боз океаны* (Северный Ледовитый океан), *Ерак Көнчыгыш* (Дальний Восток), *Польша Халык Республикасы* (Польская Народная Республика), *Америка Кушма Штатлары* (Соединённые Штаты Америки), *Бөтендөнья тынычлык Советы* (Всемирный Совет мира), *Берләшкән Милләтләр Оешмасы* (Организация Объединённых Наций), *Менделеев таблицасы* (таблица Менделеева), *Ньютон законы* (закон Ньютона), *җитештерүче көчләр* (производительные силы), *электр кыры* (электрическое поле) и др. Г. Х. Ахатов

называет фразеологическими терминами или фразеологизмами (Әхәтов, 1995: 67–68).

В стилистическом плане выражения *мәгърифәт нуры* (свет просвещения), *азатлык кошы* (птица свободы) В. Х. Хаков относит к фразеологизмам, употребляемым в литературно-книжном языке, а выражения *милләт кортлары* (вредители нации), *ирек дулкыннары* (волны свободы), *халык рухы* (дух народа), *халык җилкәсен кимерү* (сидеть на плечах народа (букв. грызть плечи народа)), *милләт йокысы* (сон нации), *явыз язмыш* (жестокая судьба) называет специальной общественно-политической фразеологией (Хаков, 1999: 155).

Однако не все существующие в языке устойчивые сочетания и предложения следует обозначать термином «фразеологическое выражение». Например, несмотря на то, что термины: *үги ана яфрагы* (мать-и-мачеха), *комендант сәгәте* (комендантский час), *ак шигырь* (белый стих), *карга борыны* (вороний нос), *туганнан туган* (двоюродный), *кызыл почмак* (красный угол), *көн тәртибе* (распорядок дня), *көзән җыеру* (сводить судорогой), *Сабан туе* (Праздник плуга), являются синтаксически неделимыми и выражают в единстве одно значение, их включение в состав фразеологизмом считается ошибкой.

Характерным признаком, отличающим термины от фразеологических единиц, является отсутствие в них переносного значения. В отличие от фразеологизмов термины лишены образности, эмоциональности, способности давать оценку тому или иному явлению. Кроме того, перевод их на другие языки не представляет никакой сложности. Термины (названия), ограничиваясь рамками отдельного понятия, с точки зрения семантики носят моносемантический характер, то есть выражают одно значение чётко и конкретно. Таким образом, включение в состав фразеологических выражений терминологических названий, состоящих из двух или нескольких слов, имеющих словосочетательную форму и употребляемых в конкретном значении, является не всегда оправданным.

Однако, некоторые термины, утратив в определённом контексте своё прямое значение, могут употребляться и в переносном смысле. В этом случае наблюдается переход термина во фразеологическое высказывание. Например, выражение *тавык күзе* (куриная слепота), будучи термином, обозначает болезнь, при которой теряется способность видеть в темноте/ сумерках. Однако в контексте, приведённом ниже, оно, выражая иронию, уничижительное отношение, используется в переносном значении, и тем самым приобретает признаки, характерные для фразеологизмов: ***Тавык күзе булмаган кешегә тимерченең эше күрүнен тора бит. 3–4 көн эчендә утызлап сабанны төзәтәп ташлаган.*** (Для тех, кто не страдает куриной

слепотой, работа кузнеца очевидна. За 3–4 дня он отремонтировал около тридцати плугов.) (Т. Гиззат)

В своём прямом значении выражение *сару кайнау* (изжога) означает термин, т. е. один из признаков, субъективно характеризующих заболевания органов пищеварения, а в предложении: *Мәхәббәтсез, тәмам саруымны кайнатып бетерде инде, Ибраһим кайтты исә шуның белән чокырдаша.* (Безобразная, совсем извела меня, стоит Ибрагиму вернуться, как стрекочет с ним.) (Т. Камал), оно выступает в качестве фразеологизма так как употреблен в переносном значении, выражающем значение «надоедать, изводить, вызывать гнев, внутренне беспокойство».

Мы присоединяемся к мнению тех учёных, которые считают, что фразеологические выражения имеют ряд общих черт с пословицами и поговорками, крылатыми выражениями, афоризмами и даже некоторыми загадками. Как и фразеологизмы, пословицы и поговорки даются в готовом виде, имеют краткую форму и образность и потому умело употребляются в речи в переносном значении. К тому же большинство фразеологических выражений, пословиц и поговорок строится на основе ритма, рифмы, аллитерации. Например, *бүрәнә аша бүре куу* (букв. пугать волка через бревенчатую стену, плести кошело с лаптями); *берне биш итү* (букв. превратить один в пять, делать из мухи слона); *сөйкемле сөяк* (букв. обаятельная косточка, всеобщий любимец, приворотная косточка); *серкәсе су күтәрми* (букв. его (её) пыльца не выносит воды, обидчивый); *сабыр төбе сары алтын* (букв. на дне терпения – жёлтое золото, терпение – золото); *иштең ишәк чумарын* (букв. сделал ишачьи клёчки, метил в ворону, попал в корову); *чүлмәкчедән күрмәкче* (букв. подражая горшечнику, куда конь с копытом, туда и рак с клешней); *типсә тимер өзәрлек* (букв. пинком рвёт железо, гнёт подкову руками, кровь с молоком); *кешенеке – кештәктә* (чужое горе стороной); *тырышкан табар, ташка кадак кагар* (букв. настойчивый найдёт (решение), он и в камень гвоздь забьёт); *бар чагында бүредәй, юк чагында шүредәй* (букв. когда вдоволь – как волк, когда нет ничего – как шпилька, то густо, то пусто); *алай диеп, болай булмый, бодай чәчеп, арна булмый* (букв. что скажешь – так и будет, посеешь пшеницу – ячмень не получишь, что сегодня сделаешь, то завтра и аукнется); *баллы кеше – маллы кеше, сьерлы кеше – сыйлы кеше* (букв. имеющий мёд – богат, имеющий корову – сыт); *ит ашасаң, тешкә керә, ашамасаң – төшкә керә* (букв. если ешь мясо – застревает меж зубов, если нет мяса – будет сниться); *калган ишкә кар ява* (букв. незаконченная работа покроется снегом, откладывает в долгий ящик); *яхшы белән юлдаш булсаң – эшең бетәр, яман белән юлдаш булсаң – башың бетәр* (букв. если твой спутник – хороший человек, то работа будет сделана, если твой спутник – плохой че-

ловек, то пропадёт твоя голова). Сгруппировать приведённые единицы крайне сложно.

Пословицы применяются в дидактических целях, поскольку состоят из законченных предложений, обобщают жизненный опыт, содержат определённые выводы, суждения, высказываются для поучения, увещевания. При этом говорящий, употребляя их в готовом виде, по сути, использует чужую речь. А в контексте фразеологизмов используется собственная речь.

В отличие от фразеологизмов, пословицы не являются семантически связными, их смысл возникает из суммы лексических элементов, участвующих в образовании. Это значит, что пословицу нельзя заменить словом или словосочетанием. Любая пословица может быть структурно законченной, распасться на отдельные слова, словосочетания или части предложения. Для примера рассмотрим пословицу *Баллы кеше – маллы кеше, сыерлы кеше – сыйлы кеше*. (букв. Имеющий мёд – богат, имеющий корову – сыт.) Это одно предложение, в котором главные члены предложения – *кеше* (подлежащее и сказуемое), а второстепенные – *баллы* (с мёдом), *маллы* (богатый), *сыерлы* (с коровой), *сыйлы* (сытый) – определения. Данная пословица распадается на словосочетания *баллы кеше* (человек с мёдом), *маллы кеше* (богатый человек), *сыерлы кеше* (человек с коровой), *сыйлы кеше* (угощает людей, сытый человек), находящиеся в тесной связи.

Поговорки близки к пословицам, часто их, не отличая друг от друга, называют пословицами-поговорками. Им также присуща устойчивость, способность служить художественным средством оформления речи, повышения её эмоциональной силы. Однако они не имеют дидактической направленности, в них нет содержащихся в пословицах суждений, выводов (Әйтәм – чәчәк, мәкаль – жиләк, 2002: 8).

Отличительным признаком поговорок от пословиц является их способность замены словом-синонимом. Например, *ай күрде, кояш алды* (букв. луна увидела, солнце забрало, только его и видели); *әйттем исә кайттым* (беру свои слова назад); *авызыңнан җил алсын* (пусть твои слова унесет ветер, типун тебе на язык); *эш бетте, көлтә җыясы гына калды* (работа закончилась, осталось собрать снопы; делу конец, осталось самое главное); *җитмәсә артып калыр* (если не хватит, то останется); *эт – баи, сыер – аяк* (букв. голова – собачья, ноги – коровьи, вверх тормашками, шиворот-навыворот); *чүлмәкчедән күрмәкче* (подражая горшечнику; куда конь с копытом, туда и рак с клешнёй); *агач атка атландырды* (посадил на деревянную лошадь; облапошил); *утлы табага бастырырмын* (поставлю на горячую сковороду, задам жару); *аркылы ятканны буйга алып салмау* (не перекаладывать вдоль то, что лежит поперёк, палец о палец не

ударить). Следовательно, поговорки без каких-либо противоречий можно поставить в один ряд с фразеологизмами.

Крылатые выражения вошли в народный язык из литературных источников, мифологии, путём калькирования афоризмов или крылатых выражений и т. п.

Г. Х. Ахунзянов называет их идиомами книжного языка и приводит примеры крылатых выражений. Например, из произведений татарских писателей: *Халык – зур ул, көчле ул, дәртле ул, моңлы ул, әдип ул, шагыйрь ул.* (Народ – велик, могуч, он страстен, душевен, он писатель, он поэт.); *Эш беткәч уйнарга ярый.* (Кончил дело – гуляй смело.); *Акча барда бар да дус шул, акча исе чыкмый торса, бар да яныңнан таяр.* (Пока есть деньги, для всех ты – друг, когда деньгами и не пахнет, все бегут от тебя.); *Гамәле юк галимнән кысыр тавык яхшырак.* (Курица, не несущая яйца, лучше, чем учёный-бездельник.); *Кысканга былтыр кычкырлар ди мени быел.* (Приשמлён в году минувшем, что ж ты в нынешнем ревёшь.) (Г. Тукай); *Ярлылык белән үткән тереклек.* (Жизнь, прожитая в бедности.) (М. Гафури); *Үлем турында уйлама, илең турында уйла.* (Не думай о смерти, думай о Родине.) (Ф. Карим); крылатые выражения из других языков: *уңышлардан баш әйләнү* (головокружение от успехов), *очкыннан ялкын кабыну* (из искры возгорится пламя), *аю хезмәте күрсәтү* (оказать медвежьё услугу), *үле жаннар* (мёртвые души), *чуртан кушуы буенча* (по шучьему велению) (заимствования из русского языка); *дәүләт эчендә дәүләт* (государство в государстве), *аппетит ашаганда килә* (аппетит приходит во время еды), *кызыл жеп булып үтү* (проходить красной нитью), *бишенче колонна* (пятая колонна), *дәүләт машинасы* (государственная машина), *тимер пәрдә* (железный занавес) (заимствования из западноевропейских языков через русский); *бер карлыгач килүдән яз булмый* (одна ласточка весны не делает), *чебеннән фил ясау* (делать из мухи слона), *ызгыш алмасы* (яблоко раздора), *Дамокл кылычы* (Дамоклов меч), *акчаның исе юк* (деньги не пахнут), *канатлы сүз* (крылатое слово) (заимствования из древнегреческого и римского периодов); *Тау Мөхәммәткә килмәсә, Мөхәммәт тауга килә* (Если гора не идет к Мухаммеду, то Мухаммед идет к горе (заимствования из Корана)), *утырган ботагыңны кисү* (рубить сук, на котором сидишь) (заимствования из анекдотов о Ходже Насреддине) (Ахунжанов, 1972: 32). Крылатые выражения переходят во фразеологизм только тогда, когда теряют свой прямой смысл и употребляются в переносном значении. Такие выражения становятся источником для создания фразеологизмов.

Структурно и тематически к пословицам и поговоркам близки загадки. В некоторых случаях они могут даже выполнять функцию пословицы. Например, выражение «*Сакалы бар, акылы юк*» (букв. «Борода есть, ума

нет»), выступая в роли загадки, иносказательно подразумевает козла, а в роли пословицы – долго прожившего, но мало знающего, неопытного человека (Әхәтов, 1995: 56).

Общей чертой загадок и фразеологических выражений является их метафорический характер. В загадке понятие об одной реальной вещи представляется в виде описания другой, похожей на неё и скрытого сравнения с ней. Например, *Багана яна, күмере-көле юк* (шәм). – (Горит столб, угля и золы нет (свеча).), *Жансыз жанлыны уята* (сәгать). – (Неживой будит живого (часы).), *Асты диңгез, өсте нур* (бәби). – (Снизу море, сверху – свет (младенец).), *Тимер тәкә тау яра* (чәч алу). – (Железный баран разрубает горы (стричь волосы).) и др.

В отдельных работах мы сталкиваемся с тем, что фразеологизмами обозначаются и метафоры, сравнения, эпитеты. Например, сочетания *серле сукмак* (таинственная тропа), *дәртле көй* (страстная мелодия), *моңлы көй* (душевная, печальная мелодия), *дәртле йөрәк* (горячее (пылкое) сердце), *сихри аваз* (волшебная звук), *серле аваз* (тайные / загадочные звуки), *чишимә авазы* (звуки ручья), *татлы хыял* (сладкая мечта) и др. рассматриваются в них индивидуально-авторские фразеологизмы.

Метафоры – это слова, употребляемые в переносном значении, образованном на основе аналогии с другими предметами или явлениями. Они, как и фразеологизмы, играют важную роль в оживлении речи и в целом образности. Однако метафора – это употребление в переносном смысле одного слова, а под фразеологизмом подразумевается семантическая целостность как минимум двух слов. Большинство метафор образуется в процессе речи, а фразеологизмы приходят в язык в готовом виде.

Также путаница возникает и в том случае, когда в современной лингвистике фразеологизмы обозначаются термином «паремия». Следует заметить, что термины «паремия», «паремиология» активно вошли в употребление в последние годы.

Паремиология (древнегреч. *paroimia* – притча, поучительный рассказ, пословица и *logos* – слово, учение) – раздел языкознания, изучающий пословицы, поговорки, загадки, афоризмы, приметы, крылатые выражения и т. п., внешне отличающихся краткостью, содержательностью, точностью, остроумием и образностью. В то же время по своему строению и содержанию фразеологизмы также могут рассматриваться в рамках паремий. Следовательно, понятие «паремия» шире понятия «фразеологизм». Фразеологизмы так же, как пословицы, поговорки, загадки, крылатые выражения, цитаты, являются отдельной единицей паремии. А от свободных словосочетаний, устоявшихся терминов фразеологизмы отличает присущая им образность, экспрессивность.

§ 42. Признаки фразеологических выражений

Ряд учёных считает основным признаком, отличающим фразеологические выражения от других единиц, невозможность их перевода на другие языки (Л. А. Булаховский, А. А. Реформатский). Действительно, некоторые фразеологизмы не могут быть переведены на другие языки напрямую, т. е. не имеют соответствующих эквивалентов в других языках, хотя это явление характерно и для некоторых слов (например, безэквивалентная лексика языка).

Другие же главным признаком фразеологизмов признают их образность (А. И. Ефимов). Однако и этот признак сложно назвать определяющим, так как он характеризует также пословицы и поговорки, загадки, крылатые слова и афоризмы.

Кроме того, есть учёные, выдвигающие на первый план структурно-семантические признаки фразеологизмов (В. В. Виноградов, А. И. Смирницкий, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов, Н. Н. Амосова, О. С. Ахманова, Н. М. Шанский, В. Л. Архангельский, Л. И. Ройзензон и др.).

Так, в своих рассуждениях В. В. Виноградов рекомендует, прежде всего, обратить внимание на следующие качества фразеологизмов: 1) фразеологизмы, как и слова, употребляются в речи в готовом виде; 2) фразеологизмы структурно устойчивы. Эта устойчивость вытекает из семантического единства компонентов; 3) фразеологизмы отличаются друг от друга степенью семантического единства компонентов и мотивированности смысла.

В татарском языкознании учёные также дают разное определение понятию «фразеологизм». Г. Х. Ахунзянов называет фразеологизмы идиомами, которые характеризуются как устойчивые обороты, фиксируемые в качестве словарной единицы, имеющей не менее двух слов и специфический смысл (Ахунжанов, 1972: 10).

По мнению Г. Х. Ахатова, «фразеологизмы – группа тесно связанных между собой слов, выражающих по смыслу одно понятие» (Әхәтов, 1995: 40).

Ш. А. Рамазанов фразеологизмами называет такие словосочетания, компоненты которых семантически тесно взаимосвязаны, они выражают одно понятие и употребляются в речи в готовом виде (Рамазанов, 1954: 129).

В. Х. Хаков считает, что фразеологизм по своему содержанию, строению и функциональным особенностям отличается от отдельных слов и простых словосочетаний. Так, учёный подчёркивает, что «Фразеологизм на самом деле это устойчивое семантически и синтаксически неделимое словосочетание, выражающее в сущности одно общее значение, называемое явления действительности выразительно, образно и художественно»,

например, *балавыз сыгу* (букв. выжимать воск, проливать слёзы), *күңел тулу* (букв. душа переполнилась, расчувствоваться), *күңел ярасы* (душевная рана), *баш күккә тию* (букв. касаться головой небес, быть на седьмом небе) и др. (Хаков, 1999: 154).

Ф. С. Сафиуллина, давая определение фразеологическим выражениям, обращает внимание главным образом на связь между компонентами: «Фразеологизмы – устойчивые словосочетания, отличающиеся единством, неразрывностью, наличием обязательной связи между компонентами, целостностью, и тем что употребляются в речи в готовом виде» (Сафиуллина, 1999: 135).

Данные о фразеологизмах встречаются и в трудах З. М. Валиуллиной. Фразеологическими высказываниями учёный называет устойчивые словосочетания эмоционально-экспрессивного содержания, употребляемые почти всегда в неизменной, одинаковой форме для выражения какого-либо конкретного лексического понятия. По мнению исследователя, большинство фразеологических выражений отличается от свободных словосочетаний тем, что они широко распространены в живой речи и обладают эмоционально-экспрессивной силой (Валиуллина, 1965: 71).

Анализ представленных определений позволяет выделить следующие особенности, характерные для татарских фразеологизмов:

- 1) семантическая целостность как минимум двух слов;
- 2) использование в переносном значении;
- 3) устойчивость слов, входящих в состав фразеологизма, употребление в речи в готовом виде;
- 4) возможность заменить другим словом или словосочетанием;
- 5) образность;
- 6) изобразительность;
- 7) экспрессивность, способность давать оценку тому или иному явлению, характеризуя его положительные или отрицательные стороны;
- 8) наличие сложностей при переводе с одного языка на другой.

Рассмотрим, как эти признаки проявляются в отдельных фразеологизмах: *Шәбрәк жиһаз белән барса, Галиябануның үзенә дә кайниш арасында йөз аклыгы* (авторитет, достоинство / букв. белизна лица) *булыр*. (Если бы Галиябану пошла с лучшей утварью, то снискала бы авторитет среди родственников мужа.) (М. Файзи); *Сарыклар салып бетергән тар сукмакларны биш бармак кебек* (как (своих) пять пальцев) *белә иде*. (Эти узкие тропинки, проложенные баранами, он знал как пять пальцев.) (Г. Ибрагимов); *Хәзер инде Илсәяр, Бикмуш бабайча зйтсәк, акны карадан аера* (отличать хорошее от плохого / букв. отличать белое от чёрного) *белә башлаган иде*. (Сейчас уже Ильсияр, как бы сказал дед Бикмуш, умела отличать

хорошее от плохого.) (Г. Губай); *Рөстәм үз язмышын үзе хал итарга кирәк икәнлекне аңлады һәм зурларча акыл йөртә* (размышляет) *башилады*. (Рус-там понял, что ему самому надо решать свою судьбу, и начал размышлять как взрослый.) (Г. Кутуй); *Авылда озаклап кунак булу хәзер Динә өчен кул кушырып* (сложив руки), *түшәмгә төкереп яту* (поплёвывая в потолок) *белән бер иде*. (Теперь долгое пребывание в деревне было всё равно что сидеть сложа руки и плевать в потолок.) (Н. Гиматдинова); *Иясенә үзең тапшыр. Сезнең килешүгә шәхсэн мин кул куймадым* (не подписался / не одобрил). (Хозяину передайте сами. Под вашу договорённость я не подписывался.) (Н. Гиматдинова); *Без сиңа менә дигән* (отличный / букв. вот какой) *бүлмә әзерләдек*. (Мы приготовили для тебя отличную комнату) (Н. Гиматдинова); *Алайса, ник телгә килеп* (заговорив) *әйтми, ник болай җанни телгәли* (кромсать душу / заставляя страдать.) (Почему тогда не заговорит, не скажет, почему заставляет страдать?) (Н. Гиматдинова); *Мунчасы кул сузымы* (на расстоянии протянутой руки / близко) *арада гына лабаса!* (Баня же только на расстоянии протянутой руки.) (Н. Гиматдинова); *«Биш былтыр* (во времена оно) *эlgәре мунча тәрәзәсенә баккан зат – сән идеңме?» – диде*. (Спросил: «Как-то давно кто-то смотрел в окно бани, это был ты?») (Н. Гиматдинова); *Дөнҗагыз буталгырлары, һәр тишеккә борын тыгасыз* (суёте нос / любопытничаете.) (Пусть мир ваш рухнет, везде суете свой нос.) (Н. Гиматдинова); *Кыз бу сүзләргә әһәмият бирмәде, ишегалдыннан тиз генә табанын ялтыратты* (засверкала пятками / убежала.) (Девушка не придавала значения этим словам, быстро убежала со двора.) (Н. Гиматдинова); *Авылның бердәнбер изге карчыгы Акъәнинең урыны түрдә* (место – в красном углу / почёт и уважение), *юкка борчылма, ул бездә яшәячәк*. (У единственной святой бабушки в деревне, Акъәни, будет почётное место, не переживай, она будет жить у нас.) (Н. Гиматдинова); *Күз ачып йомганчы* (в мгновение ока) *сикереп торып тәрәзә янына килсәме! Әллә купме халык җыелган ишегалдына: кайсы көлә, кайсы елый, бер-берсен кочаклашалар*. (В мгновение ока подойдя к окну, он увидел, что во дворе собралось много людей: кто смеётся, кто плачет, обнимают друг друга.) (Из периодической печати)

Фразеологические выражения в приведённых примерах обладают определённым смыслом, выражают определённое понятие. Например, *йөз аклыгы* (честь, достоинство, звание); *биш бармак кебек белә* (очень хорошо знает); *акны карадан аера* (есть жизненный опыт, который может помочь отличить хорошее от плохого); *акыл йөртә* (раскидывать мозгами); *кул кушырып яту, түшәмгә төкереп яту* (лежать без дела); *кул куймау* (не подписываться / не соглашаться); *менә дигән* (очень хорошо); *телгә килү* (заговорить); *җанни телгәләү* (мучиться, страдать); *биш былтыр*

(очень давно); *борын тыгу* (вмешиваться, соваться туда, куда не нужно); *табан ялтырату* (скрываться); *урыны түрдә* (о дорогом, уважаемом человеке); *куз ачып йомганчы* (очень быстро). Эти значения не вытекают из простой суммы отдельных компонентов. Они являются вторичными, качественно новыми, переносными смыслами и в свою очередь наделяются эмоционально-экспрессивными оттенками. Авторы не создают их в процессе речи, а используют в готовом виде. Состав этих фразеологических выражений постоянен, от их изменения страдает смысл, теряется устойчивость. Например, если употребить *йөз аклыгы* и *йөз каралыгы*, меняя местами компоненты, то возникает фразеологизм с другим значением (*кара йөз*/ черноликий), а если вставить перед словом *йөз* определение со значением цвета (*кызыл йөз* / красное лицо, *сары йөз* / жёлтое лицо), то фразеологизм переходит в разряд свободных словосочетаний.

Из перечисленных фразеологических выражений только фразеологизмы *биш бармак кебек белу*, *борын тыгу*, *табан ялтырату* имеют в русском языке соответствующие эквиваленты: *знать как свои пять пальцев*, *совать нос*, *засверкать пятками*. Остальным же подбираются подходящие по смыслу фразеологические выражения, или близкие по смыслу слова с прямым значением. Например, *кул кушырып яту*, *түшәмгә төкереп яту* – бить баклуши, плевать в потолок; *биш былтыр* – во времена оно; *йөз аклыгы* – авторитет; *менә дигән* – отличный; *телгә килү* – заговорить.

Таким образом, фразеологизмами называются устойчивые обороты, образующие смысловое, семантическое и структурное целое, обладающие признаками образности, изобразительности, экспрессивности, используемые в речи в готовом виде.

§ 43. Лексический состав фразеологических выражений

Появление фразеологических выражений – результат длительного исторического развития, связанного с развитием лексического фонда языка, его состава, фонетических, грамматических, лексико-семантических и стилистических изменений. И именно потому в них отражаются культура, национальное самосознание, богатая история, жизненный опыт и народная смекалка. Они создавались на основе наблюдений над теми предметами и явлениями, которые окружали людей и были хорошо им знакомы.

В состав фразеологических выражений входит лексика разных пластов: с точки зрения употребительности – это активная и пассивная лексика, с точки зрения сферы употребления – лексика узкого и широкого употребления, с точки зрения происхождения – лексика общетюркского и татарского языков, а также заимствования. Однако эта лексика по-разному участвует в образовании фразеологизмов.

Активная лексика в составе фразеологических выражений характеризуются тем, что часто встречается в речи, поскольку её основную часть составляют общеупотребительные слова, понятные носителям языка / говорящим: *йөрәккә боз булып утыру* (букв. осесть льдом на сердце / оставить неприятный осадок на душе); *бәхет күгәрчене* (букв. голубь счастья / птица счастья); *бөере бала басмаган* (букв. ребёнок ещё не давил на почки / неопытная, молодая женщина), *дөнъя бәясе* (букв. цена мира / бесценный); *каккан казыгы да юк* (букв. нет и забытого колышка / ни кола, ни двора); *асыл кош* (жар-птица); *бөкесе атылу* (букв. пробка вылетела / терпение лопнуло) и др.

Известно, что к пассивной лексике относятся устаревшие слова и неологизмы, которые не употребляются в повседневной жизни и не могут выступать основными показателями современного состояния лексики татарского языка, а также слова, исчезнувшие из языка, утратившие смысловое значение, или только что появившиеся и не успевшие закрепиться в языке. Большинство слов этого пласта, особенно архаизмы, устаревшие слова и историзмы, употребляется только в составе фразеологических выражений, и потому подобные единицы – незаменимый материал в изучении истории языка. Такие фразеологизмы являются фразеологическими сращениями (идиомами). В составе фразеологических выражений можно встретить следующие виды архаизмов:

1) семантические архаизмы (в составе активного словаря подобные слова сохраняются в устаревшем значении): *акишарлы кыз* (букв. набелённая девушка / продажная девушка, развратница); *елдырым камчысы* (букв. плеть молнии / блеск молнии);

2) лексические архаизмы, в том числе:

а) собственно лексические (давно устаревшие слова или слова, которые имеют замену в виде другой лексической единицы): *аз азыклы, күп азыклы* (букв. мало пищи, много греха) (*азлыклы* – грешный); *ай йөр, аман йөр* (букв. ходи месяц, ходи здоровым / тише едешь, дальше будешь (*аман* – живой, невредимый, здоровый)); *ай жык тигере* (чтоб тебя холера взяла (*жык* – болезнь)); *акчасыз кәмит* (букв. бесплатный цирк (*кәмит* – цирк)); *алпарына күрә толпары* (букв. по богатырю и конь (*толпар* – конь)); *анда гарасат* (букв. там конец света, сильная буря (*гарасат* – сильная буря));

б) лексико-морфологические (слова, подвергшиеся изменениям грамматических форм): *Алланың бирмеш көне* (букв. день, дарованный Аллахом); *алмакка бар, бирмәккә юк* (букв. брать – берет, отдавать не любит); *дәшимеш кеше* (букв. молчаливый, немногословный человек); *көн күрмеш* (жалкое существование);

в) лексико-фонетические (слова, подвергшиеся звуковым изменениям): *ай юктан чыраг* (букв. в отсутствие луны – лучина / на безрыбье и рак – рыба (чыраг – чыра)); *анай (атай) кабәм* (букв. мать (отец) – мой ориентир (в жизни); *кабә – кәгъбә / кааба* (святая мечеть в г. Мекке; *перен.* предмет поклонения)).

Значения ряда устаревших слов, входящих в состав фразеологических выражений, понятны и сегодня в виду того, что они находят отражение в словарях: *поты бер тиен* (пуд – одна копейка); *потка тулмаган* (букв. не хватает до пуда); *тугыз мурдан үткән* (букв. прошедший через сорок смертей / прошедший огонь и воду); *акча бездә бер букча* (букв. денег у нас – целая холщовая сумка (денег куры не клюют)); *анда жыләк кызыл чикмән кебек* (букв. там ягод – словно красный чекмень / очень много ягод); *азан әйтми камәт төшермиләр* (букв. пока не прозвучит азан, не молятся / ставить телегу впереди лошади); *биштәр тагып кайту* (букв. прийти с котомкой (за плечами)); *гөрәнкәсе жиңел* (букв. у него (неё) фунт лёгкий (без царя в голове)); *Идел суы илле батман* (букв. воды в Волге – пятьдесят кадушек, жижица, пополам с водой); *менге ат* (верховая лошадь); *чабудан тоту* (держаться за подол, не отпускать от себя).

Однако некоторые устаревшие слова встречаются только в составе определённого фразеологического выражения, и для определения их значения необходимо обратиться к специальным этимологическим источникам: *гөрбәт чигу* (скитаться на чужбине); *гөрбәттә яшәү* (жить в эмиграции); *сәмсерә коелу* (голова поникла, настроение испортилось); *сәмсез сыер* (букв. невоспитанная корова / бестактный); *киләп сарып йөрү* (снова, слоняться без дела); *трай тибү* (бить баклуши); *акылга сапкан* (слаб умом); *ике сәкыйм – бер мәстәкыйм* (за одного битого двух небитых дают); *зыкысын чыгару* (букв. довести до холодного пота / довести до изнеможения); *бушка лашман тарту* (надрываться впустую); *бәбәлән йомыркасы* (очень избалованный).

Рассматривая фразеологические выражения с точки зрения сферы употребления, можно отметить, что в их состав входят слова широкого и узкого употребления, в том числе диалектные, профессиональные, жаргонные слова и аргот.

Диалектные слова входят в составе таких фразеологических выражений, как *бортак авыз* (человек несдержанный на язык, нетактичный); *адраеп йөрү* (храбриться, петушиться); *азау тешен ашаган* (на этом деле собаку съел); *аздакы көянтәсе* (букв. ведьмино коромысло / злая ведьма); *алакайган куз* (с глазами на выкате); *алаюк чагында* (в другое время); *альши-бирешкә бик кысмыр* (зимой снега не выпросишь); *беткеле түгел* (нескончаемый); *божыр өту* (букв. опаливать рябчика (издавать

зловонный, смердящий, затхлый запах)); *дахат бетү* (обессилеть); *дебрән колак* (глухой); *диңгез янында суга мыхтану* (букв. испытывать жажду умора (*мыхтану* – нуждаться)); *дыдык кеше* (заика); *дәгел кебек* (строительный); *зыкымы тию* (заиндеветь / попасть под влияние, воздействие).

Профессиональная лексика входит в состав следующих фразеологических выражений: *беренче скрипка* (первая скрипка); *телсез сәхнә* (немая сцена); *баш рольларне уйнау* (сәхнә) (играть главную роль (сцена)); *ут ачу* (открыть огонь); *хәрәкәттәге армия (хәрби)* (действующая армия (военный)) и др.

Если рассматривать лексику в составе фразеологических выражений с точки зрения её происхождения, то следует отметить, что в неё входят общетюркские, собственно татарские слова и заимствования, вошедшие в язык ещё в древние времена. По своим значениям все слова можно объединить в несколько большие тематические группы.

1. Слова, называющие части тела или различные органы человека: *баш* (голова), *күз* (глаз), *каш* (бровь), *колак* (ухо), *керфек* (ресницы), *теш* (зуб), *кул* (рука), *аяк* (нога), *бавыр* (печень), *бугаз* (горло), *муен* (шея), *йөрәк* (сердце), *үпкә* (лёгкие) и т. д. Например: *күзле-башлы булу* (букв. займеть глаза и голову (жениться)); *каш төзәтәм дип күз чыгару* (букв. рисуя брови, выколоть глаз, (хотелось как лучше, получилось как всегда)); *колак итен ашау* (букв. жевать мочку уха (прожужжать все уши)); *керфек тә какмау* (не сомкнуть ресниц); *тел-теш тидерерлек түгел* (комар носа не подточит); *бавыр итен ашау* (достать до печёнок, надоесть); *бөөргә таяну* (подбочениться); *бугазына ябышу* (вцепиться в горло); *муенын бору* (свернуть шею); *йөрәгәндә бете бар* (чёрствое сердце); *мәсәләне кабыргасы белән кую* (поставить вопрос ребром).

2. Слова, называющие особенности ума и характера человека: *акылын кәҗә ашаган* (букв. ум коза съела (недалёкого ума)); *уңганлыгы ялкаулыгы белән генә беләнми* (букв. трудолюбие проявляется не только в лени (удалец, кабы не лень)); *уңмаган утын тукмагы* (неотёсанное полено); *рәхиме килү* (войти в положение); *сабыр казаны шартлау* (чаша терпения переполнилась); *юмакай тел* (букв. лстивый язык (льстец)); *юлар нәрсә* (дурья голова); *якшы атлы булу* (прикидываться порядочным); *әдәп саклау* (соблюдать приличия); *куш йөрәкле* (о двух головах); *куркак эҗан* (трус); *иһаһай кыз* (хохотушка).

3. Слова, называющие физические и физиологические особенности человека: *азрак баш-күз алу* (приходить, прийти в себя); *айнымас сьрхуа* (беспробудный пьяница); *акча бүсере* (букв. денежная грыжа, денежный мешок); *бизгәк тоткандай* (как в лихорадке); *саруы кайнау* (изжога, тошнота); *башка кабу* (ударить в голову); *башка йөгерү* (сильно подействовать

(об алкоголе)); *баишы авыруга салу* (прикинуться больным); *бирэн корсак* (обжора); *гарип баш* (бездомный бродяга); *имгә калу* (на снадобье надеяться (быть всегда больным)); *ите бетеп, сөяккә калган* (мяса нет, одни кости остались, кожа да кости); *йөрәк кубу* (сердце оборвалось); *как сөяккә калу* (одни рёбра торчат); *калын тиреле* (толстокожий); *калын эжилкәле* (здоровый, плечистый); *киртләч борын* (горбоносый); *нечкә бил* (осиная талия); *теше сирәк* (не уметь держать язык за зубами); *тән ватылу* (ломота в теле).

4. Слова, обозначающие наименование родства: *эти* (папа), *эни* (мама), *ата* (отец), *ана* (мать), *эби* (бабушка), *бабай* (дедушка), *ул* (сын), *кыз* (дочь), *туган* (родня) и др. Например: *ак бабай* (букв. белый дед); *ак карт эти*; *ак карт атай*; *ак туган*; *ак тутай*; *ак тэтэй*; *ана күргән* (выросший с матерью); *анасына кыз* (дочь своей матери); *[анда] ата улын, ана кызын белми* ((настоящий) хаос (беспорядок), бедлам); *анда эти белән эни генә юк* (букв. там только отца с матерью нет (то есть есть всё, что пожелаешь)); *бабайныкы – илнеке [дип әйтте ди бер кияү]* (букв. тестево – значит общее [сказал один зять]); *баба тел* (праязык); *эби авыз* (шамкающий рот); *эбиең сызгыра беләме* (свистеть умеешь?); *эбиең салам әйт, бабаң утырмага килсен* (держи карман пошире); *эбиләр чуагы* (бабье лето); *килен төшсә киртәгә* (очень кстати сказанное слово); *кияүгә бирәсе кыз түгел, ашка саласы тоз түгел* (букв. это не дочь на выданье, не соль для супа (неважное, несущественное)); *кияү көткән кыз кебек калтырый* (букв. дрожит, как невеста в ожидании жениха (в предвкушении)); *бала акылы чыкмаган* (рассуждать как ребёнок); *бала атасы* (отец семейства).

5. Слова, обозначающие понятия места и времени: *көн* (день), *төн* (ночь), *иртә* (утро), *кич* (вечер), *ал* (перед), *ян* (бок), *як* (сторона), *арт* (зад, задняя часть). Например: *ае-көне эшиткән* (настало время); *ай белән көндәй, һәркемгә бердәй* (одинаково для всех); *ай киткән, ел киткән, энә буе эфир киткән* (а воз и ныне там); *айлык эфирне алты атлап, еллык юлны эчиде атлап* (семимильными шагами); *ак як* (горница); *алгы сызык* (передовая (линия фронта, борьбы и т. д.)); *алдан күрү* (предвидение); *алдындагысын алты ай эзләгән* (на коне сидит и коня же ищет); *алны-артны, уңны-сулны белми* (сломя голову); *бер дә бер заманны* (давным давно); *замана баласы* (дитя (своего) времени).

6. Названия животных, птиц, насекомых: *айда бетмәс аю ите* (букв. столько мяса медведя, что за недею не съедим, хоть лопатой греби); *айга шыңшыган эт кебек* (букв. как собака, воющая на луну); *аккош сөте* (птичье молоко); *акча корты* (транжира); *алап сугып чәүкә куркытма* (не пугай сокола вороной); *ала сыер тиресе* (говорят, когда весной снег тает и земля открывается «пятнами»); *алмаган ат, тумакан колын* (букв. некупленная лошадь, нерождённый жеребёнок (делить шкуру неубитого

медведя)); *алмаган тавык, салмаган йомырка* (букв. некупленная курица, неснесённое яйцо, (медведь в лесу, а шукура продана)); *бака ботыннан гына* (букв. (глубиной) по лягушачье бедро, мелко, мелководье); *чыпчык тезеннән* (букв. по колено воробью; по щиколотку); *бака йоткан еландай* (букв. как змея, проглотившая лягушку, (объелся так, что аж пучит)); *бүре авыз* (подхалим, живущий за счёт других); *бүре белән куй бергә су эчә*; *карга оясында үскән кәккүк* (букв. кукушонок, выросший в вороньем гнезде (дармод, живущий за счёт других)); *карга санап калу* (считать ворон); *кәжсә маен чыгару* (ударить по мускулам рук); *оясыз кәккүк* (бездомная кукушка); *песи битен юмаган* (в такую рань); *сыерга камыт кидерү* (букв. надеть хомут на корову (пустая затея)); *сыерчык бураны* (букв. скворечная метель, апрельская метель); *тавык көләрлек* (журам на смех); *таракан булу* (букв. оказаться лишним); *этәч җәибәрү* (букв. пустить петуха, устроить пожар); *үгез булып үкерү* (букв. реветь как бык).

7. Названия растений: *абага чәчәк аткач* (букв. когда зацветёт папоротник; когда рак на горе свистнет); *агач тел* (букв. деревянный язык, костноязычный); *алда гөл, артта кычыткан* (букв. спереди розы, сзади крапива); *алдар борчагын чәчү* (вешать лапшу на уши); *арпа күрсәтеп бодай саткан* (букв. показал ячмень, продал пшеницу, о нечестной торговле); *арыш камчылау* (зарница); *кычыткан чыпчыгы* (букв. зяблик, шустрая женщина (девушка) небольшого роста); *тигәнәк белән сырگانак* (репей да череда, (как) сиамские близнецы); *нарат сагызы булу* ((прилипнуть) как смола); *имәндә икән чикләвек* (букв. оказывается, орехи на дубе (растут), так вот в чём дело!); *кабак йоту* (букв. проглотить тыкву); *каен җиләге түгел лә* (не фунт изюму); *суган сату* (букв. продавать лук, молоть чепуху); *шалкан бәясе* (букв. цена, как урепы, грош цена); *кәбестә кебек киенү* (одеться, как капуста); *кәкре каенга терәтү* (прислонить к кривой берёзе, посадить в лужу); *кыяр карачкысы* (чучело огородное); *үлән астыннан ут йөртү* (букв. развести огонь под травой; действовать исподтишка); *эрекмән шулпасы эчмәгән* (букв. не пил бульон из лопуха; жизни не видел); *әремгә таяну* (букв. опираться на полынь; остаться с горем).

8. Природные явления: *ай* (луна), *кояш* (солнце), *җил* (ветер), *давыл* (буря), *яңгыр* (дождь). Например: *ай бирде, кояш алды* (луна дала, солнце забрало; только его и видели); *ай битен юды* (букв. лицо, обмытое лунной); *айлар батып, чулпаннар калыкканчы* (букв. до того, как зайдёт луна и взойдет Венера; очень долго); *ай тотылу* (лунное затмение); *ак яңгыр* (букв. белый дождь, о сильном дожде, накрывающим всё белой пеленой); *боз кузгалу* (лёд тронулся); *боз яуган көнне туган* (букв. родился в день, когда был град, (о человеке, который переболел оспой, и на лице остались шрамы)); *болыт баскан, яңгыр яварга тора* (букв. надвинулись тучи, скоро

дождь, (говорится, когда ребёнок собирается заплакать)); *болыт чайнәп, боз бөркәнгән көннар* (букв. дни, когда жевали облака и укрывались льдом, тяжелые дни); *буран тугдыру* (задать жару); *гарасат кайнау* (кубу, кубару) (бушует буря, или светопреставление); *дала давылы кебек* (как степной ураган); *кара явым* (чёрные осадки, осеннее ненастье); *карга бураны* (вороньи метели, мартовские метели); *сыерчык бураны* (скворечные метели, апрельские (поздние) метели); *чатнама суык* (трескучий мороз).

9. Числительные: *алты колак, дүрт күз белән* (букв. в шесть ушей, в четыре глаза, все глаза проглядеть); *бер сүзгә килү* (найти общий язык); *ике ут арасында калу* (остаться меж двух огней); *мең дә берне белү* (букв. знать тысячу и одну; слишком много знать); *биштән үткән, бишектән чыккан* (букв. старше пяти лет, из колыбели вылез, уже может решать самостоятельно); *берсен көйләп, икенчесен сөйләп, өченчесен чөйләп* (букв. одного – уговорами, второго – убеждением, третьего – силой; не мытьём, так катаньем); *кырык ямаулы* (сорок заплаток, латаный-перелатаный); *жүде ят* (букв. семь чужих; совершенно чужой); *ике сөйләмәү* (не повторять дважды); *дүрт куллап* (букв. в четыре руки, обеими руками); *үз туксаны – туксан* (букв. у него свои девяносто на девяносто, твердить своё); *унжүде яшьлек жүлкенчәк* (семнадцатилетний ветреник, семнадцатилетний юнец); *йөзе белән кайтару* (вернуть сторицей); *бер колактан керә – икенчесеннән чыга* (в одно ухо влетает, из другого – вылетает); *артына бер төшеп, алдына биш төшеп* (букв. опуститься сзади него один раз, перед ним пять раз, подлизываться); *берәү таба, бишәү каба* (один с сошкой – семеро с ложкой); *берең арба юлыннан, берең чана юлыннан* (букв. один по тележной дороге, другой – по санной, кто про Фому, а кто про Ерёму); *кырыкмаса кырык* (сорок сороков); *туксан тугыз* (девяносто девять, винтика не хватает); *йөз дә бер* (сто и один, очень много).

10. Название цвета: *ак күңел* (светлая, чистая душа); *ак бәхет* (безоблачное счастье); *ак белән караны аеру* (отличать белое от чёрного); *ак йөземне сары алды* (букв. пожелтело моё белое лицо); *акка кара белән язылган* (написано чёрным по белому); *бер-берсенең каралыгына гаҗәпләнгән өч карга шикелле* (букв. как три вороны, удивляющиеся черноте друг друга); *кара акыл* (знания на основе жизненного опыта); *зәңгәр күзлек аша карау* (смотреть сквозь розовые очки); *зәңгәр фирәзәм* (моя голубая бирюза, ласковое обращение к человеку с синими глазами); *йомырка эчендәге сары кебек* (букв. как желток в яйце, как за каменной стеной); *безгә дөнья кармазин* (букв. нам мир как кармазин, жить припеваючи); *йөзгә кызыл комач япкан кебек* (покраснеть как варёный рак); *кызыл кар яугач* (когда рак на горе свиснет); *яшел елан* (зелёный змий); *яшел урам* (зелёный свет (открытые возможности)).

11. Слова, выражающие действие, деятельность: *айкап жиберү* (хлестнуть, наподдать); *айкап чыгу* (обшарить, обойти, объездить (вдоль и поперёк)); *алып та ега, чалып та ега* (букв. и сбивает, и ногу подставляет); *бармакка бармак та сукмау* (палец о палец не ударить); *барса кайтмас* (букв. если уйдёт, не вернётся, о смерти (могиле)); *барыр жир, басар тау калмау* (некуда деваться); *басмаган сукмак, какмаган ишек калмау* (букв. не осталось тропы, на которую наступил, двери, в которую бы не поступался, искать во всех щелях); *баи кагу* (кивнуть головой); *ике кул болган* (с пустыми руками); *энә өстендә бию* (букв. танцевать на иглоках, стоять на гвоздях); *йодрык күтәрү* (поднять руку); *казып чыгару* (вытащить на белый свет); *кая басканын белми* (не чуя под собой ног); *кулы ут уйный* (горит в руках); *пычракка салып таптау* (втоптать в грязь).

12. Слова, связанные с бытом: *ак келәт* (букв. белая клеть), *акча кою* (букв. чеканить монеты; зашибать деньги); *аннан ит тә юк, сөт тә юк* (ни молока, ни мяса); *базары калмау* (потерять авторитет); *(башы) карабодай саламы белән япкан* (понимать чужую речь); *булмаганда арыш икмәге дә күмәч* (букв. в нужде и ржаной хлеб – калач, на безрыбье и рак – рыба); *бәйрәм ашы* (праздничное блюдо); *бәлешнең төбе, чананың түре* (доньшко пирога, сиденье в санях, проявлять почтение); *итәк-жиңгә бөтәйтү* (справить себе одежду); *казан төбе кызганчы* (как можно быстрее); *ишегалдында кычыткан үстерми* (букв. не даёт расти крапиве во дворе, трудолюбивый хозяин); *каз биреп үрдәк алу* (остаться в дураках); *каккан казыгы да юк* (ни кола, ни двора); *миң ашы* (мучные изделия); *балта соранганга иөшле тоттыру* (букв. дать кочедык тому, кто просит топор, я про одно, а он про другое); *такта чәем, якты чыраем* (хоть не богат, а гостям рад).

13. Имена собственные: *Акбуз ат* (бело-сивый конь); *ялгыз Ярулла* (букв. одинокий Ярулла, бирюк бирюком); *Кырым чирүе кебек* (букв. как Крымская рать, тьма тьмущая); *Балык Бистәсе – ун тиен дистәсе* (букв. Рыбная Слобода – десять копеек); *Бохара мәчесе* (букв. кот из Бухары, обманщик благочестивого вида); *Габдел корсак и Габдулла биясе* (рабы живота своего (в отношении любящих поесть)); *Дусай сумасы* (букв. капитал, состояние Дусая, несметное состояние); *Закуан лапасы* (букв. навес, лабаз Закуана, нужно делать своё дело хорошо, не боясь, осмеяния); *Идел суы илле батман* (о безвкусной пище, например, о не наваристом бульоне или о не крепком чае); *Каф тавы* (букв. гора Каф); *Мәскәү күренә* (Москву видать (о жидком чае)); *Таза Мортаза* (букв. крепыш Муртаза, здоров как бык); *Чистай хәерчесе* (попрошайка из Чистополя); *Казан ятиме* (казанская сирота).

14. Местоимения: *алай-болай иткәлгәнче* (быстро, пока занимались мелкими делами); *алай гына барып чыкмый* (не так всё просто); *анда ми-*

нем ни эшем бар (какое мне дело); анда синең ни эшең бар (какое твоё дело); андый гына [гаеп] мулла кызында да була (и на солнце бывают пятна); андый-мондый хал булу (о неожиданном событии); аннан бер, моннан бер (с миру по нитке); бездә дә бер кояш чыгар эле (и на нашей улице будет праздник); бездә булмас гаеп, үзегездән чыкмасын таеп (в чужом глазу соломинку видеть, в своём – бревна не замечать); бер аягың монда, берсе анда (одна нога здесь, другая – там); бүген миндә, иртәгә синадә (сегодня мне, завтра – тебе (всему своей черёд)); мин минме икән, мин кем икән (о человеке, который восхищается собой, воображать из себя); син бел дә мин бел (об этом знаем ты да я); үзе баш, үзе муен (сам себе голова).

Основную часть заимствованных слов во фразеологических выражениях составляют арабо-персидские заимствования. В тематическом отношении можно выделить следующие распространённые группы:

1) фразеологизмы, в которых употребляются слова, имеющие отношение к религии: *адәм галәйһиссәлам киендә* (в чём мать родила); *адәм шайтаны* (искуситель); *азан әйтми камәт төшермиләр* (букв. пока не прозвучит азан, не молятся, ставить телегу впереди лошади); *акча өчен җанын саткан* (душу за деньги продаст); *алганда – бисмилла, биргәндә – әстәгъфирулла* (берёшь чужие, а отдаёшь свои); *алдында сәждә кылу* (боготворить); *Алла әҗерен бирсен* (пусть вознаградит Аллах); *алырсың шайтаннан иман* (зимой и снега не выпросишь); *амин тотып торучу* (быть блюдолизом);

2) фразеологизмы, в которых употребляются слова, относящиеся к сфере науки и образования: *әлифне таяк дип тә белмәү* (ни аза не знать); *китап корты* (книжный червь); *китап мактый* (букв. книга хвалит (говорят о хорошем деле, как слова хвальбы)); *каләме үткен* (острое перо); *каләм йөгертү* (писать); *каләм әһле* (мастер пера); *замирын кайтару* (как аукнется, так и откликнется); *гыйлемгә сай, фикергә бай* (говорят о человеке, стремящемся к поверхностным «модным» знаниям, а не к глубоким основательным знаниям);

3) фразеологизмы, в которых употребляются слова, выражающие внутренние и внешние качества человека, понятия, связанные с его психологическими переживаниями: *адәм кыяфәте калмау* (потерять человеческий облик); *адәм рисвае итү* (сделать посмешищем); *Алла мәхлугы* (божий одуванчик); *вәкарь саклау* (сохранять достоинство); *вәҗдан сату* (продать совесть); *гадәтен куа* (следовать привычке); *дөньядан гафил яту* (быть в информационном пузыре (не знать, что творится в мире)); *ике талигале* (двойко, у всего две стороны);

4) фразеологизмы, в которых употребляются слова, обозначающие конкретные и абстрактные понятия, относящиеся к различным областям:

адам акылы (способность мыслить, свойственная человеку, по человечески); *акылга муафикъ* (уместный совет); *акылга зэгыйфъ* (слабоумный); *акылы хэзинә* (ума палата); *акылы камил* (в своем уме); *акылын-фигылен белү* (узнавать характер человека); *алдына килгән бәхеттән колак каккан* (упустил своё счастье); *Алла шаһит* (Аллах – свидетель); *анда теләсә дөнъя асты өстенә килсен* (а там хоть трава не расти);

5) фразеологизмы, которые включают обозначения дней недели: *берсе чәриәмбегә, берсе дүшәмбегә (жөмгага) караган* (күз турында) (один смотрит на среду, один – на понедельник (пятницу) (о глазах)); *чәриәмбе йомыркасы өшкереп йөрү* (бить баклуши); *шимбәне үтмиңә, жөмганы көтмиңә йөрү* (делить шкуру неубитого медведя); *я жөмга түгел, я шимбә түгел* (букв. ни пятница, ни суббота, не ко времени); *ни атна, ни шимбә* (букв. ни неделя, ни суббота, ни туда, ни сюда); *булмаса да булмый икән шимбә базарында төче күмәч* (говорят тогда, когда не оправдались надежды на что-то);

6) фразеологизмы, в которых употребляются слова, обозначающие понятие времени: *алтын дәвер* (золотой век); *бер дә бер заманны* (в определённое время); *замана баласы* (дитя своего времени); *сәгате белән* (тогда же);

7) фразеологизмы, в которых употребляются имена собственные: *ала-кола Габбас кода* (букв. шальной тещь Габбас); *син дә мин, Мөхәмәт Әмин* (ты да я, да мы с тобой); *сират кичереп* (пройти круги ада), *Әхмәтгали ни, Галиәхмәт ни* (что тот, что другой).

Отметим также, что фразеологический фонд татарского языка включает и фразеологизмы, вошедшие из русского языка или заимствованные через русский язык. Например: *акчасыз фатир* (букв. квартира без оплаты, тюрьма); *гайкасы бушаган* (букв. гайка ослабла, ослабеть (о физическом и умственном состоянии)); *граммофоныңны күтәр дә ычкын* (букв. бери свой граммофон и уматывай); *законга сыймый* (не соответствует закону); *закон сату* (преступить закон); *замазка булды* (пристал как банный лист (как замазка)); *йодрык дискуссиясе кору* (рукопашная (кулачная) дискуссия); *конфузга калу* (оконфузиться); *карандаш очына алу* (взять на карандаш); *кара реакция* (чёрная реакция); *келәймә сугу* (заклеймить); *коеп куйган кәртиңкә* (вылитая картинка); *кәнитилле эш* (канитель (о работе, деле, вопросе)); *мода артыннан чабу* (гоняться за модой).

Кроме того, этот фонд включает и фразеологизмы, относящиеся к индоевропейским заимствованиям, вошедшим в татарский язык в более позднее время: *ак офицер* (белый офицер); *Адисон уты* (лампочка Эдисона) (из английского языка); *гернадыр (гренадёр) кебек* (как гранадёр (из французского языка), как богатырь); *Гипократ оныклары* (внуки Гипократа); *Эзоп теле* (эзопов язык); *акылың Әфләтун* (ум как у Платона), *сардоник көлү* (сардонический смех).

Как видим, не все слова татарского языка одинаково участвуют во фразеологическом выражении. Некоторые лексические единицы полностью лишены возможности участвовать в построении фразеологизма. Устойчивые словосочетания образуются в первую очередь за счёт слов, активно употребляемых в народном языке, составляющих основной словарный фонд языка и имеющих тюрко-татарское происхождение. Эти слова ограничены тематически, а основной состав представлен словами, обозначающими различные явления и события, происходящие в общественной жизни и быту людей, и называющими предметы, лица, качества, действия, внутренние переживания. Некоторые из них, например, *ай* – луна, *көн* – день, *кеше* – человек, *баш* – голова, *бит* – лицо, *куз* – глаз, *койрык* – хвост, *колак* – ухо, *кул* – рука, *йөрәк* – сердце, *күңел* – душа, *тел* – язык, *сүз* – слово, *дөнъя* – мир, *корт* – пчела, *май* – масло, *шайтан* – дьявол, *ак* – белый, *кара* – чёрный, *кызыл* – красный, *бер* – один, *ике* – два, *җиде* – семь, *мин* – я, *син* – ты, *уз* – свой, *булу* – быть, *күрү* – видеть настолько активны, что входят в состав нескольких фразеологизмов.

Обилие же слов из пассивной лексики, в том числе архаизмов и историзмов, объясняется тем, что фразеологизмы появились ещё в глубокой древности и прошли долгий исторический путь развития. Значения некоторых исторических слов на сегодняшний день не совсем понятны. Правда, есть предположение, что эти виды фразеологизмов произошли когда-то от свободных словосочетаний. Например, в единице *киләп сарып йөрү* (ходить вокруг сновального стана) с презрением говорится о тех, кто часто бесполезно или подозрительно, со злым умыслом ходит из стороны в сторону. Появление этого выражения связано с ткацким ремеслом, которое раньше было развито у татар. В старину нитку из веретена или мотка, тщательно подготовив (*япыле итеп киләп*), наматывали на дерево. Известно, что человек, пряжущий нить, должен был ходить туда и обратно вдоль ткацкого станка, держа в руке моток. Вот это и называли «киләп сарып йөрү». А смысл данной единицы, сохранившийся до настоящего времени и активно используемый в нашем языке, имеет совершенно противоположное содержание (Махмутов, 2008: 198–199). В современном языке устаревшие слова не участвуют в образовании новых фразеологизмов.

Наличие неологизмов в составе фразеологических выражений – не обычное явление. Народ не спешит создавать устойчивые словосочетания со вновь вошедшим в язык словом. Оно существует в прямом смысле только в составе термина. Со временем составной термин может стать фразеологизмом, но в этом случае, пока не закрепится в составе фразеологизма, он теряет свою новизну. В составе устойчивых словосочетаний диалектные слова, профессионализмы, термины, жаргонные слова,

заимствования из иностранных языков, международные слова, не получившие широкого распространения в народном языке, встречаются редко или вовсе отсутствуют. В татарском языке в создании фразеологических выражений в пассивной позиции находятся абстрактные имена. Например, невозможно подобрать фразеологизмы со следующими словами: *ягымлылык* (ласковость), *канәгатьсезлек* (неудовлетворённость), *басынкылык* (подавленность), *игътибарлылык* (внимательность), *арзанлык* (дешевизна), *бүленүчәнлек* (делимость), *дымлылык* (сырость), *тынлык* (тишина), *төшенкелек* (уныние), *күңелсезлек* (печаль), *язучылык* (писательство), *мөмкинлек* (возможность), *зарурлык* (необходимость) и др.

§ 44. Способы и источники возникновения фразеологических выражений

Чтобы овладеть любым языком во всех его тонкостях, недостаточно изучить только его лексику и грамматику. Каждый язык имеет свою афористическую сокровищницу, которая не только определяет красоту языка, но и раскрывает национальное сознание, стремления, тонкости души народа, говорящего на нём. Основываясь на представления о них, мы можем определить состояние и уровень развития литературного языка в определённый период его развития.

Возникновение фразеологических выражений началось с самых древних времен и продолжается по сей день. Их появление учёные прежде всего объясняют развитием у людей способности к абстрактному, а также метафорическому мышлению. Иными словами, образованию фразеологизмов способствует умение сравнивать и отождествлять предметы, явления. Например, сочетание *тозсыз суз* (сальное словечко, *букв.* бессолевое слово) появилось на базе сравнения с пищей (продуктом) без соли (Әхәтов, 1995: 41).

И действительно, основная часть фразеологических выражений образуется из свободных словосочетаний, использованных в метафорическом смысле. Например: *алтын кеше* (золотой человек); *бәләш авыз* (плакса, рева, *букв.* рот пирогом); *бугазыннан тотып алу* (взять за горло); *тушәмгә төкереп яту* (плевать в потолок); *сукыр тавык* (глупая курица); *тавык йөрәк* (куриная душа); *тавышы таш яра* (ну и голосище); *таш маңгай* (твердолобый); *таш күңел* (каменное сердце); *озын куллы* (нечистый на руку); *пычрак авыз* (поганный рот); *сәнәктән көрәк булган* (из грязи в князи); *тукмак борын* (нос картошкой); *чиләгенә капкачы* (по миске и крышка); *кара эчле* (коварный); *колагы – ишек, авызы – капка* (*букв.* уши – дверь, рот – ворота) и др.

В разряд фразеологизмов переходят инекоторые составные термины. При этом они, теряя своё прямое значение, обретают такие признаки, как

описательность, образность, экспрессивность, и употребляются в переносном смысле. Например: *кызыл юл* (красная строка); *нәсел агачы* (родословное древо); *салкын сугыш* (холодная война); *тел алу* (брать языка); *йөз сиксән градушка эйләндерү* (повернуть на сто восемьдесят градусов); *фундамент салу* (заложить основу); *сару кайнату* (действовать на нервы); *тавык күзе* (куриная слепота). Различают два типа источников образования фразеологических выражений: единицы, созданные на базе собственно татарского языка, и заимствования.

Татарские народные пословицы в сокращении начинают употребляться как фразеологизмы. Например, источниками фразеологизмов: *ата малы улга йокмас* (богатство отца не передаётся сыну); *йөрәккә боз булып утыру* (лечь камнем на сердце); *авыз пешү* (обжечься); *баш бетү* (поплатиться головой); *бүрәнә аша бүре күрү* (у страха глаза велики); *күз чыгу* (быть специалистом в какой-либо области); *ботка пешмәү* (не найти общий язык); *маңгай йолдызлы булу* (родиться под счастливой звездой); *ике тәкә башы* (головы двух баранов); *кан тарту* (зов крови); *чанасына утыру* (садиться в чьи-то сани) считаются следующие пословицы и поговорки: *Үзөбез тапкан мал түгел, атай тапкан жәл түгел.* (Рад гостям за чужим столом.); *Маңгайдан аккан ачы тир табанга житсә тоз булып, колактан кергән ачы сүз йөрәккә житсә боз булып.* (Горький пот со лба, достигнув ступней, превратится в соль, горькое слово, залетевшее в уши, достигнув сердца, станет льдом.); *Авызы пешкән – өрөп кабар.* (Обжёгшись на молоке, дуешь и на воду; *букв.* Кто обжёт рот, тот берёт, предварительно подув.); *Баш бетмәсә, мал бетмәс.* (Была бы голова цела, а добро будет); *Өйдә утырган түрә бүрәнә аша бүре күрә.* (*букв.* Господин, сидящий дома, видит волка через бревенчатую стену.); *Сүз артыннан сүз чыга, күп сөйләсәң – күз чыга.* (*букв.* За словом вылетает слово, много будешь говорить – выйдет ссора.); *Бер тарыдан ботка пешми.* (Из одного просяного зернышка каши не сварить.); *Маңгаең йолдызлы булса, бүрегең кондызлы булмаса да ярый.* (*букв.* Если твой лоб с отметиной, то бобровая шапка тебе не нужна.); *Ике тәкә башы бер казанга сыймый.* (В один котёл не уместятся головы двух баранов.); *Жан тартмаса, кан тарта.* (Душа не влечёт, зато кровь зовёт.); *Кем чанасына утырсаң, шуның жырын тыңларсың.* (С кем поведёшься, от того и наберёшься; *букв.* В чьи сани сядешь, того песню и будешь слушать.)

Будучи отражением различных сторон жизни человека, живая народная речь также становится богатейшим источником для создания фразеологических выражений. Например, во фразеологизмах *су азыт, май төшерү* (толочь воду, чтобы получить масло); *мүкләк сыер* (комолая корова); *башына тай типмәгән* (пока в своём уме); *аягыңа сыер басмаган* (корова не наступила на ногу); *ат ачуын тәртәдән алу* (в отместку); *аның талканы*

коры (у него суровый нрав); *аш ашка, урыны башка* (аппетит приходит во время еды; букв. для каждой пищи в желудке есть своё место); *беленеңне белеп из* (говори только о том, что знаешь; букв. знай как замешивать блины); *бер тырмага ике тапкыр басу* (дважды наступить на одни и те же грабли); *ите сиңа, сөяге миңа* (мясо – тебе, кости – мне); *моржадан төтен чыгару* (быть в порядке вещей); *башта борчак үстерү* (букв. растить горох на голове); *тозсыз элбә* (бестолковый); *чиләгенә күрә капкачы* (по миске и крышка) находит отражение быт народа, его повседневная жизнь.

Существует множество фразеологизмов, относящихся к различным сферам деятельности человека. Например, фразеологизмы из речи ремесленников: *башыңа төшсә, баимакчы булырсың* (нужда заставит, и на скрипке сыграешь); *канитилле эш* (канительное дело); *киләп сарып йөрү* (гонять лодыря); *бау урынына ишү* (вить верёвки); *бура батыру* (букв. топить сруб); *йон урынына тетү* (букв. трепать вместо шерсти); *йорт күтәрү* (поставить дом); *йорт тергезү* (построить дом); фразеологизмы, связанные с земледелием: *башакка да юк, саламга да юк* (ни рыба, ни мясо); *без дә сәрдек* (и мы пахали); *бодайдан борайны аера белмәү* (не отличать зерна от плевел); *борчак сибү* (мастер заливать); *борчак чүмәләсе төсле ишелгән* (букв. обрушился как копна гороха); *кара пар* (чёрный пар); из таких отраслей, как скотоводство: *йон да юк, сөт тә юк* (ни молока, ни шерсти); *кара мал* (крупный рогатый скот); *сыер урынына кәжә саву* (букв. доить козу вместо коровы); *сарык көтүе* (стадо баранов); *бәрән йонын алдыру* (букв. заставлять состригать шерсть ягнёнка); фразеологизмы, связанные с охотой, рыболовством: *атасы болан атмаганны, баласы куюн атмас* (если отец не добывал оленя, сын и зайца не добудет); *кулга ияләштерү* (приучить к рукам, приручить); *бер атар мылтык* (ружьё, которое когда-нибудь выстрелит); *бер атканда ике куюн* (одним выстрелом убить двух зайцев); *болганчык суда балык тоту* (ловить рыбу в мутной воде); *кармакка элгү* (попасться на крючок); *кармак йоткан балык кебек* (букв. как рыба, попавшая на крючок).

Также нашли отражение во фразеологических выражениях различные верования и обычаи татарского народа: *бүресе улау* (крупно повезти); *йолдыз атылу* (звездопад); *елан мөгезе* (источник богатства); *жәен алыштырган* (осаганел); *аягурә ашарга карга боткасы түгел бу* (букв. это не воронья каша, которую можно есть стоя); *ант эчү* (дать клятву); *бүләк багу* (смотрины подарков); *бүрек белән бирсәң егылмаслык булган* (букв. уже не упадет, если ударить шапкой); *Вәли вәкил* (букв. представитель Вали); *карга боткасы* (букв. грачная каша); *колагын тешләтеп кую* (быть помолвленными); *май чабу* (масленица); *уч төбе кычыту* (рука чешется); *хозур жәью* (устраивать вечеринку); *хәер-фатиха биру* (дать благословение); *яңгыр боткасы* (ритуальная каша, которую варили в ожидании дождя).

Остановимся на фразеологизме *ант эчу* (дать клятву). Мы встречаем его во многих историко-литературных памятниках. Например, в произведении Кутба «Хосров и Ширин»: *Сәясәтне йөрүткәймен тию шәһ / Бу сүз үзрә тәлим ант эчте нәгәһ*.

В современном языке фразеологизм *ант эчу* употребляется в значении *ант иту* «дать клятву». Появление рассматриваемого фразеологизма связано с определённым обрядом тюркских народов. Раньше, когда два человека давали клятву быть друзьями на всю жизнь, делали надрез на руках, капали кровь в чашу с кумысом и пили. Такой обычай назывался *ант эчу* (букв. пить клятву), а принесшие клятву становились вечными друзьями и кровными родственниками (Исәнбәт, 1990, т. 2: 78).

Кроме того, устойчивые словосочетания сохранили и донесли до наших дней примечательные события или явления татарской жизни: *Лаеш шулпасы эчу* (хлебнуть лиха); *Бәдигъ мәзин күркәсе* (букв. индюк муэдзина Бадига); *Бакыр бабай бакчасы* (сад Медного дедушки – татары так называли сад в Казани возле оперного театра, где стоял памятник Г. Державину); *Балык Бистәсе – ун тиен дистәсе* (букв. Рыбная Слобода – десять копеек десяток); *Закуан лапасы* (букв. сарай Закуана); *Ихсан тәкәсе* (букв. баран Ихсана).

Например, в истории фразеологизм *Лаеш шулпасы эчу* связан с топким местом по дороге к селу Лаишево под Казанью. Многие путники вязли в этом заболоченном месте, не желая его обходить. Эти страдания назывались «*Лаеш шулпасы эчу*». В современном языке этот фразеологизм употребляется в значении «испытывать большие трудности в жизни, видеть много лишений, невзгод» (Исәнбәт, 1990, т. 2: 7). *Бер нүжә чигеп, Лаеш шулпасы эчеп кайтса, китәм дигән тыны булмас иде*. (Если раз приехал, хлебнув лиха, больше не стремился бы уехать.) (А. Гилязов)

Происхождение фразеологических выражений связано и с историческими событиями в татарском мире: «*алтмыш кадак*»лар (букв. «шестьдесят гвоздей»); *ишетмәсәң ишет, идән асты кишет* (вот тебе на); *кырым чирүе чаклы* (тьма-тьмушная); *иман сату* (потерять честь); *иске бистәне кузгату* (разгром старой слободы); *лашман тарту* (работать как на каторге); *мең башы* (темник); *сәнәк сугышы* (букв. вилочная война).

Значительная часть фразеологизмов заимствована из произведений устного народного творчества. Так, из татарских народных сказок проникли в язык следующие устойчивые словосочетания: *су анасы* (водяная); *акбүз ат* (бело-сивый конь); *алаймы булган, болаймы булган* (так или иначе); *кәкре каенга терәтү* (посадить в галошу); *башын алса, койрыгы ябыша* (нос вытащит, хвост увязнет); *койрык бозга кату* (быть зависимым); *иләк белән су ташу* (носить воду решетом); *камыр батыр*

(букв. богатырь из теста); *урман сарыгы* (шурале, леший); *сихерче карчык* (старая колдунья). Есть заимствованные из анекдотов: *анысы эле баласы, мич башында ята анасы* (это ещё цветочки, ягодки будут потом); *узең утырган ботакны кису* (рубить сук, на котором сидишь); *бер адым алга, ике адым артка* (шаг вперёд, два шага назад); *былтыргы «А»* (букв. прошлогодняя буква «А»); *йә шиәк, йә патша үлә* (букв. умрет или осёл, или правитель); *ни башына ни кунган* (букв. что-то село на что-то); *пәри башка, әжен башка* (не путай божий дар с яичницей) и др.

Происхождение некоторых фразеологизмов восходит к произведению художественной литературы: *сертотмас үрдәк* (болтливая утка) (из одноименной сказки А. Алиша); *Габделбасыр гыйшыкы* (сентиментальная любовь; букв. любовь Габдельбасыра) (из одноименного рассказа Ф. Амирхана); *Галиәкбәр кантуры* (букв. кантора Галиакбера) (из произведения Ш. Мухаммадова «Жәһаләт, яки Галиәкбәр агай хикәясе»).

Большая часть фразеологизмов из других языков – результат калькирования: шестое чувство – *алтынчы тойгы*; медвежья услуга – *аю хезмәте*; открыть Америку – *Америка ачу*; все дороги ведут в Рим – *барлык юллар Римга илтә*; родился в рубашке – *кулмәктә туган*; красная строка – *кызыл юл*; играть на нервах – *нервыда уйнау*; сжечь за собой мосты – *күперләрне яндыру*; пора ставить точки – *нокта куярга вакыт җитте*; железный занавес – *тимер пәрдә*; об этом история умалчивает – *анысы турында тарих эндәшми*; семь пятниц на неделе – *атнасына биш җомга*; по последнему слову – *соңгы сүзе буенча*; муки творчества – *иҗат газабы*; играть вторые роли – *икенче рольләрне уйнау*; первая скрипка – *беренче скрипка*; взять на мушку – *мушкага алу*; горячая линия – *кайнар линия* и др.

Нинди төрмә ди ул? Нигә дип чебеннән фил ясыйбыз? (Какая ещё тюрьма? Зачем делаем из мухи слона?) (В. Имамов); *Безне косметиканың соңгы сүзе буенча бизәнгән бер ханым каршы алды*. (Нас встретила женщина, накрашенная по последнему слову моды.) (А. Расих); *Ул өйгә кайтып кердеме, шулай иҗат газабы кичерә*. (Стоит ему вернуться домой, начинает испытывать муки творчества.) (А. Расих); *Күптән түгел генә Татарстанның Роспотребнадзор идарәсе элеге проблемага «багышлап» махсус ачылган «кайнар линия» телефоннары буенча беренче нәтиҗәләрне ясады*. (Ещё недавно управление Роспотребнадзора РТ подвело первые итоги по телефонам «горячей линии», специально открытых по этой проблеме.) (Из периодической печати) Подобные фразеологизмы заимствованы из русского языка или из других языков посредством калькирования.

Некоторые фразеологизмы восходят к религиозным источникам (Коран, Евангелие, Тора): *сират купере аша чыгу* (пройти круги ада); *ай икегә ярылу* (букв. луна раскололась надвое); *таш ату* (бросать камнем);

сарык тиресе бөркәнгән буре (волк в овечьей шкуре); *Бабил манарасы* (вавилонская башня); *ахырзаман* (конец света); *ахирәттә дуңгыз булып кубарылу* (букв. на том свете воскреснуть свиньёй); *ләгънәт камыты кию* (непосильный труд); *Нух заманыннан калган* (со времен Ноя); *тәмуг кисәве* (исчадие ада); *тәмуг газабы* (муки ада); *хур кызы* (гурия) и др.

Возникновение фразеологизмов – сложный исторический и культурный процесс. Узнать о прошлом народа можно не только издревних рукописей, надписей на надгробных камнях, исторических записей, произведений искусств, но и по его языку. Ведь мы пользуемся языком, употребляя слова и толкования, созданные укладом жизни и обычаями прошлого. Знание фразеологизмов обогащает наше сознание, способствует лучшему усвоению языка, помогает сформировать грамотную речь, а их правильное и уместное использование придает нашей речи неповторимость, точность и образность.

Классификация фразеологических единиц в татарском языкознании

§ 45. Проблема классификации фразеологизмов в языкознании

Как нет единого, общего определения фразеологизмов, так нет и их чёткой классификации, хотя в языкознании известны различные принципы систематизации фразеологических единиц. Действительно, фразеологические единицы не тождественны по степени устойчивости структуры и своей семантике. В одних из них сохраняются переносные значения и не меняются стандартизированные конструкции, они употребляются в языке только в переносном значении и в одной форме. В других же отдельные слова, сохранив своё прямое значение, подвергаются структурным изменениям.

В русском языкознании известны различные принципы классификации фразеологических единиц:

- семантический принцип (В. В. Виноградов, Д. Н. Шмелёв);
- структурный принцип (А. И. Смирницкий);
- структурно-семантический принцип (А. В. Кунин);
- функционально-контекстологический принцип (Н. Н. Амосова);
- с точки зрения происхождения (И. И. Чернышёва);
- по стилистическим признакам (А. И. Ефимов) и др.

Некоторые учёные предлагают несколько классификаций. Например, Н. М. Шанский группирует фразеологические единицы по семантическим, морфологическим особенностям, структуре и происхождению (Шанский, 1972: 112).

Одной из наиболее известных классификаций является предложенная В. В. Виноградовым семантическая классификация, основы которой были разработаны ещё Ш. Балли. Предложенная исследователями систематизация применяется в научных трудах многих учёных и в большинстве учебников практически в неизменном виде.

Согласно исследованиям В. В. Виноградова, фразеологические единицы можно сгруппировать по нескольким признакам: 1) семантико-грамматическому сочетанию составляющих его частей; 2) источникам; 3) тематике; 4) стилистическим функциям; 5) лексическому составу (Виноградов, 1947: 27).

Несмотря на широкое распространение и активное использование, данная классификация не может быть признана точной, поскольку она не основывается только на одной особенности или каком-то одном принципе. Действительно, фразеологические обороты и фразеологические единицы группируются по семантическому принципу, а фразеологические сочетания не могут быть разделены по этому принципу. Об этом говорит и сам академик В. В. Виноградов: «Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слова с несвободным значением допускают синонимическую подстановку и замену» (Виноградов, 1947: 27). По этой причине в некоторых случаях одни и те же фразеологизмы разные учёные относят к разным группам.

Н. М. Шанский, как и ряд других учёных, опираясь на типологию В. В. Виноградова, включает в неё четвертый вид фразеологизмов – фразеологические выражения. Данный вид представляет собой обороты, составленные из слов со свободным смыслом, но вошедшие в речь в готовом виде: *авырлык үзәге* (центр тяжести), *гәжит сүзе* (газетное слово) и др. Общий смысл складывается из лексического значения каждого слова.

А. И. Смирницкий же, группируя фразеологизмы, использует совершенно иные их свойства и по структуре разделяет фразеологизмы на два вида: 1) «одновершинные»; 2) «две (много) вершинные». К первому виду учёный относит фразеологизмы, состоящие из служебных и самостоятельных частей речи (*куз алдында* (на глазах), *борын төбөндә* (под носом)), ко второму – фразеологизмы, имеющие в своём составе два и более самостоятельных слова (Смирницкий, 1956).

Классификацию по структуре поддерживают и другие учёные: Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, А. В. Кунин, А. М. Бабкин, Н. М. Шанский.

Третью классификацию предлагает Б. А. Ларин. По мнению учёного, фразеологизмы должны изучаться только в историческом плане. В составе фразеологии им выделяются три различные единицы:

- 1) простые (переменные, «свободные») словосочетания;
- 2) устойчивые метафорические словосочетания (им соответствуют «фразеологические единства» В. В. Виноградова и Н. М. Шанского);
- 3) идиомы (им соответствуют «фразеологические сращения» В. В. Виноградова и Н.М. Шанского) (Ларин, 1956: 222).

При классификации фразеологизмов Н. Н. Амосова, предлагая опираться только на одну особенность, делит их по контекстологическому принципу на две группы:

- 1) фраземы;
- 2) идиомы (Амосова, 1963: 191).

Рассматривая вопрос о классификации фразеологизмов в татарском языкознании, мы сталкиваемся с различными, порой даже противоречивыми взглядами. Так, например, нет среди учёных единого мнения о классификации фразеологических единиц по степени семантического объединения, участия компонентов.

Г. Х. Ахунзянов выделяет разновидности идиом: единства и сращения. Идиоматическое единство – это высказывание, в целом имеющее переносный смысл и не утратившее внутренней формы и понять которое можно по первичным значениям его компонентов или приблизительно. Например: *жил куу* (гонять ветер); *алтын куллы* (золотые руки); *сусыз юп, жылсез киптерү* (шила и мыла, гладила и катала, пряла и ложила, и все – языком); *теле булмаса, күптән карга күтәрәп китәр иде* (не будь языка, давно бы унесла ворона); *акылы алтын икән* (нашёл дурака) и др.

Внутренняя форма идиоматического сращения утрачена, его смысл невозможно понять только исходя из слов, входящих в его состав. Такое значение передаётся только по традиции. Например: *ваз кичү* – «отказаться, отказываться», *бәладән баш-аяк* – «не надо / не нужно, лучше с ним не связываться», *тузга язмаган* – «трудно поверить/ верится с трудом», *теңкә кору* – «очень сильно мучиться, страдать, терпеть муки, маяться», *сәмсерә коелу* – «настроение испортилось», *борчак пешмәү* – «не найти общий язык», *серкәсе су күтәрмәү* – «обидчивый» и др. (Ахунжанов, 1972: 14–15).

Г. Х. Ахатов выделяет две группы фразеологических единиц в татарском языке: 1) идиомы, 2) фразеологические сочетания.

Идиомы – фразеологические выражения, сохраняющие структуру без изменения и употребляемые только в переносном смысле. Учёный выделяет две их разновидности: факультативные идиомы и постоянные идиомы. Факультативные идиомы могут использоваться в одном контексте как идиома, а в другом – как свободное словосочетание. Например, «*Чулпан*»ның эше бик тиз үргә менеп китте. (Работа «Чулпан» очень быстро наладилась.) (Г. Баширов) и *Ул җәяүләп үргә менеп китте.* (Он

пошёл наверх пешком.) В первом предложении *урга менеп китте* – идиома, поскольку употребляется в переносном смысле, означая, что работа в колхозе «Чулпан» спорится, ладится; во втором же – используется в прямом смысле и поэтому не может быть идиомой. По мнению Г. Х. Ахатова, идиома возникает тогда, когда словосочетания, отрываясь от своего контекста, начинают употребляться в переносном смысле в другом контексте.

Второй тип идиом – постоянные идиомы, которые не привязаны к какому-то конкретному контексту, и потому выступают идиомами в любом контексте. Например: *кылны кырыкка яру* (букв. расщепить волосок на сорок частей), *арага кыл сыймау* (быть неразлучными друзьями), *арт сабагын укыту* (дать взбучку), *тубәсе кукка тию* (быть на седьмом небе), *кәлен кукка очыру* (развезть пепел по ветру), *баи вату* (ломать голову). Это значит, что использование перечисленных идиом в качестве свободных словосочетаний невозможно.

Фразеологические сочетания сохраняют лексическую целостность компонентов и выражают единое понятие. Такие сочетания возникают в основном в результате многократного использования в речи одних и тех же конструкций, по этой причине они и закрепляются в языке. С точки зрения функции фразеологические сочетания являются эквивалентом слова и являются одним членом предложения. В отличие от идиом, им не присуща образность. В качестве примера приводится фразеологизм *бизгәк тоту* (лихорадит). Первое слово *бизгәк* (лихорадка) выражает основное значение и занимает центральное место в составе сочетания. А слово *тоту* (держат) употребляется не в основном, а в дополнительном значении. Соответственно, в данном случае сужается сфера употребления слова *тоту*. Компоненты сочетания *бизгәк тоту* настолько связаны между собой, что всегда используются вместе.

Среди фразеологических сочетаний Г. Х. Ахатов выделяет такие разновидности, как фразеологические штампы и фразеологические единицы. Фразеологические штампы в основном отражают различные отношения говорящего к речи: *шуның белән бергә* (вместе с тем); *бер-бер артлы* (друг за другом); *озын сүзгәң кыскасы* (короче говоря); *әзергә бәзер* (жить на всём готовом); *иш өстенә куш* (нашего полку прибыло); *чүп өстенә чүмәлә* (куча мала); *сәгатьтән сәгатькә* (час за часом); *шатлык шатлык белән* (радость с радостью); *эткә этчә* (букв. относиться к собаке как к собаке); *ни ылтара ни пылтара* (ни то ни сё); *көн артыннан көн* (день за днём); *чәй чәй урынына* (чай вместо чая). Он считает, что фразеологические единицы образуются в результате широкого и многократного их использования. Обычно их невозможно дословно перевести с одного языка на другой. Например: *ай тотылу* (лунное затмение); *күңел болгану* (с души воротит); *эч пошу* (тоскливо

на сердце); *йөрәк яну* (душа болит); *таң ату* (заря занимается); *юл тоту* (держат путь); *башка чыгу* (отделиться от родителей в самостоятельное хозяйство); *кул чабу* (аплодировать); *кысыр калдыру* (букв. оставить яловой); *берне биш иту* (делать из мухи слона). Г. Х. Ахатов подчёркивает, что большое количество составных терминов, выполняющих функцию названий, также должны входить в фразеологические единицы (Әхәтов, 1995: 61–67).

В. Х. Хаков, разделяя фразеологические высказывания на группы и учитывая различные особенности в их семантике, выделяет фразеологические сращения и фразеологические сочетания. При отсутствии связи между отдельными значениями компонентов фразеологического высказывания и его общим значением возникает фразеологическое сращение. Например: *кот очу* (сильно испугаться); *сару кайнату* (раздражать); *борчак ату* (пускать пыль в глаза); *жсик күрсәтү* (измучить); *Лаеш шулпасы эчү* (хлебнуть горя); *ләчтит сату* (болтать); *сөмсере коелу* (расстроиться); *теңкәгә тию* (трепать нервы); *сөрән сугу* (бездельничать). При наличии же прямой связи между компонентами фразеологического высказывания и его смыслом образуются фразеологические сочетания. Например: *акыллы баш* (умник); *акылдан язу* (сойти с ума); *жсилгә очу* (исчезнуть); *гомерем таңы* (моя молодость); *борын күтәрү* (задирать нос); *койрык болгау* (подлизываться); *күңел суыну* (остыть (к кому, чему)); *акыл теше* (зуб мудрости); *тамак ялгау* (перекусить) и др. (Хаков, 1999: 154–155).

В работе З. М. Валиуллиной «Хэзерге татар әдәби теле» («Современный татарский литературный язык») фразеологические высказывания, согласно классификации В. В. Виноградова, делятся на три основные группы: фразеологические сращения (или идиомы), фразеологические единства и фразеологические сочетания.

По мнению учёного, в сравнении с другими видами фразеологических оборотов, фразеологические сращения появились раньше, потому что некоторые слова в их составе сейчас не находят толкования. Например, конкретные значения слов *ләчтит*, *сару*, *теңкә*, *сөмсер* в составе сращений *ләчтит сату* (болтать, пустословить); *сару кайнату* (раздражать); *теңкәне корыту* (надоест кому-либо, извести, замучить); *сөмсере коелу* (расстроиться); *гарык булу* (быть сытым по горло) сейчас неизвестны, как отдельные слова они уже не употребляются.

Исходя из их лексического строя, З. М. Валиуллина делит фразеологические сращения на две группы:

1) сращения, в составе которых конкретные, реальные значения некоторых слов утрачены или не употребляются отдельно (*кот очу* (сильно испугаться); *шыр жсибәрү* (похолодеть от ужаса); *пыр туздыру* (разнести в пух и прах) и др.);

2) сращения, в составе которых некоторые слова не утратили конкретного, реального значения, но не имеют уже никакого отношения к понятию, выражаемому идиомой в целом (*Лаеш шулпасы эчү* (хлебнуть горя); *салпы ягына салам кыстыру* (играть на слабой струнке); *серкәсе су күтәрми* (обидчивый) и др.).

Фразеологические единства в подавляющем большинстве закрепились за тем или иным понятием в результате употребления отдельных словосочетаний в переносном значении. Например: *кызыл кар яугач* (букв. когда выпадет красный снег); *утлы табага бастыру* (показать, где раки зимуют); *кеше кубызына бию* (плясать под чужую дудку); *арт сабагын укыту* (дать взбучку) и др.

В составе фразеологических сочетаний слова во многих случаях выражают общее понятие в самом выражении в прямом смысле, т. е. значения отдельных слов и общий смысл понятия имеют тесную связь, общность. У фразеологических сочетаний часто встречаются как прямые, так и переносные значения.

3. М. Валиуллина делит фразеологические сочетания на следующие группы:

1. Устойчивые словосочетания, широко используемые в живой народной речи: *башка тай типмәгән* (в своём уме, не глупец); *акылдан язу* (сойти с ума); *күктәге торнага ышанып, кулыңдагы кошны очыру* (за большим погонишься – и малое потеряешь); *суга төшү* (букв. спуститься в воду); *жәп нечкә жиреннән өзелә* (где тонко, там и рвется); *күңел суыну* (охладеть); *авызыңнан җил алсын* (типун тебе на язык); *ерак куйсаң, якын алырсың* (дальше положишь, ближе возьмёшь); *сабыр төбе – сары алтын* (терпение – чистое золото) и др.

В эту же группу входят двусложные словосочетания, употребляемые в переносном смысле: *акыллы баш* (умник); *башлы кеше* (башковитый); *акылга сай* (недалекого ума); *ачык авыз* (разиня); *тавык баш* (куриные мозги); *йөрәк яргыч* (душераздирающий); *җилле кеше* (дельный человек); *гайбәт капчыгы* (сплетник); *чыбыксыз телефон* (сплетник); *яшьлек иртәсе* (юность); *борын күтәрү* (задирать нос) и др.

2. Устойчивые словосочетания, включающие в свой состав компоненты в прямом значении, выражающие при этом закреплённое за ними конкретное понятие. Эта группа фразеологических сочетаний обычно не имеет эмоционально-экспрессивной окраски: *акыл теше* (зуб мудрости); *урт теше* (коренной зуб); *акылдан язу* (сойти с ума); *чебен гәмбәсе* (мухомор); *сорау билгесе* (вопросительный знак); *ял йорты* (дом отдыха); *сүз башы* (предисловие); *ай башы* (начало месяца); *агач башы* (верхушка дерева);

ачу килү (злиться); *тамак ялгау* (перекусить); *батыр йөрәк* (смельчак); *куз акайту* (таращиться); *колак тону* (оглохнуть) и др.

3. Устойчивые словосочетания, обозначающие административно-политические, топонимико-географические понятия: *Берләшкән Милләтләр Оешмасы* (Организация Объединённых Наций), *Байкал күле* (озеро Байкал), *Кара диңгез* (Чёрное море), *яңа тарих* (новейшая история), *экономик география* (экономическая география), *политик география* (политическая география) и др. (Валиуллина, 1965: 72).

Опираясь на основные значения, Ф. С. Сафиуллина выделяет три вида фразеологизмов.

К первой группе относятся сочетания, значения которых носят свободный характер. Например: *пәйгамбәр тырнагы* (календула). По мнению учёного, слова в этом фразеологизме на самом деле логически очень разнообразны. Это растение может быть красивым, жёлтым, тёмно-жёлтым, высоким; его можно сажать, выращивать, ставить в вазу, но основной смысл слова, означающего это растение, кардинально изменился (Сафиуллина, 1999: 136).

Вторая группа фразеологизмов по отношению к другим словам имеет фразеологическую связь. Например, в сочетании *жан-фәрманга чабу* (бежать сломя голову) первый компонент может употребляться только со словом *чабу* (бежать) – нельзя сказать *жан-фәрманга ашау* (кушать сломя голову). В сочетании *баш бармагым шикелле* (как большой палец) первые три слова употребляются только со словом *беләм* (знаю) и выражает одно общее значение. Подобные отношения между словами возникли не из предметных и логических связей, а исходя из лексико-фразеологической системы современного языка, его исторического развития (там же: 136).

Третья группа фразеологизмов имеет синтаксически связанные значения. Эти значения реализуются только в функции того или иного члена предложения (сказуемого): *акча тора* (стоит денег); *ак сакаллы карт булыр идең* (делать с умом); *үзәң дошман түгелсең* (букв. ты себе не враг); *баласеннән башаяк* (от греха подальше); *син күр дә мин күр* (только его и видели); *акмаса да тама* (нет-нет да и перепадает); *акча эжимеше түгел, бакча эжимеше* (не за деньги куплено) (там же).

И в татарском языкознании нет строго принятой классификации фразеологизмов. Поскольку природа фразеологизмов специфична и противоречива, при их различении нельзя руководствоваться только каким-то одним принципом. Напротив, чтобы выразить суть фразеологизмов, их следует рассматривать с разных сторон и группировать в соответствии с различными принципами. Предлагаемые далее классификации

позволяют понять структурно-семантическую сущность татарских фразеологизмов, раскрыть их стилистические возможности:

1) с точки зрения семантического объединения компонентов, в зависимости от степени их вовлеченности;

2) с точки зрения стилистических функций и стилистического оформления.

§ 46. Классификация фразеологических единиц по степени семантической спаянности компонентов

Предложенная В. В. Виноградовым классификация фразеологизмов по степени спаянности компонентов на три вида – фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания – признается удачной и по отношению к фразеологизмам татарского языка. Это мнение подтверждается и исследованиями Ф. С. Сафиуллиной (Сафиуллина, 1999: 135–136; 2001: 164–165).

Фразеологические сращения (идиомы) – это устойчивые словосочетания, компоненты которых прочно соединены друг с другом, не могут быть исключены или заменены другими словами. Во фразеологических сращениях полностью теряется самостоятельный смысл слов, и, как отмечает В. В. Виноградов, «если их составные элементы созвучны с какими-нибудь однозвучными самостоятельными, отдельными словами языка, то это их соотношение чисто омонимическое» (Виноградов, 1947: 28). Фразеологическое сращения можно заменить одним словом. Смысл целого не вытекает из смысла отдельных его частей, и часто в составе сращений встречаются архаичные слова.

Фразеологическим сращениям, по классификации В. В. Виноградова, в татарском языкознании соответствуют фразеологические сращения (*фразеологик берекмәләр*), выделенные Г. Х. Ахунзяновым, устойчивые идиомы (*даими идиомалар*), выделенные Г. Х. Ахатовым, фразеологические сращения (*фразеологик ныгытмалар*) – В. Х. Хаковым. Например: *кыкриге шиңү* (спесь сошла) – сбить чье-то высокомерие, спесь; приходиться в уныние, приводить в уныние. *Шуннан инде аның бунтарьлык кыкриге шиңде*. (После этого с него сошла спесь бунтарства.) (Г. Тулумбай); *канына тоз салу* (сыпать соль на рану) – мучить, терзать. *Жүнләп сугышканы юк, халыкның канына тоз салып йөрүдән башканы белми*. (Толком не воевал, только и знает, как сыпать соль на рану народа) (В. Иمامов); *күз буяу* (пускать пыль в глаза) – скрывать правду. *Миңнеханнны мәдирлектән очырмасыннар өчен, күз буярга гына чакыргандыр*. (Наверное, позвал лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза, чтобы Миннехана не сняли с должности заведующего.) (В. Иمامов); *ис китмәү* (быть равно-

душным) – не удивляться, быть безразличным. *Сепараторда сөт аертырга кергән күрше-күлән хатын-кызларының узара гәлләшүләренә дә әллә ни исе китми аның.* (Он остается равнодушным к разговорам соседок, сепарирующих молоко.) (Из периодической печати)

Фразеологические сращения можно заменить и отдельным словом в предложении. Например, *ис китмәу* (и в ус не дует) – не удивляться, быть безразличным; *үзәккә (үзәгенә) үтү* (играть на нервах) – очень сильно измучить; *үзәк өзелү* (сердце кровью обливается) – беспокоиться; *түшәмгә төкереп яту* (плевать в потолок) – бездельничать; *кырт кису* (резко, категорически) – резко высказаться против; *кот чыгу* (трепетать, ужасно бояться) – неожиданно резко испугаться; *жәңжәл куптару* (скандалить, учинить скандал) – повышать голос, скандалить, устроить конфликт и др. Им присуща образность, то есть они выразительнее.

Фразеологические единства – это сочетания, в которых сохраняется семантическая целостность и структурная устойчивость компонентов, хотя связи между ними уже ослаблены. И в них слова не разделяются по смыслу, а передают значение сочетания в единстве его составляющих частей. В них сильна образность, они насыщены эмоционально-экспрессивными оттенками. Слова, выйдя из состава фразеологизмов, в их прямом значении активно участвуют в построении свободных словосочетаний. Например: *күз төшерү* (смотреть, понравиться) – взглянуть с любопытством. *Дания ханымны күрсә, чылбырыннан ычкына, ди.* (Говорит, если увидит Данию-ханум, как с цепи срывается.) (Н. Гиматдинова); *Кызның иңнәренә берьюлы ике канат үсте.* (За плечами девушки выросли сразу два крыла.) (Н. Гиматдинова); *Исем-фамилиягезне мөселманча итеп язганда да хата жибәрүем мөмкин. Авыз пешкәне бар.* (И при написании Вашего имени и фамилии по-мусульмански могу допустить ошибку. Уже обжигался.) (Из периодической печати).

Сходство фразеологических единств со свободными словосочетаниями позволяет установить между ними ассоциативные связи, выявить переходную основу и метафорическую фразеологизацию. Например, *Шунда ул бераз читтәрәк, затлы урындыктарда утырган эти-әннисенә карады. Ничектер, кечерәеп калганнар иде алар.* (Он взглянул на своих родителей, сидевших немного в стороне на роскошных стульях. Они как-то стали меньше.) (Г. Гильманов). В данном предложении фразеологизм *кечерәеп калу* (стать меньше) употребляется в значении «стесняться», «тяготиться». *Киң катлам халык массаларына аңлашылмый, барып житми торган сузлар белән эш иткәндә, шулай ук чама хисе кирәк.* (При работе с непонятными, недоступными для широких слоёв населения словами также необходимо чувство меры.) (Из периодической печати) Здесь

фразеологизм *барып җитми торган* (недоступный) имеет значение «непонятный».

Фразеологические сочетания – это сочетания, в которых связь между компонентами гораздо слабее, и потому они очень близки к свободным словосочетаниям. Ввиду того, что в таких сочетаниях одно из слов имеет прямое значение, а другое – переносное, то и смысл целого оказывается потому в значительной степени зависящим от смысла его частей. По сравнению с фразеологическими сращениями и единствами, фразеологические сочетания менее экспрессивны, они главным образом выполняют функцию наименования предметов и явлений. Примеры: *бусага таптау* (обивать пороги) – постоянно ходить куда-либо, к кому-либо по делам. *Шуннан соң Васыйфа астай ... Салих абзый бусагасын таптый башлаган.* (С этих пор Васыфа астай начала обивать пороги Салиха абзый.) (Г. Тулумбай); *каш сикертү* (стрелять глазами) – скрытно жестаами и мимикой обменивание взглядами молодых. *...кызларга бер күз кысып, каш сикертеп куйсаң хәтәр инде!* (...Если подмигнёшь девушкам, это то, что надо!) (Г. Тулумбай); *эч катканчы көлү* (надрыватьсья от смеха) – смеяться очень сильно. *Башта эч катырганчы көлеп тә, аннары сөйләмәскә маташу, билгеле, Гөлҗан ханымга ошамады.* (Конечно, Гульжан ханум не понравилось, что сначала он надрывался от смеха, а потом старался молчать) (Г. Тулумбай); *ике күз белән карау* (букв. смотреть двумя глазами) – выражать два разных взгляда. *Ленар аларга ике төрле күз белән, дөресрәге, хис белән карады.* (Ленар посмотрел на них другим взглядом, вернее, чувством.) (Г. Гильманов)

Как уже было отмечено выше, ряд учёных включает в классификацию и четвертый вид, называемый ими фразеологическими выражениями. Фразеологические выражения – это обороты, состоящие из слов со свободным значением, но используемые в речи в готовом виде. Например, *авырлык үзәге* (центр тяжести), *гәҗит сүзе* (газетное слово) и др. Это фразеологизмы, «которые не только являются семантически членимыми, но и состоят целиком из слов со свободными значениями» (Шанский, 1969: 84). Главное отличие фразеологических выражений состоит в том, что они значительно отстают по степени образности, выразительности, экспрессивности от рассмотренных видов фразеологизмов. Примеры: *чәчәк ату* (цветение) – развитие. *Татарстанда финанс пирамидалары белән бәйләү вазгыты һаман да шактый кискен булып кала бирә. Әлеге оешмаларның чәчәк атуы беренче чиратта халыкның финанс ягынан белем дәрәҗәсе түбән булу белән аңлатыла.* (Ситуация с финансовыми пирамидами в Татарстане по-прежнему остаётся достаточно напряжённой. Расцвет этих организаций объясняется, в первую очередь, низким

уровнем финансовой грамотности населения.) (Из периодической печати); *сукмак салу* (проложить тропинку) – прорывать (прокладывать) путь, проход. *Бәкер авылында яшәүче ике малай һәм бер кыз беренче булып шул мәктәпкә сукмак сала.* (Двое мальчиков и одна девочка из деревни Бакирово первыми прокладывают дорогу в эту школу.) (Из периодической печати); *юллар аерылу* (разошлись пути) – перестать встречаться. *Бер-берсен яхшы беләләр. Әмма кыз 7 класстан соң медучилищегә укырга кергәч, хат язышып торуларын исәпкә алмаганда, юллары аерыла.* (Они хорошо знают друг друга. Но когда девушка после 7 класса поступила в медучилище, если не считать переписку, их пути разошлись.) (Из периодической печати)

Таким образом, с точки зрения семантического единства компонентов в татарском языкознании принято выделять четыре вида фразеологических выражений. Во фразеологических сращениях и единствах проявляется структурная устойчивость, смысловое единство компонентов, что объясняется невозможностью их разложения на отдельные компоненты или их замены другими словами.

Разница между фразеологическими сращениями и фразеологическими единицами заключается в том, что упервых с точки зрения логики нет прямого смысла, или он не мотивирован; смысл фразеологического сращения становится понятным, только если обратиться к истории. Во фразеологических единицах есть и прямой смысл, и переносный смысл, и они понятны без исторических комментариев.

У фразеологических сочетаний уровень семантической спаянности и экспрессивности ниже, и потому они ближе к свободным словосочетаниям, их компоненты можно заменить другими словами, в результате чего образуются синонимические варианты фразеологизмов.

Фразеологические выражения образуются из слов со свободным значением, в речи употребляются в готовом виде, семантическое единство между компонентами слабое.

§ 47. Функционально-стилистическая классификация фразеологизмов

Фразеологические единицы, будучи языковыми единицами, органически связаны с бытом, культурой, обычаями, условиями жизни народа, его духовными стремлениями, эстетическими идеалами, отношением к действительности. Являясь важным средством повышения образности и экспрессивности, они служат для усиления идейного, смыслового воздействия литературных, политических, публицистических произведений, поэтому играют важную роль и в стилистике.

В функционально-стилистическом отношении фразеологизмы делятся на два больших пласта: 1) межстилевые, или нейтральные фразеологизмы, 2) функционально закреплённые фразеологизмы.

К межстилевым, или нейтральным фразеологизмам обычно относятся фразы, не привязанные к какому-то определённом функциональному стилю, одинаково используемые как в литературном языке, так и в разговорной речи, свободные от экспрессивной окраски, эмоционально нейтральные: *күп булса* (самое большее); *көн шу* (существовать); *кыш чыгу* (перезимовать); *йөз тоту* (ориентироваться на...); *йөз яшар* (очень старый); *исәп тоту* (рассчитывать на...); *исәпкә алу* (принять во внимание, учесть); *алгы сызык* (передовая); *авыр хәл* (сложная ситуация); *аек караиш* (трезвый взгляд); *актык гомерендә* (в конце жизни); *актык чиктә* (в конце концов; в крайнем случае); *акыл иясе* (мудрец); *алга бару* (прогресс); *алга сөрү* (ратовать; настаивать; проповедовать); *алга жибәрү* (дать ускорение (чему)); *алдан күрү* (предвидеть); *бала йоны* (пушок); *ахыр сәгатьтә* (в последний час); *ахыр чиктә* (в крайнем случае). Примеры: *Алгы сызыкның үзәгендә мин ун ай чамасы булдым.* (На передовой я пробыл около десяти месяцев.) (Г. Баширов); *«Москвич»ын калдырып жәяү генә чыгып китә дә юл уңаенда туры килгән машиналардан файдалануны артыграк күрә.* (Оставляя свой «Москвич», ходил только пешком и предпочитал пользоваться попутными машинами.) (А. Гилязов); *Дәрес, иши ягыннан тугызынчы унны куса да, болай күрер күзгә таза иде әле үзе.* (Правда, хотя ему и перевалило за девятый десяток, выглядит здоровым.) (М. Амир); *Мин сиңа сүз бирәм, моннан соң сезне беркайчан да төнгә ялгызыгызны калдырмам, без гел бергә булырбыз.* (Я обещаю тебе, что никогда больше не оставлю вас одних на ночь, мы всегда будем вместе.) (Г. Тавлин); *Укыса, зур урыннарда эшләмәс идемени?* (Если бы он учился, разве он не работал бы на высоких должностях?) (Г. Мухаметшин); *Ул чактагы Шөгәр районына керүче Бәкер авылында яшәүче Зөбәржәт һәм Фаварис Галәветдиновлар гаиләсе күптән инде аяк өстендә.* (Семья Зубарзата и Фавариса Галаяутдиновых из деревни Бакирово, входившей тогда в Шугуровский район, уже давно на ногах.) (Из периодической печати)

Функционально закреплённые фразеологизмы делятся на несколько пластов, в стилистическом плане они не тождественны, отличаются друг от друга разной степенью эмоционально-экспрессивной окраски.

Самый большой пласт в этой группе занимают фразеологизмы, относящиеся к сфере художественной литературы. Они активно используются как в разговорной речи, так и в языке художественной литературы. Будучи образными, подобные фразеологизмы делают речь вы-

разительной, многозначной, передают чувства и эмоции, являются яркими изобразительными средствами.

Выделенные в примерах фразеологизмы из языка художественной литературы, являясь средствами описания, делают речь выразительной и образной: *Һәрнәрсәгә матур, сөйкемле булып, шатлыгым эчкә сыймый, күңелем әллә кая сикерә, әллә нәрсәм әллә ни белән тула да ташып түгелергә тора төсле хис ителә.* (Г. Ибрагимов) (Моей радости нет предела, душа куда-то стремится, радость бушует во мне); *Күпләрнең шулай үз-үзләрен якый алмаулары, бер сукканга егылып төшүләре минем өчен кызык кына иде.* (Ф. Яруллин) (Мне было просто любопытно, что многие так и не смогли защитить себя, падали от одного удара); *Әмма бу хәбәр Сәфәрғали абзыйның, авыруга сабышып, эштән чыгуына сәбәп булды.* (Но это известие стало причиной увольнения дяди Сафарғали, который прикинулся больным.) (С. Рахманкулый); *Ничә еллар ир кулы тимәгән квартираны ал да гөл итеп куйды.* (Привёл в порядок квартиру, которой столько лет не касалась рука мужчины.) (С. Сулейманова)

Фразеологизмы разговорного языка чаще всего используются в неофициальном повседневном общении людей, реже – в произведениях художественной литературы с целью демонстрации особенностей речи персонажа, описания негативного образа. Естественно, что в составе единиц, относящихся к этому виду, присутствуют семантически простые речевые элементы, вульгаризмы, грубые слова, которые выражают такие негативные эмоции, как ирония, насмешка, издёвка, унижение, оскорбление.

В следующих предложениях выделенные единицы имеют яркую экспрессию, выражают отрицательные эмоции и используются преимущественно в разговорной речи: *Иштең ишәк чумарын! Мин сиңа алай дип әйттеммени?* (Наломал дров! Разве я тебе так говорил?) (Г. Камал); *Асыгыз, кисегез, мулла абзый, җаным, яр атмыйм шул уңсым бозавын, дип, кыз калку күкрәкләрен калтыратып елады.* (Вешайте, режьте, мулла абзый, я не люблю этого разиню, плакала девушка.) (М. Магдеев); – *Ә-ә, Бибисара! Ярый, ул күргән икән әле мур кыргырын, – диде Җамал карчык.* (– А-а, Бибисара! Хорошо, что он ещё видел, чтобы ему сдохнуть, – сказала старуха Джамал.) (А. Гилязов); *Хатыннар тәмле сүзгә зарыкканнармы, тәки мактап эреттеләр Мәүлиха апаны, авызын бәлишәйтеп, Чулакка карап-карап торды да, буасы ерылды берзаман!* (То ли женщины истосковались по добрым словам, всё же похвалами задобрили Маулиху апу, она смотрела на Чулака, скривив рот, и вдруг начала плакать.) (А. Гилязов); *«И, укымаган наданнар, суқыр тавыклар, кибәк, пумала, чүбек башилар!» – дип тезеп китте картлач.* («О, неграмотные невежды, слепые курицы, мякинные голы!» – начал перечислять старик.) (А. Тимергалин)

Книжные фразеологизмы используются в стилистически ограниченном, нормированном литературном письменном и разговорном языке, публицистике, научном, деловом и официальном стилях, художественной литературе. Некоторые из них проникнуты приподнятым духом и потому придают письменному языку торжественность. Их эмоционально-экспрессивные особенности ярко проявляются на фоне стилистически нейтральных слов. Например, *йөз сиксән градуска әйләндерү* (повернуть на сто семьдесят градусов); *ваз кичү* (отречься); *гайре табигый* (противоестественный); *заты шәрифләрегез* (Ваше превосходительство).

Однако не все книжные фразеологизмы обладают экспрессивностью – они могут быть и стилистически нейтральными. Например, *Гиппократ оныклары* (внуки Гиппократа); *ак алтын* (белое золото); *ак билет* (волчий билет); *өлгергәнлек аттестаты* (аттестат зрелости); *фундамент салу* (заложить фундамент); *тормыш юлы* (жизненный путь); *йомгаклар айту* (подытожить); *йомгак ясау* (подвести итоги, завершить).

В свою очередь, книжные фразеологизмы также не однородны по стилевой принадлежности. В их структуру входят: составные научные термины, ставшие устойчивыми словосочетаниями. Например, *ак күмер* (белый уголь); *ак шигырь* (белый стих); *алтын дәвер* (золотой век); *алтын чор* (золотой период); *бәтеркә бизәк* (завитушка (орнамент)); публицистическая фразеология: *душлык миссиясе* (миссия дружбы); *югарыда очрашулар* (встречи в верхах); *актык могиқан* (последний из могикан); *салкын сугыш* (холодная война); *байрак күтәрү* (поднимать знамя); *басма сүз* (печатное слово); *мәйдан алу* (быть победителем); *мәйданга килү (чыгу)* (выйти на арену); официально-деловая фразеология: *ачыклык кертү* (внести ясность); *ачык суд* (открытый суд); *кизүдәге мәсьәлә* (вопрос на повестке дня); *сүз алу* (взять слово); *сүз алып бару* (говорить о...); *сүз биру* (дать слово); *түгәрәк өстәл (янында)* (за круглым столом); *фәтwa биру* (дать согласие); *хәл кылу* (принять решение).

Варианты некоторых фразеологизмов могут относиться к разным стилям. Например, *акыл өйрәтү* (литературный язык) – *акыл сату* (разговорная речь) (поучать); *авызын сурәтләндерү* (литературный язык) – *авызын бәлшәйтү* (разговорная речь) (кривить рот).

С точки зрения наличия или отсутствия эмоционально-экспрессивной окраски все фразеологизмы делятся на две группы: 1) эмоционально-экспрессивные; 2) нейтральные.

Эмоционально-экспрессивные фразеологизмы, как следует из названия, обогащают речь различными модальными оттенками, становятся основой для возникновения коннотативной функции. В свою очередь, они также делятся на две группы:

а) фразеологизмы, выражающие положительную оценку: *менә дигән* (отличный, во какой!); *алтын куллы* (золотые руки, мастер на все руки); *кечкенә дә төш кенә* (мал, да удал); *бер бите ай, бер бите кояш* (краса ненаглядная) и др.;

б) фразеологизмы, выражающие отрицательную оценку (ирония, смех, возражение, унижение, оскорбление, ругань, проклятие и т. п.): *башын ашау* (сводить в могилу); *борын чөю* (задирать нос) и др.

Нейтральные фразеологизмы свободны от коннотативных функций: *баштан аяк* (с головы до ног); *эштән чыгу* (потерять силу). Они совпадают с общеупотребительными или межстилевыми фразеологизмами.

Таким образом, функционально-стилистическая классификация фразеологизмов раскрывает особенности их употребления в отдельных сферах, помогает понять их экспрессивно-стилистические возможности. Основным элементом фразеологического значения является выражение положительной или отрицательной оценки предмета речи, отношения к нему, поэтому очень малая часть единиц этого вида употребляется в нейтральном стиле.

Семантические особенности фразеологических единиц

§ 48. Особенности фразеологического значения

С помощью языковых средств человек может выразить своё мнение, высказать отношение к тому или иному явлению, при этом он пользуется огромным арсеналом лексем и фразеологических выражений.

В разделе «Семасиология» был дан подробный анализ лексического значения слова, его типов и особенностей, и потому, не останавливаясь более на уже известной информации, перейдем к рассмотрению особенностей фразеологического значения.

В языкознании понятие «фразеологическое значение» определяется по-разному. В вышедших в последние годы трудах предпочтение отдаётся рассмотрению его как комплекса денотативных, эмоционально-экспрессивных и грамматических значений. Сохраняя связь с названными ими предметами и явлениями, фразеологические выражения имеют семантически целостные значения, которым всегда присущ переносный смысл. В то же время фразеологическое значение не возникает из суммы лексических значений компонентов, входящих в состав фразеологизма, а присуще ему в целом, составляет единое целое. От распада или замены компонентов устойчивого словосочетания фразеологический смысл исчезает или возникает фразеологизм с другим значением. Например, сочетание из трёх слов *ярага тоз салу* (сыпать соль на рану) перешло в разряд фразеологизма со значением «*күңел жәрәхәтен тагын да арттыру*» (ещё

больше усилить душевную рану), однако если опустить, допустим, слово *яра* (рана) или заменить его другим (*ашка тоз салу* (положить в суп соль), то теряется его устойчивость, появляется словосочетание с прямым значением. Как видим, слова в составе фразеологического высказывания бывают связанными по смыслу. Утрата фразеологическим высказыванием заложенного в его содержание переносного значения приводит к потере им как коннотативной, так и эмоционально-экспрессивной специфики.

Подобно отдельным словам, фразеологизмы выполняют номинативную функцию, которая позволяет им также называть явления окружающего мира. Например, мы говорим *дөнъя баясе* (стоящий целого мира) по отношению к очень дорогому нам человеку или ценной вещи; говоря *колагына да элми* (и в ус не дует), характеризуем невнимательных людей; *иркен куллы* (обеспеченный) говорим о человеке зажиточном, состоятельном, богатом; *аты артта, тартәсе алда* (букв. у него лошадь позади, оглобли впереди) – о том, кто любит приукрашивать; называем *китап корты* (книжный червь) того, кто любит читать; о невежественном, глупом человеке говорим *аягыннан тотып селкесәң, бер хәреф (алиф) төшмәс* (букв. потрясёшь за ноги, ни одной буквы не выпадет) и др.

Однако фразеологизмы не только называют тот или иной предмет, явление, но и выражают отношение говорящего к этому предмету, явлению. Следовательно, фразеологический смысл насыщен эмоционально-экспрессивными, стилистическими оттенками.

Например, слово *чибәр* (красивый) и сочетание *бер бите ай, бер бите көн* (краса ненаглядная) описывают красоту лица человека, однако, несмотря на то, что оба содержат положительную оценку, во втором выражении это значение звучит более интенсивно, поскольку наделено эмоциональной окраской. Напротив, фразеологизмы *берсе чәриәмбегә, берсе дүшәмбегә* (*жомгага*) *караган* (один глаз на нас, другой на Арзамас); *бер күзе мәширикьта, бер күзе мәгърибтә* (один глаз на восток, другой на запад); *бер күзенә ак салган, икенчесе чак калган* (букв. один глаз побелел, другой еле уцелел) содержат отрицательную коннотацию, а сочетание, например, *кузе кылый* (глаз косой) передаёт иронию по отношению к дефектам зрения.

Большинство фразеологизмов способно заключать в себе несколько смысловых оттенков. Например, когда говорят *изге жән* (букв. святая душа), перед глазами предстает всегда с радостью готовый помочь, добрый, отзывчивый человек. *Йомшак авыз* (букв. мягкий рот) употребляют по отношению к бездеятельным (растяпам), не умеющим постоять за себя людям.

Как и слова, фразеологизмы бывают одно- и многозначными. Например, устойчивое словосочетание *йоммый түгән ява* (букв. не закрывая, проливает) имеет одно значение, буквально определяющее плачущего

ребёнка, который, не закрывая глаз, проливает слезы. А устойчивое сочетание *кулы озын* (букв. рука длинная) многозначно: так называют и вора, и человека, не умеющего сдерживать себя, задиру, драчуна.

Следовательно, фразеологические единицы, как и слова, могут быть многозначными, вступать друг с другом в синонимические, антонимические и омонимические отношения. Однако многозначность фразеологических выражений менее распространённое явление по сравнению с многозначностью слов. Большинство фразеологизмов в татарском языке – однозначные. Особенно это заметно во фразеологических сращениях (идиомах). Следующие фразеологизмы употребляются только в одном значении, не имеют фразеологических вариантов, компоненты между собой тесно связаны, не могут быть опущены или заменены другими словами, вставки других слов не допустимы: *ис кит(мә)ү* (приходить в изумление (и глазом не моргнуть)); *үзәк өзелү* (душа разрывается); *юкны бушка аудару (бушату)* (воду в ступе толочь); *түшәмгә төкереп яту* (плевать в потолок); *кырт кисү* (в категорической форме); *тузга язмаган (ны сөйләмә)* (бабушкины сказки); *кара коелу* (почернеть лицом); *биш былтыр* (много воды утекло); *салам сыйрак* (ноги как спички); *яла ягу* (возводить клевету); *суйган да каплаган* (волос в волос); *ташка үлчим* (не дай бог); *изге жан* (добрая душа); *ике дөнья бер кәнди* (море по колено); *трай тибү* (гонять лодыря); *аягурә саташу* (букв. бредить на ногах); *аягын дагалу* (букв. подковать ногу); *бер атка ике камыт* (на одну лошадь два хомута); *гайбәт боткасы* (тот, кто собирает сплетни); *зур күрү* (оказать почёт и уважение); *кикрикле тавык* (букв. курица с гребешком); *киләп сарып йөрү* (гонять лодыря); *бер балык баишы* (сказка про белого бычка); *дилбегәне жыя төшү* (затянуть поводья); *йөзен яшерү* (прятать лицо).

Среди фразеологических сращений, сочетаний и выражений тоже немало однозначных. Например, имеют в основном одно значение устойчивые выражения: *колагына да элми* (и в ус не дует); *борын тыгу* (совать нос); *эт көне* (собачья жизнь); *канлы яшь түгү* (обливаться кровавыми слезами); *ярага тоз салу* (сыпать соль на рану); *кәеф боз(ыл)у* (испортилось настроение); *жәй чыгу* (выпал случай, повод, возможность); *ишетсен колагың* (заруби себе на носу); *уйга бату* (задуматься); *биш бәягә сату* (продать втридорога); *туры сүзле* (прямолинейный); *бәлагә тару* (попасть в беду); *күп сорамый (алмый)* (недолго думая); *бәреп әйтү* (сказать прямо (в лицо)); *чиргә сабышу* (заболеть); *бусагасын таптау* (топтать порог); *тамак кыру* (прочистить горло, издавая хриплый звук); *гомер кичерү* (жить); *көн күрү* (существовать); *соң дәрәжәдә* (в высшей степени); *жан иясе* (живое существо) и др.

Основная часть многозначных фразеологизмов состоит из двузначных. Например, *телдән калу* (*телдән язу*) (потерять дар речи):

1) неспособность говорить из-за болезни, слабости. *Барыгыз, бар, Сахип абый үлә, телдән калган, ди.* (Идите, идите, Сахип абый умирает, уже язык отнялся, говорят.) (Г. Ибрагимов);

2) неспособность сказать слово из-за страха, стыда. *Күтәрелеп карарга да чак-чак баздык, Тик торабыз – икебез дә телдән яздык.* (Кое-как осмелились поднять взгляды, стоим молча – оба потеряли дар речи.) (Р. Миннуллин)

Эченнән энә үтәрлек (очень худой):

1) слишком худой, тощий. – *Аңа ни әйтәсең... Үзенең эченнән энә үтәрлек, ә үзе һаман бүрәнәнең юан башыннан күтәрә...* (Что ему скажешь... Сам очень худой, а все ещё поднимает бревно с толстой стороны...) (В. Имамов);

2) с тонкой талией (о девушках):

Зифа буең, талчыбыктай билең,

Эчләреңнән энә үтәрлек... (Сама стройная, тонкая талия, иголка может пройти через тебя...) (Г. Сагиров)

Кроме того, встречаются фразеологизмы с тремя и более значениями. В качестве примера Г. Х. Ахунзянов приводит 11 значений фразеологизма *баш күтәрү* (поднять голову):

1) отвлечься от работы: *Буразналар өстеннән кешеләр башларын күтәрделәр. Яңгыр коеп яварга кереште.* (Люди подняли головы над бороздами. Пошел сильный дождь.) (М. Галяу);

2) просыпаться: *Кышкы авыл яңа баш күтәрә, ә жәен бу вакытта халык кырга китеп беткән була инде.* (Зимняя деревня только пробуждается, а летом в это время народ уже ушёл в поле.) (А. Еники);

3) встать после болезни: *Мәрьям апа кайтып егылды да башын күтәрә алмады. Кичә жирләделәр.* (Марьям апа пришла, упала и не смогла поднять голову. Вчера похоронили.) (Г. Губай);

4) вырваться из ситуации должествования, подчинения, начать вести себя гордо: *Күтәр башың, туктат яшең.* (Подними голову, перестань плакать.) (Ф. Бурнаш);

5) зазнаваться (чванство), надменно гордиться: *Искә төшә симез капиталның баш күтәрәп йөргән чаклары; миллионланган эшче, батрактарны эттән түбән күргән чаклары.* (Вспоминаются времена чванства тучного капитала; времена, когда миллионы рабочих, батраков считали хуже собак.) (М. Гафури);

6) выражать несогласие, возражать: *Гөлчирәнең болай кан йотып йөрүенә семьяда каршы беренче булып Нурия баш күтәрде.* (Нурия первой в семье восстала против таких мучений Гульчиры.) (А. Абсалимов);

7) массовое вооруженное выступление против правящих классов для защиты классовых интересов: *Баш күтәрүчеләр белән җәзалау отрядлары*

арасындагы сугыш кара көзгә хәтле барды. (Война между восставшими и карательными отрядами продолжалась до поздней осени.) (И. Салахов);

8) о различных противоборствующих силах: активизация, оживление, восхождение: *Прогресс дошманы булган кара көчләр әле тегендә, әле монда яңадан баш күтәрәләр.* (Черные силы, враги прогресса, то там, то здесь снова восстают.) (Г. Иделле);

9) о чувствах, мыслях (оживиться, усилиться): *Кызың астыртын горурыгы вакыт-вакыт баш күтәрә.* (Время от времени проявляется скрытое тщеславие девушки.) (А. Гилязов);

10) устаревшее значение: появление, выход в свет, на арену: *17 октябрьдән соң һәр тарафтан яхшы ук шагыйрьләр баш күтәрделәр.* (После 17 октября отовсюду появились довольно хорошие поэты.) (Г. Тукай);

11) о растении: взойти. Например: *Кар китәр-китмәс беренче яз чәчәге – умырзая баш күтәргән.* (Ещё не сошёл снег, а уже появляются первоцветы – подснежники.) (А. Абсалямов) (Ахунжанов, 1972: 46). Основной смысл фразеологизма, приведённого в качестве примера Г. Х. Ахунзяновым, сводится к значению «пробуждение, активизация, усиление, возвышение».

Следовательно, как и в словах, многозначность во фразеологических выражениях возникает только при сохранении ими внутренней формы. Например, *ахыр сәгатәтә* имеет следующие значения: 1) в самый последний момент, 2) в час смерти. Объединяющим центром эти двух значений является указание на границы времени.

Остановимся ещё на одном примере. Фразеологизм *китү җәен карау* имеет два значения: 1) «заблаговременно принять меры для ухода / позаботиться об уходе», 2) «продумать возможность уйти, сбежать». В обоих случаях в основе устойчивого выражения лежит значение «уйти, исчезнуть».

Если такая связь между значениями утрачивается, образуются фразеологические омонимы.

§ 49. Фразеологические омонимы

Фразеологическими омонимами называют фразеологические выражения, имеющие одинаковый звуковой строй, но разное значение. Обычно такие единицы имеют два значения. Например, за фразеологизмом *башка ут кабу* (голова огнём горит) закреплены следующие значения: 1) сильно влюбиться; 2) сильно беспокоиться, тревожиться. Выражение *кагылып-сугылып йөрү* (мотаться туда-сюда) – также употребляется в двух значениях: 1) быть обиженным кем-то, притесняться; 2) не иметь возможности трудоустроиться или обосноваться на одном месте и др.

Явление омонимии издавна привлекало внимание лингвистов. Как в общем, так и в татарском языкознании насчитываются десятки работ,

посвящённых этому вопросу, однако фразеологические омонимы упомянуты лишь в некоторых из них.

Наиболее плодотворно в области фразеологии работал Г. Х. Ахунзянов. Учёный, изучая омонимичность фразеологизмов, писал: «В татарском языкознании фразеологических омонимов не так уж и много. Например, выражение *теш күрсәтү* (показать зубы) употребляется и в значении «улыбаться», и в значении «проявлять злой умысел». *Сүз йөртү* (разводить сплетни) выражает значения «сплетничать» и «вести разговор»; *сүзгә килү* (поссориться) означает «заговорить» и «поссориться». У словосочетания *телгә килү* (начать говорить) имеется 3 омонима: *телгә килү* – вспомнить; *телгә килү* – заговорить; *телгә килү* – ссориться» (Ахунжанов, 1972: 79).

Г. Х. Ахатов пишет: «Фразеологизм в одном контексте может быть фразеологизмом, а в другом – нет. Например, в предложении *Чулпанның эше бик тиз үргә менеп китте* (Г. Баширов) выражение *үргә менеп китте* – фразеологизм, поскольку образность в данном контексте достигается благодаря его употреблению в переносном смысле, что значит в колхозе «Чулпан» дела пошли вперед. Но то же сочетание *үргә менеп китте* в предложении *Ул жәяүләп үргә менеп китте* фразеологизмом быть не может, так как употребляется в прямом значении. Таким образом, словосочетание, отрываясь от своего контекста и помещаясь в «чужой» контекст, отрывается от основного смысла, приобретает дополнительный смысл. Следовательно, одним из основных факторов возникновения фразеологизма является то, что словосочетания, отрываясь от своего контекста, начинают употребляться в другом контексте в переносном значении» (Әхәтов, 1979: 8–9). Как видим, учёный не учитывает омонимического употребления фразеологизма.

В труде Ф. С. Сафиуллиной «Хэзерге татар әдәби теле. Лексикология» («Современный татарский литературный язык. Лексикология») фразеологизмам дается аналогичное определение. Что же касается классификации омонимов, то автор выделяет: 1) лексические; 2) лексико-грамматические; 3) грамматические (омоморфемы, омомодели) (Сафиуллина, 1999: 142). В данную классификацию не включены фразеологические омонимы.

М. Б. Хайруллин к лексико-семантическим омонимам относит: 1) лексические; 2) лексико-грамматические; 3) грамматические; 4) фразеологические. Автор фразеологическими омонимами называет фразеологизмы, которые употребляются в своём прямом и переносном значении в зависимости от контекста. Например: *көймә комга терәлү* (лодка застряла в песке) (в прямом значении) – *көймә комга терәлү* (сесть на мель) (в переносном смысле означает «находиться в тяжёлом состоянии»), *кул сузу* (протянуть руку) (в прямом значении) – *кул сузу* (протянуть руку)

(в переносном значении означает «покушаться, посягать») и др. (Хайруллин, 2002: 101–102).

В статье «Омонимия и классификация омонимов» Ф.С. Хакимзянов выделяет следующие виды омонимов: 1) лексические; 2) грамматические (или омоформы); 3) фонетические (или омофоны); 4) графические (или омографы); 5) фразеологические; 6) синтаксические (омомодели, омосинтагмы). К фразеологическим омонимам учёный относит и сочетания, употребляющиеся в прямом значении, и единицы, перешедшие в разряд фразеологических оборотов: *сырт йонын кабарту* (шерсть встала дыбом на холке) (в прямом значении: связано с каким-либо животным) – *сырт йонын кабарту* (возражать, упрямиться, сопротивляться); *сөялгә басу* (наступить на мозоль) (в прямом значении) – *сөялгә басу* (указать на недостатки) и др. (Хакимзянов, 2004: 16–23).

В татарском языке встречаются омонимичные устойчивые сочетания, имеющие три, а то и четыре значения. Например, можно выделить три разных смысла во фразеологизме *баш салу* (сложить голову): 1) от боли, усталости или горя низко склонить голову; 2) повиноваться, унижаться, кланяться, подчиняться; 3) стать жертвой, погибнуть в бою.

Некоторые словосочетания в одних контекстах употребляются в прямом значении, в других – в переносном, приобретая при этом фразеологический характер. В языкознании такие словосочетания называют условными фразеологическими омонимами. По содержанию такие фразеологические выражения передают одно понятие, а по форме напоминают словосочетание. Например, в предложении *Теиш агарту өчен щётка сатып алдым.* (Для отбеливания зубов купил щётку.) словосочетание *теиш агарту* (отбеливание зубов) употребляется в прямом значении. В контексте *Браунингтан ату хакында малай, билгеле, теиш агартмады.* (Мальчик, конечно, не стал рассказывать о стрельбе из браунинга.) (Х. Ибрагим) выражение *теиш агарту* (*агартмау*) – фразеологизм в значении «скрытно проявлять несогласие». *Ботка пешу:* в предложении *Бер тарыдан ботка пешми.* (Из одного просяного зернышка каши не сварись.) (Пословица) простое словосочетание *ботка пеш(мә)ү* (каша не сварится) употребляется в прямом значении; в контексте *Болай итсәк, миңа да жәбәр, сиңа да жәбәр булмас, моңар күнсәң, безнең ботка пешәр.* (Если мы так поступим, то и мне, и тебе не будет обидно, а если согласишься, то наша каша сварится.) (Г. Тукай) это же выражение в переносном значении становится устойчивым и обозначает «работать или жить по взаимному согласию, находить общий язык». *Өреп кенә тоту* (сдувать пылинки) – 1. В прямом значении; 2. Лелеять, относиться бережно, проявлять уважение. *Өреп кенә, жәным, тотармын дип, Буш вәгъдәләр сиңа биргәнн.* (Дал тебе пустые обещания, что будет

сдувать с тебя пылинки.) (Р. Валиев); 3. Означает проявление неуважения, плохого отношения: – *Ну, хатыннан уңдым мин, малай! Өрөп озата, өрөп каршы ала, өрөп кенә тотта.* (Ну, повезло же мне с женой! Лая провожает, лая встречает, все время лает.) (И. Хайруллин)

Исходя из вышесказанного, можно выделить следующие виды фразеологических омонимов:

1) чистые фразеологические омонимы: *жаң биру* (испустить дух) – умереть; *жаң биру* (дать жизнь) – дать жизнь, дать возможность жить. В этом случае среди фразеологизмов наблюдается явление омонимии;

2) условные фразеологические омонимы: *баи түшәмгә тию* (касаться головой потолка) (в прямом значении); *баи түшәмгә тию* – радость, восторг. Здесь между фразеологизмом и простым словосочетанием также наблюдается явление омонимии. Такое явление возникает между свободными словосочетаниями (*кул буяу* – марасть руки) и вытекающими из них фразеологизмами (устойчивые словосочетания в переносном значении: *кул буяу* (марасть руки) – участвовать в неважном, бессмысленном деле, запятнать имя);

3) смешанные фразеологические омонимы: *койрыгы кысылу* (хвост прижат) (в прямом значении); *койрыгы кысылу* – неудача в карьере; *койрыгы кысылу* – испуг, страх. В этом случае наблюдается образование устойчивых словосочетаний, носящих омонимичный характер по отношению к простым словосочетаниям и к самому фразеологизму.

Фразеологизмы этого вида (например, *түбәсе күккә тию* (быть на седьмом небе); *арт сабагын укыту* (задать встрепку); *арага кыл сыймау* (быть неразлучными друзьями)) не имеют омонимичных вариантов среди свободных словосочетаний. Они употребляются только в переносном значении.

В составе компонентов некоторых фразеологических омонимов можно встретить слова, имеющие между собой омонимические связи: *өрөп кенә тору* (оказывать почет и уважение, пылинки сдувать) – лелеять; *өрөп кенә тору* (постоянно лаять) – устраивать скандалы.

Встречаются и фразеологические омонимы антонимического характера. Например, *жаң биру* (испустить дух) – умереть; *жаң биру* (дать жизнь) – дать жизнь, дать возможность жить.

Следовательно, как и слова, фразеологизмы также способны вступать друг с другом в омонимические отношения, правда, во втором случае такая возможность ограничена. Явление омонимии в фразеологизмах может быть как между собственно фразеологизмами, так и между фразеологизмом и свободным словосочетанием. Омонимичность фразеологизмов является фактором, определяющим богатство языка.

§ 50. Фразеологические синонимы

Будучи единицей языка, фразеологизм подчиняется общим семантическим законам, иными словами, входит в системные семантические отношения с другими фразеологизмами, в том числе синонимические. «Фразеологические синонимы – это различные фразеологические обороты, обозначающие один и тот же предмет объективной действительности» (Шанский, 1969: 58).

Фразеологические единицы могут быть синонимичными по отношению к отдельным словам и друг другу. С. Ш. Поварисов отмечает: «Фразеологические синонимы – это языковые единицы, различающиеся по форме, но совпадающие или очень близкие по значению» (Поварисов, 1982: 158).

Как видим, определение фразеологических синонимов близко к определению лексических синонимов. К тому же, у них и функции одинаковые: так же, как и лексические синонимы, они используются для различения того или иного оттенка значения (или стиля). В одном синонимическом ряду может быть до десяти фразеологизмов, которые выражают различные оттенки значения.

Фразеологизмы, стоящие в одном синонимичном ряду, могут отличаться друг от друга оттенками значения, стилистической принадлежностью, функционально-речевой сферой употребления или по всем перечисленным свойствам одновременно. Например, представленные фразеологизмы: *тиккә күсәк күтәрү* (из-за ерунды поднять шум); *телгә-тешкә килү* (разругаться на чём свет стоит); *тәмсезгә китү* (завершиться плачевно); *сафура бураны куптару* (метать гром и молнии); *сәхнә ясау* (устроить сцену); *тавыш күтәрү* (поднимать шум); *тавыш чыгу* (возникла ссора); *тузан куптару* (поднимать шум) означают 'ругаться, браниться'. Однако они отличаются оттенками значения. Так, фразеологизм *тиккә күсәк күтәрү* используется в значении 'из-за ерунды поднять шум', *тузан куптару*, *тавыш күтәрү* – 'поднимать шум, гам, скандал', *сәхнә ясау* – 'кричать демонстративно в присутствии людей', *өйдә ың-шың килү* – 'сплетничать о чьих-то семейных неурядицах', *телгә-тешкә килү*, *сузгә килү* – 'лёгкая перебранка, мелкая ссора', *тәмсезгә китү* означает 'кричать, используя неприятные слова', *сафура бураны куптару* употребляется в значении 'очень громкий крик, шумная ссора'.

Если поместить некоторые фразеологические синонимы в контексты, описывающие другие явления или события, они могут утратить своё значение и стилистические, эмоционально-выразительные оттенки, свою синонимичность или образовать новую синонимическую группу. Например, фразеологические синонимы *чырайларында кан эсәре калмаган* (сильно побледнели); *чак авызыннан тыны чыга* (еле дышит); *рәтләп сүзен дә*

әйтә алмый (толком не может сказать и слово) в определённом контексте употребляются в значении ‘испугаться, смутиться, растеряться’, в другом – могут быть эквивалентны слову с совершенно новым значением. Например, *чырайда кан эсәре калмау* – ‘худоба, болезнь’; *авызыннан чак тыны чыгу* – ‘неспособность говорить, находиться в сложной ситуации’; *чак аяк өстендә тору* – ‘усталость, переутомление, болезнь, едва стоять на ногах’; *рәтләп сүзен дә әйтә алмау* – ‘бестолковый, нетрезвый’ и др.

Как правило, фразеологизмы в одном синонимичном ряду имеют либо одинаковую, либо разную структуру. Примеры фразеологических синонимов с одинаковой структурой: *кул кую* (подписать) – *пичәт басу* (поставить печать); *эшкә ашу* (воплотить в жизнь) – *барып чыгу* (получиться (о результате)); *сәмсере коелу* (испортиться (о настроении)) – *карага бату* (почернеть от переживаний); *аска карау* (потупиться) – *кузне түбән төшерү* (опустить взгляд); *акчаны суга салу* (сорить деньгами) – *акчаны җылгә очыру* (пустить деньги по ветру); *баиш куккә тию* (прыгать от радости) – *куаныч эчкә (култыкка) сыймау* (распирать от радости) (глагол); *җан көеге* (бельмо на глазу) – *кузле бүкән* (болван (чурбан) с глазами) – *аяклы каза* (толку нет *от кого-то*) (имя существительное). Большинство из них, особенно связанные с глаголами и их формами, сочетаются с одним и тем же словом, имеющим свободное значение. Например, *кул кую* (подписать) – *пичәт басу* (поставить печать); *эшкә ашу* (осуществлять, воплощать, воплотить в жизнь) – *барып чыгу* (получаться (о результате)); *сәмсере коелу* (стать мрачным, помрачнеть, хмуриться) – *карага бату* (почернеть лицом), *мәдхия уку* (петь славу) (*кому*) – *дан җырлау* (петь хвалебные песни); (*отчего, из-за чего, почему*) *җан алыну* (душа в пятки ушла) – (*отчего, из-за чего, почему*) *кот ботка җитү* (душа ушла в пятки).

Примеры фразеологических синонимов с различной структурой: *биш былтыр* (много воды утекло) – *купме еллар үтте, купме сулар акты* (сколько лет прошло, сколько воды утекло); *чиләгенә күрә капкачы* (по ведру и крышка) – *ике сыңар – бер киём* (два сапога – пара) и др. В таком синонимическом ряду важно сходство не структуры выражений, а их значений.

Таким образом, фразеологические синонимы – это единицы, близкие или тождественные по смыслу, но имеющие грамматические, стилистические отличия, а также функционально-речевые особенности употребления.

Различают языковую и контекстуальную разновидности фразеологических синонимов. Отличительных (дифференциальных) признаков языковых синонимов может быть несколько. Кроме того, у каждого из них своё содержание (семантические синонимы), стиль употребления, эмоционально-экспрессивные возможности (стилистические синонимы).

К семантическим синонимам относятся фразеологизмы, отличающиеся друг от друга внутренней формой и оттенками значений. Например, несмотря на то, что фразеологизмы *эч яну* (на душе кошки скребут), *йөрәк әрнү* (сердце болит), *жан телгәләну* (душа разрывается), *ут йоту* (болеть душой), *үзәк өзелү* (душа разрывается) объединяются одним значением – ‘испытывать беспокойство, тревогу, горе, печаль’, они отличаются друг от друга оттенками значений. Так, фразеологизм *эч яну* означает ‘беспокоиться, никому не показывая вида, втайне от всех’; *йөрәк әрнү* используется при выражении душевных страданий, связанных со злостью или с жалостью; *жан телгәләну* – ‘душевная боль, терзания от жалости до беспокойства, тяжелое переживание какого-либо события’; *ут йоту* выражает очень глубокие переживания и печаль; *үзәк өзелү* означает тревогу, беспокойство. – *Инде бөтен авыл белә икән. Эчем яна минем.* (Уже вся деревня знает. У меня на душе кошки скребут.) (Н. Гиматдинова); *Яшьлегемә шаһит булган өемне ишкәндә, йөрәгем әрни.* (Когда разрушают дом, который был свидетелем моей юности, сердце боли.т) (Н. Гиматдинова); Алайса, ник телгә килеп әйтми, ник болай жанны телгәли? (Почему же тогда молчит, почему же разрывает мою душу?) (Н. Гиматдинова). – *Икегез дә ут йотасыз шул, балалар. Сак белән Сок кебек кавыша алмыйсыз, арагызга тау үсте.* (У каждого из вас болит душа. Не можете сойтись, как Сак и Сок: между вами выросла стена.) (Н. Гиматдинова); *Бер кич күрмәсәм, сагынудан үзәгем өзелә.* (Хоть один вечер не увижу, душа моя разрывается.) (Н. Гиматдинова).

Близки по значению к перечисленным единицам и фразеологизмы *жанга урын тапмау* (не находить себе места), *тамактан аш үтмәу* (кусочек в горло не лезет), *башны кая илтеп тыгарга белмәу* (не знать, куда преклонить голову). Они также выражают грусть, беспокойство или тревогу, однако отличаются тем, что употребляются в разговорной речи, а не в литературном языке, и имеют несколько различную эмоциональную окраску. Указанные фразеологические единицы содержат в себе следующие семантические оттенки: *жанга урын тапмау* – ‘сильно переживать, беспокоиться, не знать, что делать’; *башны кая илтеп тыгарга белмәу* – ‘сильно переживать, вплоть до отсутствия аппетита, безысходность’. Например, *Ә Галия жанына урын тапмады.* (А Галия не находила себе места.) (Н. Гиматдинова); «*Тамагымнан аш та үтми бу Шәрәф белән*», – *диде хатын, мескен кыяфәт чыгарып.* («С этим Шарафи умения и кусок в горло не лезет», – сказала женщина с довольно жалким видом.) (Н. Гиматдинова); *Ул башын кая илтеп тыгарга белмәгәннән генә каңгырап, Карачутырның капкасына төртелде.* (Не зная, где преклонить голову, он забрёл к воротам Карачутыра.) (Н. Гиматдинова)

Предметно-логическое значение фразеологизмов *кызу канлы*, *тоткан жѳиреннэн езеп ала торган* сходно, оба они определяют злого человека, но если первая единица употребляется по отношению к вспыльчивому, раздражительному, холерическому по типу темперамента человеку, то вторая – наделённому не только злостью, но ещё и решительностью, требовательностью. *Киленнең атасы кызу канлы. Бирнәләрен олауга төяп, кире сытырмасын дим.* (Отец невесты очень вспыльчивый. Боюсь, что всё приданое погрузит в телегу и укатит.) (Н. Гиматдинова); *Монысы тоткан жѳиреннэн езеп ала торган усал хатын икән.* (У этой женщины мертвая хватка.) (Н. Гиматдинова)

Фразеологизмы *аятка калдыру* (поставить (кого-то) в унижительное положение), *хур итү* (опозорить), *биткә кара ягу* (очернить) объединяет значение ‘опозорить, осрамить’, а использование их в одном художественном контексте порождает градацию. Например, *Ни генә әйттим инде, тәмам аятка калдырды, хур итте, биткә кара якты бит...* (Что же могу сказать, он поставил меня в унижительное положение, опозорил, осрамил.) (Г. Баширов)

К стилистическим синонимам относятся фразеологизмы, принадлежащие к разным функциональным стилям. Они встречаются во всех стилях речи, однако чаще всего употребляются в языке художественной литературы и устной речи. Друг от друга их отличает степень эмоционально-экспрессивной окраски, интенсивность употребления в одном и том же стиле. Стилистические синонимы позволяют писателям одновременно не только изображать те или иные явления действительности, но и передавать своё отношение к событиям, обстоятельствам, предметам, к людям и т. п. Богатство стилистических оттенков дает возможность выбора фразеологизма, соответствующего конкретной ситуации. Например, единицы *кәеф бозылу* (испортиться (о настроении) и *кикриге шиңү* (спесь сошла) отличаются стилистически: первый фразеологизм стилистически нейтрален, второй – имеет оттенок иронии, т. е. стилистически снижен. Например, *...Әллә инде бу арада кәефе бозылганмы?* (... Или же в последнее время у него испортилось настроение?) (Г. Тулумбай); *Шуннан чират көтүчеләренең дә кикриге шиңә...* (Потом и у ожидающих в очереди сошла спесь) (Г. Тулумбай)

Все три фразеологизма *Каф таулары артына* (букв. за горами Каф, далеко), *жәһәннәм читенә* (у черта на куличках), *жәһәннәм тишегенә* (в чёртовой дыре) имеют значение ‘очень далеко’, однако первый употребляется в языке художественной литературы, остальные – в разговорной речи. В последних фразеологизмах ярче проявляется экспрессивность. Например, – *Каф таулары артына качарсың шуларны күрмәс өчен, Раб-*

бым Аллам. (Спрячешься учерта на куличках, только бы их не видеть, о Раббым.) (Н. Гиматдинова); *Китәм, җәдһәннәм читенә китәм*, – дип елады. (Она плакала: «Уеду, в чертову дыру уеду».) (Н. Гиматдинова); *Бигрәк җәдһәннәм тишегендә инде бу Рухиясе. Сыерына да шуннан ташы, җиләк-җимешенә дә сибәргә дә шунда чап.* (Очень уж далеко живёт Рухия. И корм для коровы оттуда тащи, и поливать фрукты и ягоды туда беги.) (Н. Гиматдинова)

Фразеологизм *кот чыгу* (душа вылетела) относится к межстилевым, *йөрәге өзеп төшү* (сердце оборвалось) – к языку художественной литературы, *җан табан астына төшү* (душа в пятки ушла) – к разговорной речи, все три выражают значение ‘испытывать страх’. *Котым чыкты, валлаһи.* (Валлахи, так испугалась, душа вылетела.) (Н. Гиматдинова); *Буа ташу уен эш түгел иде. Галиянең йөрәге өзеп төшкәндәй булды.* (Разлив плотины – дело не шуточное. У Галии чуть сердце не оборвалось.) (Н. Гиматдинова); «*Куркымыш ясап, җаныңны табан астына кем төшермәктә ие?*» – диде. («Кто тебя так испугал специально, что душа в пятки ушла?» – спросил он.) (Н. Гиматдинова)

Несмотря на то, что фразеологизмы *күз төшерү* (взглянуть), *күз тәгәрәтү* (поглядывать), *күз текәү* (уставиться), *күз йөртү* (просмотреть) имеют общее значение ‘взглянуть’, они различаются друг о друга семантически и стилистически. Эта разница отчетливо заметна в примерах: *Күзне төшерсәм, теге комиссар Садыков кул куйган.* (Взглянул и увидел, оказывается, тот комиссар Садыков подписал.) (Г. Тулумбай); *Амин итеп бетергәч тә әле, малай, күзне тәгәрәттеп, чыкмыйча тордык.* (Слушай, даже когда закончили молиться за трапезу, мы не торопились выйти, все время поглядывая) (Г. Тулумбай); *Сагышлы кеше чырае белән күзен бер тынышка текәп торган итә. Ул насоска күз йөртте.* (Горюющий человек, оказывается, смотрит, уставившись в одну точку. Он водил взглядом по насосу) (Г. Тулумбай).

Фразеологизмы *кара көю* (почернеть от злости), *ачу казаны ташу* (кипеть от злости), *сару кайнау* (довести до тошноты) объединяются по смыслу: ‘раздражаться, гневаться, злиться’. Но оттенки значений, сферы применения, эмоционально-экспрессивные свойства у них разные. *Кара көю* – ‘от сильной злости меняться в лице, помрачнеть’, *ачу казаны ташу* – ‘очень сильно злиться, обнаружить способность от ярости и гнева перейти к различным злодеяниям’, *сару кайнау* – ‘до тошноты проявлять беспокойство отчего-то непривлекательного, душераздирающего’. Первые два относятся к художественному стилю, последний – к разговорному. Например, *Йорт саен имеш-мимешләр таралган, тик берәү дә Сәрбиянең кинәт явызланып, кара көеп китүен аңламаган.* (По дворам

расползлись слухи, но так и не поняли почему Сербия вдруг стала злиться и ходила чернее тучи.) (Н. Гиматдинова); *Килгән саен, аягымдагы туфлиларне күрөп, саруы кайныйдыр мескеннең.* (Каждый раз, видя на моих ногах эти туфли, бедняга, наверное, злится.) (Н. Гиматдинова)

В татарском языкознании существует множество точек зрения как на классификацию фразеологизмов, так и на определение синонимичности между ними. Предложенная нами классификация характерна как для русского языкознания, так и для татарского (ср. работы Н. М. Шанского, В. Н. Клюевой).

В контексте также могут употребляться фразеологические выражения, синонимичные отдельным словам, свободным словосочетаниям и предложениям. Фразеологические выражения обычно находятся в составе одного предложения и реализуют разные функции. Во-первых, они выполняют функцию уточнения, более детального раскрытия его содержания, во-вторых, делают авторскую мысль более выразительной, глубокой, повышают уровень эмоциональности и экспрессии. Примеры: *Тургайлы үзәнгә карыйм да / Жанымны жылыткан уй табам, / Кызыл төс күрдисәм – кан уйный, / Зәңгәр төс күңелгә моң сала. / Сап-сары көземә күз багып, / Жаныма сагышлы уй табам.* (Смотрю на поле с жаворонками, Как только вижу красный свет – кровь вскипает, Синий цвет заставляет душу петь, При взгляде на свою жёлтую осень, душа моя наполняется грустью) (Р. Валиев); *Бу ноктадан бөтен зал күрәнә. Монда кергәнчыкканни күздән кичергаләп, өстенә чикләвек сибелгән мороженое капкалап, озын салам аша коктейль суыра-суыра, тамаша карап утыру рәхәт иде* (С этой точки виден весь зал. Здесь было приятно сидеть, поглядывая на входящих-выходящих, покусывая мороженое, обсыпанное орехами, и пить коктейль через трубочку-соломку.) (С. Шамси); *Юк ла, кунакка түгел, яшәргә, тормыш итәргә...* (Нет уж, не в гости, а жить, вместе вести хозяйство) (И. Хайруллин); *Әле синдә азатлык хыялы яши. Син әле, Финляндиягә кайтып, хатыныңны, улыңны кочаклармын дигән өмет белән жан асрыйсың.* (А в тебе ещё живут мечты о свободе. Ты ещё тешишь свою душу мыслями, что, вернувшись в Финляндию, обнимешь жену и сына) (З. Хаким); *Дөрес, хәзергә бу илдә мондый казаньши белән мактанып, түши киеереп йөрөп булмас булуын...* (Правда, в настоящее время в этой стране уже не удастся кичиться этим достижением.) (М. Маликова); *Минем аркада интегәсең шикелле. Зыятдин. Миңа син минем аркада жәффа чигәсең кебек.* (Кажется, из-за меня мучаешься. Зиятдин. Мне кажется, ты страдаешь из-за меня.) (З. Хаким); *Соңгы вакытта аның коточкыч өяңкләре кузгала. Торымнан-торымга телсез кала. Бөтенләй сөйләшә алмый.* (В последнее время у него случаются ужасные

приступы. Время от времени вообще становится немым. Вовсе не может разговаривать.) (З. Хаким); *Васыяткә тиң, шуңадыр күңелне кузгата, үз вакытында хәтта шомландыра да иде аның сүзләре...* (Это подобно завещанию, наверное, поэтому его слова трогают душу, иногда даже настораживают.) (Из периодической печати)

Представленные примеры подтверждают мысль о том, что фразеологическая единица, выполняя функцию образного уточнения, оказывается в большинстве своём намного более выразительной и экспрессивной по сравнению со словом. Кроме того, богатая фразеологическая синонимия позволяет писателям из множества близких по смыслу оборотов выбрать наиболее точный и выигрышный. Умелое использование синонимического богатства родного языка также свидетельствует о профессионализме и мастерстве автора слова.

В татарском языке встречаются такие фразеологические выражения, которые, имея одинаковое значение, все же могут отличаться друг от друга лексическим составом, морфологическими, синтаксическими и фонетическими признаками или несколькими перечисленными признаками одновременно. Например: *кесәдә тузан уйный* (букв. в кармане пыль играет) – *кесәдә җилләр уйный* (букв. в кармане ветер играет) – *кесәдә җилләр исә* (в кармане ветер гуляет, в кармане пусто) – *кесәдә буран уйный* (букв. в кармане метель играет); *йокы базарына китү* (букв. отправиться на базар сна, уснуть) – *йокыга талу* (уйти в сон) – *йокыдан кибән кую* (поставить стог из сна) – *йокы симертү* (букв. откармливать сон, спать долго); *диннән язү* (стать безбожником) – *деннән язү* (лишиться убеждений); *сыткый сагыз* – *сыткы сагыз* (приставать как банный лист). Это фразеологические варианты. Наличие сходства между фразеологическими синонимами и фразеологическими вариантами зачастую приводит к путанице, к их смешению.

Ф. С. Сафиуллина приводит следующие примеры синонимических вариантов: *бүгенге көн белән яшәү* – *хәзерге көн белән яшәү* (жить настоящим); *тере мәет* – *җанлы мәет* (живой труп, кожа да кости); *арка кашу* – *җилкә кашу* (почёсывать спину, т. е. выражать досаду, сожаление, недовольство и т. п.); *бер түбә астында* – *бер түшәм астында* (под одной крышей); *таш йөрәк* – *таш күңел* – *таш бәгырь* (каменное сердце); *сулыш алу* – *сулу алу* (перевести дух); *авызга тел сыймау* – *теле авызга сыймау* (язык распускаться); *сукыр да күрерлек* – *сукыр гына күрмәс* (и слепому видно); *кеше көлкесе* – *адәм көлкесе* (посмешище) (Сафиуллина, 1993: 116).

Фразеологические синонимы отличаются от фразеологических вариантов полным обновлением лексического состава, отражением оттенков одного и того же понятия через разные образы (Кирсанов, 1959: 52).

Например, фразеологизмы *күзгә төтен жиберү* (пускать пыль в глаза) – *кәкре каенга терәтү* (букв. прислонить к кривой березе, посадить в галошу) – *агач атка атландыру* (букв. посадить на деревянного коня) – *борчак сибу* (букв. рассыпать горох) – *сафсата сату* (букв. продавать вздор) – *торна йомыркасы тоттыру* (букв. дать яйцо журавля) объединяются общим значением ‘обманывать, лгать’. Фразеологические синонимы, хотя и близки по смыслу, однако отличаются внутренней формой и принадлежностью к различным функционально-стилистическим типам.

Фразеологизмы *акыл өйрәтү* (учить уму-разуму) – *акыл сату* (поучать) – *акыл чачу* (сеять ум, знания); *гомер кичерү* (проживать жизнь) – *гомер чигү* (жить); *акылдан язү* (потерять разум) – *акылдан шашу* (сойти с ума) относятся к синонимическим вариантам, поскольку их значения близки или одинаковы, внутренние формы общие, а вот состав компонентов несколько различается. И действительно, перечисленные синонимические варианты имеют общее значение, но употребляются в разных функциональных стилях. Первые из приведённых фразеологических вариантов используются преимущественно в книжном и художественном стилях, а вторые – активно в разговорном стиле.

Одним из наиболее продуктивных способов образования фразеологических вариантов в татарском языке является замена одного или нескольких составляющих его компонентов. Они представляют собой лексический вариант фразеологических выражений. Возьмём для примера фразеологические варианты *йөрәк әрнү* (сердце ноет), *йөрәк ярсу* (разъяриться), *йөрәк телгәләну* (сердце разрывается), *йөрәк өзелү* (сердце страдает). Друг от друга их отличают компоненты *әрнү* (ныть), *ярсу* (разъяриться), *телгәләну* (исполосоваться), *өзелү* (разрываться) – слова одного и того же уровня семантико-стилистической окраски; не являясь синонимами по своему свободному значению, но входя в состав фразеологизмов, они выполняют функцию синонимических слов. Если сохранение центрального общего компонента объединяет эти фразеологические варианты под одним общим понятием, то изменённые компоненты помогают писателю избавиться от однообразия в описании, придать тому же понятию новое звучание. А вот единица *йөрәктән кан таму* (сердце сочится кровью) не может быть фразеологическим вариантом, поскольку она сильно отличается от предыдущих своей экспрессивно-эмоциональной окраской, большей степенью образности компонента ‘кровопускания’ и более напряженным протеканием психического процесса (глубокого внутреннего страдания). И именно поэтому единицы *йөрәктән кан таму* по отношению к единицам *йөрәк әрнү*, *йөрәк ярсу*, *йөрәк телгәләну*, *йөрәк өзелү* будет правомочнее рассматривать как семантико-стилистические синонимы. Примеры: *Даян сөйләүдән тук-*

тады, ә Габдулла ханның йөзе балавыз кебек катып калган иде. **Авызына вак таш капканмыни**, бер сүз дә дәшми. (Даян прекратил разговор, лицо хана Габдуллы застыло как камень. Он молчал, будто набрал в рот мелких камней.) (В. Имамов); **Авызларына су капкандай** дәшми барулары шуны раслый сыман. (Это доказывало то, что он шёл молча, как будто набрал в рот воды.) (В. Имамов). Содержащиеся в приведённых примерах фразеологизмы *авызга таш кабу* (в рот камней набрать), *авызга су кабу* (в рот воды набрать) – лексические варианты, но в данных предложениях у них смысл один – ‘не отвечать на вопрос, молчать’.

Некоторые авторы в своих произведениях создают собственные варианты фразеологических выражений, либо заменяя их компоненты, либо добавляя к ним новое слово. Например, в произведениях Ф. Хусни встречаются следующие варианты фразеологизма *башны ташка бәрү* (биться головой о камень) – *башны кара ташка бәрү* (биться головой о чёрный камень), *башны ташка орырдай булу* (быть готовым биться головой о камень), *башын алып ташка орырдай* (быть готовым взять голову и биться о камень), *башка ташны китереп орырлык* (быть готовым прийти и биться головой о камень). А. Еники для фразеологизма *телгә оста* (боек на язык) употребляет следующие варианты – *телгә бигрәк тә оста* (язык хорошо подвешен), *теле үтә дә оста* (острый на язык), *теле барыннан да оста* (говорит как пишет).

Синонимическим вариантом является также взаимозаменяемость слов, выполняющих роль сравнения в составе фразеологизма, например, *Ил-көндәге кайгы-хәсрәтләргә ишеткән саен, күргән саен, минем җилкәмне басып торган олуг хәсрәтем кечерәя барып, инә очы хәтлем генә* калды. (Вся великая скорьб на моих плечах, уменьшаясь при виде горестей и несчастий страны, осталась очень мала.) (Н. Гиматдинова); *Яктылык торган саен көчәя бара, инде стенадагы энә очы кадәрле тишекләр дә, идәндәге тар ярыклар да ап-ачык булып күренә иде*. (Свет всё усиливается, и дырочки размером с острия иглы и мелкие щели на полу виднеются отчётливее.) (Н. Гиматдинова). Морфологические и словообразовательные средства (например, падежные аффиксы в имени существительном, аффиксы отрицания в глаголе, отрицательные частицы или аффиксы *-лы/-ле* и *-сыз/-сез, -лык/-лек* др.) также могут порождать синонимические варианты. Во фразеологизмах компоненты, выраженные глаголами со значением отрицания, образуют близкие по значению варианты. Например, *әдәп саклау* (соблюдать правила приличия, вести себя прилично) – *әдәпсезлек күрсәтмәү* (скрывать невежливость). Далее перечислены примеры морфологических вариантов: *чиктән ашу* – *чикне ашу* (переступить черту, преодоление границы); *әллә нигә бер* – *әллә нидә бер* (редко, изредка); *тамактан үтмәү* –

тамакка үтмәү (кусочек в горло не лезет); *ике сөйләмәү* – *ике сөйләшмәү* (сказано – сделано); *беткән баш беткән* – *беткән баш бетсен* (двум смертям не бывать); *шайтан алгыры* – *шайтан алсын* (чёрт возьми, чёрт побери, чёрт подери (дери), поди ты к лешему); *иртәге көн* – *иртәгесе көн* (завтрашний день); *су сорасаң бал бирәләр* – *су сораганга бал бирәләр* (попросишь воду, мёд дают); *чебен очканы да ишетелә* – *чебен очканы да ишетелми* (полная тишина, что не слышно даже как муха пролетает); *тасма тел* – *тасма телле* (краснобай); *юл аерылу* – *юллар аерылу* (покидать / покинуть (что-кого)). Рассмотрим их употребление в контексте.

Тын алгысыз кысан тар бушлыктан / *Жаным очар кебек кош булып*. (От этой узкой пустоты, где невозможно дышать, Душа моя как птица рвётся ввысь.) (Р. Аймат); *Сулыш җитми аңа, дөнья тар, / Тынын ала алмый җан асрый...* (Ему не хватает воздуха, слишком тесен мир. Он существует, не имея возможности вздохнуть.) (Г. Сагиров)

В синтаксическом отношении порядок слов компонентов фразеологических синонимов тоже может меняться. Например, *илаһи уптым* (целиком)– *уптым илаһи* (разом), *авызга тел сыймау* (язык без костей) – *тел авызга сыймау* (не уметь держать язык за зубами), *кул-аяк тимәгән* (нога человеческая не ступала) – *аяк-кул тимәгән* (не ступала нога человеческая).

В фонетических вариантах наблюдаются изменения гласных. Например, *сыткый сагыз* – *сыткы сагызы* (как банный лист); *Ходай бәндәсе* – *Хода бәндәсе* (раб Божий); *илла мәгәр* – *иллә мәгәр* (но если...), *диннән язү* – *деннән язү* (отступить от веры, вероотступничество).

Синонимические виды и варианты фразеологизмов помогают избавиться от повторов внутри контекста, избежать стилистического однообразия, играют огромную роль в обогащении языка, делают его доступным.

§ 51. Фразеологические антонимы

Фразеологические выражения, имеющие противоположный по смыслу характер, называются фразеологическими антонимами. Возможность фразеологических единиц иметь антонимический характер, входить в антонимические отношения со словами и словосочетаниями является их специфическим свойством. Освещая вопросы фразеологии, исследователи (Л. Заляй, Г. Алпаров, Ш. Рамазанов) замечают, что фразеологизмы так же, как и простые языковые единицы, вступают друг с другом в отношения противопоставления. «В некоторых толкованиях противопоставляются друг другу следующие знаки: *зәмһәрир тамугысы*, *зәмһәрир суык* (сильные (трескучие) морозы (холода), лютый мороз): согласно религиозным верованиям, *зәмһәрир* – холодный ад, являющийся

одним из семи кругов ада, холодный ад для наказания грешников; *баи мие кайнарлык* (очень горячий, душный воздух)» (Рамазанов, 1954: 49).

Тщательно рассматривает фразеологические антонимы в своей работе «Татар теленең идиомалары» («Идиомы татарского языка») Г. Х. Ахунзянов. Учёный, будучи одним из первых в татарском языкознании, давших определение этому языковому феномену, выделил в отдельную группу фразеологизмы, находящиеся в противоположных отношениях. «Фразеологические антонимы представляют собой устойчивые словосочетания, противопоставленные по смыслу друг другу, отдельным словом и словосочетанием» (Ахунжанов, 1972: 62).

В труде В. Х. Хакова «Татар әдәби теле тарихы» («История татарского литературного языка») приводятся примеры употребления фразеологизмов антонимического характера. Как отмечает автор, «слова, имеющие разные оттенки значений (полисемантические слова), будучи в составе фразеологических высказываний, могут иметь значения, противоположные друг другу». Например, слово *тел* входит в сочетания: *тел бәйләну* (язык заплетается) – *теле телгә йокмау* (болтливый); *ачы телле* (язвительный) – *татлы телле* (сладкоречивый); *телсез калу* (онеметь) – *тел озайту* (болтать лишнего (нарываться) и др.); фразеологические единицы со словом *баи*: *баи кагу* (кивнуть головой) – *баи тарту* (отказаться); *баи бирмәу* (не уступать) – *баи бөгү* (смириться); *баишка килү* (прийти в голову) – *баиштан чыгу* (вылететь из головы); *баишка бәхет кошы куну* (птица счастья села на голову) – *баиш бетү* (голова пропала) и др.» (Хаков, 1993: 136–137).

Фразеологические антонимы как образно-описательные средства играют важную роль в художественной литературе и устной речи. Их выразительные возможности, стилистические оттенки, способность воздействия намного сильнее, пронизательнее и живее обычных антонимов. Правда, как не всем словам присуща антонимия, так и не все фразеологические выражения могут её иметь, и потому фразеологические антонимы встречаются реже, чем фразеологические синонимы. Что касается их типов, то можно выделить фразеологические антонимы с различным и сходным строением. У первого типа внутренняя форма, структура образов различны, а смыслы противоположны. Примеры: *егылып эшләү* (работать не покладая рук) – *юкны бушка аудару* (переливать из пустого в порожнее); *кара гыйлем* (чёрная магия) – *ак сихер* (белая магия); *нужа сөрү* (влачить нужду) – *рәхәт күрү* (наслаждаться); *телгә килү* (обрести дар речи (заговорить)) – *авызга су кабу* (набрать в рот воды); *кул сузымы арада* (на расстоянии протянутой руки) – *жәдһәннәм читендә* (у чёрта на куличках); *якты чырай күрсәту* (радушный приём) – *кара көю* (неприветливость); *менә дигән* (отличный (лучший)) – *ни санга, ни чутка* (ни то

ни сё); *менә дигән* (отличный (лучший) – *өч тиен тормау* (трёх копеек не стоит); *бер аягы белән кабердә тору* (стоять одной ногой в могиле) – *борын асты кипмәгән* (под носом не высохло, молоко на губах не обсохло); *йөз аклыгы* (чистота лица, чистая советь) – *кара йөз* (чёрное лицо, опозоренный; злой); *бармак белән санарлык* (по пальцам пересчитать) – *тавык чүлләп бетерә алмаслык* (куры не клюют).

Рассмотрим некоторые примеры в составе предложений: *Гарифә: Нидән күңелең болай күтәрэнкеләнде? Басыр: Синең чыраең караңгы булганга сөенеп. Ги-ги-ги.* (Гарифа: Почему настроение у тебя так поднялось? Басыр: Оттого, что ты чернее тучи. Хи-хи-хи.) (З. Хаким) – *күңел күтәрэнке булу* – радоваться, восхищаться – *чырай караңгы булу* – тревожиться, печалиться; *Кашифа. Мин инде үземне кая куярга белмим. Өйдәгеләр борчылуымның сәбәбенә төшенсәләр дә, исләренә дә кертеп чыгармыйлар.* (Кашифа: Я уже не знаю, куда себя деть. Домашние даже если и дагадываются, но ни о чем не спрашивают.) (З. Хаким) – *үзеңне кая куярга белмәү* – горевать, очень сильно беспокоиться, страдать; *исләренә дә кертеп чыгармау* – не думать, оставаться спокойным, ни о чем не беспокоиться; *Башкалар янында көлеп-шаярып, жүләр сатып йөрергә яраткан егет мәгъшукасы янында бөтенләй икенче кешегә әверелә – уйчанлана, акыл иясенә әйләнә.* (Если среди других этот юноша любит дурачиться, смеяться-веселиться, рядом с возлюбленной он совсем другой человек – становится задумчивым и глубоким мыслителем.) (Х. Ибрагим); *Үзе дә шыр аңгыра түгел, казак абый ачыктан-ачык әйтмәсә дә, нинди кармакка килеп капканын тиз аңлады ул. Һәм, студентларның үз иптәшләре өстеннән әлэк ташыган «стукач»ларга мөнәсәбәтен яхшы белгәнгә күрә, беренче минутта, ничек тә булса шома гына ычкынырга кирәк моннан дип, эченнән генә бик катгый карарга килеп куйды.* (И будучи не совсем глупым, даже если и казах и не озвучил ясно, он понял, на какую удочку попал. И он сразу же решил, что нужно отсюда сматываться, зная, какое отношение среди студентов к такого рода «стукачам») (М. Маликова) – *кармакка килеп элэгү* – попасться на чью-то удочку; *шома гына ычкыну* – избавление от зависимости, выход из подчинения.

Фразеологические антонимы второго – со сходным строением – типа имеют одинаковую структуру и лишь частично различаются по своему лексическому составу: *авыз ачу* (заговорить) – *авызга су кабу* (в рот воды набрать); *жәп очын югалту* (потерять нить (разговора) – *жәп очын табу* (отыскать начало); *жәл каршы исү* (ветер дует в лицо) – *жәл уңай исү* (ветер дует в спину); *агым уңаена йөзү* (плыть по течению) – *агымга каршы йөзү* (плыть против течения); *сөйкемле сөяк* (обаятельный (ая)) – *сөйкемсез сөяк* (неприятный (ая)); *жәң рәхәтләнү* (душа радуется) – *жәң газәпләнү* (душа

страдает); *акыл сату* (поучать) – *юләр сату* (говорить вздор); *кулга төшерү* (заполучить) – *кулдан ычкындыру* (упустить); *дөнъяга килү* (родиться) – *дөнъядан китү* (умереть); *борын күтәрелү* (задирать нос) – *борын төшү* (унывать); *күңел төшү* (расстроиться) – *күңел күтәрелү* (обрадоваться); *кәеф килү* (настроение поднялось) – *кәеф китү* (настроение упало); *сүздә тору* (держат (данное) слово) – *сүздә тормау*, *сүздән кайту* (не сдержат (данного) слова); *тәкать итү* (терпеть) – *тәкать китү* (потерять терпение).

Как видим, такие фразеологические антонимы образовались путём замены одного из компонентов антонимичным словом: *Сүз өззеп торды. Әмма Давыт биреште, саламга тотынгандай, сүзне ялган китте.* (Речь прервалась. Но Давыт сдался и, словно хватаясь за соломинку, продолжил речь.) (М. Маликова) – *сүз өззү* – прервать разговор, не закончить разговор; *сүз ялгау* – продолжить начатый разговор; *Шундый авыр уйлар белән башым тәмам тулган иде, рәхмәт сиңа, тыңлаганың өчен, аңлаганың өчен рәхмәт. Эчемне бушаттым, әңгел булып китте. Бәлки, бүген уяңмый йоклап булыр. Башың саф булуы кирәк миңа.* (Такими тяжёлыми мыслями была полна моя голова, спасибо большое за то, что ты выслушал, понял. Душу выложил, стало легче. Возможно, сегодня удасться поспать, не просыпаясь. Мне нужна свежая голова.) (М. Маликова) *Бу юлы чиратта утырасын алдан белеп, кулына берничә гәзит тотып барды ул һәм тирә-ягындагы сөйләшкәннәрне колагына алмаска тырышты. Әмма пенсия яшьләрендәге бер абыйның кызып-кызып нидер сөйләвенә бита-раф кала алмады, колакларын торгызды.* (В этот раз заранее зная, что придётся просидеть в очереди, он взял с собой пару газеты, и постарался не прислушиваться к тому, о чём разговаривают другие ожидающие. Однако не мог не прислушаться к оживлённому рассказу одного мужчины пенсионного возраста, наострил уши.) (Ф. Байрамова); *колакка алмау* – не слышать; *колакларын торгызу* – внимательно вслушаться, желая услышать какое-либо слово, сообщение, новость.

Кроме того, встречаются и контекстуальные фразеологические антонимы, которые представлены в следующих примерах: *Каюм: «– Ташла, юләр! Сине бөкәй белән куркытканнар. Бала булма, башыңа миенең жыйна».* (Каюм: «Постой, дура! Тебя напугали букаем. Не будь ребенком, соберись с мыслями.») (Ш. Камал); *Сезнең терлекчеләр өе өңмәх кебек, ә безнекенән куркып качарсың.* (Дом ваших животноводов – на загляденье, а у наших – без слез не взглянешь.) (А. Гилязов)

Фразеологизм может выступать антонимом как отдельного слова, так и свободного словосочетания: *шалкан бәясе* (дешевле пареной репы) – *бик кыйммәт* (цены нет, бесценный); *бака ботыннан гына* (букв. до бедра лягушки, очень низкий) – *биек* (высокий); *балагын әсыя алмау* (не

способен собрать штанину) – *пөхтә* (аккуратный), *жэыйнак булу* (быть собранным, подтянутым); *буа буарлык* (хоть пруд пруди) – *бик аз* (очень мало, незначительно); *мәми авыз* (мягкотелый, бесхарактерный человек) – *уңган* (дельный, деловитый, умелый, способный); *ут борчасы* (непоседа, шалун) – *жәбегән* (вялый, бездеятельный); *куян йөрәкле* (трус, заячья душа) – *батыр* (герой, богатырь, смельчак); *онытканда бер* (иногда, изредка) – *еш* (часто, частенько); *күпне күргән* (много видел в жизни) – *тәжрибәсез* (неопытный, малоопытный); *күктән төшү* (с неба свалиться) – *тырышып эзләп тә таба алмау* (очень старательно (усердно) искать, но не найти); *телеңне йотарлык* (вкусно настолько, что язык проглотить) – *бик тәмсез* (в рот не возьмёшь).

Һидият (Мостафага): *Ячейка секретаре булганнан бирле әмма да вәгазь-насыихәткә остардың, Мостафа! Гел сөйләтәп кенә торырлык үзеңне! – Ә синең гел авызыңны ябып тотарлык.* (Хидият (Мустафа): Мустафа, как только тебя выбрали секретарём ячейки, ты стал проповедником. Вечно бы тебя слушали. – А тебе бы рот не раскрывать.) (Ш. Камал).

Таким образом, фразеологические антонимы являются для писателей одним из основных источников, демонстрирующих богатство и образность языка. Использование подобных фразеологизмов в литературных произведениях – очень эффективный стилистический приём, позволяющий противопоставлять различные явления, признаки, состояния, качества, показать их в развитии и противоречиях.

§ 52. Эмоционально-экспрессивные и коннотативные особенности фразеологизмов

Понятие коннотация включает такие компоненты, как оценочность, эмоциональность, экспрессивность. Эмоциональность – это выражение чувств говорящего (пишущего) по отношению к предмету речи (написанному). Экспрессивность – интенсивность проявления действия, признака. Под оценочностью понимается способность языковых единиц давать оценку тому или иному предмету, лицу, явлению и т. п. с положительной или отрицательной стороны.

Фразеологические единицы, как и слова, выполняют функцию наименования. Однако эта функция не является первичной для фразеологизмов. Их основная функция – сделать речь эмоциональной, обогатить экспрессивными оттенками, дать оценку лицам, предметам, явлениям и событиям. Так, например, единицы *бай* (богатый) и *май кайнаган көнне туган* (буков родившийся в день, когда топили масло) указывают на хорошее материальное положение человека, но у второй это значение выражено более интен-

сивно и с положительной эмоциональной окраской. Единица *бер тиен өчен жанын сатар* (продаст душу за копейку) не только называет скупого человека, но и демонстрирует негативное отношение к человеку, обладающему таким свойством, тем самым обогащая язык эмоционально. Чем сильнее оценочное своеобразие фразеологизма, тем дальше на второй план отходит его номинативная функция. Особенно ярко это качество устойчивых словосочетаний проявляется в контексте. Например, если в предложении *Мәктәп баласы бит син, Минһажёва. Тәртибең өч тиенгә яраксыз*. (Мингазова, ты же школьница. Но твоё поведение вообще никуда не годиться) (Н. Гиматдинова) Если фразеологизм *өч тиенгә яраксыз* (ни к чему не годный, непригодный) заменить синонимом *бик начар* (очень плохо), то контекст будет эмоционально менее насыщенным, а его экспрессивность – размыта.

В данном разделе мы рассмотрим фразеологические единицы татарского языка, характеризующие некоторые внутренние и внешние качества человека с положительной или отрицательной стороны, определим характерные для них стилистические особенности.

Ранее мы уже упоминали, что фразеологизмы раскрывают социально-психологические особенности народа. Это также подтверждается при изучении фразеологизмов, которые дают оценку человеку. Какие качества человека особенно ценит татарский народ, какие из них оказываются для него более предпочтительными? Ответы на эти вопросы мы постараемся найти с помощью фразеологизмов.

К фразеологизмам, восхваляющим людей красноречивых, остроумных, бойких на язык, относятся: *авызы белән кош тотта* (ловит ртом птицу); *авызына карата* (заставляет смотреть себе в рот); *авызына Хозыр төкергән* (букв. ему (ей) в рот плюнул Хозур; язык хорошо подвешен); *авызында кош уйната* (букв. у него (неё) во рту птица играет; язык хорошо подвешен; ладно говорит); *авызыннан энҗе-гәүһәр түгелә* (букв. изо рта сыпятся жемчуга); *бал авыз* (медовые уста); *бер әйтер – берәгәйле әйтер* ((скажет) редко да метко); *илне авызына карата* (заставляет всех смотреть ему в рот); *сүзе белән эретә* ((словом) берёт за душу); *сүзгә алгыр* (находчив на слова); *тел чарлаган* (отточил язык); *телгә үткен* (острый на язык); *теле белән эретә* (растопит сердце (речью)); *теле шомарган* (гладкая речь); *телләреннән гөлләр түгелә* (с языка льются цветы); *теле телгә йокмый* (ловко говорит); *жавапка кесәгә керми* (за ответом в карман не лезет); *жавапка күршегә керми* (за ответом к соседу не ходит); *ыспай сүзле* (красноречивый) и т. п. Например, *Үзе сүзгә бик алгыр* (У него язык хорошо подвешен.) (Г. Ибрагимов)

Фразеологизмы *авызына хужа була белә* (он может быть хозяином своего слова); *сүзенең ире* (букв. супруг, хозяин слову); *үз сүзенә үзе хужа*

(хозяин своему слову); *авызына хужа була белә* (умеет отвечать за свои слова) определяют людей, сдерживающих данное ими обещание, взвешивающих каждое сказанное ими слово.

Единицы *аек фикерле* (трезвомыслящий), *аек фикер иясе* (человек трезвомыслящий), *авыздан чыгуга эләктереп алу* (подхватывать на лету), *акылга утырган* (поумневший), *акыл иясе* (мудрец); *акыл кәргән* (повзрослевший, остепенившийся), *акыл капчыгы* (мешок ума, ума палата), *акылы баиш* (умник), *акылы камил* (в ясном сознании), *акылы хәзинә* (кладёзь ума), *баишлы кеше* (человек с головой), *баишлы көлтә* (сноп с головой), *иллә дә баиш үзәндә* (ну и голова у него (неё)), *фикер иясе* (мыслитель) употребляются, когда хотят выразить почтение к интеллекту человека.

К ним примыкают несколько фразеологических единиц, восхваляющих людей образованных: *гыйлем иясе* (образованный человек); *фән иясе* (учёный); *унике фән күргән* (освоил двенадцать наук). Например, *Шәкерт әнисе, гыйлем иясе булчак кешенең әнисе...* (Мать шакирда, мать человека, который станет образованным...) (А. Еники)

Большинство фразеологизмов характеризует воспитанность, благородство, интеллигентность человека: *алтын кеше* (золотой человек), *асыл зат* (настоящий человек), *асыл кеше* (стоящий человек); *ата баласы* (отец (как социальный статус), *изге җан* (святая душа), *изге җанлы* (милосердный); *халык улы* (сын народа); *менә дигән* (отличный, лучший) и др. Например: *Кызының менә дигәне эләкте. Телле-тешле түгел. Кая җибәрсәң, шунда бара, шәп кыз дип мактаган иде.* (Девушка попалась отличная. Не остра на язык. Куда отправишь, туда и пойдёт, отличная девушка, – похвалил он.) (А. Гилязов)

Людей, заслуживших в народе уважение, имеющих высокий авторитет, определяют следующие единицы: *ат алу* (удостоиться имени), *ил кешесе* (сын своего народа), *ил кызы* (дочь своего народа), *илне авызына карату* (покорить, увлечь народ (идеями, речами и т. д.)), *хөрмәт иясе* (заслуживший уважение), *өстен кеше* (выше этого (например, ссор, обид и т. д.)).

Много фразеологических единиц, употребляемых по отношению к людям, познавшим мир, получившим опыт: *адәмгә саналу* (считаться за человека), *адәм булу* (стать человеком), *азау теше ярган* и *акыл теше чыккан* (у кого) зуб мудрости вырос), *дөнья күргән* (повидал жизнь (мир)). Например, *Ә анда эшине тиз тоталар: белемле, яшь кенә булуына карамастан, шактый дөнья күреп өлгергән егетне ДОСААФ курслары буенча алты айга шофёрлыкка укырга җибәрәләр.* (А там дело быстро разрешилось: несмотря на образование и возраст, молодого человека, повидавшего жизнь, на шесть месяцев отправили на курсы водителей.) (Из периодической печати).

Среди перечисленных фразеологизмов назовем и те, которые подчёркивают достоинства человека, приносящего пользу для страны и семьи, являющегося для всех надежной опорой: *алтын багана* (золотой столб), *алтын бусага* (золотой порог), *арка таянычы* (опора спины), *арка терәге* (опора), *дөнья терәге* (опора жизни), *дөнья тоткасы* (опора жизни (мира)) и др.

Встречаются и фразеологизмы, называющие разумного, предусмотрительного человека: *алдын-артын карап эш итү* (поступать предусмотрительно); *итәген жыеп йөрү* (ходить, подобрав подол, быть осторожным); *биш үлчәп бер кисәр* (пять раз измерит, один раз отрежет); *үлчәп сөйләү* (взвешивать каждое слово).

Самую многочисленную группу фразеологизмов составляют те, что определяют ум, трудолюбие человека: *алтын кул* (золотые руки); *алтын куллы* ((у кого) золотые руки); *арыслан сырты* (спина льва); *бер дә килмәгән жире юк* (всем хорош); *бер дигән* (во какой!); *дөнья шаулату* (прославиться); *дөнья жимертеп эшләү* (работать интенсивно); *егет дисәң дә егет* (молодец так молодец!); *кулдан эш килү* (способен выполнить любую работу); *таякны тоткан жирдән сындыру* (ломает палку в том месте, где схватит, удалец); *төскә матур, эшкә батыр* (и собой красавец, и в работе удалец); *төшөп калганнардан түгел* (не из последних); *ут егет* (парень-огонь); *ут кул* (быстрые, умелые руки); *ут кебек йөрү* (быстрый); *ут уйнату* (быстро делать (что)), *ут чәчеп, буран уйнатыр* (раскидывая огонь, буран разыграет); *эшкә кулы ята* (в руках работа спорится), *эшкә оста, сүзгә кыска* (в работе умен, на разговор короток), *эш рәтен белү* (сведущий в деле); *эш җанлы* (душа дела); *өлгер тоту* (быть быстрым, сделать быстро); *өстенә кояш чыгармау* (букв. не дать солнцу светить над ним); *жылан күзле* (со змеиными глазами); *арыслан тырнаклы* (с когтями льва); *жиңел сөякле* (легок на подъем); *җепне тешләгән җиреннән өзә* (обрывает нить там, где кусает); *яшен ташы кебек* (как молния, быстрый). Например: *Себеркесе белән ут уйната, ат сараеның идәне уңган киленнең сәкесе тиң ялтырый* (Метёлкой так работает, что пол конюшни блестит как лавка трудолюбивой невестки.) (А. Гилязов)

Фразеологические единицы, подчёркивающие храбрость, отвагу, стойкость: *арыслан авызыннан сөяк алырдай* (способный отнять кость ульва); *арыслан йөрәк* (львиное сердце); *сырты сынар – сер сынатмас* (даже если сломает позвоночник, не подаст виду); *тимер йөрәк* (железное сердце); *әжәлен авызына тешләп* (невзирая на смерть, обманув саму смерть); *өркә торган куян түгел* (не трусливый заяц); *һалакәт күзенә карау* (смотреть в глаза опасности).

К единицам, характеризующим физическую силу, относятся: *аю егарлык егет* (юноша способный повалить медведя); *аю кебек* (как

медведь); *гернадыр кебек* (как гренадёр); *үгез кебек* (здоров как бык). Например: *Бер яктан, эшелон-эшелон булып, сугышта имгәнгән кешеләр кайта, икенче яктан, алар урынына басса бакыр изәрлек, типсә тимер өзәрлек егетләрнең китеп торган чагы.* (С одной стороны, время, когда эшелонами возвращаются с фронта травмированные люди, с другой, – мужчины, способные согнуть железо, уходят на войну.) (К. Амири)

Фразеологические единицы, описывающие внешнюю красоту человека: *ай дисәң авызы, көн дисәң күзе* (рот – как луна, глаза – как солнце); *алма бит* (щёки-яблочки); *бер кашык суга сал да йот* (проглотить вместе с ложкой воды); *асыл кош* (благородная птица); *йөзе кояш булу* (лицо – как солнце); *йөзе якты, бите ачык* (взгляд светлый, лицо открытое); *керфегеннән гөл тамар* (с ресниц капает роза); *кура жәлгәге күк* (как ягода малины); *нечкә бил* (осиная талия); *эшкә батыр, төскә матур* (трудолюбив (а) и лицом красив (а)); *тал чыбыгы кебек* (как ивовая лоза); *хур кызы* (гурья) и др. Например, *Менә, ди, Шаһи картның алма кебек кызы бар, эшкә дисәң, авылда бер. Үзе шундый сылу, шундый зифа – бер кашык суга сал да йот.* (Вот же, устарика Шахи есть отличная дочь, и работа спорится у неё, одна такая в деревне. Сама так стройна, так изящна – проглотишь с ложкой воды) (Г. Ибрагимов); *Мин, хур кызы дип мактасагыз да, сезнең коры сүзегез буенча, башкода жиба́ру ихтималым юк.* (Даже если меня хвалите как райскую деву, нет никакой необходимости отправлять сватов, только исходя из ваших пустых слов.) (Г. Ибрагимов)

Часть фразеологизмов обозначает людей открытых, гостеприимных, чистосердечных, искренних, справедливых по отношению ко всем, характеризуя их с помощью метафорических средств, с использованием красивых слов: *ай белән көндәй, һәркемгә бердәй* (как луна и солнце – ко всем одинаково (о радушии)); *ак күңелле* (светлая душа); *ак эчле* (светлая душа); *ачык йөз* и *ачык йөзле* (радушный(ая)); *ачык кеше* (открытый человек); *ачык күзле* (трезво смотрящий на жизнь); *ачык күңелле* (с открытой душой); *зур йөрәкле* (с большим сердцем); *икмәкле-тозлы кеше* (хлебо-сольный); *йөз ак булу* (чистая совесть); *йөзе ак* (у него (неё) совесть чистая); *кулы ачык* (с распростёртыми руками); *йөзе ачык* (добродушный); *кече күңелле* (мягкосердечный); *судан пакь, сөттән ак* (чище воды, белее молока); *туры кеше* (прямой человек); *тәкьва кеше* (праведник); *тәүфиклы яр* (благочестивая возлюбленная); *шәфкать иясе* (милосердный человек); *эче белән тышы бер* (внешность соответствует содержанию); *Әүл пәйгамбәр сабырлыгы* (терпение пророка Айюба (Иова)); *өй кысан, күңел иркән* (дом тесен, а душа просторна).

О людях, стремящихся к самостоятельности, принимающих на себя ответственность, говорят: *үзе баш, үзе муен* (сам голова, сам и шея); *үзе*

баш, үзе түш (сам голова, сам и грудь); *үзенә үзе баш* (сам себе хозяин); *үз исәбе үзендә* (сам себе на уме); *үз көнен үзе күрү* (сам обеспечива-ет себя). Например, «*Әти, – диде, – үз көнемне үзем күрә башлаганчы, миңа бәләкәй генә матай алып бирерсең инде, яме, мин буш вакытларымда синең янга кайтып йөрермен*». («Отец, – сказал он, – пока я сам не буду себя обеспечивать, купи уж мне маленький мотоцикл, когда будет свободное время, буду на нём к тебе приезжать.») (Г. Ахунов)

Счастливых людей характеризуют следующие татарские фразеологизмы: *алтын бишектән төшкән* (вышел из золотой колыбели); *әтәче дә күкәй сала* (у него даже пегухи несутся); *май кайнаткан көнне туган* (родился в день, когда топили масло).

Негативное отношение к человеку, проявление пренебрежения, его дискредитация выражается в фразеологизмах: *сукыр бер тиен дә тормый* (не стоит и стертой копейки); *аяклы каза* (ходячая беда); *бер тырнагына да тормый* (не стоит и ногтя); *арбаның бишенче көпчәге* (пятое колесо телеги); *хажәте бер тиен* (нужды (в ком, чём) на копейку); *ужым бозавы* (размазня); *мәми авыз* (мямля); *юаш бозау* (смирный телёнок); *шомарган бер тиен* (стёртая копейка, проныра); *бер тиенгә дә кирәкми* (и за копейку не нужен, грош ему цена); *бер тиенгә дә санамау* (ни в грош не ставить). Например, «*Юкка түгел, Ишмөхәммәт абый, – диде Мәдинә, – ни эңитте кешегә кияүгә чыгам дигән булып башыма бәла аласым юк. Ә инде адәм рәтлесе балалы хатын белән нишләсен?*» (Мадина ответила: «Не всё просто, Ишмухаммет абый, не могу взять на голову беду, связывая свою жизнь с поди каким человеком. А более или менее приличный что будет делать с женщиной с ребёнком.») (Ш. Камал); *Имгәк! Жәбегән! Куркак! Мондый юаш бозау булып үссәң, синнән тәхет яуларлык хан чыгачакмыни?* (Немощный! Мямля! Трус! Если будешь расти таким мямлей, разве выйдет из тебя хан, который завоюет себе трон?) (В. Имамов); *Синең кебек аяклы казалар белән авыл тулган!* (Таковыми, как ты, ходячими несчастьями, полна деревня.) (С. Шамси)

Среди татарских фразеологизмов много тех, которые указывают на недостатки слабоумных или же легкомысленных людей: *акылга тулы түгел* (винтика не хватает); *акылга зәгыйфь* ((психически) неполноценный); *балта сабы кыска булу* (букв. коротка рукоятка утопера, слабоумный); *унга тугыз тулмаган* (не хватает винтиков); *акылы утыз тугызлы гына* (не хватает шариков); *унга бер тулмаган* (не все дома); *туксан тугызлы* (на девяносто девять процентов только); *тугыз төймә* (букв. девять пуговиц, неполноценный); *потка бер кадак тулмый* (букв. до пуда не хватает одного фунта, неполноценный); *башка тай тибү* (букв. голову лягнул же-ребёнок). Например, *Мондый зур эшине аларга ышанып тапшыру ярамас...*

Рушанның вакыты бик тар, ә тегесенең балта сабы кыска, – диде ул, берәз уйланып алганнан соң. (Такое ответственное дело нельзя им поручать... У Рушана нет времени, а утого не все дома, – сказал он, немного подумав.) (Р. Мирхайдаров); *Шуны да аңламаска, башыма тай типмәгән лә!* (Даже это не понять, жеребёнок в голову лягнул!) (Ф. Байрамова)

Фразеологические единицы, употребляемые относительно скупости: *үлгән вакытында бер эчем (йотым) су бирмәс (жәң биргәндә дә авызыңа бер кашык су салмас)* (букв. Не даст и глотка воды, когда будешь лежать при смерти, зимой снега не выпросишь); *ике тишекле бер тиен бирмәү* (дырявой копейки не даст); *бер шырпыны бишкә ярып кабызу* (расщепив спичку на пять); *бер тиенгә бетәшкән* (удавится за копейку); *бер тиене онытылып калса, йөз чакрым кире кайту* (букв. Если забудет всего лишь копейку, вернётся за 100 верст); *бер тиен өчен дерелдәп тору* (трястись над каждой копейкой); *бер тиен өчен черәеп каткан* (удавился за копейку); *бер төйнәгән йодрыгын патша килсә дә ачмас* (букв. единожды зажатый кулак не разожмёт, даже если сам царь попросит); *бер тавыкны унга бүлү* (букв. разделить одну курицу на десять частей). Например, *Бүтән ялчылар кебек бер тиенгә бетәшен азапланмавы үзе үк Сәлимне бу шат күңелле егет алдында яшерен шиккә салган иде.* (Салима немного заставило усомниться то, что веселый юноша не готов удавиться за копейку, как остальные наёмники.) (Ф. Хусни).

О бедняках, не имеющих денег, говорят: *бер агач утын юк* (ни кола, ни двора); *бер тиенсезгә калу* (нет ни копейки); *бер күлмәк белән калу* (гол, как сокол); *уникенең бере юк* (букв. нет единицы удвенадцати). Например: *Ичмасам, хатын да бер күлмәк белән калуны белми, көннәр салкынайды, жылы киём кирәк иде дип борчый.* (Жаль, что и жена не знает, что мы сейчас очень бедны, все время меня мучает тем, что ей нужна теплая одежда, так как дни похолодали.) (Г. Тулумбай)

Выражения *бер тиен өчен йолдызга кармак ату* (букв. забросить удочку на звезду за одну копейку); *бер тиен өчен кара тиргә төшен сатулашу* (букв. торговаться до седьмого пота за одну копейку); *бер тиен өчен жанын сатар* (за копейку продать душу); *бер тиен өчен жәһәннәмгә керер* (букв. за копейку и в ад пойдёт) используются, когда говорят о рабах денег, о тех, кто продал душу и веру за копейку и не боялся наказания. Например, *Иманкул исә бер тиен өчен кара тиргә төшен сатулаша.* (Иманкул торгуется до седьмого пота за одну копейку.) (К. Наджми)

О людях, которые спорят, пререкаются, перечат, без умолку болтают, замечают: *бер теленә баш була алмый* (не хозяин своему слову); *бер телгә биши тел* (ты ему слово, а он тебе – десять); *бер дә атасы-анасы юк* (язык без костей); *бер тиен биреп сөйләтеп булмас, ике тиен биреп туктатып*

булмас (букв. за копейку не станет говорить, а за две – и не остановишь). Например, *Ай Алла, бер телеңә баш була алмадың лабаса.* (О Аллах. Ведь ты сам не смог стать хозяином своего слова.) (М. Амир)

Среди татарских фразеологических единиц есть и такие, в которых выражается отношение к грабежу, наказанию, драке, вражде: *берне кундыру* (*тамызу*) (всыпать); *жиде кат тиресен тунау* (спустить семь шкур); *жиде бабасын таныту* (показать, где раки зимуют); *берне биру* (*ману, сибү, сылау, ямау, чалтырату*) (всыпать); *ипи шүрлегенә менеп төшү* (дать в рыло); *кулы белән уйнау* (дать волю рукам); *бер-ике рәт ману* (влепить пару раз); *бер-бер артлы кундыру* (надавать); *биштән төргәнне күрсәтү* (*иснәтү*) (дать понюхать кулак); *озын кул* (драчун). Например: *Мин әле сине болай гына калдырмам, жиде буыныңа житәрмен.* (Я тебе это так просто не спущу. До седьмого колена будешь помнить.) (Г. Камал); *Берни булды исә, күкерт кебек кабынып китә дә хәзер куллары белән уйный башлый.* (Если что-то случается, сразу начинает закипать и давать волю рукам.) (Ф. Байрамова); *Кулы белән уйнамаган булса, гафу да итәр идем, тик хатын-кызга кул күтәргән ир ирмени инде ул?* (Если бы не давал волю рукам, возможно и простила бы, но разве тот, кто поднимает руку на женщину, мужик.) (Х. Ибрагим); *Син үлчәп сөйләш, агай-эне... Юкса мин ипи шүрлегенә менеп төшәргә дә күп алмам.* (Ты говори, но не заговаривайся. Не то как врежу по челюсти.) (Х. Ибрагим)

Встречаются и такие фразеологизмы, которые определяют одиноких людей: *бер башы* (одинокий); *бер башы да бер тамагы үзе* (букв. одна голова и один рот), *ялгыз Ярулла* (одинокий Ярулла).

При описании других отрицательных качеств людей используются следующие единицы: *бер нәфесен тыя алмый* (невоздержанный, алчный, жадный, корыстолюбивый); *артына бер төшеп, алдына биш төшеп* (не мытьём, так катаньем); *тәлинкә тотта* (держат тарелку (кому)); *алдында тугызга бөгелә* (прогибаться (перед кем)); *сабын куыгын очыра* (пускать пыль в глаза); *борын күтәрәп йөрү* (задирать нос); *кырыгы кырык жирдә ярылып ята* (неаккуратный, неопрятный, неряшливый, несобранный; невоспитанный); *ике кулы кесәсендә* (руки в брюки); *ике кул белән жыл аударучы* (гоняет ветер); *бер аягын атлаганчы, икенчесен эт ашыи* (спит на ходу); *анасының карынында ничек тугыз ай да ун көн чыдап торган* (не-терпеливый); *кәкре каенга терәткән* (прислонил к кривой берёзе); *кырыгы кырылып ятсын, әйләнеп тә карамас* (ему хоть кол на голове теши); *ике йоклап бер төшенә керә* (ему всё грын-трава); *сиңа ышанганчы, диңгездә батканда ике терсәгенә ышанган артык* (ненадёжный, неблагонадёжный); *ике яклы пычак* (двуличный; лицемерный, неискренний); *кырыгына бер иман* (не верит ни в бога, ни в чёрта); *ике сүзле* (семь пятниц на неделе);

ике яклы кеше (лицемер); *ике йөзле* (двуличный; лицемерный); *башындагы бүреген бер көн буе эзләгән* (рассеянный); *юка баш* (забывчивый, рассеянный). Например, Миңсылу: «Водокачка китердек дип, Каюм абзый белән Әхмәт борыннарын күтәргән иделәр. Водокачкалары су бирә алмагач, борыннары тошита бугай». (Миңсылу: «Каюм абзый и Ахмет хвастались, что принесли водокачку. Однако с них быстро сошла спесь, так как водокачка не качала воду»). (Ш. Камал); *Сиңа шул сабын куыгы очырырга булсын, бер башласаң туктатып булмый*. (Тебе бы пускать пыль в глаза, если начнёшь, не остановить.) (М. Магдиев); *Хәер, кеиеләр бөтен эңирдә дә Фирдүс кебек ике яклы пычак түгел лә!* (К тому же, не везде люди такие двуличные, как Фирдус.) (М. Маликова); *Дөнъялардан китеп йөрисең, тузан... соң бит, кичә генә сөйләшкенде, Бака күле янында жылышабыз дип, син юка баш аркасында күпме балык әрәмгә китте...* (Друг мой, что же ты ходишь, всё позабыв, только вчера же договаривались, что соберемся у Бака-озера, из-за такого растяпы, как ты, столько рыбы потеряли.) (И. Хайруллин)

Среди татарских фразеологических единиц есть и такие, которые характеризуют внешне некрасивого человека. Например, о тощем, костлявом, худощавом человеке говорят *бер карга туярлык ите юк* (букв. у него нет и мяса, чтоб одна ворона утолила голод); *ике күзе генә калды* (остались одни глаза); *тәндә бер жаны гына бар* (в чем душа держится); *үтәдән-үтә күренә торган* (прозрачный). Например, *Ә өрәк кебек үтәдин-үтә күренә торган чиле-пеишле персонажлар монда кертелми!* (Персонажи, которые так же прозрачны, словно приведения, сюда не входят.) (А. Тимергалин)

О сухощавом человеке говорят *тугыз буын, биш бөкләм* (букв. девять колен, в пять сложений). О толстом, крепкого сложения, здоровом – *яrsaң ике, томырсаң өч булырлык* (если расколешь превратится в два, если ударишь с силой – в три); *сиңа, болай ашасаң, уника башлы тегермән дә эжитмәс* (букв. тебе, если так будешь питаться, не хватить и двенадцати-головой мельницы). Выражение *дөя шикелле бер төз эңире юк* (букв. нет ни одного ровного места, совсем как у верблюда) определяет человека с некрасивым, уродливым телосложением.

О слепом говорят *тугыз сукирның сиңар таягы* (букв. одна палка для девяти слепых). Человека с длинным носом бранят, говоря *борыны белән бер сукса үләрсен* (букв. умрёшь, если ударит своим носом) или *борынына тугыз күркә сыярлык* (букв. в носу уместятся девять индюков)). О темнокожем человеке говорят *чуенның ундүртенче кичәсе кебек* (букв. как четырнадцатое торжество чугунка). Например, *Безнең бер асрау бар, йөзе нәкъ менә чуенның ундүртенче кичәсе төсле кап-кара*. (У нас есть одна служанка, у неё лицо чёрное, как четырнадцатое торжество чугунка.) (Г. Камал)

По отношению к некрасивому предмету или человеку употребляют единицы: *бер күрмәскә әллә ни бирерсең* (глаза бы мои не видели); *жиде еллык бизгәгең качырырлык* (букв. даже исчезнет семи годовой припадок); *пәри чабаклаган* (пәри отхлестал). Например: «*Әйдәгез, – мәйтәм, – егетләр, төкерегез үзләренә, шул пәри чабаклаган, чалыш аяклы кызларга!*» («Бросьте, друзья, плюньте на этих с кривыми ногами девушек, которых отхлестал пәри».) (А. Шамов)

О человеке с толстыми губами говорят: *ирене куйнныкы кебек ике бүлтәкле* (букв. его (её) губы как укролика).

Встречаются и фразеологические единицы, которые выражают гнев по отношению к стареющему или умирающему человеку. Например, *Үзеңнең бер аягың жирдә, икенче аягың гүрдә, картайган көңөңдә мәчет түрөндә генә утырырга кирәк иде*. (Сам одной ногой в могиле, тебе бы пора сидеть на почётном месте в мечети.) (Г. Камал); *Ике аяк, бер таяк* (букв. две ноги и одна палка (крюка) – говорят о больном, хромом, опирающемся на палку).

Некоторые фразеологические единицы выражают иронию по отношению к человеку. Существуют также фразеологизмы, заимствованные из анекдотов. В качестве примера можно привести анекдот о том, как сам Мокыт агай, нанятый пасти табун, искал лошадь, на которой был верхом, считая, что одна она пропала: *астындагын алты ай эзләгән* (на коне сидит и коня же ищет). Байка высмеивает тех, кто ищет то, что держит в руках, или то, что лежит на виду.

Как видим, фразеологические единицы, сравнительно с отдельными словами или свободными словосочетаниями, являются ярким лексическим средством создания языковой выразительности. Фразеологизмы не только называют лицо, предмет, знак, действие, событие, явление, но и выражают мнение автора или рассказчика по этому поводу, дают свою положительную или отрицательную оценку, наделяют сильной экспрессией, стилистически организуют речь.

Грамматические особенности и структурные модели фразеологических единиц

§ 53. Грамматическая характеристика фразеологизмов

По своим лексико-грамматическим значениям и синтаксическим функциям фразеологические выражения близки к словам, а по структуре подобны словосочетаниям и предложениям. Будучи единицами языка, и фразеологизмы, и слова подчиняются общим законам языкового строя, основываются на одних и те же грамматических нормах, выполняют

функцию наименования, используются для характеристики и оценки лиц, предметов, явлений, событий. Правда, во фразеологических высказываниях и словах и лексика, и грамматика языка выражаются по-разному, в зависимости от особенностей структуры и содержания этих единиц.

Говоря о грамматических формах фразеологизмов, учёные в основном обращают внимание на то, что они в большинстве случаев выступают в форме словосочетания. Например, Г. Х. Ахатов пишет: «...фразеологическая единица – это категория, которая находится между словом и словосочетанием» (Әхәтов, 1982: 4).

Одной из первых работ, наиболее полно осветивших грамматические формы фразеологизмов в татарском языкознании, следует назвать монографию Г. Х. Ахунзянова «Татар теленен идиомалары» («Идиомы татарского языка») (Казань, 1972). Автор, исследуя их грамматические особенности, подчёркивает, что идиомы могут иметь форму словосочетания и предложения. И действительно, среди идиом, имеющих форму предложения, есть пословицы и поговорки, крылатые выражения.

В синтаксическом отношении словосочетания подразделяются на свободные и фразеологические словосочетания; и это деление основано на том, теряются ли смысловые связи между их компонентами или они закрепляют словосочетание. Свободные словосочетания изучаются в синтаксисе. Фразеологические же словосочетания упоминаются в синтаксисе только при описании средств связи между словами, поскольку они близки к свободным словосочетаниям тем, что их компоненты так же взаимодействуют на основе синтаксических норм языка. По нашему мнению, широкое употребление термина «фразеологическое словосочетание» является недостаточно точным, так как, во-первых, фразеологическая единица состоит как минимум из двух слов и уже в сущности составляет словосочетание, во-вторых, фразеологическое высказывание может иметь и форму предложения. Действительно, строение большинства фразеологических выражений соответствует нормам традиционного синтаксиса. Правда, соотношение между фразеологическими выражениями, простыми словосочетаниями и фразеологизмами следует рассматривать как условное.

Что касается фразеологизмов, имеющих форму словосочетаний, то следует заметить, что различаются простые и сложные, построенные на основе подчинительной и сочинительной связи.

Простые по форме фразеологические единицы состоят из двух самостоятельных слов: *бишенче көпчәк* (пятое колесо); *биштән йомарлау* (угрожать расправой); *кырык ямаулы* (латаный-перелатаный); *беренче карлыгач* (первая ласточка); *икенче яшьлек* (вторая молодость); *жиде ят* (чужак); *мең төрле* (разнообразный); *ике талигалы* (родился под счастли-

вой звездой). Если они состоят из двух и более самостоятельных слов, то образуется фразеологизм в форме сложного словосочетания: *ике кулга бер эш* (одна забота); *диңгездән бер тамчы* (капля в море); *унҗиде яшьлек җилкенчәк* (семнадцатилетний повеса).

Между компонентами единиц, основанных на подчинительной связи, устанавливаются отношения завершенности. Среди фразеологических единиц они составляют большинство: *бер сүзгә килү* (сойтись во мнениях); *мең дә берне белү* (всезнайка); *биши көнлек дөнья* (ничто не вечно под луной); *кырыкка ярылу* (разрываться на части); *ике ут арасында калу* (остаться меж двух огней); *мең дә берне белү* (ирон. быть всезнайкой).

В свою очередь фразеологизмы, построенные на основе сочинительной связи, могут выражать соединительные, противительные и разделительные отношения. Фразеологические выражения, основанные на соединительных отношениях: *ал да гөл* (все прекрасно); *берсен көйләп, икенчесен сөйләп, өченчесен чөйләп* (не мытьём, так катаньем); *алты колак, дүрт куз белән* (во все глаза); *бер кулы балда, икенчесе майда* (как сыр в масле катается). Достаточно много фразеологических единиц, компоненты которых находятся в противительных отношениях: *берне сөйли, икенчене эшли* (слова расходятся с делом); *бер колактан керә – икенчесеннән чыга* (в одно ухо влетает, из другого вылетает); *акмаса да тама* (худобедно). Встречаются примеры, когда трудно различить, являются ли отношения соединительными или противительными. Например, *артына бер төшеп, алдына биши төшеп* (и так и этак); *берең арба юлыннан, берең чана юлыннан* (букв. один по следу телеги едет, один по следу саней; я про Фому, а ты про Ерёму). Не так много фразеологических единиц с разделительными отношениями между компонентами: *я баш, я җан* (букв. или голова, или душа; жизнь или кошелек); *малыңмы, җаныңмы* (жизнь или кошелек); *я уңасың, я туңасың* (букв. либо повезёт, либо замёрзнешь; либо пан, либо пропал).

Фразеологизмы, имеющие структуру словосочетания, соотносятся с различными группами слов. Это становится особенно заметным, если обратить внимание на то, какой компонент в составе устойчивого словосочетания доминирует, и какую роль выполняют фразеологизмы в предложении.

Так, опираясь на синтаксически ведущее слово, условно можно разделить на следующие группы:

- именные словосочетания,
- определительные словосочетания,
- глагольные словосочетания,
- наречные словосочетания,
- словосочетания, основанные на предикативных словах.

Среди фразеологических единиц есть и такие, которые не образуют словосочетания. Например, сочетания, выраженные самостоятельным или вспомогательным словами. В свою очередь каждый из них характеризуется определёнными структурно-морфологическими и синтаксическими особенностями.

Основным компонентом фразеологизмов в форме именного словосочетания является имя существительное, которое управляет другим существительным, прилагательным, причастием, усилительным. В контексте грамматические возможности утакого рода словосочетаний не ограничены, то есть именной компонент фразеологизма морфологически очень легко согласуется в числе, в принадлежности, в падеже; фразеологизм как целостная единица может выступать любым членом предложения (чаще всего подлежащим и дополнением). Например, *акыллы баш* (умная голова, какой умник); *асыл зат* (настоящий человек); *ачык йөз* (радушие); *аю егарлык егет* (букв. юноша, способный свалить медведя; силен как бык); *алма битле кара каш* (черноброва да румяна); *изге жан* (святая душа); *нечкә бил* (осиная талия); *туры кеше* (прямолинейный человек); *тәүфикълы яр* (добропорядочная возлюбленная); *беренче карлыгач* (первая ласточка); *жиде ят* (посторонний, чужак); *бер авыз сүз* (хотя бы одно слово); *ике кулга бер эш* (букв. на две руки одна работа); *диңгездән бер тамчы* (капля в море); *шомарган таш* (букв. шлифованный камень; тёртый калач) и др.

Рассмотрим использование данного вида выражений в контексте: *Тәкхъиб итәрәгә, вәгазь кылырга фараз италәр, эжитмәсә, шундый жебегән авызны жебәрәләр.* (Ещё произнести тагхъиб и прочитать проповедь поручают этому мямле.) (Г. Ибраһимов); *Сөйләшкәндә, шактый ук шомарган таш булып кылана белә.* (Во время разговора он умеет хорошо прикинуться тёртым калачом.) (З. Хаким); *Нишләп бу кеше болай да караңгы уйлар белән йөргән чагымда очрады?* (Почему же он встретился мне именно тогда, когда я была в очень тяжёлых раздумьях?) (З. Хаким) и др.

В составе адъективных фразеологизмов ключевым компонентом выступает прилагательное, которое согласуется с именем существительным, именем прилагательным, количественным числительным. Такие фразеологизмы характеризуются грамматическими признаками прилагательно-го: в предложении для уточнения имени выступают в качестве определения, в свободной позиции – в качестве сказуемого. В контексте нередки случаи субстантивации.

В составе фразеологизма может выражаться степень качества. Этот вид словосочетания – один из самых распространённых среди фразеологизмов: *аек фикерле* (резвомыслящий); *ак күңелле* (доброжелательный); *алтын куллы* (с золотыми руками); *ачык йөзле* (гостеприимный); *бала жанлы* (лю-

блещущий детей); *икмәкле-тозлы* (с хлебом-солью); *йорт җанлы* (домовитый); *каты серле* (скрытный); *кече күңелле* (отзывчивый); *олы җанлы* (добрый, милосердный); *ыспай телле* (с витиеватой речью); *эш җанлы* (трудолюбивый); *җиңел аяклы* (приносящий удачу); *җиңел сөякле* (легкий на подъем); *җылы канлы* (теплокровный); *зур йөрәкле* (добрый, отзывчивый); *тук күзле* (сытый взгляд); *ике йөзле* (лицемер); *бер тактасы ким* (не хватает болтиков); *акылы камил* (в здравом уме); *йөзе ак* (совесть чистая); *йөзе ачык* (радушный); *йөзе якты* (радушный взгляд); *бите ачык* (добрый взгляд); *кулым ачык, йөзем ак* (руки свободные, лицо приветливо); *кулы җиңел* (рука лёгкая); *кырмайкадай кыю* (храбрее муравья); *сөттән ак, судан пакъ* (белее молока, чище воды); *телгә үткен* (острый на язык); *сүзгә кыска* (неразговорчив); *җилдән өлгөр* (быстрее ветра) и др. Например, *Син аның белән сүз куертма, Муртаза! Кырык катлы ул, аныкын белеп булмый...* (Ты долго с ним не разговоривай, Муртаза! Он в сорок одёжек одет, не узнаешь, что внутри) (З. Хаким); *«Бөтен кеше дә синең кебек каты бәгырьле түгел бит», – дип әйтеп ташлаганын Талгатъ үзе дә сизми калды.* (Талгат и сам не заметил, как произнес: Не все же такие бессердечные, как ты.) (З. Хаким); *Арнольд кебек таш бәгырьле кешеләр булмаса, дәүләт дигән механизмның төрмәләренә, тәртип саклый торган органнарның кирәге калмас иде.* (Если бы не было таких жестокосердных людей, как Арнольд, не было бы и необходимости в механизмах управления, тюрьмах, правоохранительных органах.) (З. Хаким); *Кырыс холыклы булса да, Халисә әнә шундый якты уй-теләкләр белән яши иде.* (Даже если и была жестокосердной, Халиса жила со светлыми мечтами-мыслями.) (З. Хаким); *Әгәр дә берәр нечкәрәк күңелесе үзен гаепле дисә, камерадагы иптәшләре аңа төрмә врачына мөрәҗҗәгать итеп, башын тикиштергә тәкъдим италар.* (Если кто-то из мягкосердечных начинает каяться, то его сокамерники советуют ему обратиться к врачу и проверить голову.) (З. Хаким).

Основным компонентом глагольных фразеологизмов являются формы глагола. Исходя из того, в какой глагольной форме даны фразеологизмы, можно выделить несколько структурных подгрупп.

В первую подгруппу входят фразеологические выражения, основным компонентом которых выступает инфинитив, выражающий действия или ситуации, или описывающий присущие человеку качества как процесс. При этом инфинитив выступает в функции прямого или косвенного дополнения, обстоятельства. В составе предложения инфинитив может легко менять свою форму, т. е. может встречаться во всех личных и безличных формах глагола, выступая в различных грамматических категориях. В предложении такого рода фразеологизмы являются частью любого предложения. Например, *авызга хужа булу* (быть хозяином своего слова); *авызына карату*

(быть убедительным, красноречивым); *адамгә саналу* (быть уважаемым); *алдын-артын карап эш итү* (действовать осмотрительно); *алдын-артын жыеп йөрү* (предусмотреть всё, действовать аккуратно); *ат алу* (заслужить славу (звание) (кого)); *бер күз белән карау* (просмотреть одним глазком); *дөнья шаулату* (прославиться); *дөнья эҗимертеп эшләу* (интенсивно работать); *йөзе кояш булу* (лицо посветлело (от радости)); *кулдан эш килү* (умение работать); *мәйдан алу* (выйти на арену); *рәт белү* (знать толк (в чём)); *сөйкемле сөягәң булу* (быть обаятельным); *сүзе белән эретү* (растопить сердце словом); *ташка кадак кагу* (сделать что-то невозможное); *теле телгә йокмау* (говорить взахлеб); *эш рәтен белү* (уметь выполнить какую-то работу); *ялт итеп тору* (во всей красе); *эдәп саклау* (соблюдать приличия); *өлгер тоту* (действовать быстро); *үлчәп сөйләу* (говорить обдуманно); *жәвапка күршегә кермәү* (не лезть за ответом в карман); *һалакәт күзәнә карау* (смотреть в лицо опасности) и др. Например, ***Ике аякны бер балакка тыкмагыз ала, иптәш доктор. Кырыкка ярылырга эҗиткән чакта...*** (Пожалуйста, не связывайте по рукам и ногам, и так на сорок частей обрываюсь.) (Г. Абсалямов); *Вилен, телен аркылы тешләгән хәлдә, башын иеп утыруында булды.* (Вилен, не проронив ни слова, продолжал сидеть, склонив голову.) (М. Маликова); *Бүген дә безнең эҗитешсезлекләребез, ялгышларыбыз чиктән ашкан. Алар турында беләбез. Гамәлгә ашканчы, ник авызыбызны йомып торабыз?* (Сегодня унас очень много недочётов и ошибок. Мы о них знаем. Прежде чем всё это воплотится в жизнь, почему же мы молчим?) (Из периодической печати)

Вторую подгруппу составляют фразеологические выражения, основным компонентом которых выступает глагол в изъявительном наклонении. Глагол в изъявительном наклонении, выступая в форме определённого времени, не меняет своей грамматической формы в контексте. Единицы, входящие в эту подгруппу, выражают действия, ситуации или человеческие качества как психологические процессы, выполняют в предложении функцию сказуемого. Например, *арага мылтык салдылар* (букв. между нами положили ружьё); *арбасын такырга чыгарды* (букв. вывел свою телегу на сухую дорогу); *аргы ягына чыккан* (перешёл все границы); *аркага атланды* (букв. на спину влез); *бетте-китте* (с концами); *бетәсе булмады* (нескончаемо); *исенә төшкәч, исе киткән* (букв. вспомнил, удивился); *исләрем-акылларым китте* (сильно удивился); *көл сипкәндәй булды* (букв. как обсыпанный золой; сойти с лица); *кисеп ташлаган тырнагына да тормый* (букв. не стоит и нога, не стоит мизинца, не стоит и выеденного яйца); *кулы белән төймә генә коймый* (букв. руками только пуговки не делает); *кулы кулга йокмый* (за руками не уследить); *кулына туфракны учласа, алтын итә* (букв. его руки даже из земли делают золо-

то, руками творит чудеса); *кулы килә* (руки подходят); *су кебек эчә* (делать что-то играючи); *теле белән кош тотта* (красноречивый); *бер әйтер – берәгәйле әйтер* (что не скажет, попадёт в точку); *биш үлчәп бер кисәр* (букв. пять раз отмерит, один раз отрежет); *сырты сынса да, сер сынатмас* (букв. даже если сломает позвоночник, не подаст виду); *куркып качарсың* (от виду можно убежать, ужасный, без слёз не взглянешь); *керфегеннән гөл тамар* (букв. с ресниц капают розы); *ни булса да булыр* (будь что будет). Некоторые примеры: *Ә мин әле яшь, таза. Кулдан ни тотсам, шул килә.* (Я ещё молод, здоров. За что ни возьмусь, всё ладится.) (С. Джалил); *«Аларның кисеп ташлаган тырнагына да тормый»*, – диде. (Он ответил: «Это не стоит и их мизинца».) (А. Шамов); *Вали Фәтхинең тешләрен кыскартырга да кыйбат алмас!* (Вали выбьёт зубы Фатхи и недорого возьмёт.) (Ф. Сайфи-Казанлы); *«Сатма, әти, дөнъя хәлен белмәссең, кайтып керергә куыш булыр»*, – дип, Әмин каршы төште. (Амин возразил: «Не продавай, отец, не знаешь наперёд, возможно, это будет то, куда можно будет вернуться жить».) (К. Амири); *Сезнең терлекчеләр өе оҗмах кебек, ә безнекеннән куркып качарсың.* (Дом ваших животноводов как на заглядение, а на наш без слёз не взглянешь.) (А. Гилязов)

В третью подгруппу входят фразеологические обороты, основным компонентом которых выступают глаголы в формах повелительного, сослагательного и желательного наклонений. Они выражают значение увещевания, приказа, совета, иронии, порицания, добрых пожеланий или проклятий, и проникнуты сильной модальностью. Примеры: *үзең бел дә май кап* (держи рот на замке); *үзең тапкан мал, капчык тутырып ал* (букв. добытое тобой богатство, тебе и полный мешок); *үзең чәчтең, үзең ур* (сам посеял, сам и пожнёшь); *үзеңә кара* (решай сам); *теләсәң шартлап ул* (хоть лопни); *теләсәң ела, теләсәң көл* (хоть плачь, хоть смейся; хоть стой, хоть падай); *бер аягың анда, бер аягың монда булсын* (одна нога здесь, другая там); *икенче аяк атлама* (больше ни ногой); *йөз яшә, йөзем аша* (букв. век живи, ешь виноград, живи и радуйся); *төшеңә кермәсен* (не дай Бог приснится); *муеның астыңа килгере* (чтобы ты себе шею свернул!, чтобы ты сдох!); *ни күзем белән күрим, ни колагым белән ишетим* (что я вижу, что я слышу!). Примеры использования в контексте: *Син дә шул «телсез күе» кебек сөйләсәң, әллә сез... – Дәшмә. Май кап!* (Ты тоже разговариваешь как та немая кукушка, или вы... – Молчи, не открывай рот!) (З. Хаким); *Ходай рәхмәтеннән ташламасын инде сезне, – диде ул, Сөләйманның җылы тышенә пышылдап.* (Сулейман благодарил еле слышно: «Пусть Аллах будет вами доволен, не оставит вас».) (З. Хаким); *Рәхмәт, туган. Ходай озын гомер бирсен үзеңә.* (Спасибо, друг. Долгих лет жизни тебе) (З. Хаким); *Әрәмтамак! Уйныйсың килдемәни? Муеның*

астыңа килгере! *Менә сиңа, менә! Бирән!* (Дармод! Хотел поиграть? Чтоб ты сдох! Обжора!) (И. Нуруллин)

В четвёртую подгруппу входят фразеологические обороты, основным компонентом которых выступают причастия. В предложении они, определяя имя существительное, выступают в роли определения. Характеризуют состояние лица или предмета. Например, *азау тешен ашаган* (набравшийся жизненного опыта); *акылга беткән* (с ума выживший); *акылга утырган* (поумневший); *алтын бишектән төшкән* (вышедший из золотой люльки); *арбасын тауга менгергән* (его дела пошли в гору); *дөнья күргән* (повидавший жизнь); *таш астыннан чыккан* (букв. вышедший из-под камня); *тел чарлаган* (красноречив); *тугыз мурдан үткән* (переживший тяжёлые испытания); *елан аягын кискән* (совершивший невероятные, отчаянные поступки); *бер күлмәк белән калган* (лишившийся всего); *бер чыбыктан сөрелгән* (одинаковые); *жиде бабадан килгән* (унаследованное от предков); *унга (йөзгә) бер тулмаган* (винтиков не хватает (в голове)). Контексты использования: *Ярый, арада күпне күргән, күп мартәбәләр хажә юлында булган бер карт хажәи бар.* (Хорошо, что среди нас есть повидавший жизнь, совершивший паломничество старик-хаджи.) (Г. Ибрагимов); *«Уңай каһарман, – диде телгә беткән Батыр. – Бакчы, гел плюслардан гына тора».* («Положительный герой, – ответил не совсем красноречивый Батыр. – Смотрите-ка, состоит из одних плюсов.) (А. Тимергалин); *Хан заманыннан калган корал куллану катгый рәвештә тыелганны оныттыңмы әллә?* (Разве ты забыл, что запрещено использовать списанное оружие) (А. Тимергалин); *Айдар Халим хикәяләре жанр үзенчәлеге, тирән лиризм белән сугарылуы, сюжет төгәллеге, тематик масштаб, психологик-рефлекс камиллеге ягыннан коеп куйган новеллалар иде.* (Рассказы Айдара Халима по их жанровым особенностям, наполненностью глубоким лиризмом, точностью сюжета, масштабной тематикой, совершенством психологизма правдивы как новеллы.) (Из периодической печати)

В пятую подгруппу входят фразеологические обороты, основным компонентом которых являются глаголы, выступающие в роли обстоятельства. Они обозначают ситуацию как признак другого процесса, поэтому в речи требуют употребления другого глагола: *аяк тибеп* (без церемоний); *аяк терәп* (уверенно); *югын бар итеп, барын бал итеп* (букв. из ничего, из пустяка делать конфетку); *әжәлен авызына тешләп* (наперекор смерти (судьбе)); *жил-буран уйнатып* (устроив ураган); *үзен үзе белештермичә* (не помня себя); *ике дә уйламыйча* (не думая ни секунды; не задумываясь); *өч катлы итеп* (трёхэтажным (матом)); *өч адымны бер итеп* (быстро (шагая)); *билен биш жәрдән бөгеп* (согнувшись в три погибели); *айлык жәирне алты атлап, еллык юлны жиде атлап* (семимильными ша-

гами). Например, *Ул, төннәрен Хәйдәрне эт итеп, эттән алып селкеп салып тиргәсә дә, мәҗдәсләрдә кеше алдында һичбер серне белгертмәде.* (Даже если ночами она бранила Хайдара на чём свет стоит, на мероприятиях она не подавала виду) (Г. Исхаки); *Энем көлтә бирә, күз ачып, күз йомганчы, дүрт-биш арбаны бушатып та ташлыйбыз.* (Младший брат подаёт снопы, и глазом не успевали моргнуть, как разгружали 4–5 телег.) (Г. Ибрагимов); *Рәшат, өчәр аратаны берьюлы сикерә-сикерә, ә дигәнче икенче катка менеп җитте.* (Рашат, перепрыгивая через три ступени, вмиг поднимается на второй этаж.) (А. Гилязов); *Училище ду килә, җир бетереп Динәне эзлиләр.* (Училище стоит на ушах, всюду все ищет Дину.) (Н. Гиматдинова); *Нишләп әле без монда иза чигеп, очны-очка көчкә ялгап гомер сөйрибезд, ә алар галәм буйлап рәхәтләнеп, җилләнеп очып йөриләр?!* (Почему же мы здесь перебираемся, еле сводим концы с концами, а они с удовольствием бороздят просторы вселенной, проветриваются.) (З. Хаким)

Фразеологические выражения, состоящие из наречий, так же, как и собственно наречия, определяют ситуацию, при этом обозначают признак действия или признак другого признака и выступают в предложении в функции обстоятельства, уточняя действие, качество, образ действия. Если уточняют имя существительное, то могут выступить и в качестве определения.

Этот тип фразеологизмов можно разделить на несколько конкретных семантических групп:

1) фразеологизмы, определяющие образ действия: *бәрәңге ашау белән бер* (*бәрәңге ашаудан да җиңел*) (букв. проще, чем съесть картошку, проще пареной репы); *дүрт куллап* (букв. четырьмя руками, с радостью (принять, встретить)); *авыз эченнән* (себе под нос (сказать)); *дүрт күзләп* (с нетерпением (ждать)); *арттан караганда алда (бара)* (первый с конца (идёт)); *бер күз белән* (одним глазком); *исерек баштан* (спьяну). Например, *Берничә җыр җырлагач, тәрәзәдән башын алып, идәнгә төште дә, авыз эченнән генә көйләп, әрле-бирле әйләнгәләп йөри торгач, тәрәзәдән алган мөндәргә башын куеп, күзләрен йомды.* (После того пропела несколько песен, отошла от окна, опустилась на пол, напевая про себя, походила взад-вперёд, положила голову на подушку, которую взяла у окна, и закрыла глаза.) (К. Амири); *Үги баласын да үзенекеннән аермый, бер күз белән карый.* (Она не отличает приёмного ребёнка от своего, смотрит одинаково.) (З. Хаким);

2) фразеологизмы, называющие меру и степень чего-либо: *санап бетергесез* (несчётное количество); *буа буарлык* (хоть пруд пруди); *тау хәтле* (целая гора (чего)); *аллә нидә бер* (изредка); *кырыкмаса кырык тапкыр* (много раз); *онытканда бер (онытылганда бер)* (раз в полгода); *ике дә бер*; *ике көндә бер* (раз в два дня); *ике көннең берендә* (через день); *ике*

сүзнең берендә (через слово); *ике адымның берендә* (на каждом шагу); *ике авызың берендә* (у каждого второго на языке); *туксан тугыз* (девяносто девять); *йөз дә бер* (сто один); *мең дә бер* (тысяча первый). Например, *Амбар ишегалдында тау хәтле тары өелеп ята*. (Во дворе амбара целая гора проса.) (Г. Мухамметшин); *Кайсы якка карасаң да, күз күреме кадәр жирләрдә иген кырлары*. (Куда ни глянь, в поле зрения посевные поля.) (А. Гилязов); *Кызыклары аның санап бетергесез*. (Чуждачеств его не счесть.) (А. Гилязов); *Хәзерге заманда, өйләнмәсәң дә, кызлар буа буарлык*. (В современном мире, даже если не женишься, девушек хоть пруд пруди.) (А. Гилязов); «*Кем эте бу?*» – *дип, кырыкмаса кырык танкыр кабатлады кондуктор*. (Кондуктор всё повторял вопрос: «Чья это собака?») (Батулла);

3) фразеологизмы, основанные на сравнении: *ай белән көндәй* (букв. как луна и день), *һәркемгә бердәй* (всем одинаково); *арыслан авызыннан сөяк алырдай* (букв. отобрать кость ульва); *басса бакыр изәрдәй, титсә тимер өзәрдәй* (букв. если встанет – оборвёт медь, если пнёт, то порвёт железо); *сукса тимер өзәрдәй* (если стукнет, погнёт железо); *балта асып куюрдай* (можно повесить топор); *ике бармак кебек* (как два пальца); *урта бармак кебек* (как средний палец); *ике тамчы су кебек* (как две капли воды); *коеп куйган төсле* (как вылитый (кто)); *койрыгы киселгән эт кебек* (букв. как собака с отрубленным хвостом); *койрыгы пешкән мәчедәй* (букв. как кот, ошпаривший свой хвост); *котырган эт шикелле* (как бешеная собака); *кош тоткандай* (словно поймавший птицу). Примеры использования в контексте: *Авызларына су капкандай дәшми барулары шуны раслый сыман*. (Это как бы доказывает то, что он идёт молча, словно набрав в рот воды.) (В. Имамов); *Бераздан мин, хәл алгач, бизгәк тоткандай калтыранып, Сибгатне чәйнәп ташилардай булып*: «*Бу ни эш?*» – *дидем*. (Через некоторое время, немного отдохнув, весь дрожа как от лихорадки, готовый разорвать Сибгата, я спросил: «Что это такое?») (А. Шамов); *Бәлки, Мәрданша да, күз явын алырдай кызга өйләнгәч, бәхетенән матурланып китәрмен дип уйлыйдыр...* (Возможно, и Марданша думает, что если жениться на очень красивой девушке, то и сам станешь краше.) (З. Хаким); *Шулай диде дә, болар, тагын җан дуслардай җитәкләшеп, каядыр китеп бардылар*. (Сказав это, они куда-то пошли, держась рука за руку, как друзья не разлей вода.) (А. Тимергалин);

4) фразеологизмы, выражающие значение места действия: *ике адым җирдә* (в двух шагах); *Каф таулары артында* (букв. за горами Каф, очень далеко); *җәһәннәм тишегендә* (у чёрта на куличках); *борын төбендә / борын астында* (под носом); *кош очмас җирдән*. Например, *Каф таулары артына качарсың шуларны күрмәс өчен, Раббым Аллам*. (О Раббым Аллам, чтобы не видеть все это, хочется убежать очень далеко.) (Н. Гиматдинова);

5) фразеологизмы, передающие значение времени: *бер таңнан икенче таңга кадәр* (от зари до зари); *жиде төн уртасында* (посреди ночи); *өченче этәчкә кадәр* (до третьих петухов); *бер дә бер көнне* (однажды); *бер дә бер заманны* (давным-давно); *биш былтыр* (давным-давно); *бүгенгесе көнне* (сегодня); *бүген таңда* (с сегодняшней зарёй); *кояш күзендә* (на заре); *кояш сөңге бие күтәрелгәч* (ни свет ни заря); *таң тишегеннән* (спозаранку); *әби патша заманында* (при царе Горохе, в давние времена); *әче таңнан* (спозаранку). Контекст использования: «**Таң тишегеннән** кая бара икән бу кызый актыгы?» – *дип мыгырданган әле Миннахмәт*. (Миннахмет пробормотал: «Куда же отправилась эта девица спозаранку?») (А. Гилязов); **Таң күзеннән** кая кузгалган икән? (Куда же отправился с зарёй?) (А. Гаффар).

К группе глагольных словосочетаний относятся фразеологизмы с предикативным словом *юк* в конце: *уемда да юк* (и не думаю); *әллә бар, әллә юк* (то ли есть, то ли нет); *имгә дә юк* (совершенно нет, ничего нет); *бүген бар, иртәгә юк* (сегодня есть, завтра нет); *дәрт бар, дәрман юк* (дух бодр, плоть немощна); *ерак китәсе юк* (далеко ходить не надо); *исеме бар, жисеме юк* (одно только название); *кагарга казыгы, ашарга азыгы юк* (ни кола ни двора). Например, *Мин аны юньләп аңламадым да бугай... Гомумән, миңа дөнъя әллә бар иде, әллә юк иде*. (Вроде я толком и не понял... Вообще, мир для меня был не важен совсем, то ли был, то ли нет.) (Г. Ибрагимов)

Кроме того, в татарском языке встречаются фразеологические выражения, которые нельзя рассматривать как словосочетания, согласно нормам традиционного синтаксиса. Среди них немало шаблонных единиц типа самостоятельное слово + послелог / послеложные слова. Например, *көне белән* (в тот же день); *кырык кат* (много раз); *йөз тапкыр* (сто раз); *бернигә дә карамастан* (невзирая ни на что); *дөнъя читендә* (на краю света). В контексте они встречаются в следующей форме: *Мин, туган, шуны таптым; шуның эченә баш-аягым белән чумдым*. (Я, товарищ мой, нашёл это; и с головой погрузился.) (Г. Ибрагимов); *Ул заманнарда солдатларны **жңир читенә** жңибәргәннәр имеш, диләр*. (Говорят, что в эти времена солдат отправляли на край света.) (Г. Ибрагимов); *Шәһадәтнамә кулыма кәргәннән бирле, мин аны **мең тапкыр** укыган, анда ни барын яттан ук белгән идем*. (С того времени, как мне в руки попало свидетельство, я его тысячу раз прочитал, даже знал наизусть его содержание.) (Г. Ибрагимов); *Аның кендек әбисе булган Бәдри карчык **мең дә беренче мартәбә** үзенең зарын, хәйрәтен сөйли*. (Старуха Бадри, являющаяся его повитухой, в тысячу первый раз делилась своими переживаниями.) (Г. Ибрагимов); *Мин алай-болай сүз ишетсәм, мәсьәләне **кабырчасы белән** куюрмын*. (Если что-то услышу, я поставлю вопрос ребром.) (Х. Ибрагим)

Фразеологизмы, оканчивающиеся на *кебек* (как), *төсле* (подобно), *кадар* (сколько, вплоть до) выражают сравнение: *аю кебек* (как медведь); *гернадыр кебек* (как гренадёр); *кура жылгае күк* (как малина); *үгез кебек* (как бык); *сөлек кебек* (букв. как пиявка, стройный как лань); *тул кебек* (как мяч); *эт кебек* (как собака); *куян кебек* (как заяц). Например: *Ул – шушы сөлек кебек егетнең әнисе бит!* (Она же мать этого стройного юноши) (А. Еники).

В фразеологизмах в форме предложения устанавливается связь между подлежащим и сказуемым. Среди них имеются одно- или двусоставные предложения, по структуре простые и составные: *авызыннан энҗе тугела* (из уст сыпятся жемчуга); *икесе бер кашыктан ашый* (едят с одной ложки); *ике күзе генә калган* (остались одни глаза (от истощения, горя и т. д.)); *ике арага кара мәче керү* (чёрная кошка пробежала (между кем)); *бездә акча бер букча* (у нас денег куры не клюют); *бер дә килмәгән җире юк* (хорош во всех отношениях); *кулыннан килмәгән эше юк* (мастер на все руки); *үз сүзенә үзе хуҗа* (хозяин своему слову) – простые, двусоставные, полные предложения; *берәү таба, бишәү каба* (один находит, пятеро съедают); *алты аласым юк, биш бирәсем юк* (не иметь дела с кем-либо); *убыр китте – урыны калды* (нечисть ушла – её место осталось) – ряд сложных предложений; *ботыннан тотып селкесәң, авызыннан бер әлиф төшмәс* (из него ничего не выйдет); *эченә сәнәк белән төртсәң, бер тамчы каны чыкмас* (даже если проткнёшь его вилами, не прольётся ни капли крови); *син болай ашасаң, унике башлы тегермән дә җитмәс* (если ты будешь столько есть, не хватит и мельницы с 12 крыльями) – сложноподчинённые предложения. Например, *Абау, харап икәнсең син, Мәхдүм! Юаши кына булсаң да, бер кызсаң, авызыңнан ут чыга икән.* (Ой, какой ты оказывается, Махмуд! Даже если ты мягкий, но если заведёшься, языком всех сожжёшь.) (Г. Ибрагимов); *Нуретдингә, кем әйтмешли, ике дөнъя – бер морҗа дигәндәй, Су анасы да, алтын да кирәк түгел иде.* (Нуретдину, как говорится, море по колено, не были нужны ни водяная, ни золото.) (З. Хаким); *Техникум янына килеп җиткәндә, йөрәгем табан астына төшеп китте – эскәмиядә Арнольд утыра иде.* (Когда я подходил к техникуму, моя душа в пятки ушла – на скамейке сидел Арнольд.) (З. Хаким)

Фразеологические выражения, имеющие структуру предложения, могут не только входить в состав предложения, но и выступать отдельными предложениями: *Алмагачның алмасы ерак төшми, диләр, бик шәп булган инде.* (Говорят, яблоко от яблони недалеко падает, но все благополучно окончилось.) (Г. Тулумбай); *Ботыннан тотып селкесәң, авызыннан бер әлиф төшмәслек карчыклар безгә акыл саталар.* (Нас учат уму-разуму совсем безграмотные старухи, из которых, если даже потрясти, не выйдет ничего.) (М. Амир); *Аны мин сиңа үзем алып киләм. Ә каян алачагымны*

син сорама, мин айтмим. (Это я сам тебе принесу. Где его возьму, не спрашивай, я не скажу.) (В. Нуруллин); **Инде узган эшкә салават.** (Кто старое помянет, тому глаз вон.) (Из периодической печати)

Кроме того, в диалогах встречаются фразеологические выражения, которые используются либо в качестве вводного слова, либо в качестве готового ответа, они имеют форму словосочетания или предложения: *бер сүз белән айткәндә* (одним словом (говоря)); *иллалла, кырык (жиде) мулла (хәйлә) белән* (красиво говоря); *эи юктан бер эш дигәндәй* (от нечего делать); *шуньң белән беррәттән* (вместе с тем); *озын сүзнең кыскасы* (короче говоря); *тора торгач бер амин* (вот тебе на!); *анысы бер хәл* (не в том дело); *анысы аның бер хәер* (это совсем другое); *икенче төрле айткәндә* (иначе говоря); *икенче сүз белән айткәндә* (говоря другими словами); *кызым сиңа айтәм, киленем син тыңла* (дочка, тебе говорю, невестка, ты слушай); *ие бит* (да, ведь); *ие шул* (так ведь); *айтәсе дә юк* (и не говори!); *айтәм аны* (то-то, как я погляжу). **Кем айтмешли, без дигәнчә генә дә бармый, сез дигәнчә генә дә бармас бу дөньялар.** (Как говорится, не все идёт по плану, а также не будет идти и не по-нашему и не по-вашему.) (Из периодической печати).

Следовательно, грамматический строй фразеологических высказываний близок к грамматическим нормам живого разговорного языка. Правда, как уже было сказано, это соотношение условное. Фразеологические единицы, как элементы общей грамматической системы, подчиняются законам грамматического строя, но отличаются от свободных синтаксических форм содержанием, смысловой целостностью, образностью, устойчивыми синтаксическими связями. По этой причине во фразеологических высказываниях своеобразно отражаются как лексические, так и грамматические нормы языка.

§ 54. Семантические и структурные изменения фразеологических выражений в речи

Основные признаки фразеологизмов – употребление их в языке в готовом виде, устойчивость структуры и лексического состава. Действительно, в татарском языке некоторые устойчивые словосочетания и предложения являются грамматически «застывшими», т. е. невозможно заменить или исключить их компоненты, или добавить новое слово. Прежде всего, это относится к фразеологизмам. Например, неестественно употреблять фразеологизмы *биш былтыр* (букв. пятикратный прошлый год, давным-давно), меняя их компоненты: *алты былтыр*, *былтыр биш*, *биш һәм алты былтыр*. Так, фразеологизмы *киләп сарып йөрү* (ходить вокруг сновального стана, ходить взад-вперёд, гонять лодыря); *салам сыйрак* (ноги как спички); *ис киту* (диву давиться, восхищаться); *ә дигәнче* (не успев сказать «а»),

мгновенно); *пыр тузу* (разлететься в пух и прах); *биш бармак кебек* (как пять пальцев); *кырт кисеп* (в категоричной форме); *чыбык очы* (дальний родственник, седьмая вода на киселе); *трай тибү* (гонять лодыря); *мур кыргыры* (пропади ты пропадом); *буа буарлык* (хоть мост мости) и др. употребляются в различных контекстах без изменения. Такие фразеологизмы, сохраняющие свой, присущий только им смысл без изменений, называются традиционными фразеологизмами. Но правда, наблюдаются случаи, когда некоторые фразеологизмы в языке определённого автора подвергаются некоторым изменениям в семантическом и грамматическом отношениях.

Как указывает С. Ш. Поварисов, «Вопрос о том, может ли добавленный в ядро (к основному слову) фразеологического высказывания элемент стать его компонентом или нет, требует специального изучения. Писатель, конечно, этого не учитывает. Он не думает о том, что в этом месте можно использовать фразеологизмы, сравнения, метафоры. Для описания портрета героя, выяснения его внутреннего мира, сопоставления событий ему необходимо образное слово. Как бы то ни было, расширение фразеологических выражений часто встречается как в народном языке, так и в литературных произведениях. Безусловно, это явление связано с развитием человеческого мышления, культуры речи, общества, поэтому внутренний смысл добавленного элемента связан не только с идейным содержанием произведения, но и с историческими событиями» (Поварисов, 1982: 66–67). Это значит, что татарские писатели не ограничиваются готовыми фразеологизмами, а трансформируют их. Внедрение в традиционные выражения духа новизны есть важная работа для мастеров слова, именно в этом и раскрывается их профессиональное и художественное мастерство. Конечно, изменения не должны наносить ущерб национальному духу языка, его внутренним канонам.

Изменения фразеологизмов наблюдается в единицах, имеющих более слабую связь компонентов, близких к свободным словосочетаниям.

В науке они называются трансформированными фразеологизмами или изменёнными фразеологическими выражениями.

Творческое преобразование народных выражений в художественной литературе восходит к глубокой древности. Например, оборот речи *дәрт бар, дарман юк* (дух бодр, плоть немощна) Кул Гали использует в своём знаменитом произведении в значении «Эту плоть никакой дух не может взбодрить». Множество подобных изменений и у Кутба в «Хосров и Ширин». Например, в стихотворных строках:

*Йокы күздин, сабыр китте күңелдин,
Яшь урнына кара каннар түгелде –*

күздән йокы китте означает, что беспокоясь, он не может заснуть.

В фрагменте

*Исемем шулкадәр булгач шикәрле,
Тигезләр ул телем ачы икәнне –*

ачы телле определяет злого на язык, язвительного человека.

*Ишәк миен ашаган бер өметсез,
Гаять ямьсез, ачы сүзле вә битсез.*

Здесь *ишәк миен ашаган* имеет форму оскорбления. В современном языке активно используется его синоним *тавык мие эчкән* в значении «глупый, бестолковый».

*Алтынбуга атлы остазым мәрхүм,
Теле бай һәм татлы, саф күңел галим.*

В данном отрывке фразеологизм *теле татлы* означает следующее: чтобы добиться злого умысла, сладким языком подлизываясь, герой мстит обманщику.

*Шикәрен татмыйча, камышка бакма,
Наданнар сүзе буш, син бушка бакма.*

В данном контексте фразеологизм *буш сүз* означает «глупое, бессмысленное слово, вздор, чушь, ложь».

Фразеологическое высказывание может быть расширено за счёт добавления в его состав какого-либо слова, что обычно не вредит основному смыслу, а лишь вносит оттенки. Например, в предложении «*Тагын ат сыртын каезларга килдеңме, егеткәем?*» – *дип, күзләре белән каиш астыннан сөзеп кенә каршылыгый аны Фәтхерахман карт.* («Пришёл снова бить лошадь, дружок?») – встретил его старик Фатхирахман, посмотрев исподлобья) (В. Имамов) выражение *каиш астыннан карау* расширяется за счёт нового слова. И, несмотря на то, что основной смысл (опустив брови, смотреть как на постороннего) не изменился, но есть оттенки, которые позволяют более сильной передаче авторской мысли. Ниже приведены примеры трансформированных фразеологизмов в их сравнении с первоисточниками.

Әйдә, монда суган әкиятә сатып, корыны бушка әйләндереп утырмайк әле без. (Давайте, здесь не будем молотить чепуху и переводить зря время) (В. Имамов); *Авызы чамасыз нык пешкән иде Луизаның.* (Луиза сильно обожглась в этом деле.) (А. Гилязов); *Лаеш шулпасының иң әчесен бергә-бергә эчкән чордашлар.* (Сверстники, познавшие, почём фунт лиха.) (А. Гилязов); *Без әлеге макаләне, әлбәттә, алдан һични белмәгән килеш, (э «Болгар номерлары» сүтелергә атна-ун көн генә калган икән), газетада кабат бастырттык. Кырмыска оясына тагын бер таяк тыгасы килгәнгә түгел.* (Эту статью, ничего не подозревая, мы, конечно же, опубликовали снова. Не оттого, что хотели разворошить муравейник.) (Из периодической печати)

Добавление слов в структуру фразеологизма создаёт впечатление, что конструкция внешне (формально) кажется разорванной, распавшейся. Но такое расположение компонентов не вредит его смыслу. В результате наличие дополнительных слов, способных в разных контекстах изменяться по-разному, рассматривается как одно из проявлений современного языка (Мустафина, 2000: 92).

Длительно употребляясь в речи, фразеологизмы могут «сужаться», то есть исключать тот или иной компонент. В результате сокращения лексического состава фразеологических высказываний образуются эллиптические формы или факультативные компоненты. Полные и эллиптические варианты фразеологизмов используются в языке параллельно, поскольку от пропуска компонентов смысл фразеологического выражения, оставаясь неизменным, обычно не страдает. Как правило, у фразеологизмов сокращается вторая часть: *типсә тимер өзәрлек, басса бакыр изәрлек* (букв. если пнёт, то порвет железо, если наступит, то раздавит медь); *ул да тумас, кыз да тумас, туса да тормас* (и сын не родится, и дочь не родится, а если и родятся, то не выживут); *чиләгенә күрә капкачы, тәресенә күрә тактасы* (по ведру и крышка, каков крест, такова и доска); *дөнъясы түгәрәк, тормышы бөтен* (букв. мир круглый, жизнь полнокровная); *ике чабата бер кием, икесе дә бер тиен* (букв. два лаптя – одна пара обуви, оба вместе стоят копейку) и др. Если в составе фразеологизма нет тождественных друг другу частей, то возможность сокращения может быть ограничена. Факультативным можно назвать и тот компонент фразеологизма, который выпадает без ущерба для его смысла.

В современном языке, в зависимости от активности использования фразеологизма, компонент, считающийся «избыточным», подвергается сокращению, но фразеологическое высказывание не теряет смысл и без него. Чаще сокращаются частицы, послелого, зависимые слова, числа, имя прилагательное и слова, словосочетания и предложения, которые не являются центральными. Например: *(бишкә) ярылырдай булу* (готов разорваться (на пять частей)); *алдыңнан артың (артык)* (скатертью дорога); *башка (күсәк белән) суккандай булу* (словно (обухом) по голове ударили); *кулыннан (пычак та) килми* (ты (ни черта) не можешь); *барыннан югы (артык)* (лучше) пусть не будет, чем будет такое); *тиле бәрән орлыгы ашаган (сарык кебек)* (словно белены объелся); *исәнме, кодагың (ата казың йомырка саламы?)* (здравствуй, сватья, (твой гусак несёт ли яйца?) и др.

Рассмотрим использование данного вида фразеологизмов в контексте: *Низамига азрак салам кыстырып әсчибәрү өчен булса кирәк: – Анысын шулаен шулай да, ләкин бит, Низами абый, синең шикелле кешеләр бу заманда үзе дә бик сирәк шул ул.* (Немного поддакивая Низами: – Это уж

действительно так, Низами абый, такие люди, как ты, сейчас уже большая редкость.) (С. Джалил) – *салам якка салны кыстыру* изменённый фразеологизм; *Әйе, тиккәч тимер өзәрлек егет идем мин.* (Действительно, я был молодцем, что гора.) (А. Шамов) Замена лексического компонента другим словом обновляет фразеологические высказывания лексически и стилистически, что способствует созданию нового образа. Примеры: *Миңнехан, энесе белән күрешкәннән бирле, һәр минутта үзен энәләр өстендә йөргәндәй хис итеш килсә дә, Хәйдәрнең бу җавабын ишеткән, тәмам коелып төште.* (После встречи с младшим братом, Миннехан каждую минуту был как на иголках, а когда услышал ответ Хайдара, и вовсе поник.) (В. Имамов).

Термин «контаминация» определяется как «слияние, смешение» и означает, что фразеологические высказывания употребляются как единое целое путём соединения в одном контексте двух или нескольких фразеологизмов, и такие выражения называют контаминированными фразеологизмами. Например, *Авызыңны ерма, карт төлке! Арт сабагыңны тыңлатырга хәзер дә кыйбат алмам.* (Не слишком разевай рот, старый лис! Я не возьму много и проучу тебя.) (А. Шамов) – употребление фразеологизмов *арт сабагыңны укыту* и *кыйбат алмау* в одном контексте; *күрмисезмени, авызың ничек ерган, колакларыңа җиткән.* (Не видите разве, как он разевает рот до ушей.) (А. Шамов) – сочетание *авыз еру* и *авызың колагыңа җитү*; *Кайтып та, күңелләргә май булып сеңәрдәй җылы сүз катканы юк.* (Даже вернувшись, не сказал ни одного доброго слова.) (Х. Сарьян) – *күңелгә май булып сеңү* и *җылы сүз*; *«Алай була күрмәсен! Тавыгыгыз күркә булып күренсә, сыерлары фил хәтле икән дип кайтыр китәр ул», – дип көлдә Зөбәрҗәт.* («Пусть уж так не будет. Скажет, что курица как индюк, корова как слон, и домой уйдёт».) (А. Гилязов) – смешение устойчивых сочетаний *тавыгы күркә булып күренү* и *сыеры фил булып күренү*.

Ещё один стилистический приём, который приводит к изменению фразеологизмов, – это нарушение целостности его образа. Этот приём может быть реализован двумя способами. В первом случае происходит переход фразеологических выражений в свободные словосочетания. При этом устойчивое словосочетание сохраняет свою форму, но теряет в контексте метафоризм и начинает употребляться в прямом смысле. Появляются каламбуры, основанные на омонимии фразеологизмов и свободных словосочетаний. Например: *Авызы бер пешеп карамыйча, кайнар ашны өрпкәнә кабарга кирәклеген кеше каян белсен?* (Как же человек, не обжёгшись, узнает, что потом будет дуть и на холодное молоко?) (В. Имамов)

Во втором случае фразеологизм используется в ином, не свойственном ему значении. Например, во фразеологизме *Миләр катып калган,*

аларны кыймылдатмаганга өч-дүрт ай. (Уже мозги затвердели, прошло три-четыре месяца, как они не использовались.) (М. Магдиев) выражение *миләр катып калган*, хотя и означает «утомиться от долгих размышлений», в приведённой фразе имеет прямо противоположный смысл.

Разрушение образного смысла фразеологизмов, как видим, не наносит ущерба их лексико-грамматическому составу, при сохранении внешней формы внутренняя форма звучит по-новому.

Мы рассмотрели традиционные, трансформированные фразеологические выражения. Наряду с использованием готовых, созданных народом фразеологических выражений, писатели и сами создают новые. Высказывания, возникающие в процессе их творчества, называются индивидуальными фразеологизмами. Мастера слова используют фразеологические выражения в соответствии с идейным содержанием произведения, способствуя раскрытию внутреннего мира персонажей, в зависимости от жанра и других стилистических целей. Например, в произведениях Н. Гиматдиновой представлено значительное количество подобных фразеологических выражений. В предложении *Дания ханымны күрсә, чылбырыннан ычкына, ди.* (Говорят, как только он увидит Данию-ханум, будто срывается с цепи.) фразеологизм *чылбырыннан ычкыну* появился на базе семантики единицы *бәйдән ычкыган эт кебек*, но с изменённой структурой. – *Әлеге дә баягы сарык башы пешерәсез. Нинди надан Тынсу кешеләре сез!* (Каждый раз варите одну и ту же голову барана. Какие же вы идиоты!). Приведённая единица появилась по аналогии с единицей *бер балык башын чәйнәү* и имеет то же значение – постоянно повторять одну и ту же вещь, одно и то же слово. *Шәрәфнең теленнән бал тамызып сөйләшүе кызны куркуга гына салды.* (Девушку насторожило, что Шарафи так сладко говорит.) – *Их сине, балакай! Күзең бәйләнгән килеш аксак атка атлангансың икән.* (Ах ты, малец-молодец! Вскокиваешь на хромого лошадь с завязанными глазами.) – *Шәрәф бу юлысы бүрәнә тәгәрәтмәс, шәт? Алдын-артын уйлап тормыйча, ялангач кул белән утлы күмер соскан дуамал ир өчен Галия җавап бирергә тиеш икән ләбаса!* (Надеюсь, Шарафи в этот раз не будет катить брёвна. Оказалось, что и за легкомысленного, не думающего о последствиях, очень вспыльчивого мужчину должна отвечать Галия.)

Семантически или структурно изменённое употребление фразеологизмов в речи и письме позволяет определить стилистические особенности, присущие авторскому языку, указывает на писательское мастерство, которое проявляется в умелом использовании изобразительных средств. Кроме того, подобные трансформации фразеологических выражений, игра слов – это не только внешне эффектный стилистический приём, но и способ раскрытия идейного содержания произведения, его сюжетно-

композиционной организации, внутреннего мира героев. И, безусловно, все это требует не только высокого мастерства, но и осторожности.

Итак, обобщая сведения о фразеологии как особом разделе языкознания, заметим, что фразеология татарского языка, как и её лексика, представляет собой целостную систему с присущей ей самостоятельностью, автономностью. Являясь при этом неотъемлемой частью сложной языковой системы, фразеологизмы отличаются, с одной стороны, от слов, с другой – от свободных словосочетаний и предложений. Объектом изучения фразеологии являются единицы, имеющие переносное значение, семантически целостные, а также по составу и структурно, устойчивые, употребляемые в речи в готовом виде, характеризующиеся такими качествами, как образность, наглядность, экспрессивность. Имея форму словосочетания или предложения, они характеризуются определёнными структурно-морфологическими и синтаксическими особенностями.

Фразеология как лингвистическая дисциплина изучает не только отдельные явления фразеологического характера, но и фразеологическую систему языка в целом. Эта система рассматривается во взаимосвязи с такими отраслями языкознания, как лексикология, фонетика, морфология, синтаксис, характеризуется определёнными категориальными признаками (парадигмами). Фразеологизмы отличаются друг от друга по историко-генетическим признакам, лексическому составу, уровню смыслограмматического сочетания компонентов, тематике, стилистическим функциям и оформлению, лексико-грамматическим значениям и синтаксическим возможностям. Кроме того, подобно словам, фразеологические выражения могут быть одно- и многозначными, состоять в синонимических, антонимических и омонимических отношениях. Кстати, возможность образования синонимических вариантов фразеологизмов – один из самых продуктивных способов обогащения татарской фразеологии.

Фразеологический фонд татарского языка непрерывно развивается и меняется, что обусловлено, во-первых, пополнением словарного состава языка, во-вторых, рождением новых метафорических образов. Образование фразеологизмов тесно связано с историей народа, его культурой, бытом, обычаями, верованиями, условиями жизни, духовными устремлениями, отношением к действительности, эстетическим идеалам.

Использование фразеологических единиц повышает эмоциональную силу языка, возможности эстетического воздействия. Фразеологизмы, являясь важным стилистическим средством достижения остроты мысли, краткости речи, способствуют усилению идеи, значимости и силе воздействия литературных, политических, публицистических и других произведений, а также типов речи.

ЭТИМОЛОГИЯ

§ 55. История изучения этимологии в тюркологии и в татарском языкознании

Созданный Stoиками ещё в античную эпоху термин *этимология* основывался на объяснении происхождения слов с опорой на их сходство по форме с народной этимологией, и потому не имел научного обоснования.

Научная этимология возникла вместе со сравнительно-историческим языкознанием в отношении к индоевропейским языкам. Изучение звуковых сходств, составляющих основу сравнительно-исторического языкознания и связанных с ними фонетических закономерностей, установление на их основе сходств в отдельных языках и опора на них при выяснении родства языков происходила в результате этимологических исследований. В свою очередь именно фонетические и другие закономерности служили методологическим фундаментом для этимологии.

В общем языкознании первым научно-теоретическим трудом по этимологии является двухтомник А. Ф. Потта «Этимологические исследования в области индогерманских языков», изданный в 1833–1836 годах. В качестве основных этапов развития этимологии как науки выделяют следующие основные этапы:

- определение значения диалектов и разработка метода географической лингвистики;
- изучение смыслового развития слова, лексики в рамках семантических полей;
- осмысление взаимосвязи явлений действительности;
- развитие методов изучения лексических единиц в связи с историей и культурой народа;
- активизация изучения первичных форм слов, их эволюции, истории.

В XX веке в этимологической науке начинают широко применяться и структурные принципы. При этимологическом анализе учитываются объединения слов в различные семантические, лексико-грамматические, корневые и морфемные группы, системообразующие принципы их сходства, противоположности, ассоциации и т. д. Выявление первичных корней и реконструкция слова в целом, а также явлений, не нашедших широкого распространения в языке, в дальнейшем стали основой для изучения этимологии каждого слова.

Со второй половины XX века этимологические изыскания приобретают всё больший размах, начинается постепенное развитие исторического словообразования, которое дополняется новыми методами, приёмами и принципами исследования. Именно в этот период в тюркском языкознании растёт внимание к составлению этимологических словарей.

В области изучения этимологии тюркских языков и составления словарей особое место занимают труды Э. В. Севортыяна. В 1974 году учёный издаёт «Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские, межтюркские основы на гласных)» (Севортыян, 1974: 767). В 1978 году выходит в свет очередной том этого словаря на букву «Б» (Севортыян, 1978: 350), в 1980 году – на буквы «В», «Г», «Д» (Севортыян, 1978: 395). В 1989 году издаётся том «Общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й», авторами которого выступают Э. В. Севортыян и Л. С. Левитская (Севортыян, 1989: 292).

В работе Э. В. Севортыяна «Этимологический словарь тюркских языков» этимология слов во многом объясняется их значениями на всех тюркских языках. В этом смысле словарь выгодно отличается от всех других трудов использованием сравнительно-исторического метода.

К более ранним работам по этимологии относится составленный финским учёным Арво Мартти Рясаненом «Этимологический словарь тюркских языков» (Räsänen, 1969: 382).

Разработками в данной области активно занимались и продолжают заниматься Г. Ф. Благова, Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. Так, под руководством А. В. Дыбо опубликовано несколько этимологических словарей алтайских и тюркских языков (Дыбо, 2000; 2003; 2013).

Что касается словарей отдельных тюркских языков, то в настоящее время существуют специально разработанные этимологические словари татарского (Әхмәтьянов, 2001, 2015), чувашского (Егоров, 1964; Федотов, 1996), туркменского (Мухамедова, 1973), казахского (Казах..., 1966), киргизского (Сейдакматов, 1988), турецкого (Eren, 1999), узбекского (Рахматуллаев, 2000, 2003, 2009), тувинского (Татаринцев, 2000, 2002, 2004 2008), якутского (Попов, 2003) языков.

Если первые труды по татарской этимологии появились в начале XX века, то начало её систематического изучения приходится на 50–60-е годы XX века, когда в языкознании началась последовательная работа в области этимологии. В этом плане велика роль Р. Г. Ахметьянова, который сумел поднять этимологическое направление на научный уровень.

В 1970 году Р. Г. Ахметьянов защищает кандидатскую диссертацию на тему «Этимологические основы лексики татарского языка». В ходе своей деятельности учёный освещает актуальные вопросы этимологии.

В частности, в труде «Об историзме в этимологии», говоря о связи этимологии с историей, автор пишет следующее: «Этимология не может достоверно раскрыть происхождение лексической единицы без исторического знания» (Ахметьянов, 1985: 67–70).

Ещё одним важным трудом учёного в области этимологии является работа «Принципы этимологических исследований в области татарской лексики» (Ахметьянов, 1970: 93–101), которая сыграла значительную роль в начале этимологических изысканий происхождения татарской лексики. Учёный предлагает два принципа, которые ставятся, прежде всего, перед всеми научными исследованиями по этимологии: 1) более широкое, полное накопление материала, 2) его систематизация и обобщение (там же). Основными принципами этимологии Р. Г. Ахметьянов называет: 1) учёт фонетических изменений, 2) умение правильно находить смысловые изменения, 3) опора на присущие языку видоизменения и способы словообразования. То есть он предлагает опираться на фонетический, семантический и морфологический принципы.

В трудах, выполненных в аспекте сравнительно-исторического языкознания, можно найти достаточно материала, относящегося к важнейшим областям этимологии. Изучение отдельных лексико-семантических, тематических групп, групп, основанных на фонетическом, грамматическом и словообразовательном сходстве слова, вопросы выявления отношения лексики, используемой в диалектах и говорах, к древнетюркскому языку и другим родственным и неродственным языкам, их анализ в развитии отражается в трудах Л. Заляя, В. Х. Хакова, Л. Т. Махмутовой, Д. Г. Тумашевой, Ф. М. Хисамовой, Ф. А. Ганиева, Ф. Ю. Юсупова, А. Г. Шайхулова, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой, Ф. Ф. Гаффаровой, Ф. Ш. Нуриевой, Э. Х. Кадыровой, А. Р. Рахимовой, Х. Х. Кузьминой, Р. Т. Сафарова, Г. Ч. Файзуллиной и др.

Особого внимания в этимологическом ключе заслуживают взгляды Р. А. Мустафина, И. Г. Добродомова, А. Г. Каримуллина, Р. Ф. Мухаметдинова, А. К. Тимергалина, Ф. С. Фасеева, Ф. С. Хакимзянова и др.

Материалы по этимологии тюркских языков встречаются и в трудах по ономастике, которые являются результатом довольно тщательных исследований всех тюркских языков. Так, Н. А. Баскаков в своём труде «Русские фамилии тюркского происхождения» (М., 1971) даёт этимологическое объяснение 500 именам и фамилиям.

Среди татарских учёных, оставивших значительный след в области ономастики, признан Г. Ф. Саттаров, в работах которого представлен этимологический анализ многих топонимов («Путешествие в мир имён» (1992), «Татарская топонимия» (1998)) и личных имён («Словарь личных

имён» (1981), «Кем дано твоё прекрасное имя?» (1989), «О чём говорят татарские имена» (1998), «Татарские имена: толковый словарь» (2019)).

В области этимологического анализа ономастических единиц особое место занимает и деятельность Ф. Г. Гариповой: в опубликованных словарях и монографических трудах по татарской топонимии и гидронимии проводится историко-этимологический анализ имён собственных (Гарипова, 1984, 1990, 1991, 1994, 2003, 2017 и др.).

Этимологический анализ ономастических единиц был проведён в работах Л. Ш. Арсланова, Х. Ч. Алишиной, З. Ф. Ахатовой, Р. Г. Ахметьянова, И. Ф. Габдуллина, Г. Р. Галиуллиной, Ф. Ф. Гаффаровой, Р. И. Куряевой, Ф. Л. Мазитовой, Р. Нугмани, С. Ш. Поварисова, А. Ю. Фильковой, Г. К. Хадиевой, О. Р. Хисамова, А. Г. Шайхулова и др.

Необходимо отметить деятельность академика М. З. Закиева в данной области. В его трудах даётся этимологический анализ многих языковых единиц («Происхождение тюрков и татар» (2003), «Türklerin ve tatarların kökeni» (2006) и др.). Этимологический анализ этнонимов и топонимов разработан более подробно и системно в работе учёного «История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие)» (2008) и развит до научного направления под названием «лингвистическая археология».

Таким образом, в тюркологии, в том числе и в татарском языкознании, этимология является одним из наиболее активно разрабатываемых областей. Как показывает представленный краткий обзор, данная научная область имеет ряд важнейших достижений как в теоретическом, так и в практическом аспектах. Это подтверждает ряд монографических работ по этимологическим исследованиям, включая отдельный раздел, посвящённый этимологии в первом томе «Лексикологии татарского языка» (2015), а также двухтомный этимологический словарь Р. Г. Ахметьянова, который является наиболее полным на сегодняшний день среди словарей тюркских языков.

§ 56. Общие сведения об этимологии

Этимология (от греч. *etymon* – истина и *logos* – слово, учение) употребляется в трёх значениях:

- 1) раздел языкознания, изучающий происхождение слов;
- 2) совокупность исследовательских приёмов, направленных на раскрытие происхождения слова, а также сам результат этого раскрытия;
- 3) происхождение слова (Лингв. энцикл., 2000: 596).

Само слово *этимон* в современной науке определяется как «первоначальное значение и форма слова» (там же: 597).

С тех пор, как возникла традиция исследовать происхождение слов и составлять этимологические словари, расширился и объект изучения

этимологии: изучение происхождения не столько слов, сколько словарного состава, а также реконструкция словарного состава древнего языка.

Другим направлением, расширяющим объект исследования этимологии, является возможность изучения происхождения не только слов, но и их морфем – корня, основы, аффикса. Изучение происхождения аффиксов означает *исследование происхождения морфологической категории*. В последние годы возросло внимание и к происхождению синтаксических моделей. Учёные, работающие в этом направлении, пользуются также термином «этимология синтаксических категорий». Не чуждо этимологии изучение истории возникновения того или иного звука в языке, и потому употребление термина *этимология звука* не является чем-то инородным для лингвистики. Следовательно, этимологию можно назвать наукой об истории формирования лингвистической единицы.

Таким образом, сформировавшаяся внутри лексикологии этимология стала практически самостоятельным разделом языкознания, но поскольку при её зарождении на первый план выдвигалось изучение происхождения слов, то и рассмотрение этимологии как науки продолжается в рамках лексикологии.

В современном языкознании этимология определяется как наука, изучающая историю словосочетаний и фразеологизмов, происхождение которых не объясняется правилами современного (синхронного) словообразования. Однако на практике объектом этимологии называют и простые, не выделяемые с точки зрения современного языка, морфемы. Таким образом, объектами этимологических исследований становятся:

- а) простые морфемы;
- б) основы, состоящие из двух или более морфем, но состав которых не ясен с современной точки зрения;
- в) идиомы – словосочетания, значения которых не связаны непосредственно со значениями входящих в их состав слов.

Этимология опирается на общенаучные и специальные (частные) принципы.

К общенаучным принципам относятся: 1) точность, 2) воспроизводимость и проверяемость, 3) логическая строгость в исследовании. Принцип историчности, используемый во всех гуманитарных науках, имеет большое значение и в этимологии. Его основная сущность – рассмотрение явлений действительности в развитии, объект этимологического анализа – модель развития (изменения) существующих слов. Она должна быть понятной, взаимосвязанной на основе определённого исторического факта или закономерностей.

Специальные (частные) принципы – это учёт закономерностей происхождения и истории слова, а именно: 1) фонетических, 2) морфологических, 3) синтаксических и 4) семантических изменений. Не зная этих закономерностей, невозможно реконструировать первоначальную форму слова.

У многих лексических единиц связь между формой и содержанием очевидна. Например, всем носителям языка понятно, что слово *буген* (сегодня) состоит из двух слов *бу* и *көн* (этот и день), поскольку к пониманию приводит значение слова. Также значения таких слова, как: *кульяулык* (носовой платок), *альяпкыч* (передник), *байбикә* (богатая госпожа), *гәлбакча* (цветочный сад), *жылкуар* (ветрогон, ветренный, легкомысленный), *икейөзле* (двуличный), *кулбау* (украшение для рук, цепочка), *кулбаиш* (плечо), *имәнлек* (дубрава), *уен-көлке* (игра-смех, веселье), *эшлекле* (деловой), *эшлексез* (бездельник), *юлбаичы* (путеводитель, наставник, руководитель), *юлдаш* (спутник), *яманатлы* (злой), *өчпочмак* (треугольник) др., позволяют понять их структуру. Следовательно, связь между формами (структурой) и содержанием этих слов не нарушена. Однако история происхождения (то есть этимология) корней и аффиксов, образующих эти слова, не во всех случаях может быть очевидной, и потому этимологию некоторых из них можно узнать или приблизиться к достоверности (истине), только проанализировав их научным путём.

Слово в процессе употребления претерпевает различные фонетические изменения (это свойственно не только исконным словам языка, но и заимствованиям), так как на него влияют либо различные диалекты, либо попытки сделать его более удобным для произношения. Если же слово претерпевает фонетическое изменение, то теряется форма, соответствующая его значению, и для нахождения этой формы (то есть определение происхождения слова) приходится проводить этимологический анализ слова, используя методы, принятые в этимологической науке. Например, в слове *сиксэн* (*сигез-ун*) (восемьдесят) имеется незначительное фонетическое изменение: губной звук [у] во втором слоге утратил свою специфику произношения из-за отсутствия губного звука в корне в анлауте, в результате чего превратился в негубной звук [э]. Слово *сигез / сикес* (восемь – *ун* (десять) приобрело форму *сикесэн*, а позднее краткий [э / е] между [к] и [с] выпал, слоговая структура слова с *сикез-ун* изменилась на *сиксэн*, в результате чего изменилось и ударение. Правильность этого этимологического рассуждения подтверждает и происхождение слова *туксан* (девяносто) от слова *тукыс-ун*. Такие аналогии называются семантическими параллелями, которые играют вспомогательную роль в раскрытии этимологии слов, доказательстве правильности сделанных выводов.

Только с помощью сравнительно-исторического метода, являющегося основным методом этимологии, можно достоверно определить происхождение слова. Этимологические выводы обычно делают на основе сопоставления слов из многочисленных диалектов, говоров и языков, используя сравнительно-исторический метод. Важнейшие из них – слова из родственных языков. Исследователь-этимолог должен хорошо владеть информацией о родственных языках, диалектах анализируемого языка и диалектах родственных с ним языков.

Этимологический анализ обычно проводится в следующем порядке. В первую очередь определяются лингвистические и экстралингвистические особенности исследуемого слова, фиксируются случаи, когда варианты употребления слова в разных языках, в разные исторические периоды отмечались (были замечены) в различных письменных источниках. Только после этого даётся объективная и полная оценка.

В некоторых случаях наблюдается попытка объяснить первичную сущность слова на основе неполного материала или внешнего сходства слов. Такой анализ далёк от научного, и его принято называть термином *народная этимология, псевдоэтимология*. Народной этимологией называют попытку объяснить значение незнакомого слова на основе легко понятных слов. Такая интерпретация часто встречается в живой речи при толковании значений иноязычных слов. Например, *трамвай – утырамбай, тротуар – плитуар*.

Попытка объяснить первоначальную форму и смысл слова с помощью народной этимологии может быть использована в литературном произведении как специальное средство. Например, *Бабайда – зур балалайка, / Оныгында – бик нәни. / – Дорес айтмиләр бит болар, / Болай кирәк бит, әни: / Бала уйный – / Балалайка, / Бабай уйный – / Бабайлайка!* (У деда – большая балалайка, / увнука – очень маленькая. – Ведь это неправда, / надо же так, мама: / ребёнок играет – / Балалайка, / дедушка играет – / Бабайлайка!) (Ш. Галиев) В данном случае сходство внешней формы слова *бала* (ребёнок) и *балалайка* вызывает дальнейшую ассоциацию, переосмысление: *бабай* (дед) – *бабайлайка*.

Данное явление в татарском языке мало изучено и встречается в основном в заимствованиях или же в диалектных словах, когда мотивационно-этимологическая связь с мотивирующим словом, основой не ясна, потеряна или «затемнена». В художественной литературе народная этимология используется в качестве стилистического средства в целях достижения комического эффекта (Сафаров, 2018: 188).

Таким образом, этимология представляет собой достаточно сложную отрасль языкознания. Научно обоснованная этимология способствует вос-

становлению первоначальной формы слова и его морфем, а также всего словарного состава языка.

§ 57. Методы этимологического исследования¹

Этимологический анализ осуществляется на основе специальных методов. К ним относятся внутренняя реконструкция, аналогия (индукция), поиск мостиков и изоглосс (Әхмәтъянов, 2015: 7).

Внутренней реконструкцией называют поиск праязыковых прототипов тех или иных языковых элементов на основании данных одного языка. При этом особое внимание уделяется основе слова, его первичности или производности, взаимодействию морфем в процессе развития слова, связи фонологических и семантических составляющих слова, учитываются фонетические, морфологические, лексические и другие изменения, которые происходили или могли произойти в самом языке. Например, в татарском языке распространены случаи палатализации на основе перехода *a > ә*: *аз > әз* (мало), *ачы > әче* (горько), *акрын > әкрән* (медленно), *байрам > бәйрәм* (праздник), *жай > жәй* (лето). Опираясь на эти фонетические особенности, можно утверждать, что слова *жәнлек < жанлык* (зверь), *тәртә < тарта* (оглобля) (более древняя форма – *тартна*) образовались на основе собственно татарского языка.

В татарском языке часто встречается редукция гласных. Этот факт делает убедительным следующие пояснения слов: *чорма < очырма* (чердак), *терлек < терелек* (скот), *шүрлек < шүрелек* (полка), при этом, конечно, нельзя забывать и о других принципах.

Татарскому языку не чужды явления стяжения словосочетаний. Вероятно, *чабагач < чәп агачы* (*чабагач* ~ цеп), *читек < эч итек* в татарском языке являются примерами гаплогического образования корней.

Также в татарском языке имеются слова, появившиеся в результате исторических семантических изменений. Например, слово *атлама* (стропило) в значении «треугольная опора ската крыши» первоначально обозначало саженный мерник в виде буквы А, с помощью которого измеряли расстояние на земле. Опору такой формы также стали называть *атлама*.

Название *кыек* (в значении *наклонный*) используется для обозначения конструкции, устанавливаемой наклонно к крыше строения. Слово *түшәм* (потолок) означает то, что покрыто, а *түшәү* означает результат действия. Эти смысловые изменения также связаны с бытом, повседневным укладом татарского народа и сложились на базе татарского языка.

¹ Раздел выполнен на основе вводной статьи: Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда / тез. Р. Г. Әхмәтъянов; фәнни мөхәррире Р. Т. Сәфәров. Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015.

Наиболее продуктивно использование морфологических закономерностей во внутренней реконструкции. Следует помнить о словах, образованных от неизвестных корней с помощью известных аффиксов. Выделение таких корней даёт положительные результаты. Например, исходя из слов *шикелле/кебек* (вроде) и диалектного *шикелсез* (без сомнения), можно с уверенностью говорить о том, что в прошлом в татарском языке существовало слово *шикел*, которое восходит к старотатарскому *шәкел* (схема) (в ремесленной лексике – «форма литья металла»). Известно, что основа слова происходит от арабского слова *шакл*. Самое интересное в этом случае то, что переход *a > ә* был присущ в целом кыпчакским языкам. В то же время звук *ә* в татарском языке переходит в *и*. Следовательно, слово *шакл* уже в VII–VIII веках проникло в кыпчакские языки из арабского языка и достаточно рано получило распространение в татарском языке.

Таким образом, встречающиеся в этих словах переходы *a > ә > и* важны также для определения относительной хронологии развития языка.

Интересные примеры, служащие для обозначения древних основ и корней, встречаются и в глаголах. Например, исходя из форм глаголов *юан-у, юат-у*, мы с уверенностью можем утверждать, что в древнем языке существовал глагол *юа-у; йуан* – возвратный залог данного глагола. А *йуат* является понудительным залогом. Таково происхождение и глаголов *уян-* и *уят-* от основного **уя-у*. В современном татарском языке прилагательное *уяу* (бодрствующий, не спящий) употребляется до сих пор.

Внутренняя реконструкция может производиться и на основе древних или устаревших аффиксов. Например, доказательством происхождения слова *бугай* (частица в значении «кажется, как будто, по-видимому, вроде») от *булгай* является семантика аффикса *-кай*, достаточно широко распространённого в древнем письменном языке. В древнетюркских языках (как и в современном чувашском) активно использовался инструментальный падеж с аффиксом *-н*. В современном татарском языке он встречается в следующих случаях: *ялгыз* → *ялгызын* (в значении «одинокий»), *кич* → *кичен* (в значении «вечером»), *иртә* → *иртән* (в значении «утро»). Зная это, мы можем предполагать значения слов: *кырын* ← *кыр* («край»), *саен* (*сайын*) ← *сайы* («число»), *тиген* ← *тик* («просто так, просто») и т. д. Естественно, эти предположения подтверждаются только при сопоставлении диалектного материала и материалов других тюркских языков. Например, слово *сайы* («саен») используется в татарских говорах северного Башкортостана. Однако нельзя утверждать, что каждое наречие или имя прилагательное, оканчивающиеся на *-(а)н/-(е)н*, происходят от инструментального падежа.

Внутренняя реконструкция – начальный и важный этап этимологии, но этим методом нельзя слишком увлекаться. Конечно, поиск этимологии слов родного языка очень созвучен принципу преемственности. Однако в спорных случаях попытка выяснить этимологию слова только на основе родного языка может привести к отклонению от объективности.

Метод аналогии – наиболее эффективный, значимый в этимологических исследованиях. В соответствии с основными принципами этимологии можно выделить следующие группы аналогий: 1) изофонетические, 2) изоморфные, 3) изосемантические. В каждом из них отдельно объясняются изо- (типичные, фреквентальные) явления, присущие как самому языку, так и отдельной группе языков, а затем и всем языкам мира.

Аналогии необходимы для реконструкции ранее неизвестной гипотетической модели развития речи. Возьмём, к примеру, слово *тыкрык* (переулок). Напомним, что в татарском языке существует ряд слов, образованных с помощью аффикса *-к/-ык/-ек*: *боз-* → *боз-ык*, *көй-* → *көек*, *яз-* (юлдан яз-) → *язык* (грех) и др.

Исходя из этой модели словообразования, можно предположить, что слово *тыкыр-ык* произошло от слова *тыкыр*. Однако такого глагола в общенародном татарском языке не существует. Слово не зафиксировано ни в диалектных словарях, ни в словарях родственных и соседних языков. Учитывая то, что в татарском языке частица происходит от интервокального (между двумя слогами) звука *-к-*, можно предположить, что *тыкрык* может происходить от *тыккыр-ык*. В кыпчакских языках мы находим выражение *тыккыр* – «упереться в тупик». Это значит, что *тыккыр-ык* являлось прилагательным в значении «тупиковый», но, претерпев семантические изменения, из разряда прилагательных перешло в разряд имён существительных (ср., например, *ватык* (разбитый и осколок), *кисек* (отрезанный и отрезок) – выражают и качество, и имя).

Метод аналогии имеет фонетические, морфологические и семантические аспекты. Фонетический аспект в данном случае заключается не только в том, что этимологическое объяснение не подчиняется законам фонетического изменения, но и в том, что здесь подразумеваются целые звуковые комплексы, однотипные слова, гаплогруппы. Например, *борынла-у* > *борна-у*, *кешенлә-ү* > *кешнә-ү*, *сарынла-у* («ритуальное песнопение») > *сарна-у*. Исходя из этого можно предположить, что прежней формой слова *тырнау* была форма *тырынла-у*, а глагол *чорна-у* произошёл от формы *чорынла-у*, и искать факты, подтверждающие это. Конечно, нельзя исключать и тот момент, что в подобных аналогичных предположениях вопрос об этимологии может быть решён иначе. Например, исходя из наличия аффикса *-дек/-дык* в названиях *белдек* (знание), *калдык*

(остаток, излишек), *урындык* (стул) и т. д., можно предположить, что и слово *сандык* (сундук) образовано от некоего *сан-*. Однако если рассматривать все возможные параллели со словом *сандык*, то становится ясным, что оно издавна было широко распространено в Западной и Южной Азии (имеется в арабском, персидском и др. языках) и восходит к индоевропейскому слову *самдана* (сандык).

В древнеиндийском языке имя существительное *sam dhana* – *sam* – «все», *dhana* – «емкость, вместилище; то, что помещается внутрь», производное от глагола *dhe* – «поставить, положить»; в древнеперсидском языке к этому слову присоединялось уменьшительное *-к*, которое приобрело форму *санданак*, от которого произошли варианты *сандак*, *сандук*, *сундук* и др. Без этих данных можно было бы предположить, что татарский вариант *сондык* – это «то, что протягивается, подается». На самом деле этот вариант можно объяснить только с опорой на народную этимологию.

Морфологическая аналогия опирается на словообразовательные модели. В этимологии необходимы знания не только современных способов образования слов и их аффиксов и т. п., но и древних. Например, в древних тюркских языках (как и в современном английском) основы существительных (и прилагательных) могли легко переходить в глаголы. Возможно, *куш* (прилагательное) ~ *куш-* (глагол), *ту-* (существительное и прилагательное) ~ *ту-* (глагол), *тын* (прилагательное) ~ *тын-* (глагол), *у* (прилагательное) ~ *у-* (глагол), *шеш* (существительное) ~ *шеш-* (глагол) имеют следы этого проявления, сохранившегося в татарском языке и до наших дней. Подобные знания помогают определить происхождение многих слов.

В древней форме татарского языка (на одном из средних этапов его развития) широко использовались глагольные аффиксы интенсивности *-к* и *-лык* < *л-ык*, их осколки сохранились и в современном языке: *йот-у* → *йотлык-у*, *кыз-у* → *кызлык-у*, *яз-у* → *язлык-у* и др.

Эти знания позволяют с уверенностью утверждать, что *атлык-у* ← *ат-у*, *ашык-у* ← *аш-у* (восхождение, взойти), *курук-у* ← *куры-* (по-турецки *koru* – «защита от нападения»), *толлык-у* ← *тот-у*. Более того, учитывая эту морфологическую закономерность, можно реконструировать забытые в татарском языке глаголы. Например, мы вправе предположить, что глагол *көзек-* восходит к глаголу *көз-ү*. И действительно, в некоторых тюркских языках известен глагол *көз-* (*göz-*) (пристально смотреть, видеть ясно) (ЭСТЯ, 3: 60–63). Это же слово – глагольный коррелят *көз* < *göz*, относящегося к группе именных лексем.

Семантическая аналогия особенно сложна. Игнорирование этой аналогии при этимологическом анализе может привести к ошибкам. Например, глагол *учер-у* (тушить горящий огонь), встречающийся в более ран-

них текстах, можно прочесть как *очыр-у*. Между тем переход *очыру* > *сундеру* нигде не зафиксирован. Слово *учер-у* восходит к общекипчакскому *очир-*, от которого произошло киргизское и уйгурское *очур* (вычеркивать, вычеркнуть из списка; потушить). Корень же данного слова – *оч* (исчезать; угасать) (в сибирско-татарских говорах *учер-у* (тушить), *уч-у*, *уч-у* (угасать) (Тумашева, 1992: 231). В фонетическом отношении между *учеру* и *очыру* существует большая разница.

Метод мостиков используется тогда, когда для подтверждения этимологического предположения необходимо искать промежуточные звучания, основы и значения. Например, остановимся на анализе приведённого выше предположения, что *бугай* образовано от *булгай*. В татарской народной песне поётся: *Таргэлэр ачып яулык болгай, / – Без сөясе ярлар шул булгай*. Здесь слово *булгай* употребляется в значении «бугай» (частица: кажется, как будто, по-видимому, вроде).

Мостики встречаются в татарских пословицах и поговорках, старинных песнях, сказках и легендах, а также в литературных произведениях. Однако основным их источником являются диалектная лексика татарского языка, другие тюркские языки и их диалекты, фольклор, литература и др.

Следует отметить, что для выявления этимологических различий необходимо иметь дело не только со словарями, фольклором и письменными источниками, но и с живыми языками.

Чаще всего мостики обнаруживаются не только в родственных языках, но и в татарских заимствованиях из соседних языков. Например, *маташ-у* в татарском языке употребляется только в значении «не зная, напрасно, безуспешно пытаться». С формальной точки зрения основа *маташ-* это форма взаимного залога глагола *мата-у*. В татарских говорах действительно есть глагол *мата-у*, однако его значение «мешать, задерживать». Чтобы утверждать, что *маташ-у* произошло именно от этого глагола, недостаточно лингвистических данных. Нужной информации – мостика – в других тюркских языках нет, но сохранилась в удмуртском языке: *маташ (мата-шыны)* («пытаться во время борьбы подставить ногу, подставить подножку; пытаться победить таким образом»).

Метод изоглосс. Под изоглоссой подразумевают границы распространения отдельного слова, а также его звуковых или смысловых оттенков, разновидности и особенности употребления, ареал распространения внутри этих пограничных линий. Этимология изоглоссы была одной из важнейших характеристик искомого слова.

В целом, отмеченные изоглоссы могут служить источником разнообразной лингвистической, историко-этнографической и др. информации. Ареал распространения слов может включать ближайшие языки

или быть изоглоссой внутри самого языка. Так, например, широко употребляемое в татарском языке слово *гел* (*гелән*) отсутствует в других тюркских языках (за исключением башкирского), а в разговорной речи татарского языка встречается в форме *гөлле*, *гөллән*. З. Валиди (Валиди, 2007) и Л. Заляй (Заляй, 1947) объясняют происхождение слова *гел* (*гелән*), связывая его с указанными формами.

Таким образом, при выявлении этимологии слова научные методы и приёмы должны использоваться в комплексе, дополняя друг друга. Только так можно определить истинную историю слова.

§ 58. Этимология корня слова¹

Происхождение корня слова – один из основных предметов этимологического исследования. Если в синхронной лингвистике корень слова рассматривается как неделимая морфема, то в этимологии ставится вопрос о выделении первичных корней.

Корневой состав татарского языка группируется следующим образом:

- 1) корни, восходящие к древнетюркскому языку, которые в современном состоянии неразложимы;
- 2) заимствованные слова;
- 3) корни, образованные на протяжении всего развития языка.

Пути образования корня следующие: гаплоглогия, конверсия и лексикализация, заимствование из другого языка, формирование этимологических дублетов и переразложение.

Гаплоглогией (греч. *haploos* – простой, *logos* – учение) называют один из видов комбинаторных преобразований, когда в результате диссимилиации выпадает один из двух соседних слогов (Языкознание, 2000: 93). Подобные выпадения бывает двух видов:

а) в случае стяжения корня с прежними аффиксами, например, *бугай* < *булгай* (должно быть). Здесь к глагольному корню *бул-* присоединяется аффикс желательности *-гай*. Такие явления часто встречаются в древних текстах. Например, в сонниках, *күмәч* < *күммәч* (*-мач* // *-мәч* – в названиях блюд используется форма направительного падежа), *күтәрү* < *күлтәрү* (понудительная форма устаревшего глагола *кул-*); *ылыгу* < *ыклыгу* (от интенсивной формы диалектного глагола *-ыгу* (плыть по течению) и др.;

б) в случае стяжения словосочетаний. Например: *кузгалак* < *кузыйкалак* < *кузый колак*, *ябалак* < *йабаколак* < *йабай колак* (*йабай* – вид дикой

¹ Раздел выполнен на основе вводной статьи Татар теленең этимологик сүзлеге: 2 томда / төз. Р. Г. Әхмәтъянов; фәнни мөхәррир Р. Т. Сәфәров. Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015.

лошади); *нитү* < *ни итү*; *сиксэн* < *сәксән* < *сәккиз он*; *туксан* < *токкуз он*; *сарут* < *сары ут*, *ярут* < *яр уты* и др.

Конверсия – переход основ слов (без приставки) из одной части речи в другую – издавна была распространена в тюркских языках. В древних тюркских языках многие корневые слова могли употребляться и как имя существительное, и как глагол. Сохранившиеся примеры этого явления встречаются и сейчас: *жил* (имя существительное в значении ‘ветер’) – *жил-ү* (глагол в значении ‘мчаться с ветерком, лететь, нестись’), *кат* (имя существительное в значении ‘слой’) – *кат-у* (наречие – глагол ‘сучение, кручение двух или более ниток’), *куш* (имя существительное и имя прилагательное ‘двойной, сдвоенный; парный’) – *куш-у* (глагол ‘соединить’) и т. д. Сочетания имени существительного и имени прилагательного, имени прилагательного и наречия в современном языке встречаются довольно часто.

Учитывая давность конверсии, в этимологических исследованиях важно, например, помнить вероятность того, что сегодняшний глагольный корень ранее мог употребляться и как существительное. Можем предположить, что корнем глагола *кыр-у* может быть *кыр* (то, что соскоблено) и что он тождественен слову *кыр* (поле). По такому же принципу тюркологи сравнивают слова *яр-у* и *яр* (крутой берег).

У распространённого в татарских говорах слова *чий-у* (писать чем-то заострённым, чертить) есть именной коррелят: в сибирских говорах *чий* (черта, линия, начерченная чем-то острым). Возможно, что это слово произошло от китайского слова *цзый* (иероглиф). Это предположение обнаруживает дополнительные доказательства: *чиймай* – вариант слова *чий*, который означает и «украшение, наложенное на хлеб, пончик и т. п.», и «оружие с таким узором». В говорах казахского языка используется слово *шимай* < *чимай* в значении «линии, расположенные крест-накрест или как попало». В китайском языке также встречается слово *цзый-ма* (изображение иероглифа). Важнейшим моментом в этой этимологической процедуре является то, что имя существительное в китайском языке переходит в глагольную группу слов. На первый взгляд, это кажется не вполне естественным, но в древние времена подобное явление было обычным.

Формирование эллиптического корня связано с явлением конверсии. Лексическим эллипсисом называют выпадение аффикса из аффиксально-го слова либо слова из словосочетания. В результате такой редукции могут измениться грамматическое и лексическое значения слова. Например, так появилось татарское слово *кәләш* (невеста). Как видно из родственных кыпчакских и чувашского языков, *кәләш* – это «переговоры, речь» (*кәлә* – взаимно-совместный залог глагола *говорить*). Приобретение словом

сөйләшү значения «кыз ярәшү» («сватать девушку») – типологическое явление, и сейчас говорят «кыз сөйләштек». На более раннем этапе было образовано слово *кәләшле* (засватанная). Слово *кәләш* возникло в результате выпадения слова *кыз* и аффикса *-ле*.

Таким образом, для построения нового эллиптического корня необходимы транзитивно-промежуточные образования. Такие условия возникают не часто. В случае с приведённым выше примером большую роль сыграло забвение значения *кәләш-ү* (переговоры). В результате одно из слов *кәләш* (переговоры) и *кәләш* (невеста) выпали из употребления.

В татарском языке образование эллиптического корня в целом часто происходит путём выпадения аффикса *-лы// -ле*. Рассмотрим, например, случаи, когда в арабских заимствованиях появляется значение, которого нет в языке-источнике, т. е. образуется новое слово – новый корень. От арабского слова *тәвәккәл* (риск) в результате сокращения части *-ле* образовалось татарское слово *тәвәккәлле*, что в переводе с татарского означает «решительный; прежде чем приступить к какому-либо делу, принимать решение, действовать смело, не сомневаясь». Также можно привести ряд других примеров. В частности, со словом *сабыр* (в арабском языке – существительное) → *сабырлы* → *сабыр* (прилагательное), *хәтәр* (существительное) → *хәтәрле* → *хәтәр* (прилагательное) и др.

Лексикализация – превращение отдельного элемента языка (морфемы, словоформы), сочетания слов в отдельное знаменательное слово – не получила широкого распространения. Примерами лексикализации в современном языке служат некоторые вспомогательные и другие зависимые имена, имена существительные в направительном падеже (например, *башка*, *үзгә*), также глаголы в третьем лице настоящего времени (например, *аша* ← *ашу*, *үтә* ← *үту*), в этот ряд входят и некоторые временные формы, например, *иртәгә* (утром), *кичкә* (вечером) и др. В татарском языке часты случаи перехода старых инструментальных падежных форм (с окончанием *-н*) в наречие: *жәй* → *жәен* (лето – летом), *көз* → *көзен* (осень – осенью), *кыр* → *кырын* (поле – полем), *өст* → *өстен* (верх – сверху), *ялгыз* → *ялгызын* (одинокий – одиноко), *кич* → *кичен* (вечер – вечером), *иртә* → *иртән* (утро – утром)¹.

Под освоением из другого языка имеются в виду не любые заимствования, а их адаптированные как в фонетическом, так и в семантическом плане формы. Так, например, в татарском языке слово *дәрт* в значении «страсть, задор, пыл, чувство, душевный подъём» заимствовано из персидского языка, где *дәрт* – «болезнь, недомогание, недуг, хворь»; на

¹ Случаи конверсии и лексикализации описаны в книге Ф. А. Ганиева «Конверсия в татарском языке».

татарском языке *мут* – «ловкий и хитрый» из русского *мот* – «расточитель имущества (особенно денег)».

Этимологические дублеты – лексические единицы и группы единиц, одинаковых или близких по значению, связанных с одной и той же производящей основой этимологически, но в процессе эволюционного развития языка дифференцированных семантически либо стилистически. Например, первое слово в паре *газан* (страдание) и *азан* – заимствование, второе – слово с новым корнем, образованное на основе татарского языка. В таких парах тюркского происхождения, как *бөек* (велик) и *биек*, *олуг* и *олы*, *ыруг* и *ыру* и др., каждое слово – отдельный корень.

Явление *повторного распада* как способ образования корня не столь широко используется. Примерами этого способа могут служить парные слова *исе-косы* (*юк*) от старой формы *иесе-конысы*, где *исе* (запах) – борынгы *ийе* (< *ыйыз*, *ыйыд*) (запах, аромат) от притяжательной формы третьего лица слова *ие-се*. Со временем, когда само корневое слово *ийе* было забыто, слово *ие-се* было повторно разложено на *иес-е* и образовалось не существовавшее прежде слово *ис* (запах) (отсюда уранее известного слова *ис* < *эс* (память) появился омоним). Аналогичны пояснения к словам *куу-сы* > *кы сы* > *кос-ы*. Слово *төс* восходит к древнему слову *ту-су* (букв. *его ту*), где *ту* – шерсть (линька лошадей и др. животных). Частица *микэн* образовалась путём повторного распада компонентов *-мы* *икэн* и др.

§ 59. Этимология основ и аффиксов

Поскольку в тюркском языкознании и в целом в алтаистике не разработаны четкие критерии разграничения понятий «основа» и «корень» и наблюдается различие мнений в определении первичного корня, то и в различении основ слова также отмечается разнообразие. Так, Н. А. Баскаков в качестве первичной основы выделяет единство корня слова и лексико-грамматических аффиксов, в качестве вторичной основы указывает единство корня и функционально-грамматических аффиксов (Баскаков, 1979: 145).

К. М. Мусаев же на примере караимского языка подчёркивает, что основа слова может состоять как из неразложимых корней, так и из корневых и словообразовательных морфем (Мусаев, 1984: 83).

Неразложимые основы в татарском языке исторически классифицируются следующим образом:

- 1) общетюркские основы;
- 2) собственно татарские основы;
- 3) заимствования из нетюркских языков.

К общетюркским относятся основы, зафиксированные во всех или большинстве тюркских языков, и основы, существование которых относится к древнетюркскому периоду. Среди общетюркских основ встречаются достаточно древние заимствования из индо-иранских, китайских, монгольских и других языков.

Не менее важен вопрос и о типологии самих основ татарского языка. Среди них различают: а) производные от общетюркских корней, б) производные от заимствований, в) производные, образованные путём фонетического дублирования, г) слова, происхождение которых неизвестно.

Проблема классификации заимствований также достаточно сложная. Например, с точки зрения синхронного языкознания деликатным может быть вопрос о том, следует ли относить к числу заимствований в современном татарском языке общетюркские заимствования. В этой группе имеются следующие подклассы:

- а) заимствования из тюркских языков;
- б) кальки и лексическая субституция;
- в) международные, «культурные» слова, происхождение которых неизвестно;
- в) заимствования полиплеты, образованные в результате распада от одного древнего слова и вошедшие в татарский язык из разных источников.

При систематизации неразложимых основ учитывается их распределение на части речи, при этом для этимологии удобно и продуктивно дихотомическое деление. Этимология каждой отдельной группы слов имеет свои особенности и потому требует осмысленного подхода.

Отдельно следует остановиться на классификации групп слов по этимологическим особенностям.

Междометия (первичные, основные) сходны во всех языках: *а, э, уф!, и-и, ыы* и др. Они выражают рефлексорные звуки. Местоимения и базовые числительные существуют в каждом языке в ограниченном количестве.

В местоимениях любого языка часто встречаются нерегулярные склонения (супплетивизм) и лексикализация, имеющие свои особенности в каждом из тюркских языков. В составе числительных, местоимений и глаголов крайне редко встречаются заимствованные слова. В то же время довольно много заимствованных слов в составе групп имён существительных и прилагательных.

Основы в этимологии исследуются и с типологической стороны. В типологическом отношении выделяют следующие группы основ:

- 1) корневые слова, сохранившиеся в тюркских языках из более древних языков (давшие общетюркскому языку строительный материал);
- 2) корни, производность которых известна;

- 3) корни, заимствования которых известно;
- 4) междоментные корни;
- 5) подражательные корни и основы;
- 6) корни и основы, происхождение которых неизвестно.

При дифференциации производных корней и основ мотивация их образования является достаточно сложной проблемой. Именно поэтому в этимологическом анализе особенно важно учитывать такие явления, как субституция и калька.

Субституция – замена иноязычных элементов на элементы собственного языка. Явление субституции раскрывается в нескольких плоскостях.

Фонетическая субституция означает замену иноязычных звуков фонетическими элементами собственного языка (например, *ведро* > *бидра*, *грузди* > *гөрөждә*, *печь* > *мич* и т. д.). Фонетическая субституция, то есть фонетическое совпадение слов в двух языках, подчиняется определённым закономерностям, и этимология должна руководствоваться этими данными.

Под лексической субституцией понимаются слова и словосочетания, «переведённые» с другого языка и заменяющие слова или словосочетания данного языка. Например, *тракторчы* (тракторист), *эшчеләр сыйныфы* (рабочий класс) и т. д. Многие административные термины в современном татарском литературном языке являются лексической субституцией слов и выражений русского языка. Например, *дәүләт комитеты* (государственный комитет), *профильле мәктәп* (профильная школа), *яшьләр үзәге* (молодёжный центр) и т. д. Зачастую конкретный смысл таких словосочетаний становится ясным, только если известен их русский аналог. При этом они не могут рассматриваться как заимствования.

Перевод производной или смысловой структуры иноязычного слова или словосочетания на родной язык называют калькой. При калькировании в основном возникает семантическая мотивированность, то есть рассматривается вторичный (переносный) смысл слова.

Татарский народ достаточно долгое время живёт в условиях двуязычия. В этой связи отметим, что в процессе развития языка кальки оказывают большое влияние на словообразовательную структуру и семантическую систему лексики татарского языка. Знание экстралингвистических деталей обязательно для того, чтобы определить, является ли слово калькой или же оно возникло на почве самого языка.

Следует отметить, что субституции и кальки имеют огромное значение для этимологии. Однако это крайне малоизученная область языкознания. При этимологическом анализе словообразовательной основы

проблемой является то, что в словарях указываются только основные и некоторые переносные значения слов, активно употребляемых в составе словосочетаний. К тому же семантическое развитие слова – продолжительное в диахроническом плане явление, когда актуальное переносное значение на других этапах развития языка может потерять мотивационную основу или эта особенность будет забыта.

Ещё одной серьезной проблемой в области калькирования является то, что смысловые структуры слов и словосочетаний могут быть одинаковыми даже в тех языках, которые часто находятся в отдалении друг от друга. Подобно тому, как в мифах, сказках, обычаях всех языков находятся сходные элементы, так и в структуре слов обнаруживаются аналогии, возникшие вне взаимодействия языков. Например, если внимательно посмотреть на русское *бабье лето* ~ татарское *эбилэр чуагы* ~ немецкое *altweiber sommer* (образное наименование тёплых осенних дней), то можно увидеть результат взаимодействия в русском и немецком толкованиях, но сомнительно, что интерпретация татарского *эбилэр чуагы* произошло именно под влиянием русского или немецкого выражений.

В ряде языковых семей – у тюрков, монголов, финно-угров, китайцев и дравидов (Южная Индия) – используются глагольные модификаторы, которые имеют одинаковое значение. Например, глаголы со значением «киту» (уйти) в качестве модификатора выражают «внезапное начало» (вспыхнуть, погорячиться), глаголы со значением «чыгу» (выйти) выражают значение «завершать, все включать (включить) в себя» (прочитать, просмотреть) и т. д. И даже в этом случае для утверждения того, что функции модифицирующих глаголов – это результат древнего взаимовлияния семантических структур, необходимы дополнительные аргументы.

В 10–20-е годы XX века в татарском литературном языке возникло много калек (в основном от русских слов). Прежде всего это общественно-политические термины: *алым* ~ приём, *(социаль) чыгыш* ~ (социальное) происхождение (исходить – «чыгу»). Позже калькируются слова, относящиеся к материальной культуре: *азыктамыр* ~ корнеплод, *субулар* ~ водораздел, *водораздельный*, *суусем* ~ водоросль; *очлыклар* ~ конечности и т. д. Следует отметить, что и в этой области некоторые слова и словосочетания на самом деле не являются калками, а скорее лишь субституциями. В качестве примера можно привести такие номинации, как *ташландык* ~ бросовый, *утчәчәк* ~ горюцвет, *еллык балдаклар* ~ годовые кольца.

При проведении этимологических исследований словообразовательных основ необходимо учитывать их омонимичность. В татарском языке довольно много омонимичных основ и корней. В подавляющем большинстве один из омонимов в первичной своей основе является прилагатель-

ным, наречием или существительным, а второй – глаголом. Например, *аз – аз* (мало, немного, незначительно; сбиваться с пути), *күп – күп* (много; вспучиваться, вспухать), *тел – тел* (язык человеческий, животных; (продольно) разрезать), *чык – чык* (роса; выйти) и т. д.

В этимологическом плане омонимы можно разделить на следующие группы по происхождению: 1) появившиеся в результате фонетического развития или изменений, 2) образованные из омонимичных корней или однородных корней с помощью омонимических приставок, 3) образованные в тех случаях, когда одни и те же слова в результате различных смысловых изменений начинают употребляться в двух значениях и с разной валентностью – радиация, 4) являющиеся результатом лексического и фразеологического эллипсиса, 5) являющиеся следствием заимствования или калькирования слов из иностранных языков.

Фонетические изменения носят преимущественно позиционный и тотальный характер. Позиционные изменения бывают двух видов: сокращения звуков (редукция и др.) и позиционные чередования звуков (ассимиляция, диссимиляция и др.). В специальных курсах исторической фонетики указываются и другие редкие виды фонетических изменений, на которых мы отдельно останавливаться не будем.

Сокращение слов во всех языках – это генеральная линия фонетического развития. Особенно подвержена редукции конечная часть основы слова. Однако каждый языковой механизм по-своему адаптируется к процессу сокращения, в каждом языке саморегуляция происходит по-своему.

В тюркских языках примыкающие друг к другу словоизменятельные аффиксы не поддаются сокращению, так как каждое из них по-своему незаменимо: каждый аффикс в своём значении и своём сингармоническом ряду имеет только одно грамматическое значение. А вот корни и основы подвержены сокращению.

Именно в результате таких сокращений образованы омонимичные корни *ат* (< ахта) и *ат* (< айыт) (имя существительное), *кул* (< кол) и *кул* (< коол) (глубокая долина), *сай* и *сай* (< сагай) (ряд, валок, покос) и др.

В некоторых тюркских языках омонимы образовались в результате полных фонетических изменений. В казахском языке омонимия слов *бас* «бас» (начальная форма глагола *бас-у*) и *бас* «баш» произошла в результате полных межъязыковых переходов *ч > ш*. В чувашском языке в результате веларизации (*ə > а*, *у > у* и др.) появились такие омонимы, как: *анра-оцепенеть* – *анра- «стонать»*, *антӑх- «клясться»* – *антӑх «страдать»*, *ас- «озорничать»* – *ас «запах»*, *ват- «разбивать»* – *ват «огонь»*, *какӑр «кривая палка»* – *какӑр «проклятие»*. В башкирском языке в результате переходов *з > з* и *д > з*, (почти тотальное зэканье) образуются омонимы:

бизар «узор» и *бизар* «он украсит»). В истории татарского языка практически не было полных звуковых переходов в области согласных (за исключением переходов позиционно-тотальных $-к > -г, -з// -г, г > и, в$). В связи с этим отсутствуют омонимы, образованные в результате звуковых переходов. Следует отметить, что формирование омонимов в результате созвучных переходов является надежным источником для определения относительной хронологии этих переходов. Ярким примером того, как омонимичные прилагательные образуются путём присоединения к одному и тому же корню и основе новых омонимичных окончаний, являются следующие пары *килеш* – *килеш*, первый из которых – глагольная основа взаимного залога слова *кил-ү*, второй – существительное, образованное путём присоединения к той же основе *кил-* окончания *-еш*, образующего существительные.

Конечно, от омонимичных корней могут образовываться и омонимичные основы, например: *атлы* ← *ат* (животное) и *атлы* ← *ат* (имя); *парлы* ← *пар* (пар) һәм *парлы* ← *пар* (пара). Однако таких слов не так много. В языках есть некоторая тенденция избегать слишком большого количества омонимов.

К лексической радиации относятся слова, тождество которых изменилось настолько, что сегодня сложно увидеть в них какое-либо сходство (к ним не относятся явления простой конверсии и синкретизма). Например, древние слова *балык* (город) и *балык* (рыба) тюркологи возводят к древнему слову *балыг, балуг < баллуг* (глинистый, топь, болотистое место). Весь смысл в следующем: для тюрков, привыкших жить в войлочных жилищах, постройки из сырого кирпича назывались «балчык», т. е. дома из глины. В то же время, такие рыбы, как сазан, плотва, обитающие в болотах, также именовались «глинистые, болотные животные».

Слова *ут* и *ут* (трава и огонь), вероятно, восходят ко временам, когда в костре жгли сухую траву (сравните: тот же *учак < утчак* и *утын* (костёр < костёр и дрова)). Слова *ял* (отдых; отпуск) и *ял* (перерыв) также должны быть от одного и того же слова и т. д.

Как видно из примеров, для определения радиации необходимо хорошо знать условия жизни и образ мышления древних людей. Такие случаи, как *кер* (грязь) и *кер* (выстиранная ткань, одежда), *уба* (искусственный) и *уба* (яма), *чүпләү* (загрязнять, образовать свалку) и *чүпләү* (сбор мусора), являются результатом разного мышления уразличных этнических групп.

Другая разновидность радиации возникает в виду того, что в один и тот же язык входят слова из разных диалектов, говоров и языков. Например, омонимы *керешү* (взаимное проникновение) и *керешү* (начинать, приступить) возникли в результате особенностей лингвистической ситу-

ации. Вот примеры возникновения радиации в результате эллипсиса: от слова *килешли* (в переносном смысле *килеш* – грамматический термин от первого слова) – *килеш* / падеж (приход, появление) и *килеш* (наречие); от слова *тибешле* – *тибеш* (пинать) и *тибеш* (прилагат. – «сильный, импульсивный»); от слова *тиешле* – *тиеш* (прикоснуться) и *тиеш* (предикативное слово); *бур* < по-русски «вор» – *бур* «известковый камень», *бит* < «ведь» (частица) – *бит* «лицо», *көшел* «куча зерна на току» (в русском языке слово *кошель* имеет и такое значение) – *көшел* «водяная крыса», *кул* «часть тела» (от древнетюркского слова *кол* (рука)) – *кул* «долина с небольшим ручьем или без ручья» (от древнемонгольского слова *коол*), *сабак* (от слова *сан* (черенок)) – *сабак* «освоение учебного материала» (из арабского), *сала* «большая деревня (село)» – *сала* «цепь, череда, вереница (пять пальцев вместе, плоские разветвлённые ветви)» и др.

Также нередки случаи, когда омонимичные пары заимствованы из двух разных языков. Например, татарское слово *пот* < рус. пуд – *пот* < индийский Будда (статуя). В некоторых случаях оба омонима являются производными от одного и того же языка. Например, слова *жәһәт* (быстро, по-деловому) – *жәһәт* (сторона, направление) из арабского (в арабском это два слова); *тут* (дерево) – *тут* (ровная окраска, отсюда *кер тутлату* – отбеливать бельё) оба слова из фарси; *хур* (унижение) – *хур* (гурия, райская дева), оба слова из арабского; *хәл* (общее положение, состояние) – *хәл* (развязка, решение), оба слова из арабского (в исходных языках эти слова пишутся по-разному).

Таким образом, можно утверждать, что наличие омонима или радиатива является одним из признаков заимствования. Иными словами, если в языке встречаются омонимичные слова с неразложимыми основами, входящие в одну и ту же группу слов, то следует спрогнозировать, является ли хотя бы одно из них таковым, и проверить.

Правильный этимологический анализ слов связан с умением различать аффиксы, находить начальные формы этих слов. Способы образования аффиксальных морфем:

1) аффикс из слова с полным лексическим значением. Например, *-чы*, образующий имя существительное, называющее лицо по свойству или признаку (*башчы*, *итекче*, *эшче* – руководитель, сапожник, рабочий) от древнего *чын* (человек, кто-то); в именах существительных *балтырган*, *бөрлегән*, *карлыган*, *кылган*, *шалкан* (борщевик, костяника, смородина, ковыль, репа), обозначающих названия растений, аффикс *-ган/-кан* восходит к слову, сохранившемуся в монгольских языках *гана* / *кана* (растительность, плодородное растение) (в татарских говорах *кана-у* – прорастать, обрастание порослью) и др. (Әхмәтъянов, 2015: 24).

По мнению Н. А. Баскакова, аффикс *-лык/-лек* (*урманлык* – лес) восходит к уйгурскому слову *лик*, означающему «полный, много», из аффикса *-лык* образован атрибутив *-лы* (Ганиев, 1998: 247); аффикс *-ча* (*юлгача*, *көзгәчә* – до дороги, до осени) восходит к слову *чак*, *чаклы* в значении времени и места; аффикс *-чык/-чек* (*кызчык*, *китапчык*) тоже от слова *чак/чаклы* (там же: 252). Аффикс *-ыш/-еш* (*борьлыш* – поворот) сокращение от слова *эш* (там же: 257), аффикс *-ыч* (опора) – измененный вариант прилагательного *-чак* (там же: 261). Есть мнение, что аффикс *-ла/-лә* (*эшлә*, *көйлә* – делай, настраивай) возник от изменения атрибутивного *-ла/-ле* (там же: 326). Л. Н. Арсланов в статье «К вопросу о происхождении аффикса страдательности» (1992) пишет, что в глаголах аффикс страдательного залога образован от сокращения глагола *ал*: например, аффикс *-л* в слове *ясалды* (сделано), однако если в основе есть звук [л], то этот аффикс превращается в *-н*: *үлчәнде* (Арсланов, 1992: 244). В тюркских и, в целом, в алтайских языках широко распространена точка зрения на происхождение аффиксов именно таким путём, и на этой основе некоторые учёные предполагают, что эти языки могли быть в древности аналитическими;

2) аффикс образуется от двух-трёх древних аффиксов или слов с лексическим значением и аффиксов. Например, аффикс *-кыч* от сочетания более ранних и сложных аффиксов *-кучы* < *-ку* + *чы*; у аффиксов *-ла* и *-лы* < *-лыг* часть *-л* от древнего слова *ул* (*жыен*, *туплам*, *күплек* – сбор, масса, набор, множество) (*-ла* < *-ул-а*, *-лыг* < *-ул-ыг*); аффикс *-ты* от глагола прошедшего определённого времени *-т* + аффикса *-ы* (*-т* глагольный словообразовательный аффикс, *-ы/-е* аффикс притяжательности); аффикс *-ныкы/-неке* состоит из аффиксов *-ны/-не* + *-ке* и т. д.;

3) аффиксы заимствуются из иностранных языков. Например, из персидского языка *-сар/-сәр* в словах *имәнсәр*, *каенсар*; *-дар* в словах *акылдар*, *илдар*, *колдар*; из арабского языка *-и*, *-ви* в таких фамилиях, как *Ду-мав-и* (от деревни Дума), *Утыз Имәни* (от деревни Утыз Имән), а также в словах *әкият-и* (сказочный), *дәүләт-и* (государственный) и др.;

4) новый аффикс образуется в результате дублирования древнего аффикса. Например, *-лы/-ле* и *-лык/-лек* восходят к древнему аффиксу *-лыг* и др.

При этимологическом анализе слов не уделяется достаточно внимания тому, от какого слова, когда, как образованы аффиксы, напротив, учтывают, когда и в каких формах употребляются аффиксы.

Подводя итог, подчеркнём, что в этимологии для разграничения основы и аффикса, для того, чтобы дать объективное ему объяснение, важно комплексное изучение закономерностей развития языка, изменений, происходящих в его отдельных слоях, особенностей слов и элементов речи, заимствованных из других языков в разные эпохи, влияние внеязыковых факторов.

§ 60. Этимология исконно татарских слов и заимствований

Этимологические исследования должны быть объективными и отвечать всем научным принципам. Это требование особенно ярко проявляется в вопросе идентификации. Так, например, татарское слово *баиш* (голова), казахское *бас*, хакасское *нас*, чувашское *поç*, *пуç* происходят из одного слова. Тысячи слов и морфем в перечисленных языках образуют значительное систематическое сходство, и эти слова не выходят за рамки звуковых соответствий в этих языках. Исторически известно, что народы, говорящие на этих языках, произошли от одного предка и пережили множество контактов. Поэтому наличие у них одинаковых слов не вызывает сомнений. Усложняется вопрос при сопоставлении слов из неродственных языков. Имеется большое количество слов, схожих и по смыслу, и по звучанию, но, тем не менее, относящихся к разным генетическим фондам. Например, в латинском языке встречаются слова, похожие на татарские: *cardo* «пограничная черта (*киртә* – жердь, изгородь, ограда?), *carpo* «поймать, словить» (*балык каптыру* – ловля рыбы?), *delirium* «сойти с ума, одуреть» (*тилеру* – сойти с ума?), *tactio* «похвала» (*мактау?*), *maturus* «спелый, созрелый» (*матур* – красивый?), *salus* «здоровье» (*саулык?*), *tuber* «шишка (у хвойных) (*тубырчык* – затычка, втулка, пробка?)». В ходе этимологического исследования выясняется, что смысловое, фонетическое и морфемное развитие латинских и татарских слов совершенно различно. Кроме того, в истории неизвестны случаи тесного взаимодействия тюркских народов с народами, говорящими на латыни. Также немецкое *schelten* и татарское *шелтә*; *saugen* (сосать, доить) и татарское *сау-у* (доить), имея одинаковое значение и звучание, однако не являются однокоренными и др.

Сравнивая слова татарского языка с иноязычными словами, важно обратить внимание на то, что сходство слов, состоящих из двух-трёх звуков, ни на что не указывает, так как в мире существует ограниченное количество фонематических сочетаний двух фонем, среди которых встречаются и более сходные. Практически в каждом языке мира можно найти двух-, трёхбуквенные корневые лексические единицы, схожие по смыслу со словами тюрко-татарского происхождения. Даже слова с четырьмя-пятью гласными в корне (например, упомянутые выше латинские слова) сами по себе не привлекают внимания этимологов, если на то нет других оснований. Только пятисложные с широко распространённой семантикой корни с культурным значением (а таких немного) могут навести на размышления. Однако и такие случаи не бесспорны.

Убедительными могут быть только полностью тождественные по значению фраземы, семантическое единство слов, имеющих регулярное

употребление в составе предложения, микротекста. И, конечно, в этом случае необходимо помнить о фонетических закономерностях.

Мы знаем, что в словарном составе каждого языка есть исконные слова и заимствования. В словарном составе татарского языка выделяют три таких пласта: 1) тюркское наследие, 2) исторические заимствования, 3) слова, образованные в самом татарском языке.

Под тюркским наследием понимаются: а) общетюркские слова, западно-тюркские слова, выражения (которые появились у тюрков-мусульман и проникли в язык тюрков-христиан и тюрков-иудеев), б) обще-кыпчакские слова.

Исторические заимствования подразделяются на несколько видов в зависимости от тематических групп и языков-источников (китайско-тибетский; индо-иранский; согдийский; персидско-таджикский; арабско-семитский; монгольский; русско-славянский; финно-угорский; другие известные и неизвестные языки). Однако в этом разделении есть отдельные исключения.

От индо-иранских и согдийских заимствований персидско-таджикские отличаются только тем, что являются новоперсидскими (сформировавшимися в IX–X веках) заимствованиями.

Часть монгольских заимствований является спорной, в эту группу включают также заимствования из тунгусо-маньчжурских языков, которые, вероятно, проникли в тюркские языки посредством монгольских языков.

Под «другими языками» подразумеваются в первую очередь древние балтийские, кавказские, армянский и, возможно, тохарский языки. Предполагается, что в татарском языке встречаются и древнегерманские (остготские) слова (Әхмәтъянов, 2015: 44).

Кроме указанных, в татарском литературном и разговорном языке имеется пласт слов из родственных тюркских языков, среди которых встречаются и нетюркские (заимствованные) слова. Как видно, понятие «заимствование» является достаточно сложным и многоаспектным.

В словарях обычно указывается источник прямого заимствования слова, то есть из какого языка непосредственно оно пришло в татарский язык. Слово может быть заимствовано из другого языка или заимствовано в другой язык из третьего языка и т. д. Например, татарское слово *пиджама* заимствовано из русского языка, в русский язык это слово пришло из французского, во французский – из английского, в английский – из индийского, в индийские языки – из персидского *пайџама* (одежда для ног / обувь), то есть «верхняя одежда с длинной юбкой, закрывающей ноги». В отдельных научных работах указывается только самый первый (самый древний) известный источник, однако этот метод не пользуется популяр-

ностью. Так, было бы неверным считать татарское слово *пижамы* заимствованным из персидского. Когда речь идёт о заимствованиях, в первую очередь необходимо осветить весь прошедший словом путь.

Происхождение слов определяется в трудах по сравнительной лексикологии. Заимствования имеют фонетические, морфологические и семантические признаки.

Фонетические признаки заимствований. Заимствования в татарском литературном языке делятся на две большие группы. Первая – фонетически освоенные заимствования, вторая – заимствования, не подверженные фонетическим изменениям. Эта особенность позволяет распознать многочисленные не подчинившиеся фонетическим особенностям татарского общенародного языка заимствования, вошедшие в последние столетия главным образом через книжный язык и сохранившие признаки исходного языка.

Для этимологических исследований предпочтительнее объяснить основные фонетические законы татарского языка, которые сформировались на основе общетюркских особенностей и под влиянием древнего субстрата в течение не менее тысячи лет, с помощью: а) состава звуков, а) правил их употребления, б) особенностей произношения и словоизменения.

В старокыпчак-татарском языке состав гласных был беднее современного татарского языка: в нем было девять гласных (*а, э, у, ү, о, ө, е, ы, и*), девятнадцать согласных (семь сонорных – *л, м, н, ң, р, ш, й* и двенадцать парных – *б/п, г/к, д/т, з/с, ж/ч, ж/ш*). Твёрдые и мягкие согласные, в том числе *к, г* и *г*, не были отдельными фонемами. Из указанных звуков *ж* встречается только в корнях междометий, звукоподражаний и слов, образованных от них (например, *ажгыру* ‘сильно шуметь’, *ыжылдау* ‘издавать звук, похожий на непрерывный ыж-ыж’, *жуылдау* ‘издавать звук, похожий на жу’). Звук *ф* встречается только в междометиях и звукоподражаниях и по сути не был фонематическим звуком. Увулярный *э* и *г*, а также согласные *ф, х, г* возникли в процессе заимствования многочисленных слов из древнеиранских (согдийский, персидский) языков.

Использование согласных осуществлялось в соответствии с законами сингармонизма: сохраняется гармония в ряду; согласные рядом с гласными претерпевают качественные изменения; наблюдается губная гармония; различается использование согласных в первом, втором и третьем (и последующих) слогах (если в первом слоге используются все согласные, то во втором – остаются только три пары (*э, ө, ы, а, о*), в третьем и последующих слогах используются только гласные *э, э, ы, а*, именно поэтому в прилагательных татарского языка встречаются только звуки *э, э* и *ы, а*).

Знание законов татарского консонантизма также является обязательным условием этимологии. Закономерности употребления согласных в кыпчакском языке следующие:

- 1) в начале слова два согласных звука рядом не употребляются;
- 2) в начале слова не используются звуки *л* и *р*;
- 3) в конце слога не употребляются звуки *б*, *г*, *з*, *жс*, *жж*;
- 4) после глухих согласных не употребляется звонкий согласный (кроме некоторых сонорных).

Существовали и существуют отдельные закономерности сочетания согласных. В тюрко-таатарском языке комбинации (сочетания) согласных звуков можно представить следующим образом:

йw, йй, йл, йм, йн, йр, йб, йг, йг, йк, йк, йд, йт, йч, йт, йз, йс
 лw, лл, лм, лн, лб, лп, лз, лг, лк, лк, лд, лт, лж, лч, лш, лс
 рл, рм, рн, рб, рп, рг, рг, рк, рк, рд, рт, рж, рч, рш, рс
 мл, мм, мн, мр, мб, мп, мг, мч, мк, мк, мд, мт, мч, мш, мс
 ww, wл, wм, wн, wr, wз, wг, wk, wk, wd, wt, wш, wc
 пл, пм, пн, пр, пк, пк, пт, пч, пш, пс
 кл, км, кн, кр, кт, кч, кш, кс (также и к)
 тл, тм, тн, тр, тк, тк, тч, тш, тс
 чл, чм, чн, чр, чк, чк, чч, чс
 шл, шм, шн, шр, шм, шк, шч, шс
 зл, зм, зн, зр, зз, зг, zd, зч, зс
 сл, см, сн, ср, ск, ск, ст, сч, сс
 нл, нм, нм, нг, нг, nk, nd, nt, нч, нш, нс
 жл, жм, жн, жр, жг, жд, жч
 хл, хм, хн, xp, xt
 фл, фм, fn, фр, фч

Кроме того, в процессе сокращения слов встречаются вновь образованные сочетания согласных *бр*, *пр*, *гр*, *др*, *тр* и др.

Сонорные согласные *й*, *л*, *м*, *р* могут сочетаться со всеми другими согласными.

Звуки *б* и *п* не следуют после парных согласных. Следование парных согласных друг за другом в целом весьма ограничено.

Существуют особенности и в строении слогов. Исконно татарские слова имеют семь моделей слогообразования (Т – согласный, С – гласный звук): С, СТ, СТТ, ТС, ТСТ, ТСТТ и только в звукоподражаниях – ТТСТ (например, *прых*). Из них модели СТ и ТСТТ употребляется только в том случае, когда в конце слога встречается *т* или реже *п*: *-йт* (*эйт*, *кайт*), *-лт* (*гэлт*, *кылт*, *чалт*), *-нт* (*ант*, *кэнт*), *-рт* (*арт*, *карт*, *урт*), *-ст* (*аст*, *ост*), *-жт* (*выжт*), *-шт* (*кышт*, *пышт*), *-мп* (*гэмп*, *чумп*).

В исконо татарских словах ударение всегда падает на последний слог. Исключения из этого правила подробно изложены в трудах по фонетике современного татарского языка, и потому здесь мы не будем останавливаться на них.

В регулярных аффиксах татарского языка используются звуки: *л, м, н, р, з, г, к, т, д, с, ч, ш*. Звуки *б, ж, ж, ф, х* в окончаниях не встречаются.

Звук *п* встречается в составе глагольных окончаний (например, *жилле-, салты, талты-н-* и др.).

Звук *з* встречается в составе аффиксов только в конце слога.

Для определения заимствований по фонетическим признакам необходимо помнить о перечисленных выше особенностях. И если основа какого-либо слова не соответствует им, то его можно рассматривать как заимствование.

Как правило, в заимствованных словах имеется несколько специфических признаков. Например, в слове *абзар* (хлев) мы видим редко встречающиеся в тюрко-татарском языке сочетания *-бз-* и в конце слога *-б*; на то, что слово *катгый* (категорический; безусловный) заимствованное указывает сочетание *-тг-* в середине слова; на то, что слово *алебастр* заимствованное, указывает отсутствие в слове сингармонизма и наличие трёх согласных в конце. В словарях происхождение этого слова определяется так: на русском *алебастр*, на немецком *alabaster* < на латинском *alabastrus*, на греческом *alabastrus* < на древнеегипетском *ala baste* «*Эбастэ* называют масло богини» – целебная глина, которая предварительно наносится на раны (Фасмер II: 71, Kluge: 27). Если рассматривать слово *иглан* (объявление), то основным признаком, указывающим на его заимствование, является несоблюдение закона сингармонизма и отсутствие гласных в конце.

По звуковой оболочке можно определить не только само заимствование, но и то, из какого языка оно пришло. Это особенно легко обнаружить в заимствованиях, вошедших в язык в более поздние эпохи, в то время как древнейшие заимствования были фонетически освоены и подчинены закономерностям татарского языка.

В татарском языке фонетически выделяются слова, заимствованные из русского языка и посредством русского языка из европейских языков. Перечислим их основные признаки¹:

¹ Перечисленные отличительные признаки подробно описаны в учебниках по лексикологии современного татарского языка, в трудах, посвященных специфическому изучению лексики того или иного рода. Здесь остановимся лишь на некоторых наиболее распространённых, представляющих предпосылки для этимологического анализа.

1. Ударение падает не на последний слог: *áрмия, архитэ́ктор, бухга́лтер, гала́ктика, тра́ктор* и др.

2. В составе гласных встречаются не характерные для татарского языка долгий гласный *õ* и открытый гласный *э*: *орган, район; эра, этап, нетто*. Также употребляются качественно иные в сравнении с соответствующими татарскими согласные *г* и *к*: *газ, магазин; кило, тактика; аффриката ц: центнер, милиция* и др.

3. Не соблюдается закон сингармонизма.

4. В начале и в конце слова (и слога) могут сочетаться два и три согласных разного качества (например, *скрипка, трест, фронт, курс, оркестр*).

5. Встречаются сочетания согласных, которых нет в татарском языке (например, *лз: гильза, рз: бурзай < борзая; дж: джоуль, джсин, мост* и т. д.); в начале слова может встречаться согласный *р* (например, *рам, рэт, руда* и т. д.); часто встречается звук *ж* (*дож, ложа, паж* и др.) и т. д.

6. Группа слов с мягким знаком, которые читаются как краткий *й* (*батальон, каньон, лосьон* и т. д.).

7. В одной из групп заимствованных слов выделяются твердая *л* и мягкая *л'* – фонемы, которые позволяют различать имена существительные и имена прилагательные: *вокал – вокаль* (вокальный), *генерал – генераль* (генеральный), *дифференциал – дифференциаль* (дифференциальный), *интеграл – интеграль* (интегральный), *капитал – капитал* (капитальный), *маргинал – маргиналь* (маргинальный), *радикал – радикаль* (радикальный), *театрал – театраль* (театральный) и т. д.

Ещё больше слов, оканчивающихся на мягкий *л'*: *аномаль, бактериаль, вербаль, визуаль, виртуаль, гениаль, горизонталь, диаметральный, диагональный, зональный, иррациональный, колониальный, континентальный, клерикальный, меридиональный, номинальный, нормальный, радиальный, сентиментальный, социальный, термальный, территориальный, уникаль, формальный, федеральный* и т. д. Эти слова были образованы в результате выпадения русского аффикса прилагательного *-ный*.

Рассмотрим некоторые признаки арабских заимствований в татарском языке:

1. В некоторых словах ударение может не падать на последний слог: *алба́ттә, гомумән, ләкин* и т. д.

2. В отдельных случаях закон сингармонизма не соблюдается: *исраф* (цепочка *и – а*); *икътисад* (цепочка *и – и – а*) и т. д.

3. Встречаются сочетания, например: *-гз-: агъза, -гн-: мәгънә, -гж-: можжиза, -сх-: мәсхәрә*, сочетаний двух *р*: *кәррә*, которых нет в татарском языке и т. д.

4. Употребляются звуки *ф, х, г, хамза*, которых нет в тюрко-татарском языке: *фетнә, халык, һөжүм, тәэсир* и т. д.

Некоторые фонетические признаки персидских заимствований:

1. В отдельных случаях не соблюдается закон сингармонизма: *дивана*, *кэрван* и т. д.

2. Встречаются звуки *ф*, *х*, *г* (*афэрин*, *тэхет*, *һәр*, *һич*), в начале слов звук *р* -: *рас*, *раушан* и т. д.

3. Встречаются сочетания согласных, нехарактерные для татарского языка: *-др* -: *гөлбадран* и т. д.; сочетания двух звуков *р* -: *дәррәү* и т. д.

Как отмечалось выше, большинство указанных здесь фонетических признаков служат лишь общим ориентиром. В специальных трудах по изучению заимствований указаны и другие их виды. Важно проверить источники по словарям, чтобы не ограничиваться только перечисленными здесь особенностями.

В татарском языке очень чётко определены и морфологические признаки арабских, русских и европейских заимствований. В персидских и монгольских заимствованиях эти признаки не бросаются в глаза.

В словах, заимствованных из русского языка, словообразовательные суффиксы и окончания сохраняются главным образом в именах существительных: *-ка* (*линейка*, *клиника*, *юбка*), *-ник* (*мошенник*, *начальник*, *парник*), *-щик* (*натурщик*). Однако количество слов этого типа невелико. А вот примеров слов с окончанием *-изм*, *-ист*, *-ия*, *-ция*, *-ика*, заимствованных из европейских языков, можно привести сотни: *анимизм*, *плюрализм*; *артист*, *дантист*; *авария*, *авиация*, *модификация*, *модуляция*; *техника*, *физика* и т. д.; немало слов с окончаниями *-ер*, *-нер*, *-ор*, *-тор*, выражающих значение активной личности (органа, детали): *актёр*, *легионер*, *планёр*, *револьвер*, *механизатор* и т. д.; особенность, связанную с аффиксом *-аль*, мы отметили выше.

Арабским заимствованиям характерны префиксы *тә-*, *мә-*, *ма-*, *мо-* [*тәгълим* «обучение, преподавание» (ср. *гыйлем*); *тәэсир* «влияние, действие, воздействие» (ср. *эсәр*); *мәктәп* «школа» (ср. *китап* «книга», *китапханә* «библиотека»); *мәрхәмәт* «милосердие, милость; сострадание, сочувствие, снисхождение, пощада» (ср. *рәхмәт*); *могъжиза* «чудо; волшебство» (ср. *гажиз*)], постфиксы *-ия*, *-ият*, *-ат/-эт* [*гадлия* «юстиция» (ср. *гадел*), *эдәбият* «литература» (ср. *эдән*); *хөррият* «свобода, воля, независимость» (ср. *хөр*); *хайванат* «животные, животный мир; живность» (ср. *хайван*)], *-ул/-ый* окончания прилагательного: *гамәли* «практический» (ср. *гамәл*); *гомуми* «общий; всеобщий; единый» (ср. *гомум*); *фәнни* «научный» (ср. *фән*).

Арабским словам также свойственно наличие форм рода для одного и того же слова (*гали* – *галия*, *галим* – *галимә*, *гашикь* – *гашика* и т. д.),

характерны словообразовательные аффиксы наречий *-ан/-эн* (*шәхсэн*, ср. *шәхес*, *шәхси*; *горуран*, ср. *горур*).

Особенностью арабского языка также является наличие редупликативных основ, образованных с помощью аффикса *-а/-ә*, например, *әсвәсә*, *зилзилә*, *силсилә* и т. д.

Морфологическими признаками монгольских заимствований являются и словообразовательный аффикс прилагательных *-гай//-гәй*, *-агай//-әгәй* (*болагай* «неряшливый, нечистоплотный, неопрятный (человек)», *комагай* «алчный, ненасытный, жадный; корыстный, корыстолюбивый», *карагай* «сосна»), *-дар//-дәр*, *-тар//-тәр* (*каудар* «сухая, высохшая трава»), именительный падеж *-сын//-сен* (*кавырсын* «крупные перья», *селәусен* «рус. рысь»). Следует отметить, что большинство монгольских заимствований устанавливается только в результате специальных исторических лингвистических исследований.

Морфологические признаки слов персидского происхождения сложны. Следует отметить, что некоторые персидские прилагательные вошли в татарский язык практически без изменений. Например, *-анә//-әнә* (*мәгъруранә* «гордо; горделиво; с гордостью», *галибанә* «побеждать / победить, побороть кого-л., одерживать / одержать победу над кем-л.»), *-зар//-зәр* > *-сар//-сәр* (*гөлзар* «цветочный сад», *имәнсәр* «дубрава», *каенсар* «березняк» и т. д.), *-ханә* (*китапханә* «библиотека», *чәйханә* «чайная, дом чая»), *-намә* (*васыятьнамә* «завещание», *рөхсәтнамә* «разрешение») и т. д.

Заимствования различаются по семантическим и тематическим группам.

В первую очередь следует отметить, что древние тюрки жили в окружении двух культурных центров – Китаем на юго-востоке и Ираном на Западе. Между Восточной и Средней Азией и Ираном существовала торговля (Великий Шёлковый путь). В начале новой эры к этой торговле присоединились тюрки, смешавшись с согдийцами, которые к V веку сами ассимилировались с тюрками. В этот период в тюркские языки путём калькирования вошло много слов иранского происхождения. Исходя из этого факта, можно предположить, что многие слова в тюркских языках, относящиеся к сфере торговли (товарные названия, измерительно-оценочные термины и др.), происходят из согдийского языка. В самом согдийском языке было много заимствований из древних (сформировавшихся до принятия ислама) персидских и индийских языков. Все они впоследствии перешли в тюркские языки.

Естественно, что многие слова были заимствованы из Древнего Китая – основного производителя и поставщика товаров на Великом Шелковом пути. В первую очередь это наименования товаров китай-

ского происхождения. Затем от китайцев к тюркам перешли и названия культурных достижений, что подтверждается наличием слов, относящихся к музыке (*кэй, кубыз, чэһ* и т. д.), которые имеют китайское происхождение.

Также чувствуется влияние китайского языка и в сфере терминологии управления и судебных дел. Однако в этих областях тюркам особым примером для подражания были иранские народы.

На протяжении долгих веков монголы и тюрки жили в тесном языковом контакте, в результате которого происходил активный обмен и словами. Возможно, именно поэтому в современном языкознании сложно определить, какой из языков является первичным для многих общих слов.

Из арабского языка проникла прежде всего религиозная терминология. Наряду со словами, связанными с исламом, в обиход вошла лексика, относящаяся к различным сферам жизни. Например: 1) общекультурные термины, 2) термины по теории поэзии и литературы, 3) названия понятий о морали и этике, 4) терминология права, государственности, 5) термины материальной культуры (хозяйственно-экономической) и др.

В VIII–XI веках чрезвычайно широкое распространение получили образцы арабской культуры, науки, искусства и литературы. В результате этого и под влиянием общественно-политической роли арабов в европейские языки проникли многие арабские слова. К вошедшим в современную европейскую лексику следует считать слова: *агат, адмирал, алгебра, алгоритм, алкоголь, альманах, алюминий, амальгама, анемона, анилин, арабеска, арсенал, атлас* (ткань), *алзур* (лазурь), *балдахин, бальзам, гитара, фанфара* (*фарфара* по-арабски), *гамаши, газ* (название ткани), *жираф, карат, коттон* (название ткани), *магазин, маскарад* (отсюда – *маска*, но не наоборот), *мохер* (козья шерсть), *мокко* (вид кофе), *муссон, оранжерея, сандалия, сатин, сода, софа, талисман, тамбур, тун* (тунец, вид рыбы), *цифра* (цифр) и др. Этот ряд может быть дополнен и экзотизмами.

Следует отметить, что значительная часть арабских слов не имеет семитских корней, они считаются заимствованными. Сами арабы переняли многие слова из языков древних египтян, вавилонян, персов, греков, римлян, тюрков. Эти заимствования, прежде чем вошли в татарский язык, были освоены арабами. Таковы, например, слова *рызык* ‘пища, хлеб, еда, кушанье’ (из древнеперсидского), *фэлсэфэ* ‘философия’ (из греческого), *кыйсса, сират* ‘мост’ (из латинского), *бөрежэ* ‘бастион, крепость’ (из германских языков).

Персидские заимствования не имеют отличительных семантических признаков: они обнаруживаются в разных тематических группах. Это связано с тем, что иранские народы и тюрки живут в тесном контакте не

менее двух тысяч лет. В первом тысячелетии нашей эры тюрками были тюркизованы кочевые скифо-сарматские племена, говорившие на иранских языках. С другой стороны, многие тюрки сами иранизируются и часто повторно тюркизируются. В то же время персидская духовная и материальная культуры служили образцом для тюрков. В результате этих контактов сложился тюрко-персидский языковой союз: между тюркским и новоиранским языками возникли не только лексические, но и морфологические сходства и отчасти общая лексика.

Займствования по-разному используются в различных диалектах и говорах татарского языка. Например, финно-угорские займствования активны в северных районах Татарстана, русские займствования – в говорах мишарского диалекта, займствования из языков народов Средней Азии – в говорах восточного диалекта.

Таким образом, в этимологических исследованиях требуется комплексное представление о различных аспектах развития языка. В лексическом составе языка должны быть всесторонне изучены фонетические, грамматические особенности употребляемых лексических единиц, возможность взаимодействия с другими родственными и неродственными языками.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексикология представляет собой чрезвычайно сложную и многогранную область языкознания. Известно, что знакомство с языком в первую очередь начинается с изучения слова: именно благодаря освоению знаний о его природе, возможностях употребления, о глубине его значений мы формируем культурно-духовное наследие народа, выявляем контакты нации с другими народами и государствами. В значениях слов закрепляются складывающиеся на протяжении всего развития общества бытовые обычаи и традиции нации, и потому слова выполняют функцию передачи последующим поколениям национальной специфики жизнедеятельности народа. В связи с этим углубленное изучение словарного состава языка позволяет выявить его историю, духовные ценности.

В первом томе «Лексикологии татарского языка» рассматривались вопросы исследования семантики слов и устойчивых словосочетаний, их семантические особенности и специфика образования. В первом разделе рассматривались: значение слова и его смысловое развитие, связи в лексико-семантической системе татарского языка, вертикальные (парадигматические) и горизонтальные (синтагматические) отношения в языке, их особенности.

Слова выполняют различные функции и составляют иерархическую систему. В зависимости от своей семантической природы, они находятся в разных областях этой системы. В центральную часть входят слова с самостоятельным значением. А периферию составляют все другие группы слов, в свою очередь подразделяемые на ближнюю периферию (местоименные слова) и дальнюю периферию (вспомогательные слова, модальные слова и междометия). Семантическая природа слова – явление сложное, в содержании которого обнаруживаются компоненты денотативного и сигнификативного значений, кроме того, в процессе речи его содержание может наполняться и коннотативным значением. В совокупности они формируют внутреннюю природу, форму слова и способствуют возникновению различных семантических вариантов. Объединяя перечисленные компоненты, лексическое значение слова не только называет явления действительности, но и даёт им оценку.

Значение слова представляет собой иерархически упорядоченную структуру, состоящую из тесно связанных между собой, дополняющих друг друга сем. Они играют важную роль в изменении значения слова:

в расширении или сужении объёма его значения. Если при образовании переносного значения архисема и дифференциальная сема частично утрачивают своё значение, то потенциальные семы, напротив, начинают выполнять функцию дифференциальной семы.

В данном разделе также выделены типы лексического значения и проведён их детальный анализ. Кроме того, описаны межсловные парадигматические и синтагматические отношения, их виды и основные особенности, достаточно подробно изложены сущность явления многозначности, пути расширения лексического значения слова в результате восприятия мира носителями языка, рассмотрены метафора как вид переносного значения, метонимия как его разновидность, синекдоха как вид переносного значения слова в речи. Также особое внимание уделено явлению паронимии, вызывающему в языкознании неоднозначное понимание, путям их различения, причинам возникновения и другим, не менее важным вопросам.

Второй раздел данного тома посвящён комплексному изучению татарской фразеологии, которая, как и лексика, составляет целостную систему, с присущей ей автономностью. Отличаясь от слова, с одной стороны, от свободных словосочетаний и предложений – с другой, фразеологизмы в то же время входят в сложную систему языка. Объектом изучения фразеологии являются единицы, которым присущи семантическая целостность, метафоричность, устойчивость структуры и состава, воспроизводимость, образность, красочность, экспрессивность. Подобно словосочетаниям и предложениям, им также присущи определённые структурно-морфологические и синтаксические особенности.

Фразеологическая система изучается во взаимосвязи с другими разделами языка и характеризуется определёнными категориальными признаками (парадигмами). Фразеологические выражения татарского языка отличаются друг от друга по историко-генетическим признакам, лексическому составу, уровню семантико-грамматического сочетания компонентов, тематике, стилистическим функциям, оформлению, лексико-грамматическим значениям и синтаксическим функциям. Так же, как и слова, фразеологические выражения могут быть одно- и многозначными, состоять в синонимических, антонимических и омонимических отношениях друг с другом. Появление синонимических вариантов фразеологизмов – один из самых продуктивных способов обогащения татарской фразеологии.

Фразеологический фонд татарского языка (как и татарский язык в целом) непрерывно развивается и меняется, что связано, во-первых, с изменением самого словарного состава языка, во-вторых, с рождением новых метафорических образов. Возникновение и развитие фразеологизмов тес-

но связано с историей народа, его культурой, бытом, обычаями, верованиями, условиями жизни, духовными устремлениями, эстетическим идеалом, отношением к действительности. Лексический состав фразеологизмов, их лексико-грамматические особенности, характер взаимодействия компонентов являются безусловно богатым и ценнейшим материалом для истории языка.

Фразеологические высказывания повышают эмоциональную силу языка, возможности эстетического воздействия, они являются важным стилевым средством достижения остроты мысли, краткости речи. Эти типы единиц служат также средством усиления идеи, смысла, влияния литературных, политических, публицистических произведений.

Третий раздел книги посвящён такой отрасли, как этимология, изучающей происхождение слова и ориентированной на выявление первичных значений. Здесь представлены сведения о становлении и развитии в татарском языкознании этимологии как отдельной области языкознания, методы этимологического исследования, ранее остававшиеся без внимания в трудах по лексикологии, проведён специальный анализ этимологии корней, основ и аффиксов, являющихся составными частями слова, показаны отличительные признаки тюрко-татарской и заимствованной лексики.

Таким образом, в данном труде обобщаются достижения и результаты развития татарского языкознания, даётся комплексное описание семантики и происхождения слов и устойчивых словосочетаний, являющихся основными лексическими единицами языка.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

На татарском языке

- Абдуллина Р. С.* Сөйләм культурасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2012.
- Абдуллина Р. С.* Стилистика һәм сөйләм культурасы мәсьәләләре. Монография. – Яр Чаллы: КамАЗ, 1997.
- Ахунҗанов Г. Х.* Татар теленең идиомалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972.
- Әүхәдиев И. Ш.* Гарәп алынмаларының фонетик үзлештерелүе турында // Татар тел белеме мәсьәләләре. – Өченче китап. – Казан, 1969. – Б. 112–131.
- Әхәтов Г. Х.* Татар телендә антонимнар // Совет мәктәбе. – 1977. – № 2. – Б. 38–39.
- Әхәтов Г. Х.* Татар телендә полисемантик сүzlәр. – Уфа, 1977.
- Әхәтов Г. Х.* Татар телендә фразеологик әйтelmәләр: Филология фәннәре кандидаты... дис. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1954.
- Әхәтов Г. Х.* Татар теленең лексикасы: педагогия институты һәм колледж студентлары өчен кулланма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.
- Әхәтов Г. Х.* Хәзерге татар теленең лексикасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.
- Әхәтов Г. Х.* Хәзерге татар теленең лексикологиясе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979.
- Әхәтов Г. Х., Закиров Р.* Татар телендә оксюмороннар // Совет мәктәбе. – 1980. – № 11. – Б. 20–22.
- Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001. – 272 б.
- Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 1 том: А–Л. – 544 б. – 2 том: М–Я. – 568 б.
- Әхтәмов М. Х.* Хәзерге башкорт теле. Лексикология, фразеология, лексикография. – Өфө: Башкорт дәүләт университеты, 2002.
- Бадыйков К.* Фразеологизмнар ясалышы // Мәгариф. – 1991. – № 112. – Б. 23–24.
- Бактиков М.* Төрлечә мәгънә аңлаткан бер үк сүzlәр төркеме // Мәгариф. – 1931. – № 7–8. – Б. 64–65.
- Баязитова Ф. С.* Аш-су һәм халык традицияләре лексикасы. – Казан: Дом печати, 2007.
- Баязитова Ф. С.* Әлмәт төбәге татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Казан: Мәгариф, 2001.
- Баязитова Ф. С.* Өстерхан татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Казан: Фикер, 2002.
- Баязитова Ф. С.* Гомернең өч туге. Татар халкының гаилә йолалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992.
- Баязитова Ф. С.* Керәшеннәр. Тел үзенчәлекләре һәм йола ижаты. – Казан, 1997.
- Баязитова Ф. С.* Нократ сөйләше. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Казан: Дом печати, 2006.
- Баязитова Ф. С.* Себер ареалы татар диалектларында этнокультура лексикасы (йола һәм мифология текстлары яссалыгында). – Казан: Алма-Лит, 2010.
- Баязитова Ф. С.* Себер татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Казан: Фикер, 2001.

- Баязитова Ф. С.* Татар-мишәр рухи мирасы. Гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Саранск, 2003.
- Баязитова Ф. С.* Татар халкының бәйрәм һәм көнкүреш йолалары. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.
- Баязитова Ф. С.* Туй йолалары лексикасы. (Жирле сөйләш һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан: Паравитта, 2011.
- Баязитова Ф. С.* Урта Урал (Свердловск өлкәсе) татарлары. Рухи мирас: гаилә-көнкүреш, йола терминологиясе һәм фольклор. – Казан: Фикер, 2002.
- Баязитова Ф. С.* Халык традицияләре лексикасы: бирнә һәм киём-салымнар. – Казан: Алма-Лит, 2009.
- Баязитова Ф. С.* Халык традицияләре лексикасы: бишек туге (йола һәм фольклор текстлары яссылыгында). – Казан: Алма-Лит, 2012.
- Баязитова Ф. С.* Халык традицияләре лексикасы: соңгы туй (дини фольклор һәм жирле сөйләш текстлары яссылыгында). – Казан, 2015.
- Бәширова И. Б.* Сүз белән сурәт ясау. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974.
- Бәширова И. Б.* Татар әдәби теле. Семасиология. – Казан, 2010.
- Бәширова И. Б.* Хәзерге татар әдәби теле. Семасиология: Татар лексикасында системалы бәйләнеш-мөнәсәбәтләр. – Казан: Алма-Лит, 2006.
- Вәлиуллина З. М.* Хәзерге татар әдәби теле. – Казан, 1965.
- Галиуллина Г. Р.* Татар теле. Лексикология: таблицалар, схемалар, анализ үрнәкләре, күнегүләр, сүзлекчә. – Казан: Мәгариф, 2007.
- Галиуллина Г. Р.* Хәзерге татар теле лексикологиясе: уку кулланмасы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2013.
- Ганиев Ф. Ә.* Сүзьясалыш // Татар грамматикасы. – Т. I. – Мәскәү: ИНСАН, Казан: Фикер, 1998. – Б. 201–464.
- Ганиев Ф. Ә.* Сүзьясалышның лексик-семантик ысулы // Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалыш. – Казан: Мәгариф, 2009.
- Ганиев Ф. Ә.* Хәзерге татар әдәби телендә сүзьясалыш. Төзәт. 2 басма. – Казан: Мәгариф, 2006.
- Ганиев Ф. Ә.* Хәзерге татар теленең лексик системасы үсеш юллары // Татар грамматикасы: Өч томда. – Т. I. – Мәскәү: ИНСАН, Казан: Фикер, 1998.
- Гарипова Ф. Г.* Авыллар һәм калалар тарихыннан (Из истории сёл и городов). – Т. I. – Казан, 2001.
- Гарипова Ф. Г.* Авыллар һәм калалар тарихыннан (Из истории сёл и городов). – Т. II. – Казан, 2003.
- Гарипова Ф. Г.* Авыл – милләтебезнең жаны. – Казан: Идел-Пресс, 2011.
- Гарипова Ф. Г.* Исемнәрдә – ил тарихы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1994.
- Гарипова Ф. Г.* Рухи башкалабыз: мәшһүр татар авыллары. – Казан: Мәгариф, 2005.
- Гарипова Ф. Г.* Татар топонимиясе: халкыбызның географик атамаларында – терминнар. Казан: ТӘҺСИ, 2017.
- Гарипова Ф. Г.* Татар топонимиясе: халкыбызның тарихи һәм рухи мирасы. – Казан: Идел-Пресс, 2011.
- Гобәев Р.* Татар телендә омофоннарның ясалыш үзенчәлекләре // Совет мәктәбе. – 1978. – № 3. – Б. 39–40.
- Гобәев Р.* Телдәге лексик-грамматик омонимнар // Совет мәктәбе. – 1981. – № 10. – Б. 21–23.
- Гобәев Р.* Телебездә омографлар // Совет мәктәбе. – 1985. – № 7. – Б. 22–24.

Гобзев Р. Телебездә омоформалар // Совет мәктәбе. – 1983. – № 10. – Б. 22; № 11. – Б. 23.

Гобзев Р. Фразеологик омонимнар // Мәгариф. – 1997. – № 7. – Б. 18–20.

Гыйззәтуллин И. Канатлы сүзләр // Мәгариф. – 2000. – № 1. – Б. 29–32.

Жәләй Л. Татар диалектологиясе. – Казан: Татгосиздат, 1947.

Жәләй Л., Борһанова Н. Б., Мәхмүтова Л. Т. Татар теленең фразеологиясе, мәкаль һәм әйтемләр. – Казан, 1957.

Закирова Р. М. Татар телендә антонимнар // Фән һәм мәктәп. – Яр Чаллы, 1999. – № 9–10. – Б. 83–84.

Закирова Р. М. Хәзерге тел белемдә антонимнарны өйрәнү // Фән һәм мәктәп. – Яр Чаллы, 2000. – № 1–2. – Б. 131–133.

Зәкиев М. З. Туган тел үсеше. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967.

Зәкиев М. З. Татар халкы теленең барлыкка килүе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977.

Зәкиев М. Сүзлек составында терминнар һәм аларны тәртипкә китерү // Мәгариф. – 1997. – № 4. – Б. 32–35.

Зәкиев М. З. Төрки-татар этногенезы. – Казан; Мәскәү, 1998.

Зәкиев М. З. Татар халкы тарихы (этник тамырлары, оешуы һәм киләчәге). – Казан, 2008.

Зәкиев М. З., Сафиуллина Ф. С. Хәзерге татар әдәби теле: Югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2002.

Зөлкарнәй Ф. Заманча иҗтимагый-мәдәни мәгънәләр сүзлегенә // Идел. – 1996. – № 5. – Б. 41–57.

Ибраһимов С. М. Синтаксик стилистика. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1989.

Ибраһимов С. М. Татар телендә синтаксик синонимнар һәм омонимнар // Вопросы тюркологии. – Казан: КГПИ, 1970. – Б. 207–218.

Ибраһимов С. М., Сафиуллина Ф. С. Практик стилистика. Күнегүләр җыентыгы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1978.

Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик әйтемләрнең тарихы һәм үткән белән хәзергегә чагылышы // Фән һәм тел. – 2001. – № 4. – Б. 35–38.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1962.

Исәнбәт Н. Татар халык мәкальләре: 3 томда. – Т. 3. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1967.

Йосытов Ф. Й. Сафакул татарлары: тарих, тел, фольклор. – Казан, 2003.

Йосытова Ә. Ш., Нәбиуллина Г. Ә., Денмөхәмәтова Ә. Н., Мөгътәсимова Г. Р. Татар паремияләренең теле. – Казан: Ихлас, 2010.

Кәримуллин Ә. Татарлар: исемебез һәм җисемебез. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1991.

Кәримуллин Ә. Татар тел белеме библиографиясе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1958.

Курбатов Х. Татар телендә грамматик омонимнар // Татар теле һәм әдәбияты. – Казан, 1959. – Б. 86–94.

Курбатов Х. Р. Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. – Казан: Мәгариф, 2002.

Курбатов Х. Р. Хәзерге татар әдәби теленең стилистик системасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1962.

Мәхмүтов М. И. Татар әдәби теленә кәргән гарәп-фарсы элементлары // Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлегә. – II том. – Казан, 1993.

Мәхмүтов Х. Канатлы сүз – хикмәтле сүз. – Казан, 1999.

Миңнуллин К., Вәлиуллин Р. Татар теле – сүзлекләрдә. Библиографик күрсәткеч. – Казан, 1998.

Мостафина Ф. Лексик кабатлаулар ярдәмендә төзелгән синтаксик фразеологизмнар // Фән һәм мәктәп. – 1999. – № 5–6. – Б. 144–147.

Мостафина Ф. Лексик һәм синтаксик фразеологизмнар арасында мөнәсәбәт // Фән һәм мәктәп. – 2000. – № 3. – Б. 96–98.

Мостафина Ф. Лексик һәм синтаксик фразеологизмнар арасында мөнәсәбәт // Фән һәм мәктәп. – 2000. – № 4. – Б. 91–94.

Мөхәммәдиев М. Г. Татар проза телен үстерүдә фразеологиянең роле (XIX йөз ахыры – XX йөз башы) // Проблемы лексикологии и терминологии татарского языка. – Вып. 1. – Казань, 1993. – С. 101–116.

Мөхәммәдиев М. Г. Шәриф Камал әсәрләрендә фразеологик синонимнар һәм антонимнар // Татар теле һәм әдәбияты. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1959. – Б. 178–185.

Мөхиярова Р. Х. XX гасыр ахыры – XXI гасыр башы татар әдәби теле лексикасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

Мөхиярова Р. Көндәлек матбугат теленә бер караш // Мәгариф. – 1996. – № 2. – Б. 17–18.

Насыри К. Әнмүзәж. – Казан, 1975.

Низамов И. М. И туган тел... – Казан: Мәгариф, 1998.

Низамов И. М. Матбугатның тәэсирле сүзе: Газета лексикасы мәсьәләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981.

Низамов И. М. Уем – тел очында. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995.

Низамов И. М. Яңалык һәм сүз. – Казан: Тат. ГЗК нәшр., 1990.

Ногман М. XVII–XVIII йөзләрдәге русча-татарча кулъязма сүзлекләр. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1969.

Нуриева А. Х. Татар теле тарихынан материаллар. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1975.

Поварисов С. Ш. Мәктәптә әдәби әсәрнең телен өйрәнү. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976.

Поварисов С. Ш. Тел – күңелнең көзгесе. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982.

Поварисов С. Ш. Сүз эчендә энже бар // Мәгариф. – 1992. – № 12. – Б. 24–25.

Рамазанов Ш. А. Татар әдәби теле терминологиясенең үсеш юнәлеше. (Тел экспедициясе материалларыннан) // Мәгариф. – 1935. – № 6. – Б. 22–32.

Рамазанов Ш. А. Татар әдәби теленә гамәлдәге терминологиясен тәртипкә салу, яңа терминнар эшләп чыгару һәм терминологик сүзлекләр төзү эшендә төп принциплар һәм инструкция. – Казан, 1944.

Рамазанов Ш. А. Татар теле буенча очерклар. – Казан: Татгосиздат, 1954.

Рамазанова Д. Б. Атамаларда гаилә һәм туганлык мөнәсәбәтләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2014.

Рамазанова Д. Б. Туйлар, туйлар... – Казан, 1997.

Рамазанова Д. Б. Себер татарларының мәдәнияте һәм теле буенча материаллар. – Төмән, 2000.

Рамазанова Д. Б. Себер диалектларынан материаллар. – Казан: Фикер, 2001.

- Рамазанова Д. Б.* Татар телендә кешегә бәйләнешле лексика. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2013.
- Рәхимова Р. К.* Татар телендә һөнәрчелек лексикасы. – Казан, 1985.
- Сабиров К.* Лексикология // Хәзерге татар әдәби теле (Лексика. Фонетика, орфоэпия. Графика һәм орфография. Морфемика. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965. – Б. 17–38.
- Сабиров К.* Татар телендә паронимнар // Совет мәктәбе. – 1963. – № 2. – Б. 34–37.
- Сабитова И. И.* Татар телендә антоним исемнәрдән ясалган сүзъясалыш ояларының төзелеше // Тенишевские чтения. – Казань: ТГГПУ, 2008. – Б. 221–224.
- Сагидуллина Л. Р., Солтанова Р. А.* Татар теленең паронимнар сүзлегә тәжрибәсе. – Уфа, 2007.
- Сарьян Х.* Уенны уйдырып сал... – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977.
- Саттаров Г. Ф.* Атамалар доньясына сәяхәт. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1992.
- Саттаров Г. Ф.* Исемен матур, кемнәр куйган. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.
- Саттаров Г. Ф.* Синоним, омоним һәм антоним кеше исемнәре // Мәгариф. – 1989. – № 8. – Б. 23.
- Саттаров Г. Ф.* Татар исемнәре ни сөйли? – Казан: Раннур, 1999.
- Саттаров Г. Ф.* Татар теленең антропотопонимнары. – Казан, 1990.
- Саттаров Г. Ф.* Татар топонимиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1998.
- Сафиуллина Ф. С.* Сүз иясе белән йөри. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1985.
- Сафиуллина Ф. С.* Татар теленең лексикасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975.
- Сафиуллина Ф. С.* Татар теленең лексикасы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1975.
- Сафиуллина Ф. С.* Текст төзелеше: Югары уку йортлары өчен дәреслек-кулланма. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993.
- Сафиуллина Ф. С.* Тел белеменә кереш. 1 кисәк. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1987.
- Сафиуллина Ф. С.* Тел гыйлеменә кереш. Югары уку йортларының филология факультеты студентлары өчен дәреслек. – Казан: ТаРИХ, 2001.
- Сафиуллина Ф. С.* Тел дигән дәрәҗә бар. – Казан, 1979.
- Сафиуллина Ф. С.* Хәзерге татар әдәби теле. – Казан: Мәгариф., 1993.
- Сафиуллина Ф. С.* Хәзерге татар әдәби теле. Лексикология (югары уку йортлары студентлары өчен). – Казан: Хәтер, 1999.
- Сафиуллина Ф. С., Зәкиев М. З.* Хәзерге татар әдәби теле: Югары һәм урта уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2002.
- Сәгъди Г.* Әдәбият теориясе. – Казан, 1941.
- Сәгыйтов Р.* Татар теле синонимиясендә гарәп-фарсы алынмалары // Мәгариф. – 1992. – № 10. – Б. 21–22.
- Сәгыйтова А. М.* Татар телендәге агач архитектурасы атамалары белән бәйлә фразеологизмнар // Фән һәм тел. – 2002. – № 2. – Б. 31–33.
- Сәгыйтова А. М.* Татар фразеологизмнарның күпмәгънәлелеге: (агач архитектурасы лексикасы материалларына нигезләнеп) // Милли мәдәният. – 2002. – № 2. – Б. 98–99.
- Сәләхетдинова З. Ф.* Татар прозаигы В. Имамов эсәрләренен лексик үзенчәлекләре: филол. фән. канд. ... дис. – Казан, 2010.
- Сәлимгәрәева Б. С.* Татар телендә лексик омонимнар // Татар теле, әдәбияты укыту методикасы мәсьәләсе. – Уфа: БДУ нәшр., 1971. – Б. 82–85.

- Салимгәрәева Б. С.* Татар телендә омонимнарның барлыкка килүенә карата // Совет мәктәбе. – 1972. – № 5. – Б. 26.
- Салимгәрәева Б. С.* Хәзерге татар телендә омонимнар. – Уфа: БДУ нәшр., 1982.
- Сәфәров Р. Т.* Татар телендә халык этимологиясенң чагылышы // Фәнни Татарстан. – 2018. – № 4 – Б. 24–28.
- Тажиева Л. К.* Татар телендә гарәп алынмалары. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1972.
- Татар грамматикасы. 3 томда. – Т. 2. – М.: ИНСАН, Казан: Фикер, 2002.
- Татар лексикологиясе / ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ИЯЛИ, 2015. Т. 1.
- Татар лексикологиясе / ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ИЯЛИ, 2016. Т. 2.
- Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2017. – Т. III. 1 кис.
- Татар лексикологиясе: өч томда / проект жит. М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. – Казан: ТӘҺСИ, 2018. – Т. III. 2 кис.
- Тумашева Д. Г.* Көнбатыш Себер татарлары теле (грамматик очерк һәм сүзлек). – Казан, 1961.
- Тумашева Д. Г.* Хәзерге татар әдәби теле морфологиясе. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1978.
- Урманчиев Ф. И.* Халык авазы. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974.
- Фасеев Ф. С.* Татар телендә терминология. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1970.
- Фәттахова Р. Ф.* Татар телендә кешегә уңай бәя бирә торган лексик һәм фразеологик берәмлекләр (лексик, структур, лингвокультурологик анализ) // Актуальные вопросы татарского языкознания. Выпуск 6. – Казань, 2007. – С. 121–132.
- Хаков В.Х.* Күп мәгънәле сүзләрнең һәм омонимнарның семантик-стилистик үзгәртелгәнләренә карата // Исследования по татарскому языку. – Казан: Изд-во Казан. ун-та, 1977. – Б. 3–19.
- Хаков В. Х.* Стилистика һәм сүз сәнгате. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979.
- Хаков В. Х.* Татар әдәби теленең совет чорында үсеше (20–30 нчы еллар). – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1985.
- Хаков В. Х.* Татар әдәби теле (стилистика). – Казан: Татар. кит. нәшр., 1999.
- Хаков В. Х.* Татар әдәби теле тарихы. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 1993.
- Хаков В. Х.* Татар милли әдәби теленең барлыкка килүе һәм үсеше. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1972.
- Хаков В. Х.* Тел – тарих көзгесе. – Казан, 2003.
- Халит Г.* Татар теленең составында гарәбизм һәм фарсизм // Совет мәктәбе. – 1939. – № 8. – Б. 57.
- Ханбикова Ш. С.* Сүз һәм аның мәгънәләре // Татар теле һәм әдәбияты. – Чыг. 6. – Казан, 1997. – Б. 50–57.
- Ханбикова Ш. С.* Сүздәге антонимик мәгънәләр // Лексика и стилистика татарского языка. – Казань, 1981. – С. 3–6.
- Ханбикова Ш. С.* Татар телендә синонимнар сүзлегә. – Казан, 1980.
- Хангилдин В. Н.* Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1976.
- Хәзерге татар әдәби теле. Лексика, фонетика, орфоэпия, графика һәм орфография, морфология. Югары уку йорты студентлары һәм урта мәктәп укытучылары өчен. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965.
- Хәкимҗан Ф.* Омонимлык һәм омонимнарны төркемләү // Гыйльми язмалар (ТДГИ). – Казан, 2004. – № 12. – Б. 16–22.

- Хәкимжән Ф., Хәкимжән Д.* 1001 әйтем. – Казан: Gumanitarya, 2004.
- Хәкимжән Ф.* Омонимнарны табу һәм төркемләү // Милли мәдәният. – Казан: Гуманитария, 2004. – № 6. – Б. 33–34.
- Хисамова Ф. М.* Татар теле морфологиясе: Югары уку йортлары өчен дәреслек. – Казан: Мәгариф, 2006.
- Хосни Ф.* Ни әйтергә? Ничек әйтергә? – Казан: Татар. кит. нәшр., 1974.
- Шакирова Р.* Лексик омонимнар һәм аларның этимологиясе // Татар теле һәм әдәбияты. – Чыг. 2. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1963. – Б. 152–157.

На русском языке

- Абдуллин И. А.* К вопросу о хронологизации русских и западноевропейских заимствований в татарском языке // Двухязычие: типология и функционирование. – Казань, 1990. – С. 21–32.
- Абдулина Ф. А.* О моделях семантического словообразования в татарском языке // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы. – Казань, 2011. – С. 106–110.
- Алексеева Л. М.* Термин и метафора. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988.
- Алефиренко Н. Ф., Валух З. О.* Теоретические основы фразеографической репрезентации формально-содержательной вариантности фразеологизмов // Проблемы русской и общей фразеологии. – Новгород, 1990. – С. 23–32.
- Алишина Х. Ч.* Ономастика сибирских татар. В 2 частях. Ч. I. – Тюмень, 1999; Ч. II. – Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1999.
- Алишина Х. Ч.* Тоболо-иртышский диалект языка сибирских татар. – Казань, 1994.
- Амиров Г. С.* Синонимы в произведениях Г. Тукая. – Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1971.
- Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. – ЛГУ, 1963.
- Аничков И. Е.* Об определении слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов: сб. ст. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 58–67.
- Аничков И. Е.* Труды по языкознанию / Сост. В. П. Недельков. – СПб.: Наука, 1997.
- Аппаева Ф. К.* Генетически родственные омонимы в карачаево-балкарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2002.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. – Т. 1. Лексическая семантика. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Избранные труды. – Т. 1. – М.: Наука, 1995.
- Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974.
- Апресян Ю. Д.* Экспериментальное исследование семантики русского глагола. – М.: Наука, 1967.
- Аракин В. Д.* Об омонимах в турецком языке // Советская тюркология. – 1988. – № 1. – С. 12–19.
- Арнольд И. В.* Лексикология современного английского языка. – М.: Изд-во литры на ин. яз., 1959.
- Арнольд И. В.* Основы научных исследований в лингвистике. – М.: Наука, 1991.
- Арнольд И. В.* Семантическая структура слова в современном английском языке и методика её исследования. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1966.

- Арнольд И. В.* Стилистика современного английского языка. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1973.
- Арнольд И. В.* Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. — М.: Флинта: Наука, 2002.
- Арсентьева Е. Ф.* Фразеология и фразеография в сопоставительном аспекте (на материале русского и английского языков). – Казань, 2006.
- Арсентьева М. Г., Строева Т. В., Хазанович А. Т.* Многозначность и омонимия. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1966.
- Арсланов Л. Ш.* К вопросу о происхождении аффикса страдательности // Языки, духовная культура и история тюрков. Труды международной конференции в трёх томах. – Т. I. – Казань, 1992. – С. 243–244.
- Арсланов Л. Ш.* Татары Нижнего Поволжья и Ставрополя: язык, фольклор, словарь. – Наб. Челны, 1995.
- Арутюнова Н. Д.* Типы языковых знаков. – М.: Наука, 1988.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
- Арутюнова Н. Д.* Языковая метафора (синтаксис и лексика) // Лингвистика и поэтика. – М., 1979. – С. 54–68.
- Архангельский В. Л.* Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1964.
- Афанасьев П. С.* Современный якутский язык. Лексикология. – Якутск: Изд-во Якут. гос. ун-та, 1996.
- Афанасьева С. П.* Регулярная полисемия абстрактных существительных со значением процесса (на материале английской строительной терминологии): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1984.
- Аханов К.* Омонимы в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1956.
- Ахатов Г. Х.* Некоторые вопросы системного изучения лексико-семантических категорий татарского языка // Вопросы структуры татарского языка: межвузовский сборник научных трудов. – Казань, 1986. – С. 135–143.
- Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Учпедгизд., 1957.
- Ахметьянов Р. Г.* Об историзме в этимологии // Теория и практика этимологических исследований. – М., 1985. – С. 66–72.
- Ахметьянов Р. Г.* Об отражении регулярного и исторического в татарско-русском словаре // Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка. – Казань, 1976. – С. 76–90.
- Ахметьянов Р. Г.* Общая лексика материальной культуры народов Среднего Поволжья. – М.: Наука, 1989.
- Ахметьянов Р. Г.* Принципы этимологических исследований в области татарской лексики // Вопросы тюркологии. Учёные записки КГПИ. – Казань, 1970. – С. 93–101.
- Ахметьянов Р. Г.* Этимологические основы лексики татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1970.
- Ахтямов М. Х.* Проблема омонимии в современном башкирском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966.
- Ахунзянов Э. М.* Двужычие и лексико-семантическая интерференция. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983.
- Ахунзянов Э. М.* Русские заимствования в татарском языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1968.

Ахунзянов Э. М. Русские кальки в татарском литературном языке // Вопросы татарского языкознания. – Кн. II. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1963. – С. 38–66.

Бабкин А. М. Русская фразеология, её развитие и источники. – М.; Л.: Наука, 1970.

Багаутдинова Г. А. О некоторых вопросах изучения фразеологизмов // Совет мәктәбе. – 1989. – № 2. – С. 38–39.

Багаутдинова Г. А. Человек во фразеологии: антропоцентрический и аксиологический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2007.

Байрамова Л. К. Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001.

Балалыкина Э. А. Развитие противоположных семантических оттенков в пределах одного слова в истории русского языка // Семантика русского языка в диахронии. – Калининград: Изд-во Калинингр. ун-та, 1994. – С. 3–10.

Балаян А. Р., Шабанов А. Ш. Некоторые особенности коммуникативного поведения азербайджанцев // Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982. – С. 88–93.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1955.

Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1961.

Баранов А. Н. О типах сочетаемости метафорических моделей // Вопросы языкознания. – 2003. – № 2. – С. 73–94.

Барлыбаев Р. Расширение и сужение значений слов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1963.

Барсукова Р. С. Заболотный говор тоболо-иртышского диалекта татарского языка в сравнительном освещении. – Казань, 2004.

Бартольд В. В. Сочинения. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 1963. – С. 175–176.

Баскаков А. Н. К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // Советская тюркология. – 1987. – № 5.

Баскаков Н. А. Историко-типологическая морфология тюркских языков (структура слова и механизм агглютинации). – М.: Наука, 1979. – С. 14–146.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. – М., 1971.

Батырмурзаева У. М. Лексико-семантическая структура слова в кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1996.

Бекджанова Р. Омонимы в киргизском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1967.

Белева И. Д. Сопоставительное исследование русских и французских существительных с развитой многозначностью: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2000.

Бердимуратов Е. Очерк лексикологии современного каракалпакского литературного языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1964.

Березин Ф. М., Головин Ф. И. Общее языкознание: учебное пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1979.

Беркутов В. М. Народный календарь и метрология булгаро-татар. – Казань, 1987.

Беширов Б. Ш. Омонимы в современном кумыкском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2002.

Биджиева С. Р. Многозначность имён существительных в карачаево-балкарском языке и её лексикографическая разработка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нальчик, 2001.

- Бишиев А. Г.* Разработка системы значений многозначного слова в толковом словаре // Языкознание. Тезисы докладов и сообщений. – Ташкент, 1980. – С. 123–126.
- Биктимирова А. Р.* Лексическая система татарского языка. – Казань: Изд-во Казан. гос. технич. ун-та, 2008.
- Бичурина Г. И.* Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998.
- Блумфилд Л.* Язык: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1968.
- Блэк М.* Метафора // Теория метафоры. – М.: Наука, 1990. – С. 153–172.
- Богданов С. И.* Форма слова и морфологическая форма. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998.
- Болганбаев А.* Лексикология казахского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – Алмата: Мектеп, 1988.
- Бродский М. Ю.* Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале современного английского и французского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.
- Будагов Р. А.* Слово и значение. – Л.: Изд-во Ленин. ун-та, 1974.
- Будагов Р. А.* Человек и его язык. – Москва: Изд-во МГУ, 1974.
- Булатова А. К.* Полисемия в современном татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2012.
- Булатова А. К.* Полисемия в современном татарском литературном языке. – Казань: ИЯЛИ, 2018.
- Булаховский Л. А.* Введение в языкознание. – М.: Учпедгиз, 1953.
- Булаховский Л. А.* Энантиосемия. Развитие противоположных значений // Русская речь. – 1988. – № 2. – С. 68–70.
- Бурнашева С. А.* Изменения словарного состава татарского языка в советскую эпоху: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1952.
- Валитова Ю. А.* Иноязычные элементы в поэтических произведениях Г. Тукая: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1966.
- Валиуллина З. М.* Философская терминология татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953.
- Варбот Ж. Ж.* Этимология // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энцикл., 1990. – С. 596–597.
- Васильев Л. М.* Современная лингвистическая семантика. – М.: Высш. шк., 1990.
- Введение в литературоведение / под ред. Г. Н. Поспелова.* – М.: Высш. шк., 1976.
- Введенская Л. А.* О взаимодействии антонимии и синонимии // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. – Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1968. – С. 59–75.
- Введенская Л. А.* Синонимические пары антонимов // Русский язык в школе. – 1969. – № 4. – С. 107–108.
- Вендина Т. И.* Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 2001.
- Вердиева З. Н.* Семантические поля в современном английском языке. – М.: Наука, 1986.
- Вилюман В. Г.* Английская синонимика: (Введ. в теорию синонимии и методику изуч. синонимов). [Учеб. пособие для пед. ин-тов по спец. «Иностр. яз.».]. – М.: Высш. шк., 1980.
- Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Академик А. А. Шахматов. – М.: Изд-во АН СССР, 1947.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). – М.; Л., 1947.

Виноградов В. В. Словообразование и его отношение к грамматике и лексикологии (на материале русского и родственных языков) // Вопросы теории и истории языка. – М., 1952. – С. 99–152.

Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слов // Вопросы языкознания. – 1953. – № 5. – С. 3–29.

Виноградов В. В. Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. – 1954. – № 5. – С. 13.

Виноградов В. В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – 1968. – № 5. – С. 58–76.

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977.

Винокур Г. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. – М.: Наука, 1980.

Витгенштейн Л. В. Логико-философский трактат. – М., 1959.

Вишнякова О. В. Паронимы современного русского языка. – М., 1981.

Воронцова Г. Н. Очерки по грамматике английского языка. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1960.

Вундт В. Проблемы психологии народов. – М.: Академический проект, 2010.

Гаврин С. Г. Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения). – Пермь: Пермск. гос. пед. ин-т, 1974.

Гак В. Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). – М.: Наука, 1977.

Галиуллина Г. Р. К вопросу разграничения терминов «разговорная речь» и «литературный язык» в современном татарском языкознании / Г. Р. Галиуллина, Д. Р. Мубаракзянова // Филология и культура. – № 4 (38). – 2014. – С. 57–61.

Галиуллина Г. Р. Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008.

Галиуллина Г. Р., Кадирова Э. Х., Хадиева Г. К. Современная татарская разговорная речь: идентификационные признаки и социальная дифференциация. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020.

Галиуллина Г. Р., Юсупова А. Ш., Хадиева Г. К., Денмухаметова Э. Н. Тюркотатарская лексика как проекция национального менталитета: на материале лексической группы «Природа». – Казань: Редакционно-издательский центр, 2011.

Галкина-Федорук Е. М. Слово и понятие. – М.: Учпедгиз., 1957.

Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: Лексика. – М.: Изд-во МГУ, 1954.

Ганиев Ф. А. Суффиксальное образование глаголов в современном татарском литературном языке. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1974.

Гаптелганиева Д. М. Многозначность и омонимия в системе татарской глагольной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999.

Гарипов Т. М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. – М.: Наука, 1979.

Гарипова Ф. Г. Духовный родник: Знаменитые татарские деревни. – Казань: Магариф, 2005.

Гарипова Ф. Г. Исследования по гидронимии Татарстана. – М.: Наука, 1991.

Гарипова Ф. Г. История в названиях. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1995.

Гарипова Ф. Г. Татарская гидронимия (Вопросы этногенеза татарского народа по данным гидронимии). – Книга первая. – Казань, 1998.

Гасанов А. А. Омонимия в азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1980.

Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразеобразования. – Изд-во Ростовского ун-та, 1977.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. – М.: Учпедгиз, 1955.

Гельдымурадов А. Критерии определения лексических омонимов в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1974.

Гелястанова Т. С. Паронимы в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2007.

Гинзбург Е. Л. Конструкции полисемии в русском языке. Таксономия и метонимия. – М.: Наука, 1985.

Гинзбург Е. Л. Одноимённость однокоренных производных // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1978. – С. 134–136.

Гинзбург Р. С. Значение слова и методика компонентного анализа // Иностр. языки в школе. – 1978. – № 5. – С. 21–26.

Глухов В. М. Вопросы многозначности фразеологических единиц и их решение в «Фразеологическом словаре русского языка» / под ред. А.И. Молоткова // Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц. – Тула, 1968.

Голев Н. Д. Деривационное развитие слова в русском тексте (на материале лексико-деривационного поля слова «перестройка») // Явление вариативности в языке. – Кемерово, 1997.

Голев Н. Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.

Голев Н. Д. Идиоматичность слова в лексическом и словообразовательном аспектах // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках: семантика и функционирование. – Часть 1. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.

Голев Н. Д. Лексико-деривационное пространство русского текста: структура, семантика, прагматика // Фатическое поле языка (памяти профессора Л. Н. Мурзина): Межвуз. сб. науч. трудов. – Пермь, 1998.

Голев Н. Д. Эпидигматика и деривационные процессы в речи (детерминационный аспект) // Проблемы деривации в системе языка и в речевой деятельности (синхронное словообразование и номинация): Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1995.

Головин Б. Н. Введение в языкознание. – М.: Высш. шк., 1983.

Головин Б. Н. О типах лексических значений слов русского языка // Учен. зап. Горьковского ун-та. – 1960. – Вып. 59. – С. 61–73.

Головин Б. Н. Основы культуры речи. – М.: Издательский дом ЮНИТИ, 1988.

Голуб И. Б. Стилистика современного русского языка. Лексика. Фонетика. – М.: Высш. шк., 1986.

Грабчиков С. М. Межъязыковые омонимы и паронимы. Опыт русско-белорусского словаря. – Минск: Изд-во БГУ, 1980.

Губарев В. П. К типологии фразеологической модели (на материале немецкого языка) // Филологические науки. – 1985. – № 4. – С. 65–68.

Гузев Ж. М. Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1985.

Джаффаров С. А. Лексика азербайджанского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Баку, 1959.

Диброва Е. И. О грамматических преобразованиях фразеологических единиц-словформ // Очерки по лексике и фразеологии. – Ростов н/Д., 1976.

Диброва Е. И., Касаткин Л. И., Николина Н. А., Щеболева И. И. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц / под ред. Е. И. Дибровой. – Ч. I. – Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

Дроздов Ю. Н. Тюркская этнонимия древнеевропейских народов. – М., 2008.

Дронов П. С. Общая лексикология. – М.: Языки славянской культуры, 2015.

Ефимов А. О языке художественных произведений. – М., 1954.

Жанпейсов Е. Н. Этнокультурная лексика казахского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1990.

Жданов О. К. Метонимия как средство обогащения словарного состава французского языка. – М.: Наука, 1989.

Жирмунский В. М. Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков. – М.-Л.: Наука, 1964.

Жирмунский В. М. История немецкого языка. – М.: Высш. шк., 1965.

Жуков В. П., Жуков А. В. Морфологическая характеристика фразеологизмов русского языка. – Л., 1980.

Жуков В. П. Русская фразеология. – М.: Высш. шк., 1986.

Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978.

Завьялова В. М. Антонимы (Пособие по лексике немецкого языка). – М.: Высш. шк., 1956.

Задорожный М. И. О границах полисемии и омонимии. – М.: Изд-во МГУ, 1971.

Закиев М. З. История татарского народа (этнические корни, формирование и развитие). – М.: ИНСАН, 2008.

Закиев М. З. Происхождение тюрков и татар. – М., 2003.

Закирова Г. К. Синонимы в языке тюрко-татарских письменных памятников периода Золотой Орды. – Казань: Изд-во Казан. гос. техн. ун-та, 2009.

Закирова Р. М. Антонимы в татарском языке (лексико-грамматические, семантические и стилистические особенности употребления): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2002.

Закирова Р. М. Антонимы в татарском языке: проблемы функционирования.– Елабуга: Изд-во Елабуж. гос. пед. ун-та, 2004.

Закирова Р. М. Проблема антонимии в разноструктурных языках // Академик Э.Р. Тенишев и тюркский мир. – Казань: КФУ, 2012. – С. 105–108.

Закирова Р. М. Фразеологические антонимы // Некоторые проблемы лингвистики на неязыковых факультетах: сб. ЕГПИ. – Елабуга, 2001. – С. 29–37.

Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы её представления. – М.: Языки славянской культуры, 2006.

Закирова Р. М., Атаманова Г. И. Соотношение антонимии и полисемии в татарском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – № 2-2. (URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=22224> (дата обращения: 06.12.2021)).

Закирова Р. М., Никишина С. Р. К вопросу о проблеме антонимии и синонимии в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. – № 12(54): – С. 87–89.

Зегинцев В. А. Замечания о лексической синонимии // Вопросы теории и истории языка (сб. ст. в честь профессора Б. А.Ларина). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1963. – С. 25–40.

Зегинцев В. А. Семасиология. – М.: Высш. шк., 1957.

Иванникова Е. А. Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.-Л., 1966.

Исабеков Б. О. Лексическая антонимия в современном узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1973.

Историческое развитие лексики тюркских языков. – М., 1961.

Ишбердин Э. Ф. Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986.

Калинин А. В. Лексика русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1978.

Камецкайте Н. Л. Синонимы в английской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1971.

Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. – М.-Л.: Наука, 1965.

Кидирнязова М. И. Полисемия в ногайском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2003.

Курсанова Н. А. О синонимике фразеологических единиц в трилогии Ф.В. Гладкова // Учёные записки Черновицкого университета. Т. 29. Серия филологических наук. – Вып. 5. – 1958. – С. 52.

Клюева В. Н. Проблема антонимов // Учёные записки 1-го Московского педагогического института иностранных языков. – Т. 9. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1956. – С. 75–85.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М: Эдиториал УРСС, 2000.

Колесов В. В. История русского языка в рассказах. – М.; СПб., 2005.

Колпакова Г. В. Семантика языковой единицы. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004.

Комиссаров В. Н. Семантическая характеристика слов-антонимов (на материале английского языка). – М.: Наука, 1962.

Коноваленко В. С., Коноваленко С. С. Антонимы. – М.: Гном и Д., 2003.

Копыленко М. Н., Попова З. Д. Очерки по общей фразеологии. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1972.

Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. – М.: Академия, 2013.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: Наука, 1984.

Кузнецова Э. В. Русская лексика как система. – Свердловск, 1980.

Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – 2-е изд., перераб. – М., 1996.

Курилович Е. Заметки о значении слова // Очерки по лингвистике. – М.: Прогресс, 1962. – С. 237–250.

Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Лантева О. А. Теория современного русского литературного языка. – М., 2003.

Ларин Б. А. О народной фразеологии // История русского языка и общее языкознание. – М., 1977.

Лебедева Т. Е. Полисемия в русских народных: на материале имён существительных: дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2002.

Лексика и стилистика татарского языка. – Казань: Каз. фил. АН СССР, 1982.

Лексикология узбекского языка / А. Ходжиев, Г. Мухаммаджанова, Э. Бегматов и др.; отв. ред. А. Ходжиев, А. Ахмедов. – Ташкент: Фан, 1981.

Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. – М.: Наука, 1976. – С. 46–73.

Леонтьев А. А. Формы существования значения // Психолингвистические проблемы семантики. – М.: Наука, 1983. – С. 154–182.

Лещева Л. М. Слова в английском языке. – Минск: Академия управления при Президенте РБ, 2001.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи. – М.: Высш. шк., 1984.

Мардиева Л. А. Актуальные тенденции развития лексики русских и татарских газетно-журнальных текстов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1998.

Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие. – М.: Тетра Системс, 2005.

Материалы к идеографическому словарю диалектов татарского языка / авт.-сост.: А. Г. Шайхулов, Л. У. Бикмаева, З. Р. Садыкова. – Т. 1. – Уфа: РИО БашГУ, 2005.

Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания. – М.: Высш. шк., 1974.

Меметов А. Крымско-татарский язык: история изучения, лексикология, фонетика, морфология. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2013.

Меметов А. М. Лексикология крымско-татарского языка: учеб. пособие. – Симферополь: Крымучпедгиз, 2000.

Метафора в языке и тексте: Сб. статей. – М.: Наука, 1988.

Метхиева Т. М. Полисемия имён существительных в современном азербайджанском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1984.

Миртаджиев М. Возникновение лексических омонимов в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент, 1967.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1990.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., исп. и доп. – М., 1989.

Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977.

Морковкин В. В. Лексическая многозначность и некоторые вопросы её лексикографической интерпретации // Русский язык. Проблемы художественной речи, лексикологии и лексикографии. Виноградовские чтения. IX–X. – М.: Наука, 1981. – С. 153–166.

Муравицкая М. П. Некоторые вопросы полисемии. – Киев: Изд-во МГУ, 1984.

Мусабаев Г. Г. Лексика современного казахского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1960.

Мусаев К. М. Тюркская лексикология. – М., 1984.

Мусин Ж. Антонимы в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1970.

Мухамеджанов Ш. Переносные значения слов в современном казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1968.

Мухамедова З. М. Исследования по истории туркменского языка. Этимологический словарь. – Ашхабад, 1973.

Мухиярова Р. Х. Развитие лексики татарского литературного языка в 80–90-е годы XX века (на материале периодической печати): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1999.

Назаров А. Полисемия в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ашхабад, 1974.

Назарян А. Г. Фразеология современного французского языка. – М., 1987.

- Наситов И. С.* Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова, 2009.
- Наситов И. С.* Финно-угорские заимствования в татарском языке: синопсис и таксономия: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 2010.
- Ненила Н. Г.* Полисемант голова и реализация его словообразовательного потенциала в русском литературном языке и говорах: дис. ... канд. филол. наук. – Белград, 2006.
- Низамов И. М.* Язык современной татарской печати (на материале газетной лексики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа. – 1981.
- Никатуева З. Ш.* Полисемия и омонимия в даргинском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2003.
- Никитин М. В.* Лексические значения в слове и словосочетаниях. – Владимир: Изд-во ВГПИ им. П. И. Лебедева-Полянского, 1974.
- Никитин М. В.* Основы лингвистической теории значения. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
- Новиков Д. Н.* Разграничение полисемии и омонимии в свете когнитивной лингвистики (на материале английского языка): дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2001.
- Новиков Л. А.* Антонимия в русском языке. (Семантический анализ противоположности в лексике). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973.
- Новиков Л. А.* Логическая противоположность и лексическая антонимия // Русский язык в школе. – М., 1966. – № 4. – С. 87–88.
- Новиков Л. А.* Семантика русского языка. – М., 1982.
- Новиков Л. А.* Средство выражения антонимии // Русская речь. – М., 1973. – № 1. – С. 48–51.
- Нугуманова А. А.* Метафоры в татарском языке: лексико-грамматический и стилистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009.
- Общее языкознание. Внутренняя структура языка / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М., 1972.
- Ожегов С. И.* О структуре фразеологии // Лексикографический сб. – Вып. 2. – М., 1957.
- Ольшанский И. Г., Скиба В. П.* Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка). – Кишинёв: Штиинца, 1987.
- Остроумов Н.* Первый опыт словаря народно-татарского языка по выговору крещёных татар Казанской губернии. – Казань, 1876.
- Отаров И. М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. – Нальчик: Эльбрус, 1996.
- Падучева Е. В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). – М.: Языки русской культуры, 1996.
- Пауль Г.* Принципы истории языка / Пер. с немец. – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1960.
- Песина С. А.* От инварианта многозначного слова к лексическому прототипу // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 53–61.
- Песина С. А.* Полисемия в когнитивном аспекте. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005.
- Петров В. В.* Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–145.
- Пизани В.* Этимология. – М., 1956.

Плотников Б. А., Трайковская В. Ф. Дихотомическая лексикология. – Минск: Университетское, 1989.

Пономарёва О. Б. Семантическая деривация и многозначность: неоднозначность и слияние смыслов в поэтическом тексте // Вестник ТюмГУ. – 2006. – № 4. – С. 212–217.

Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления. Вопросы теории и психологии мышления. Вопросы теории и психологии творчества. – Т. 2. – Вып. 2. – СПб.: Издание А. С. Суварина, 1910.

Прохорова В. Н. Энантиосемия в современном русском языке (о причинах и условиях возникновения и функционирования слов с противоположными значениями) // Вопросы русского языкознания. – Вып. 1. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – С. 157–165.

Прохорова В. Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах // Филологические науки. – 1961. – № 1. – С. 122–127.

Прохорова В. Н. Полисемия и лексико-семантический способ словообразования в современном русском языке: лекции по спецкурсу. – М.: Изд-во МГУ, 1980.

Радлов В. В. О языке куманов по поводу издания куманского словаря. – СПб., 1884.

Райхштейн А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высш. шк., 1980.

Рамазанова Д. Б. Вариативность диалектной лексики татарских говоров юго-западной Башкирии // Нормативность и вариативность в татарском языке. – Казань, 1987. – С. 68–90.

Рамазанова Д. Б. Вопросы татарской диалектологии. – Казань, 2008.

Рамазанова Д. Б. Названия одежды и украшений в татарском языке в ареальном аспекте. – Казань, 2002.

Рамазанова Д. Б. Существование терминов «мещеряки», «башкиры», «тептяры» в Западной Башкирии // Исследование языка древнеписьменных памятников. – Казань, 1980. – С. 142–157.

Рамазанова Д. Б. Татарская диалектная лексикография и лексикология на рубеже III тысячелетия // Актуальные вопросы татарского языкознания. – Казань, 2002. – С. 101–106.

Рамазанова Д. Б. Татары Восточного Закамья: их распространение, особенности говора. – Казань: Магариф, 2001.

Рамазанова Д. Б. Формирование татарских говоров юго-западной Башкирии. – Казань, 1981.

Рассадин В. И. Лексика современного тофаларского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 1967.

Рассадин В. И. Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1971.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имён: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000.

Рахимова А. Р. Лексика диалектов сибирских татар: сравнительно-исторический анализ промысловой и хозяйственной лексики. – Казань: Мастер-Лайн, 2001.

Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1999.

Реформатский А. А. Введение в языкознание. – М.: Просвещение, 1967.

Родичева Э. И. К проблемам антонимии // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. Филологический факультет. – Вып. 3. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.

Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М.: Айрис-Пресс, 2002.

Розина Р. И. Категориальный сдвиг актантов в семантической деривации // Вопросы языкознания. – 2002. – № 2. – С. 3–15.

Рублёва О. Л. Лексикология современного русского языка. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2004.

Руднев А. Г. Проблема фразеологии. Лекция курса «Современный русский язык». – Л., 1960.

Русский язык: Грамматическое учение о слове. – 2-е изд. – М., 1972.

Русский язык. Энциклопедия. – М.: Сов. энцикл., 1979.

Саберова Г. Р. Названия растений в татарском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 1995.

Сагдеева Ф. К. О соотношении понятий «семантическая деривация» и «полисемия» // Словообразование в тюркских языках: исследования и проблемы. – Казань, 2011. – С. 337–340.

Сагдеева Ф. К. Проблемы культуры татарской речи в условиях активного двуязычия. – Казань: Фикер, 2003.

Садыкбеков Р. Проблема многозначности слов в казахском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1973.

Садыкова З. Р. Говоры оренбургских татар. – Казань, 1985.

Садыкова З. Р. Зоонимическая лексика татарского языка. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1994.

Садыкова З. Р. Названия хозяйственных построек и инвентаря в татарском языке. – Казань, 2003.

Салахова Р. Р. Омонимичные суффиксы татарского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2004.

Салахова Р. Р., Гайнутдинова Г. Р., Мухарлямова Г. Н. Татарско-русские межъязыковые омонимы как вид лексических трудностей перевода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 1 (19). – С. 159–162.

Саманба Л. Х. О границах полисемии и омонимии (на материале абхазского языка). – Сухуми: Алашара, 2002.

Самойлович А. Н. Богатый и бедный в тюркских языках // Тюркское языкознание. Филология. Руника. – Москва, 2005. – С. 291–330.

Санжеев Г. Д. О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // Советская тюркология. – 1973. – № 6.

Саттаров Г. Ф. Синонимичные личные имена в татарском языке // Татарский язык: лексическая и грамматическая семантика. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1984.

Саттаров Г. Ф. Синонимия, антонимия и омонимия в татарской антропонимии // Советская тюркология. – 1984. – С. 24–31.

Саттарова З. М. Омонимы в современном крымскотатарском языке (на уровне лексем и словоформ): дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2003.

Сафаров Р. Т. Этимологические словари в тюркских языках: общая характеристика // Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире: Материалы I Международной научной конференции. 2017. – С. 397–399.

Севостьянова О. И. Северное Причерноморье в классический период // История Древней Греции. – Изд. II. – М., 1972.

Серебренников Б. А. Тюрко-монгольские параллели в истории тюркских языков // Советская тюркология. – 1980, 1983. – № 5.

Сетаров Д. С. Тюркизмы в русских названиях лошадей // Советская тюркология. – 1981. – № 6.

Скляревская Г. Н. Метафора в системе языка. – СПб.: Наука, 1993.

Смирницкий А. И. Значение слова // Вопросы языкознания. – 1955. – № 2. – С. 79–89.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1956.

Смирницкий А. И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. – М.: АН СССР, 1955.

Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. – Ч. 1: Фонетика и орфоэпия. Графика и орфография. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Морфемика. Словообразование / Е. И. Диброва, Л. И. Касаткин, Н. А. Николина, И. И. Щеболева; под ред. Е. И. Дибровой. – М.: Академия, 2001.

Солодуб Ю. П. О семантико-грамматической классификации фразеологизмов // Русский язык в школе. – 1988. – № 3. – С. 39–42.

Солодуб Ю. П. Сопоставительный анализ структуры лексического и фразеологического значений // Филологические науки. НДВШ. – 1997. – № 5. – С. 43–54.

Солодухо Э. М. Проблемы интернациональной фразеологии. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982.

Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1972.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006.

Степанов Ю. С. Семнологический принцип описания языка // Принципы описания языков мира. – М., 1976.

Степанов Ю. С. Семантика. Антология. – М.: Академический проект, 1997, 2001.

Стернин И. А. Лексическая семантика слова в речи. – Воронеж, 1985.

Стернина М. А. Лексико-грамматическая полисемия в системе языка: Опыт разработки интегральной теории полисемии: дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1999.

Субаева Р. Х., Большаков И. Б. Справочник татарских личных имён. – Казань, 1973.

Сулейманов Д. Ш., Гатиатуллин А. Р. Структурно-функциональная компьютерная модель татарских морфем. – Казань: Фэн, 2003.

Суфьянова Н. Ф. Проблема многозначности в башкирском языке и её лексикографическая разработка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1993.

Талыбов К. А. Антонимы в современном азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Баку, 1971.

Татаринцев Б. И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл, 1976.

Татаринцев Б. И. Смысловые связи и отношения слов в тувинском языке. – М.: Наука, 1987.

Телия В. Н. Метафоризация как основной приём создания лексических и фразеологических средств языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке – языковая картина мира. – М.: Наука, 1988.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

Толикина Е. Н. О природе и характере синонимических связей фразеологической единицы и слова // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.; Л., 1966.

Трифопова Е. Н. Полисемия банковских терминов в английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2004.

Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. – Вып. 5. – М., 1970. – С. 250–299.

Усманов С. Антонимнар // Узбек тили ва адабиети масалалари. – Тошкент, 1958. – № 2. – С. 33–40.

Усубалиев Б. И. Антонимы в киргизском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1982.

Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семасиологического описания лексики. – М.: Наука, 1986.

Уфимцева А. А. Семантика слова // Аспекты семантических исследований. – М., 1980.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. – М.: Наука, 1974.

Файзуллина Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира: на материале татарских народных говоров юга Тюменской области: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.02. – Казань, 2017.

Фаттахова Р. Ф. Интенсивность как самостоятельная функционально-семантическая категория и её отражение в татарской фразеологии // Галимджан Ибрагимов и XXI век. Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения Г. Ибрагимова. – Казань, 2007. – С. 191–196.

Фаттахова Р. Ф. Логико-семантические модели фразеологических единиц с количественным значением // Тюркология: история и современность. К 85-летию со дня рождения акад. Э.Р. Тенишева. – Казань, 2006. – С. 132–134.

Фаттахова Р. Ф. О коннотативном и национально-культурном компонентах фразеологических единиц татарского языка с количественным значением // Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы филологии и методики её преподавания в вузе и в школе», посвящённой 55-летию филологического факультета ЕГПУ (Елабуга, 20–21 ноября 2008 г.). – Елабуга, 2008. – С. 380–383.

Фаттахова Р. Ф. Оценочно-квалифицирующая характеристика татарских фразеологических единиц с лексическим компонентом «число» // Актуальные проблемы татарского языка и литературы. II часть: языкознание. Сборник научно-методических статей. – Sterlitaamak, 2004. – С. 256–260.

Фёдоров А. И. Лекции по русской фразеологии, прочитанные студентам НГУ. – Новосибирск, 1964.

Фидаева Л. И., Юсупов Р. А. Синтагматические отношения лексических единиц русского и татарского языков. – Казань: Изд-во Казан. пед. ун-та, 2002.

Филоненко Т. М. Фразеологический образ в языковой модели количества. – Магнитогорск: Изд-во МГПИ, 1999.

Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высш. шк., 1990.
Хабиров Л. Г. Структурно-семантические особенности антонимов в татарском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 1984.

Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное формообразование и словообразование. – Черкесск, 1977.

Хайитов Б. Т. Фразеологизмы в словаре // Русская речь. – 1987. – № 1. – С. 86–89.

Хайруллин М. Б. Глобализация и развитие национальных культур и языков. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2006.

Хайруллин М. Б. Некоторые вопросы единства интернационального и национального в разносистемных языках. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991.

Хайруллин М. Б. Проблемы развития лексической системы татарского литературного языка. – Казань: Фикер, 2000.

Хайрутдинова Т. Х. Бытовая лексика татарского языка. – Казань: Фикер, 2000.

Хайрутдинова Т. Х. Златоустовский говор татарского языка. – Казань, 1985.

Хайрутдинова Т. Х. Названия пищи в татарском языке. – Казань, 1993.

Хайрутдинова Т. Х. Народные названия растений в татарском языке. – Казань, 2004.

Хакимзянов Ф. С. Изучение омонимии в татарском языкознании // Российская тюркология. – 2009. – № 1. – Б. 75–83.

Ханбикова Ш. С. Однокоренные синонимы в современном татарском языке // Тезисы итоговой сессии ИЯЛИ за 1972 г. – Казань, 1973. – С. 21–23.

Харченко В. К. Переносные значения слова. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1989.

Хуснутдинов А. А. Грамматика фразеологической единицы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Казань, 1996.

Чернышёва И. И. Семантические процессы в фразеологии и фразеологическая деривация // Законы семантического развития в языке. – М., 1961.

Чудинов А. П. Многозначность в лексике современного русского языка. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1999.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

Шайхулов А. Г. Историческая и диалектная лексика тюркоязычных народов Волго-Камско-Уральского региона: (Аспекты систем. характеристики). – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1988.

Шайхулов А. Г. Лексические взаимосвязи кыпчакских языков Урало-Поволжья в свете их историко-культурной общности: (Аспекты систем.-идеогр. характеристики на общетюрк. фоне) / науч. ред. Э. Р. Тенишев. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 1999.

Шайхулов А. Г. Структура и идеографическая парадигматика односложных корневых основ в кыпчакских языках Урало-Поволжья: (Синописис и таксономия когнитив. сферы «Природа (неживая и живая)» в континууме обще-межтюрк. лексик) / науч. ред. Э. Р. Тенишев. – Уфа: Изд-во Башк. ун-та, 2000.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972.

Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. – М., 1959.

Шанский Н. М. Современный русский язык: Лексика. – М., 1977.

Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1985.

Шендельс Е. И. О грамматической полисемии // Вопросы языкознания. – 1962. – № 3. – С. 47–55.

Шкилёв Р. Е. Метонимический перенос в устойчивых терминологических сочетаниях (на примере юридической терминологии английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2005.

Шкуропацкая М. Г. Метонимические отношения в лексической системе русского языка // Филологические науки. – 2003. – № 4. – С. 70–73.

Шкуропацкая М. Г. Системоцентристский аспект лексической деривации (введение в новую парадигму) // Проблемы русистики. – Томск, 2001.

Шмелёв Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964.

Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики на материале русского языка. – М.: Наука, 1973.

Шмелёв Д. Н. Современный русский язык. Лексика. – М.: Просвещение, 1977.

Шукуров Р. Антонимы в узбекском языке. – Ташкент: Фан, 1977.

Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Т. 1. – Л.: Наука, 1958.

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Избранные работы по языку и фонетике. – Т. 1. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. – С. 54–91.

Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений // Избранные работы по русскому языку. – М., 1957.

Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. – М.: Наука, 1972.

Юнусалиев Б. М. Киргизская лексикология. – Ч. 1. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1959.

Юрченко В. С. Философия языка и философия языкознания: Лингвофилософские очерки. – М.: комКнига, 2005.

Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань, 1971. – С. 217–231.

Юсупов Р. А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1980.

Юсупов Ф. Ю. Изучение татарского глагола. – Казань, 1986.

Якупова Г. К. Библиография по татарскому языкознанию. – Казань, 1988.

На иностранных языках

Barcelona A. The State of the Art in the Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy and its Application to English Studies // The European English Messenger. – 1998. – Vol. VII. – № 1. – P. 45–48.

Black M. More about Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge. – 1980. – P. 19–42.

Galiev N.F., Galiullina G.R. Emotive idioms Tatar language as national mentality reflection // Journal of Language and Literature. – Volume 6, Issue 1, 1 February 2015. – P. 273–276.

Galiullina G. R., Yusupova A. Sh. Foundations of Tatar linguistics in the works of Kayum Nasyri (on the 190th anniversary of the scholars birth) // *Tatarica*. – 2015. – № 1 (4). – P. 7–17.

Gregoriou Ch. «Behaving Badly»: A Cognitive Stylistics of the Criminal Mind. *Nottingham Linguistic Circular* 17, 2002. – P.6173.

Günay Karaağaç. Türkçenin dil bilgisi. – Ankara: Akcag, 2012.

Jackendoff R. *Semantics and Cognition*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1995.

Handbücher zur Sprach und Kommunikationswissenschaft / Handbooks of Linguistics and Communication Science. – Bd. 21: Lexikologie / Lexicology. – Halbband 1–2 / Hrsg. v. D. A. Cruse, F. Hundsnurscher, M. Job, P. Lutzeier. – Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2005.

Ibrahim Kafesoglu. *Ogurlar // Turk Diinyasi El Kitabı. Birinci Cilt*. – Ankara: 1992. – S. 156–159.

Kaşgarlı M. *Divanu Lugat-it-Türk Tercumesi*. – 3 baskı. IV cilt. –Ankara: «Endeks», 1992.

Karatay Osman. *Bey ile Büyücü. Avrasyada Tann, Hükümdar, Devlet ve İktisat*. İstanbul, 2006.

Karatay Osman. *İRAN ile TURAN. Hayali Milletler Qagında Avrasya ve Ortadoğu*. – Ankara, 2003.

Kaşgarlı Mahmut. *Divanü lugat-it Türk çevirisi / Çev.: Besim Atalay*. – 5. bsk. – Ankara: Türk Dil Kurumu, 2006.

Longman Dictionary of Contemporary English. – English Longman Group Ltd, 1995.

Rasanen M. *Versuch eines etimologischen Wörterbuchs der Türkspachen*. – Helsinki, 1969.

Talmy L. *Lexicalization Patterns: Semantic structure in Lexical Forms // Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3: Grammatical Categories and the Lexicon*. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1985. – P. 57–149.

The Longman Register of New Words. – Longman: Русский язык, 1990.

Typology of Quantification: On Quantifiers and Quantification in Finnish and Languages Spoken in the Central Volga–Kama Region // Editors: Pirkko Suihkonen & Valery Solovyev) / Gulshat Galiullina, Alfiya Yusupova, Gul'nara Mansurova. – University of Helsinki. – *LINCOM Studies in Language Typology* 28. – Muenich, 2013.

Yusupova A. S., Galiullina G. R., Denmukhametova E. N. Representation of national mentality in Turkic-Tatar vocabulary// *Life Science Journal*. – Volume 11, Issue 7, 2014, Article number 66. – P. 506–508.

Zekiev M. Z. *Turklerin ve Tatarların kökeni*. – İstanbul, 2006.

Словари

Арабско-русский словарь. Т. 2. / сост. Х. К. Баранов. – М.: Советская энциклопедия, 1970.

Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. – М.: Советская энциклопедия, 1969.

Ахманова О. С. *Словарь омонимов русского языка*. – М.: Русский язык, 1986.

Ахтямов М. Х. *Словарь антонимов башкирского языка (на башкирском языке)*. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1973.

Әхәтов Г. Х. *Татар теленең фразеологик әйтелмәләр сүзлегенә*. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1980.

- Әхәтов Г. Х. Татар теленең фразеологик әйтмәләр сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1982.
- Әхәтов М. Х. Омонимнар һүзлеге. – Өфө: Башк. кит. нәшр., 1986.
- Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең кыскача тарихи этимологик сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2001.
- Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Дүрт томда. – Т. 1. – Бирск: БГПИ нәшр., 2005.
- Әхмәтьянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. – Казан: Мәгариф–Вақыт, 2015.
- Байрамова Л. К. Учебно-тематический русско-татарский фразеологический словарь. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991.
- Баязитова Ф. С. Русско-татарский словарь для работников ЗАГСa и ритуальных услуг. – Казань, 1992.
- Борһанова Н. Б., Мәхмүтова Л. Т. Русча-татарча фразеологик сүзлек. – Казан, 1959.
- Вәлиди Ж. Татар теленең тулы сүзлеге. – Ике кисәктә. Кисәк 1. – Казан, 1927.
- Введенская Л. А. Словарь антонимов русского языка. – Ростов: Изд-во Рост. унта, 1971.
- Введенская Л. А., Колесников Н. П. Учебный словарь паронимов. – М., 2005.
- Вишнякова О. В. Словарь паронимов русского языка. – М., 1984.
- Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / төзүчеләр: М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965.
- Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге. – Беренче китап. – Казан, 1984.
- Гарипова Ф. Г. Татарстан гидронимнары сүзлеге. – Икенче китап. – Казан, 1990.
- Гарипова Ф. Г. Татарстан микропонимнары сүзлеге. – Беренче китап. – Казан, 1992.
- Гарипова Ф. Г. Татарстан микропонимнары сүзлеге. – Икенче китап. – Казан, 1993.
- Гарипова Ф. Г. Татар топонимнары сүзлеге. – Казан, 2010.
- Гаффарова Ф. Ф., Саберова Г. Г. Татарча-русча идиомалар сүзлеге. – Казан, 2006.
- Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.
- Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. – Астана, 2013.
- Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на Л, М, Н, П, С / Г. Ф. Благова, Л. С. Левитская, В. И. Рассадин. – М.: Восточная литература, 2003.
- Дыбо А. В. Etymological dictionary of the Altaic languages / А. В. Дыбо, С. А. Старостин, О. А. Мудрак. – Leiden, Brill, 2003.
- Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские основы на К / А. В. Дыбо, Л. С. Левитская, В. И. Рассадин. – М.: Индрик, 2000.
- Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1964.
- Eren H. Türk dilinin etimolojik sözlüğü. – Ankara: Bizim büro basım evi, 1999.
- Dictionary of New Words and Meanings / под ред. З. С. Трофимовой. – М.: Павлин, 1993.
- Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: 2 томда. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.

- Казах тилинин кыскача этимологиялык сөздигі. – Алматы, 1966.
- Киргизско-русский словарь / сост. К. К. Юдахин. – М.: Советская энциклопедия, 1965.
- Колесников Н. П.* Словарь антонимов русского языка. – М.: Высш. шк., 1972.
- Колесников Н. П.* Словарь паронимов русского языка. – Ростов-н/Д, 1994.
- Комиссаров В. Н.* Словарь антонимов современного английского языка. – М.: Международные отношения, 1964.
- Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990.
- Львов М. Р.* Словарь антонимов русского языка / Под ред. Л.А. Новикова. – 4-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1988.
- Миңнуллин Ф. Г.* Татар теленең кыскартылмалар сүзлеге. – Казан: Алма-Лит, 2005.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. – М., 1992.
- Рамазанова Д. Б.* Музыкальный словарь. – Казань: Мастер-Лайн, 2003.
- Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати. Туркий сўзлар. – Тошкент: Университет, 2000.
- Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати. Араб сўзлари ва улар билан хосилалар. – Тошкент: Университет, 2003.
- Рахматуллаев Ш.* Ўзбек тилининг этимологик лугати. Форсча, тожикча бирликлар ва улар билан хосилалар. – Тошкент: Университет, 2009.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. – М.: Просвещение, 1976.
- Русский семантический словарь. IV: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Отв. ред. Н.Д. Шведова. – М.: Азбуковник, 2007.
- Саттаров Г. Ф.* Татар исемнәре сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981.
- Саттаров Г. Ф., Ганиев Ф. А., Абдуллин И. А. и др.* Татарско-русский словарь личных имён и фамилий. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2006.
- Сафиуллина Ф. С.* Антонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 2005.
- Сафиуллина Ф. С.* Синонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999.
- Сафиуллина Ф. С.* Татарча-русча, русча-татарча антонимнар сүзлеге. – Казан: ТаРИХ, 2003.
- Сафиуллина Ф. С.* Татарча-русча тел белемнәре терминнары сүзлеге. – Казан, 1998.
- Сафиуллина Ф. С.* Татарча-русча фразеологик сүзлек. – Казан: Мәгариф, 2001.
- Сафиуллина Ф. С., Ризванова Л. М.* Татар теленең омонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1997.
- Сафиуллина Ф. С., Ризванова Л. М.* Татарча-русча антонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1997.
- Сәлимов Х. Х.* Тел гыйлеме терминнары сүзлеге. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2005.
- Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974.
- Сейдакматов К.* Кыргыз тилинин кыскача этимологиялык сөздүгү. – Фрунзе: Илим, 1988.
- Словарь русской ненормативной лексики [Электронный ресурс]. – М.: Адепт, 2003. – 1 элект. опт. диск (CD-ROM).
- Словарь фразеологических синонимов русского языка / В. П. Жуков, М. И. Сидоренко, В. Т. Шклярков. – М.: Русский язык, 1987.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге / редкол.: Ф. А. Ганиев, К. С. Мицнебаев, Ф. М. Газизова һ.б. – Казан: Матбугат йорты, 2005.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Т. 1 / Төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977; Т. 2. / Төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова һ.б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979; Т. 3. / төз.: И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981.

Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. – Казан: ТӨҺСИ, 2015. – Т. 1. – 712 б.; Т. 2. – 2016. – 748 б.; Т. 3. – 2017. – 744 б.; Т. 4. – 2018. – 760 б.; Т. 5. – 2019. – 908 б.; Т. 6. – 2021. – 1042 б.

Татар теленең диалектологик сүзлеге / Төз.: Н. Б. Борханова, Л. Т. Мәхмүтова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969.

Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

Татар теленең орфографик сүзлеге / Төз.: А. Х. Нуриева, Ф. С. Фасеев, М. И. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.

Татар энциклопедия сүзлеге / Баш мөхәррир М. Х. Хәсәнов. – Казан: Татар энцикл. ин-ты, 2002.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. I: А, Б. – Новосибирск: Наука, 2000.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. II: Д, Ё, И, Й. – Новосибирск: Наука, 2002.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. III: К, Л. – Новосибирск: Наука, 2004.

Татаринцев Б. И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. IV: М, Н, О, П. – Новосибирск: Наука, 2008.

Татарча-русча-инглизчә тел белеме терминнары сүзлекчәсе / татарско-русско-английский глоссарий лингвистических терминов / Төз.: Р. Р. Жамалетдинов, А. Ш. Йосыпова, Г. Р. Галиуллина, Р. С. Нурмөхәммәтова, Э. Н. Денмөхәммәтова. – Казан: Казан ун-ты нәшр., 2014.

Тел белеме буенча терминнар һәм әйтәлмәләр сүзлеге / Р. Ф. Шакирова ред. – Казан: Татгосиздат, 1953.

Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1935–1940.

Толковый словарь уголовных жаргонов / под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. – М.: Голос, 1991.

Тумашева Д. Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань, 1992.

Тумашева Д. Г., Насибуллина А. Х. Словарь диалектной лексики татарских говоров Тюменской области. – Тюмень: ТРГИРРО, 2002.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х томах. – Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гуман. наук, 1996. – Т. 1: А–Р.; Т. 2: С–Я.

Философский словарь. – М.: Изд-во политической литературы, 1980.

Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Воинова. – М., 1978.

Ханбикова Ш. С. Татар телендә синонимнар сүзлеге. – Казан, 1980.

Ханбикова Ш. С., Сафиуллина Ф. С. Синонимнар сүзлеге. – Казан: Хәтер, 1999.

Хәбибов Л. Г. Татар теленең антонимнары: Сүзлек. – Уфа: БР МҮИ нәшр. 2018.

Хәкимҗан Ф. С. Татар теленең аңлатмалы татарча-урысча омонимнар сүзлеге. – Казан: Гуманитария, 2004.

Шанский Н. М., Быстрова Е. А. Учебный фразеологический словарь русского языка для национальных школ. – М., 1979.

Школьный фразеологический словарь русского языка: Значение и происхождение словосочетаний / сост.: Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – М.: Дрофа, 1997.

Этимологический словарь якутского языка. Часть 1, А–Дь / Саха тылын этимологиясы тылдьыта. 1 чааха, А–Дь / Г. В. Попов. – Якутск: Академия наук республики Саха (Якутия), Институт гуманитарных исследований, 2003.

Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2000.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРС – Арабско-русский словарь. – Т. 2 / сост. Х. К. Баранов. – М.: Советская энциклопедия, 1970.

ГФТР – Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге / төз.: М. И. Мәхмүтов, К. З. Хәмзин, Г. Ш. Сәйфуллин. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1965.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 3 томда. Т. 1 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1977; Т. 2 / төз.: И. А. Абдуллин, Г. Х. Ахунжанов, С. Б. Вахитова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1979; Т. 3 / төз.: И. А. Абдуллин, С. Б. Вахитова, Ф. М. Газизова һ. б. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1981.

ТТАС – Татар теленең аңлатмалы сүзлеге: 6 томда. – Казан: ТӘҢСИ, 2015. – Т. 1. – 712 б.; Т. 2. – 2016. – 748 б.; Т. 3. – 2017. – 744 б.; Т. 4. – 2018. – 760 б.; Т. 5. – 2019. – 908 б.; Т. 6. – 2021. – 1042 б.

ТТЗДС – Татар теленең зур диалектологик сүзлеге / Төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 2009.

ТТДС – Татар теленең диалектологик сүзлеге / төз.: Н. Б. Борханова, Л. Т. Мәхмүтова, З. Р. Садыкова, Г. К. Якупова. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1969.

ТТОС – Татар теленең орфографик сүзлеге / төз.: А. Х. Нуриева, Ф. С. Фасеев, М. И. Мәхмүтов. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1983.

ТТФС. Т. 1. 1989 – Исәнбәт Н. Татар теленең фразеологик сүзлеге: Ике томда. Т. 1. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1989.

ЭСТЯ – Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ В ТАТАРСКУЮ ЛЕКСИКОЛОГИЮ.	6
§ 1. Понятие о лексикологии, объект и направления её изучения	6
§ 2. Основные источники изучения лексики татарского языка	10
СЕМАСИОЛОГИЯ	16
Слово как универсальная единица языка	16
§ 3. Общее определение слова	16
§ 4. Основные признаки слова	19
§ 5. Функции слова	23
§ 6. Тождество и отдельность слова	30
Лексическое значение слова	37
§ 7. Общие сведения о значении слова	37
§ 8. Аспекты значения слова	41
§ 9. Структура лексического значения	55
§ 10. Функциональная типология лексического значения	60
Лексико-семантическая система современного татарского языка	68
§ 11. Лексико-семантическая система как совокупность языковых единиц	68
§ 12. Парадигматические отношения в лексико-семантической системе татарского языка	71
§ 13. Синтагматические отношения в лексико-семантической системе татарского языка	76
Многозначность слова	79
§ 14. Изучение многозначности слова в языкознании	79
§ 15. Общее определение явления многозначности	83
§ 16. Семантическая структура многозначного слова	87
§ 17. Изменение лексического значения	90

§ 18. Метафора и её виды	98
§ 19. Метонимия и её виды	103
Омонимия в татарском языке	108
§ 20. История изучения омонимов в языкознании	108
§ 21. Общее определение явления омонимии	113
§ 22. Виды омонимов	118
§ 23. Разграничение явлений омонимии и полисемии	125
§ 24. Функционально-стилистические возможности омонимов	127
Явление паронимии в татарском языке	128
§ 25. История изучения паронимов в языкознании	128
§ 26. Общее определение явления паронимии	130
§ 27. Пути возникновения паронимов	134
§ 28. Функционально-стилистические особенности употребления паронимов в речи. Явление паронимии	141
Синонимия в татарском языке	145
§ 29. История изучения синонимов в языкознании	145
§ 30. Общее определение явления синонимии	148
§ 31. Виды синонимов	151
§ 32. Происхождение синонимов и их функционально-стилистическая роль	156
Явление антонимии в татарском языке	159
§ 33. История изучения антонимов в языкознании	159
§ 34. Общее определение явления антонимии	163
§ 35. Виды антонимов	169
§ 36. Антонимия и другие языковые явления	174
§ 37. Энантисемия в татарском языке	179
§ 38. Функционально-стилистическая роль антонимов	183
СОВРЕМЕННАЯ ТАТАРСКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ.	187
§ 39. История изучения фразеологии в языкознании	187
§ 40. Общие сведения о фразеологической системе	192
§ 41. Определение границ фразеологических выражений.	198
§ 42. Признаки фразеологических выражений	204

§ 43. Лексический состав фразеологических выражений	207
§ 44. Способы и источники возникновения фразеологических выражений	218
Классификация фразеологических единиц в татарском языкознании.	223
§ 45. Проблема классификации фразеологизмов в языкознании	223
§ 46. Классификация фразеологических единиц по степени семантической спаянности компонентов	230
§ 47. Функционально-стилистическая классификация фразеологизмов.	233
Семантические особенности фразеологических единиц	237
§ 48. Особенности фразеологического значения.	237
§ 49. Фразеологические омонимы.	241
§ 50. Фразеологические синонимы	245
§ 51. Фразеологические антонимы	254
§ 52. Эмоционально-экспрессивные и коннотативные особенности фразеологизмов	258
Грамматические особенности и структурные модели фразеологических единиц	267
§ 53. Грамматическая характеристика фразеологизмов	267
§ 54. Семантические и структурные изменения фразеологических выражений в речи	279
ЭТИМОЛОГИЯ.	286
§ 55. История изучения этимологии в тюркологии и в татарском языкознании.	286
§ 56. Общие сведения об этимологии.	289
§ 57. Методы этимологического исследования.	293
§ 58. Этимология корня слова	298
§ 59. Этимология основ и аффиксов	301
§ 60. Этимология исконно татарских слов и заимствований	309
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	319
ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА	322
УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	348

Научное издание

ЛЕКСИКОЛОГИЯ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

I том

Редактор *Л. А. Нурутдинова*

Корректор *А. А. Давлетова*

Компьютерная вёрстка *Н. Т. Абдуллиной*

Дизайн обложки *А. В. Булатова*

Подписано в печать: 23.12.2022.

Бумага офсетная. Формат: 60×84 1/16. Гарнитура «Times».

Усл.-печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 22. Тираж 1000. Заказ

Оригинал-макет подготовлен в Институте языка, литературы

и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ

420111, Казань, ул. К. Маркса, 12

Издательство Академии наук Республики Татарстан

420111, Казань, ул. Баумана, 20